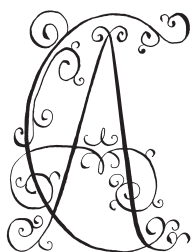

Институт славяноведения РАН

Славянский Альманах

1-2 · 2014

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2014

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (отв. редактор)
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
Н. Н. Старикова, доктор филологических наук
Е. С. Узенева, кандидат филологических наук
А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2014. Вып. 1–2. – М.: Индрик, 2014. – 384 с.

ISSN 2073-5731

«Славянский альманах» отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, общественных и национальных движений, международных отношений, истории славистики, истории культуры, литературы и фольклора, этнолингвистики, древних и современных славянских, балканских и балтийских языков и диалектов. Хронологический охват материалов – от Средних веков до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The «Slavic Almanac» reflects main trends in complex scholarly research in the Slavic studies. The volume includes articles and materials on topical issues from the history of Slavic nations, political and national movements, history of Slavic studies, history of culture, literature, folklore, ethno-linguistic, ancient and modern Slavic, Balkan and Baltic languages and dialects. Chronologically the articles embrace the period from the Middle Ages to the present day. The volume is addressed to a wide readers' audience.

ISSN 2073-5731

© Институт славяноведения РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Индрик», 2014

Содержание

От редколлегии	11
----------------------	----

Пленарное заседание

<i>Мельников Г. П. (Москва). Актуальность кирилло-мефодиевской и средневековой тематики в современной Центрально-Восточной Европе</i>	12
<i>Старикова Н. Н. (Москва). Национальная идентичность славянских литератур в эпоху глобализации. Парадокс постмодернизма</i>	22
<i>Плотникова А. А. (Москва). Язык как зеркало народной культуры: этнолингвистические вопросники в полевых исследованиях</i>	34

История

<i>Фролова М. М. (Москва). Русские консулы и болгаро-греческое противостояние в церковном вопросе и на ниве школьного образования (Адрианополь, Варна, Битола. 50–60-е годы XIX в.)</i>	44
<i>Мельчакова К. В. (Москва). Дипломатия и путешествия в неизведанных славянских землях. А. Ф. Гильфердинг и А. С. Ионин на службе в первом русском консульстве в Сараево</i>	61
<i>Аксенова Е. П. (Москва). Н. А. Добролюбов в Праге и студенческие волнения 1860 г. (из неопубликованных рукописей А. В. Флоровского)</i>	74
<i>Галчева Т. Н. (София), Ковалев М. В. (Саратов). «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А. М. Мещерского с А. В. Флоровским (1956–1967)</i>	84
<i>Сергеенко Е. С. (Москва). Отношения албанцев и сербов в Косово в конце XIX – начале XX в.</i>	100
<i>Данилец Ю. В. (Ужгород). К вопросу о подготовке второго Мараморш-Сиготского процесса против православных Закарпатья</i>	110

<i>Гусев Н. С. (Москва). Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование</i>	123
<i>Дмитриев Д. Г. (Москва). Поляки на службе в царской армии накануне Первой мировой войны (к вопросу о векторе социальной мотивации)</i>	134
<i>Субаев Р. Р. (Москва). Вступление Турции в Первую мировую войну</i>	142
<i>Поздняков Е. И. (Москва). Югославянская идея во взглядах южнославянских солдат-добровольцев в России</i>	161
<i>Борисенок Е. Ю. (Москва). Из малороссов – в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности</i>	171
<i>Волокитина Т. В. (Москва). Болгария во внешней политике СССР в годы Второй мировой войны</i>	187
<i>Кимура К. (Токио – Будапешт), Стыкалин А. С. (Москва). Венгерско-югославские отношения в 1945 – весной 1948 г.: от примирения к началу нового конфликта</i>	203
<i>Гладышева А. С. (Москва). Румыния в Организации Варшавского договора: от солидарности к конфронтации (1955–1965)</i>	221

История культуры

<i>Лескинен М. В. (Москва). Записки поляков сарматской эпохи в контексте современных исследований путешествия/травелога в нарративном аспекте</i>	235
<i>Машкова А. Г. (Москва). Человек и история в словацкой прозе 2000-х годов (на примере романов Павла Ранкова)</i>	248
<i>Созина Ю. А. (Москва). История словенской литературы в России – фундаментальные исследования конца XX – XXI в.</i>	258
<i>Федорова М. С. (Москва). К вопросу о типологии женских образов в литературе первой половины XVIII в. (на примере «Повести о царевне Персике»)</i>	267
<i>Смирнова И. Н. (Москва). Женские образы в новейших работах болгарских литературоведов (обзор содержания, тематика, направленность)</i>	275
<i>Агапкина Т. А. (Москва). Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракита (род Salix)</i>	283
<i>Валенцова М. М. (Москва). Поверья о змеях и змееподобных демонах в словацкой традиции</i>	303

<i>Коваль-Фучило И. М. (Киев). Погребальное голошение: магия и экспрессия обряда (восточнославянская традиция)</i>	<i>320</i>
--	------------

Языкознание

<i>Скалкина Я. Ю. (Москва). Семантическая классификация неологизмов в болгарском, польском и русском языках</i>	<i>327</i>
<i>Громова М. М. (Москва). Особенности кластеризации клитик в современном словенском языке</i>	<i>335</i>

Рецензии

<i>Седакова И. А. (Москва). Новые достижения московской этнолингвистики, или Всё о славянском свадебном обряде</i>	<i>347</i>
<i>Косик В. И. (Москва). Болгарская книга о русской литературе</i>	<i>352</i>
<i>Сопильняк Ю. А. (Москва). История и повествование в сербском постмодернистском историческом романе</i>	<i>356</i>
<i>Шатько Е. В. (Москва). Философские основы романа М. Павича «Хазарский словарь»</i>	<i>361</i>

Хроника

<i>Дронов М. Ю. (Москва). Пятое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Россия (Советский Союз) и Словакия на общих перекрестках истории»</i>	<i>366</i>
<i>Дронов М. Ю. (Москва). Международная научная конференция «Российская политика на евразийском континенте в современной истории»</i>	<i>370</i>
<i>Сведения об авторах</i>	<i>373</i>

Content

From Editorial Board	11
----------------------------	----

Plenary Session

<i>Melnikov G. P. (Moscow)</i> . Topicality of Cyrillo-Methodian and Medieval Themes in Modern Central-Eastern Europe	12
<i>Starikova N. N. (Moscow)</i> . National Identity of Slavic Literatures in the Age of Globalisation, Paradox of Post-Modernism	22
<i>Plotnikova A. A. (Moscow)</i> . Language as a Mirror of Popular Culture. Ethnolinguistic Questionnaires in the Fieldtrips	34

History

<i>Frolova M. M. (Moscow)</i> . Russian Consuls and the Bulgarian-Greek Confrontation in the Ecclesiastical Question and in the Field of School Education (Adrianople, Varna, Bitola, 1850s–1860s)	44
<i>Melchakova K. V. (Moscow)</i> . Diplomacy and Travelling in the Unexplored Slavic Lands, Aleksandr Gilferding and Aleksandr Ionin in the Employ of the First Russian Consulate in Saraevo	61
<i>Aksenova E. P. (Moscow)</i> . Nikolai Dobrolyubov in Prague and the Students' Upheavals of 1860 (from Antony Florovsky's Unpublished Manuscripts)	74
<i>Galcheva T. N. (Sophia), Kovaliov M. V. (Saratov)</i> . «...In Order to Preserve, Collect and (in Good Time) Hand Over to the Posterity». Correspondence between A. M. Meshchersky and A. V. Florovsky (1956–1967)	84
<i>Sergeenko E. S. (Moscow)</i> . Interactions between Albanians and Serbs in Kosovo in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries	100
<i>Danilets Yu. V. (Uzhgorod)</i> . Concerning the Preparaton of the Second Máramarossziget-Process against the Greek-Orthodox Believers in Transcarpathia	110
<i>Gusev N. S. (Moscow)</i> . The Russians and the Bulgarians after the Balkanic Wars: the Mutual Dissapointment	123

<i>Dmitriev D. G. (Moscow). Poles on Service in the Russian Imperial Army on the Eve of World War One (the Vector of Social Motivation)</i>	134
<i>Subaev R. R. (Moscow). Turkey's Entry in World War One</i>	142
<i>Pozdniakov E. I. (Moscow). The Yugoslav Idea in the Views of Southern-Slavic Volunteer Soldiers in Russia</i>	161
<i>Borisenok E. Yu. (Moscow). From Little-Russians into Ukrainians: the Bolshevik Strategy of Identification of National Affiliation</i>	171
<i>Volokitina T. V. (Moscow). Bulgaria in the Foreign Policy of the USSR during World War Two</i>	187
<i>Kimura K. (Tokyo – Budapest), Stykalin A. S. (Moscow). Hungary-Yugoslavia Relations from 1945 to the Spring of 1948: from Pacification to the Burst of a New Conflict</i>	203
<i>Gladysheva A. S. (Moscow). Romania in the Warsaw Treaty Organisation: from Solidarity to Confrontation (1955–1965)</i>	221

History of Culture

<i>Leskinen M. V. (Moscow). Travel-Notes of Poles in the Age of Sarmatism in the Context of Modern Studies on Travels/Travelogs in their Narrative Aspect</i>	235
<i>Mashkova A. G. (Moscow). Man and History in the Slovak Prose of the 2000s (Exemplified by Pavol Rankov's Novels)</i>	248
<i>Sozina Yu. A. (Moscow). Fundamental Studies on the Slovenian Literature in Modern Russia</i>	258
<i>Fedorova M. S. (Moscow). To the Typology of Female Characters in the Literature of the First Half of the Eighteenth Century (on the Example of «The Story of Tsarevna Persik»)</i>	267
<i>Smirnova I. N. (Moscow). Female Characters in Recent Works of Bulgarian Literary Historians (an Overview of the Content, Themes, and Orientation)</i>	275
<i>Agapkina T. A. (Moscow). Symbolism of Trees in the Traditional Culture of Slavs: Willow, Pussy-Willow, and Brittle-Willow (the Salix Genus)</i>	283
<i>Valentsova M. M. (Moscow). Popular Beliefs about Snakes and Ophidian Demons in the Slovak Tradition</i>	303
<i>Koval-Fuchylo I. M. (Kiev). Burial Laments: Magic and Expression of the Ritual (Eastern Slavic Tradition)</i>	320

 Linguistics

<i>Skalkina Ya. Yu. (Moscow)</i> . Semantic Classification of Neologisms in the Bulgarian, Polish and Russian Languages	327
<i>Gromova M. M. (Moscow)</i> . Specific Features of Clitis-Clustering in the Modern Slovenian Language	335

Reviews

<i>Sedakova I. A. (Moscow)</i> . New Achievements of the Moscow Ethnolinguistic School, or All about the Slavic Wedding-Ceremonial	347
<i>Kosik V. I. (Moscow)</i> . A Bulgarian Book about the Russian Literature	352
<i>Sopilnyak Yu. A. (Moscow)</i> . History and Narrative in Serbian Post-Modernist Historical Novel	356
<i>Shat'ko E. V. (Moscow)</i> . Philosophic Foundation of Milorad Pavić Novel «Dictionary of the Khazars»	361

Chronicle

<i>Dronov M. Yu. (Moscow)</i> . The 5th Session of the Commission of Historians of Russia and Slovakia. International Conference «Russia (Soviet Union) and Slovakia at the Common Crossroads of History»	366
<i>Dronov M. Yu. (Moscow)</i> . International Conference «Russian Politics on the Eurasian Continent in Contemporary History»	370
List of Contributors	377

От редколлегии

В мае 2014 года, в Дни славянской письменности и культуры, в Институте славяноведения РАН – в рамках традиционного форума «Славянский мир: общность и многообразие» – состоялась конференция молодых ученых. На пленарном заседании перед молодыми коллегами выступили ведущие сотрудники института. Работа конференции проходила в трех секциях («История», «Литературоведение», «Языкознание») под руководством опытных специалистов-славистов. Лучшие доклады печатаются в этом выпуске «Славянского альманаха».

В постоянных рубриках альманаха опубликованы работы отечественных и зарубежных авторов по актуальным проблемам славяноведения. В разделе «История» – статьи, посвященные истории дипломатии и Первой мировой войны, судьбам эмиграции, межгосударственных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе после Второй мировой войны и другим темам. В рубрике «История культуры» представлены исследования современных славянских литератур, в частности, литературных течений и наиболее ярких литературных произведений. В этом же разделе публикуются работы, посвященные проблемам этнолингвистики и изучения фольклора славянских народов. В рубрике «Языкознание» нашли отражение лингвистические проблемы славянских языков, рассматриваемые в сравнительном плане. Рубрика «Рецензии» знакомит читателей с новыми трудами отечественных и зарубежных авторов. В разделе «Хроника» дана информация о международных научных мероприятиях, в которых принимали участие сотрудники Института славяноведения.

Статьи в альманахе сопровождаются унифицированным справочным аппаратом, краткими аннотациями и ключевыми словами на русском и английском языках. В конце тома приводятся сведения об авторах, которые даются, как и содержание, также на двух языках.

Редколлегия надеется, что публикуемые в «Славянском альманахе» материалы будут способствовать дальнейшему всестороннему, углубленному изучению славянских народов, распространению и координации научных знаний о славянском мире, а также укреплению межславянских научных и культурных связей.

Г. П. Мельников
(Москва)

Актуальность кирилло-мефодиевской и средневековой тематики в современной Центрально-Восточной Европе

Кирилло-мефодиевская традиция относится к тем константам, которые объединяют славянские страны и народы, детерминируют их идентичность и включенность в макрорегион Центрально-Восточной Европы. Эта традиция гораздо шире, чем изобретение славянской азбуки, это миссия, углублявшая христианскую культуру и славянскую идентичность в регионе. В науке миссия всегда подвергалась реактуализации и политизации, так же как и вся средневековая история.

Ключевые слова: *кирилло-мефодиевская миссия, реинтерпретация истории, политизация прошлого, идентичность, Средневековье, актуальность, мифологизация.*

В своей знаменитой «Апологии истории» выдающийся французский историк Марк Блок дал аргументированный ответ на вопрос «зачем нужна история?». Он показал значимость исторического сознания для современности, акцентировав важность средневекового периода в формировании адекватных исторических представлений, необходимых обществу при решении проблем генезиса, самосознания и перспектив развития.

Эти проблемы в начале XXI в. стали еще более актуальными, в первую очередь в том регионе Европы, который ранее назывался «лагерем социализма», а теперь превратился в регион новых государств, формирующих свою историко-культурную идентичность. Следствием этого процесса является политизация и этнизация, причем в крайних формах, своей истории и культуры, что в корне противоречит концепции М. Блока, согласно которой полем, наиболее удаленным от злободневности, позволяющим объективно анализировать исторический материал, служит именно медиевистика. К означенным тенденциям в бывших странах социализма также относится реинтерпретация истории, включающая в себя открытие «белых пятен» и переоценку ценностей.

Указанные факторы очень хорошо видны на примере сегодняшней интерпретации кирилло-мефодиевского наследия в разных странах региона, который всё чаще называют Центрально-Восточной

Европой (у нас более принят термин «страны Центральной и Юго-Восточной Европы»).

Кирилло-мефодиевская традиция относится к тем константам, которые объединяют славянские страны, детерминируют их идентичность как составляющих частей указанного макрорегиона Европы. Она не сводится только к изобретению славянской азбуки и созданию единого славянского литературного (церковнославянского) языка, как часто представляется. Она гораздо шире, так как уже в Средневековье она понималась как миссия, способствовавшая прежде всего укреплению, углублению и развитию христианизации и христианской культуры в целом. Поэтому кирилло-мефодиевская традиция охватывает страны не только традиционного православия, но и католического мира – Чехию, Словакию, Польшу, Венгрию, Хорватию, культура которых развивалась на базе латыни. Чрезвычайно важно помнить, что миссия солунских братьев осуществлялась до «великой схизмы» христианского мира в XI в., она составляет общее наследие всех славянских и неславянских (венгры, валахи, молдаване) народов региона. Более того, она является основой для формирования современного экуменического христианского сознания Европы. Поэтому в 1980 г. первый римский папа из славян – поляк Иоанн Павел II – провозгласил свв. Кирилла и Мефодия, наряду со св. Бенедиктом Нурсийским, небесными патронами Европы. Интересно отметить, что объединение этих трех святых – не инновация понтифика, а воскрешение традиции: в «Молитве к Святой Троице», возникшей в Чехии в конце XI в., итальянский и славянские святые упоминаются вместе, в едином смысловом контексте. В связи с этим их провозглашение патронами Европы является стремлением показать значимость еще не разделенного на две части христианства для складывания фундамента христианской культурной традиции в Европе. В условиях современной европейской интеграции, когда, согласно Лиссабонскому соглашению, ставшему «конституцией единой Европы», христианские основы европейской культуры не принимаются во внимание, акцентация кирилло-мефодиевской традиции приобретает политическую актуальность, противостоящая тотальной духовной и интеллектуальной секуляризации.

С конца XX в. к этому прибавился и национально-государственный аспект. Во многих странах, так или иначе связанных с кирилло-мефодиевской миссией и традицией, четкие формы обрела тенденция, наметившаяся гораздо раньше, которую можно обозначить как «приватизацию» кирилло-мефодиевского наследия. Это проявляется

в науке, культуре и общественном сознании Болгарии, Македонии, Словакии, Моравии (часть Чешской Республики). Острота споров имеет общественное значение, при этом чисто научная, объективная аргументация игнорируется. Так, если посмотреть в современные труды по истории словацкой, болгарской и македонской литератур, то мы увидим, что основателями этих литератур, подчеркиваю, национальных, считаются солунские братья. Болгары, основываясь именно на средневековой традиции, по праву считают Болгарию наследницей дела солунских братьев. Хорваты справедливо указывают на то, что только хорватские католические монахи-«глаголяши» сохранили первоначальную кирилло-мефодиевскую азбуку – глаголицу, тогда как православные славяне перешли на кириллицу – азбуку, изобретенную в Болгарии в X в. учениками свв. Кирилла и Мефодия. Подчеркивая заслуги хорватов в деле сохранения первой славянской азбуки, истинного изобретения св. Кирилла (Константина Философа), патриарх Московский и всея Руси Алексей II в 2007 г. вручил награду РПЦ послу Хорватии в России. Напомню, что в Хорватии и Далмации со второй половины XV в. интенсивно развивалась глаголическая литература. Первой хорватской печатной книгой стал «Миссал», напечатанный глаголицей в 1483 г.

В процессе евроинтеграции обострилось значение кириллической азбуки. «Новые» страны Европы, традиционно пользовавшиеся кириллицей, испытывают значительное давление латиницы. Характерный пример – переход с кириллицы на латиницу в Молдавии, редукция кириллицы в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине. Болгария как член Евросоюза официально гордится тем, что принесла кириллицу в ЕС, но испытывает от этого определенные трудности. В болгарском обществе существует точка зрения, согласно которой кириллица в свое время отделила Болгарию от Европы и обусловила задержку развития болгарской культуры. Парадоксально, но ту же мысль высказал известный чешский историк-медиевист Душан Тршештик, позитивно оценивающий утверждение латинского языка в чешской письменности и указывающий на Болгарию как пример литературной отсталости из-за сохранения славянского языка и кириллицы³. Отметим, не вдаваясь в дискуссию, что это утверждение далеко от действительности.

Однако «азбучные споры» не касаются культурно-духовной составляющей процесса актуализации кирилло-мефодиевского наследия. Во всех странах оно почитается одной из основ формирования национальной культуры, одновременно обуславливающей европей-

скую христианскую интеграцию. Поэтому в подавляющем большинстве стран существуют государственные праздники, посвященные свв. Кириллу и Мефодию.

Уже в раннее Средневековье кирилло-мефодиевская традиция охватила большинство стран региона, являясь одной из основ их религиозно-культурного развития. Как известно, литература по кирилло-мефодиевской проблематике, особенно лингвистическая, поистине безгранична. В огромном числе научных работ рассматривается появление и функционирование кирилло-мефодиевской традиции, ее трансформации и историческая специфика в каждой из стран, с нею связанных.

Остановимся более подробно на современной интерпретации кирилло-мефодиевского наследия в Чешской Республике, поскольку этот материал относится к сфере более узких профессиональных интересов автора.

На всем протяжении истории чешской культуры было несколько периодов, когда кирилло-мефодиевская традиция, трактуемая как живое наследие, актуализировалась и занимала весьма значимое место в чешском культурном ландшафте. К таким явлениям относится деятельность Сазавского монастыря в XI в. как выражение славянской письменной традиции в Чешском княжестве; реновация почитания и канонизация свв. Кирилла и Мефодия, а также этатизация их культа при Карле IV в середине XIV в.; моравский барочный патриотизм XVII–XVIII вв., центром которого стал культ святых братьев в Велеграде; национальное возрождение XIX в., утвердившее всенародное почитание свв. Кирилла и Мефодия в форме «народного католицизма», паломничеств в Велеград, торжеств по случаю кирилло-мефодиевских юбилеев 1863, 1869, 1885 гг. В XX в. проявилась поляризация отношения к кирилло-мефодиевской традиции от полного отрицания ее значимости (Т. Г. Масарик в начале XX в. и Д. Тршештик в его конце) до провозглашения основой основ чешской и словацкой религиозной и культурной жизни (деятельность Велеграда при Оломоуцких архиепископах А. К. Стояне и Л. Пречане в первой половине века, позиция Православной Церкви Чешских земель и Словакии со дня ее основания в 1924 г.). Каждый период обладал своей спецификой реинтерпретации кирилло-мефодиевского наследия, влиявшей на общий характер чешской культуры и формировавшей новые идеологемы, отвечавшие конкретным запросам чешского общества.

Большое значение для актуализации почитания свв. Кирилла и Мефодия как церковного, так и в значительной мере обществен-

ного, имели два события второй половины XX в. II Ватиканский собор в 1963 г. утвердил принцип использования национальных языков как литургических, прямо ссылаясь на грамоты, данные папами Адрианом II и Иоанном VIII непосредственно свв. Кириллу и Мефодию. Это решение высшего органа Католической церкви означало победу кирилло-мефодиевской идеи о равенстве языков человечества. В 1980 г., как указывалось, папским решением солунские братья были причислены к патронам Европы. Поэтому в Чехословакии 1100-я годовщина смерти св. Мефодия (1985 г.) была отмечена рядом мероприятий, в которых приняли участие не только духовенство, но также государство, общественные и научные учреждения. Аналогично прошли торжества 2014 г., центром которых стал Велеград. Однако надо констатировать, что торжества конца XX – начала XXI в. по своему формату очень далеки от поистине всенародного и всеславянского масштаба празднеств второй половины XIX века, когда кирилло-мефодиевская идея была символом славянского братства.

Еще «отец чешской истории» Ф. Палацкий в своем труде «История чешского народа в Чехии и Моравии» отвел много места миссии свв. Кирилла и Мефодия. Он считал изобретение славянской азбуки поворотным моментом, открывшим славянам ворота в европейскую культуру и укоренившим христианство у славян. Ф. Палацкий акцентировал враждебное отношение немецкого духовенства к славянскому богослужению в духе своей концепции противостояния славянского духа и немецкой агрессии и особо подчеркивал значимость, политическую и религиозно-культурную, крещения первого чешского князя Борживоя в Великой Моравии самим св. Мефодием. Несмотря на изгнание учеников солунских братьев из Великой Моравии, память о них долго сохранялась в народе и его культуре, считал ученый². Эта концепция Ф. Палацкого перешла, в еще более гипертрофированном виде, к русским славянофилам и чешским будителям XIX в. и оставалась общественно значимой вплоть до работ ученых XX в., продолжая также служить одной из основ идеологии славянского братства («славянская идея»), общих истоков славянской письменности и культуры в целом. Глубоко аргументированная критика этой концепции началась в чешской науке только с 1980-х гг.

В главном обобщающем многотомном труде «Обзор истории Чехословакии» был помещен особый раздел «Христианизация Великой Моравии и возникновение славянской письменности» (авторы академик Й. Поулик и коллектив)³. В нем главный акцент был сделан на

политические цели христианизации и всей деятельности солунских братьев в Великой Моравии.

В новейшем многотомнике «Большая история земель Чешской короны» (так называемая «Белая серия»), написанном в подчеркнуто фактографическом ключе, в стиле неопозитивизма во избежание новой идеологизации истории, что в данной ситуации чрезвычайно полезно, также отчасти присутствует политическая детерминанта деятельности свв. Кирилла и Мефодия (автор Н. Профантова)⁴. Подчеркивается, что в деятельности кирилло-мефодиевской миссии существует много неясностей, рассеять которые современная наука не в состоянии. Так, непонятно, почему римский папа поддержал Мефодия, тогда как моравско-паннонские князья не проявили заинтересованности в поднятии статуса своей церковной организации. Указывается, что цель миссии была политической – создание самостоятельной моравской церкви, однако солунские братья вышли за эти рамки.

Н. Профантова, несмотря на общий позитивистский дискурс, не удерживается, и вполне справедливо, от научной полемики. Она критикует негативную оценку миссии свв. Кирилла и Мефодия, идущую от польско-немецкого ученого рубежа XIX–XX вв. А. Брюкнера, согласно которой это была попытка отчленить западных славян от латинского языка и культуры Запада, и указывает на попытки оживления этой идеи в современной чешской науке. Имеется в виду Д. Тршештик, по имени не названный. В реактуализации этой концепции, считает Н. Профантова, немалую роль сыграл современный исторический опыт с насильно навязываемой восточнохристианской традицией. Но негативная оценка кирилло-мефодиевской миссии неверна, подчеркивает автор, поскольку исторически неверно противопоставлять восточную и западную церкви в IX в. Поэтому «моравская славянская образованность была далека от какого-либо изоляционизма»⁵. Св. Мефодий добился у папы не только церковного, но и государственного суверенитета для Великой Моравии⁶. Изгнание учеников свв. Кирилла и Мефодия было актом грубой силы, детерминированным сиюминутными политическими интересами, но резко ослабившим позиции самостоятельной моравской церкви, что объективно способствовало упадку Великой Моравии в конце правления Святополка⁷. Особо автор акцентирует «исключительное культурное значение развития славянской литературной образованности», заложенной именно благодаря миссии свв. Кирилла и Мефодия⁸.

Характеризуя специфику интерпретаций кирилло-мефодиевской миссии и традиции в Чешских землях, необходимо согласиться с моравским исследователем В. Ткадлчицом в том, что на протяжении веков кирилло-мефодиевская традиция в Чешских землях существенно трансформировалась. «Свв. Кирилл и Мефодий... всегда являлись представителями высшей культурной и интеллектуальной сферы жизни народа, поэтому всегда были как бы над массами простого народа, борящегося с материальными трудностями. Поэтому их культ никогда не был народным. Только в Новое время свв. Кирилл и Мефодий становятся актуальными не для одной лишь интеллигенции, а для самых широких слоев народа»⁹.

Возвращаясь к характеристике кирилло-мефодиевской миссии как общего наследия славянских народов, можно указать на нее как на детерминанту болгарской и современной македонской культур, на влияние, оказанное на сербскую агиографию, на многие аспекты культуры средневековой Польши, актуализированные во второй половине XIX в., на почитание свв. Кирилла и Мефодия на Руси и в императорской России. Эти темы должны составить предмет самостоятельных фундаментальных исследований.

Кирилло-мефодиевское наследие, понимаемое как длительная традиция, является общим для всего региона Центрально-Восточной Европы как в плане веры (христианство до схизмы, учитывавшее местные варианты), так и в плане общей культуры, причем как средневековой, так и культуры Нового и Новейшего времени. Именно тогда складывается новое понимание кирилло-мефодиевской традиции, ориентированной на возрождение, точнее, на формирование современных славянских наций, акцентирующих свою исходную общность. В начале XXI в. именно кирилло-мефодиевская традиция позволяет сочетать общее и национальное, религиозно-церковное и государственное начала в идеологии славянских стран, в том числе новых государств, возникших после распада системы социализма.

Актуальность славянской истории периода Средних веков не исчерпывается, конечно, кирилло-мефодиевской проблематикой. В целом реактуализацию проблем Средневековья в контексте создания современных историко-культурных и национальных идентичностей славянских стран, когда почти все славянские народы имеют свою государственность, можно свести к кругу следующих тем.

1. Формирование государственности в прошлом с учетом современной тенденции к созданию моноэтнических государств, что подразумевает создание нового «этатизационного предания», баланси-

рующего на грани науки, политики и необходимого для общественного сознания художественного вымысла.

2. Соотношение этнической и государственной принадлежности, что включает в себя два аспекта:

– инкорпорированность безгосударственного этноса в систему крупных многонациональных государств имперского типа (Габсбургская монархия, Османская империя, Речь Посполитая, Российская империя);

– наличие иноэтничных элементов и анклавов внутри государствообразующей или доминирующей в данном районе нации (этноса), например, «свои» немцы, евреи, татары и т. д.

3. «Задержанное Национальное возрождение», которое реализуется сегодня в формах крайнего национализма, обращающегося к наследию Средневековья (часто и к искусственно, беллетристически реконструируемой древности) в целях формирования своей новой национальной идентичности. Это подразумевает отторжение, неприятие официальной трактовки культуры своего прошлого; негативные оценки культурного влияния той нации, внутри государства которой данный народ существовал и развивался и которая теперь превратилась в «соседа», по определению враждебно настроенного; акцентирование народной культуры, фольклора; «приватизация» культурного наследия всей территории, на которой находится новое государство, невзирая на национальную принадлежность творцов этого культурного наследия (по принципу: если жил у нас, значит наш), что повышает престиж культуры данного государства, но вызывает конфронтацию с государством того народа, к которому принадлежал тот или иной деятель культуры или исторический персонаж.

4. Войны и миграции населения в Средневековье и в Новое время и связанная с этим проблема современных национальных границ, ставящая под сомнение справедливость государственных границ в Европе нашего времени.

Поскольку наиболее интенсивное историческое развитие у народов Центрально-Восточной Европы происходило в Средние века и раннее Новое время, до потери государственной независимости и инкорпорирования в иноэтничные государственные системы имперского типа в XIV–XVIII вв., мы можем утверждать, что Средневековье – наиболее значимый и мобильный период в истории этого региона. Затем, в Новое время, здесь резко снизилась динамика исторического развития и шел процесс утраты национально-культурной

идентичности. Национальное возрождение (у некоторых народов в форме национально-освободительных движений) было ответом на вызов истории. Благодаря Национальному возрождению, несмотря на современные тенденции принизить значение этого явления, якобы оторвавшего некоторые славянские народы от формирующихся интеграционных процессов, славяне вновь заняли свое место сначала в европейской и мировой культуре, затем и в политическо-государственной жизни. Процесс закончился созданием новых государств после развала империй в 1918 г., затем в 1990-е гг. В идеологии и государственно-культурной политике этих стран именно Средневековье стало символом национально-государственного величия в прошлом.

В этой ситуации реактуализированная история Средневековья становится инструментом борьбы, поэтому она мифологизируется, беллетризируется, искажается в соответствии с политическими и общественными запросами. Академическая наука, которая по определению должна стремиться к объективности, в этой ситуации утрачивает позиции, маргинализируется, ее борьба с мифами воспринимается как «национальное предательство». Многие ученые переходят на позиции, востребованные властью.

Отвергнув исторические мифы эпохи социализма, страны региона сформировали общественный запрос на новые, теперь уже чисто национальные мифы. Конечно, существует значительная разница между исторической идеологией разных стран. Так, в Чехии, Польше, Словении преобладают тенденции евроинтеграции и дегероизации своей истории при сохранении идентичности сознания. Некоторые другие страны парадоксальным образом сочетают стремление к евроинтеграции с отстаиванием позиций крайнего национализма, в корне противоречащего интеграционным процессам любого вида. Это сочетание несочетаемого приводит к выводу о господстве постмодернистского сознания не только в сфере культуры, но и в политике. Как известно, постмодернизм допускает любые конструкты, практики работы с материалом, в том числе множественные интерпретации прошлого, ставя под сомнение разделение научного и художественного восприятия прошлого, то есть сам научно-исторический дискурс, возвращая нас таким образом в эпоху романтизма с его синкретическим художественно-научным восприятием прошлого, особенно Средневековья. Таким образом, в современном общественно-культурном сознании стран региона борются и самым причудливым образом взаимодействуют тенденции к демифологизации

истории, как недавней, так и отдаленной, и к сотворению новой национально-государственной, исторической и культурной мифологии. В связи с этим перед молодыми историками остро стоит проблема выбора своей позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Třeštík D.* Češi a dějiny v postmodernism očistí. Praha, 2005. S. 275–280.
- 2 *Palacký F.* Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. Praha, 1921. Kn. 2/5. S. 36–40.
- 3 Přehled dějin Československa. Praha, 1980. I/1. S. 86–90.
- 4 Velké dějiny zemí Koruny české. Praha; Litomyšl, 1999. D. I. S. 211–262.
- 5 Ibid. S. 220.
- 6 Ibid. S. 228.
- 7 Ibid. S. 252.
- 8 Ibid. S. 262.
- 9 *Tkadlčík V.* Cyrilometodějský kult na křesťanském Západě. Olomouc, 1995. S. 41.

Melnikov G. P.

Topicality of Cyrillo-Methodian and Medieval Themes in modern Central-Eastern Europe

The Cyrillo-Methodian tradition belongs to the constants, which unite Slavic countries and nations, determinate their identity and inclusion into the macro-region of Central-Eastern Europe. This tradition is much wider, than invention of the Slavic alphabet; this is a mission, which deepened the Christian culture and the Slavic identity in the region. In the humanities, the mission has always been an object of re-actualisation and politisation, just as the medieval history as a whole.

Keywords: *Cyrillo-Methodian mission, re-interpretation of history, politisation of the past, identity, Middle Ages, actuality, mythologisation.*

Н. Н. Старикова
(Москва)

Национальная идентичность славянских литератур в эпоху глобализации. Парадокс постмодернизма

В статье рассматриваются трансформации литературного процесса в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы в условиях глобализации и связанная с ними проблема сохранения национальной идентичности, в актуализации которой важную роль играет постмодернизм.

Ключевые слова: *славянские литературы, постмодернизм, национальная идентичность, глобализация, интертекстуальный диалог.*

В основе настоящей статьи лежат результаты лонгитюдного мониторингового исследования динамики и трансформаций современного литературного процесса в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Научные наблюдения и выводы этого исследования опубликованы в ряде трудов, среди которых «Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е гг. Прерывность – непрерывность литературного процесса» (2002), «Постмодернизм в славянских литературах» (2004), «Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы)» (2006), «Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении. Центральная и Юго-Восточная Европа» (2006), «Литературоведение и критика Центральной и Юго-Восточной Европы конца XX – начала XXI века. Идеи, методы, подходы» (2011), «Лексикон южнославянских литератур» (2012), «Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (2013), «Художественный ландшафт “нулевых”. Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XXI века» (2014).

Актуальность заявленной проблеме придает тот факт, что мы, существуя в эпоху глобализации, сами невольно становимся участниками глубинных изменений культурных стереотипов. Глобализация придала современному миру невиданную динамику, став для наций и национальных государств своеобразным тестом на выживание. Являясь одной из доминирующих тенденций развития современной цивилизации, она оказывает исключительно сильное воздействие не только на социально-экономические и по-

литические, но и на культурологические аспекты жизни общества. Развитие средств коммуникации в условиях принципиально иной структуры информационных процессов также влияет и на смену ценностных ориентиров общества, что, в свою очередь, отражается на выборе духовных приоритетов. Сегодня в культурном плане мир кажется еще более многообразным, чем в недавнем прошлом. Возросло число национальных государств, усилилось стремление этнических групп к самоопределению, в контексте глоболизирующейся мировой экономики возрастает значение культурного измерения. Нации и этносы озабочены поиском своей культурной принадлежности, и это стремление осознанно. И при этом ни одна культура сейчас не существует изолированно от творческих поисков других, точная оценка любого национального опыта невозможна без учета опыта мирового. Как отмечал в своем докладе на XIII Международном съезде славистов видный словенский литературовед Ф. Берник, «национальная культура, которая хочет в период глобализации сохраниться и сохранить собственную достоверность, не может поддаваться внешним соблазнам и в то же время не может изолироваться от них, отказаться от встречи лицом к лицу с вызовами времени»¹.

Другой вектор современного мирового развития связан с ускорением процессов экономической интеграции, усилением «макдональдизации» и «вестернизации» национальных культур, то есть последовательным подчинением западным ценностям и западному образу жизни всех активных слоев населения планеты. Это усугубляется процедурой отчуждения традиционных ценностей, экспансией массовой культуры, мифологизацией, а порой и псевдомифологизацией мышления. С культурологической точки зрения все это вполне «тянет» на новую гуманитарную революцию, в результате которой многие традиционные национальные и этнические культуры претерпят изменения и могут быть существенно деформированы. В условиях вынужденной адаптации национальных ценностей к новой геополитической, экономической, коммуникационной ситуации механизм национальной и культурной самоидентификации естественно усложняется, и одним из актуальных вопросов современного мира становится поиск механизма сохранения и обновления национальной идентичности, ибо именно она способна оказать противодействие глобальным процессам стандартизации и усреднения. И здесь довольно неожиданно спасательным кругом для национальных литератур стал постмодернизм, в качестве «наиболее адекватного духу

времени выражения и интеллектуального, и эмоционального восприятия эпохи»².

Возникновение постмодернизма связывают с кризисным состоянием современной цивилизации в целом и общественного сознания в частности и с общим изменением социокультурной ситуации, в которой под воздействием масс-медиа начали формироваться стереотипы массового сознания. Как разновидность постнеклассической модели развития «постмодернизм, – отмечает философ В. Г. Федотова, – ...соответствовал складывающейся на Западе ситуации – описать растущую неудовлетворенность обществом и требования новой реальности»³. Применительно к литературе наиболее рациональным представляется рассматривать это явление как синтез или сумму приемов, необходимых для выработки универсального художественного языка путем сближения и сращивания, интерференции и конвергенции различных литературных направлений. В основе этого языка лежит принцип игры знаков, ибо сейчас «никакой монолог, никакой метод уже не могут всерьез претендовать на полное овладение реальностью... Все языки и все коды, на которых когда-либо человечество общалось само с собой, все философские школы и художественные направления теперь становятся знаками культурного сверхязыка, своего рода клавишами, на которых разыгрываются новые полифонические произведения человеческого духа» (М. Эпштейн)⁴. Мир мыслится как текст, как игра сознательных и бессознательных заимствований, цитат, клише, в котором иерархия ценностей аннулируется ради сосуществования разных культурных моделей и канонов, самоценных, самодостаточных и несводимых друг к другу. При этом национальное своеобразие постмодернистской художественной продукции, несмотря на все интеграционные аспекты постмодернистской поэтики, сначала определяют национальный язык, национальная литературная традиция, национальный склад мышления, тип юмора и иронии, а уже во вторую очередь всемирная культурная традиция и контекст (мировой, континентальный, европейский, региональный и т. д.).

Пересечением векторов постмодернизма и идентичности в европейской культуре занимались Жак Деррида и Цветан Тодоров. По мысли первого, перекликающейся с борхесовской идеей капиллярности культуры, культура не замыкается в себе, так как не может быть монологичной: множественность источников связывает ее с другими культурами, обеспечивая ей необходимый для выживания диалог. Второй развивает идею «жанровых кодов», согласно которой

современная культура занимает место между мифом и логосом, которые могут познавать друг друга только через полилог национальных культур. Кстати, еще Умберто Эко подчеркивал, что постмодернизм дает широкие возможности для участия в языковой метаигре, причем неподготовленный читатель имеет право не обращать внимание на иронический подтекст и воспринимать произведение прямолинейно, как пересказ сказки и простой вымысел. Но именно интертекстуальный диалог между новым произведением и традицией, обращение автора постмодернистского текста и к элитарному, и к неподготовленному читателю и дает возможность, используя формулировку немецкого литературоведа Ханса Яусса, «удовлетворить любые горизонты ожидания»⁵.

Переживаемый славянскими народами исторический перелом – канун и смена в бывших странах соцлагеря общественных систем и политических режимов, обретение рядом наций государственной самостоятельности – наложил свой отпечаток на характер осмысления и адаптации постмодернистских реалий к национальному культурному пространству. Здесь одной из причин возникновения постмодернизма стали явления идеологические, поэтому сначала был сформирован его «политический» вариант (термин словенского компаративиста Томо Вирка⁶) и лишь потом классический западный – «деконструктивный». Особый характер постмодернистских явлений в славянских литературах обусловлен тем, что они, активно «подключаясь» к уже сложившемуся ранее постмодернистскому видению мира, пытались в его стилистике описать собственный опыт, по существу и природе совершенно иной. Если в Америке и на Западе постмодернизм оказался естественным порождением постиндустриального общества, был тесно привязан к постструктуралистской теории и использовал весь арсенал западной масс-культуры, то в славянских странах одной из причин его возникновения стала реакция литературы на стремление государства унифицировать традиционные художественные формы, подавить развитие новых, в том числе и постмодернистских, литературных концепций. В первую очередь авторы ставили целью выйти за рамки утилитарных и идеологически маркированных позиций. Последовавший крах социализма обнаружил в постсоциалистическом обществе едва ли не больше абсурда, чем на Западе, и тоже стал питательной средой для постмодернистского эксперимента. Литературы славянских стран стали искать опору во многих ключевых позициях философии постмодернизма: в устремленности к синкретизму мышления, в ощущении тотального кризиса цивилизации, в

представлениях об исчерпанности старых взглядов на историю и обесценивании «вечных» ценностей, в том числе кажущихся незыблемыми канонов красоты. При этом, несмотря на все спорные аспекты постмодернистской поэтики, с ее деканонизацией всех канонов, цитатно-пародийным многоязычием, «смертью» автора, национальное своеобразие художественной постмодернистской продукции определяли в первую очередь язык и национальная литературная традиция, склад мышления, тип юмора и иронии.

В некоторые славянские литературы (например, несмотря на политику культурной изоляции, в русскую, а также сербскую, словенскую) элементы нового стиля, основанного на деконструкции текста, начинают проникать еще в конце 1960-х гг. Тогда для писателей-экспериментаторов кризис авторитетов был связан в основном со сферой официальной культуры и стремлением к самостоятельному художественному поиску. После августа 1968 г., когда в результате военной акции была пресечена попытка одной из славянских стран – Чехословакии – шагнуть навстречу демократии, кризисные тенденции в европейском социалистическом содружестве только усугубились. Во всех славянских литературах в это время усиливается критическая направленность, растет сопротивление идеологическому диктату. Копившаяся в общественном сознании энергия противодействия находила выход в различных формах протеста, в том числе и эстетической. Воспитательную, пропагандистскую, «жизнестроительную» традицию в ряде литератур начинает заменять традиция игровая, установка на ироническое сопоставление различных литературных стилей, жанровых форм и художественных течений. «Первые ласточки» постмодернизма, такие как «Палимпсесты» (1967) Милорада Павича и «Москва – Петушки» (1969) Венедикта Ерофеева, способствовали внедрению в славянские литературы новой эстетики. Однако в большинстве славянских стран «оживление» нового понятия происходило одновременно с падением коммунизма.

Массовое «открытие» постмодернизма в славянских литературах связано с так называемым переходным периодом. После знаковых изменений на карте Европы рубежа 1980–1990-х гг. в отдельных славянских литературах явственно ощущалась некоторая растерянность, вызванная исчерпанностью основного предназначения национальной литературы – служить национальному делу. Практически впервые в истории эти литературы сбросили с себя оковы внеэстетических обязанностей, и перед ними встал естественный вопрос о необходимости обновления национального художественного языка. Об

этом в начале 1990-х очень точно сказал чешский прозаик Иржи Кра-тохвил: «По прошествии долгого времени чешская литература (так же как и словацкая, хорватская, словенская и даже польская. – Н. С.) [...] свободна и избавлена от всех общественных обязательств и народных чаяний... с наслаждением презирает все идеологии, миссии, служение народу или кому-нибудь еще»⁷.

В новых условиях плюралистичность интерпретации и восприятия и интертекстуальность как выражение духовной интеграции, присущие постмодернистской поэтике, оказались востребованными. И постмодернизм, несмотря на заложенное в нем деструктивное начало, в новых общественно-политических условиях, разрушив культурные границы, стал своеобразным катализатором процессов освобождения национального художественного сознания от комплексов и стереотипов, способствуя преодолению эстетического консерватизма и табу и ослабляя пути ложно понятой зависимости литературы от национальных художественных авторитетов. Через пародийный модус повествования появилась возможность карнавализации (веселой относительности) восприятия национальной художественной классики, и тем самым избавления ее от псевдомифологизации и клишированности. С ее помощью славянские литературы «встраивались» в общемировой литературный процесс, ощущая себя равными среди равных (постмодернизм как билет на вступление в ЕС). И при этом была удовлетворена внутренняя потребность самой литературы реагировать на сходные типологические условия времени. Понятийный аппарат и художественный инструментарий постмодернизма во многом способствовали тому, как публицистически остро славянские литературы зафиксировали умонастроения переходного времени, расставание с недавними национально-культурными мифами и рождение мифов новых, отразили трансформацию чувства национального самоутверждения, часто представленного не апологией героических страниц отечественной истории, а разрушающим иллюзии критико-ироническим ее прочтением.

«Пик» постмодернистской активности пришелся в большинстве славянских литератур на начало 1990-х гг.* Для них это время новых форм романа, среди которых пастиш (комбинирование) исторического, приключенческого и фантастического романов, романы

* Главное исключение здесь, конечно, составляет творчество М. Павича, а также произведения русских постмодернистов Вен. Ерофеева, А. Битова, Виктора Ерофеева.

инициации, метафигтивные романы, романы-головоломки, романы-«учебники», романы-«перечни», романы-«трансформеры», содержащие элементы киносценария, путеводителя и компьютерной игры и т. д. Практически в каждой литературе появилось несколько авторов, постмодернистская проза которых, отличаясь значительным художественным своеобразием и новаторством, стала визитной карточкой постмодернизма. В русской литературе это Виктор Пелевин с романами «Омон Ра» (1992) и «Чапаев и пустота» (1996), в польской – Стефан Хвин и его «Короткая история одной шутки» (1991) и «Ханеман» (1995), Ольга Токарчук – «Путь Людей Книги» (1993) и «Правек и другие времена» (1996), Цезарий Конрад Кендер – «Антология постнатального творчества. D.G.J.L.O.S.W.» (1996). В чешской литературе тон задавали Иржи Кратохвил – «Медвежий роман» (1990), «Песня среди ночи» (1992), «Авион» (1995), Даниэла Годрова – «Под обоими видами», «Куколки. Живые образы» (оба 1991), «Фита» (1992) и Яхим Топол – «Сестра» (1994). В прозе Словакии обратили на себя внимание тексты Душана Митаны («Поиски потерянного автора», 1991) и Владимира Балла («Аутсайдерия», 1997). У хорватов исторический роман в дилогии «Уроки жизни» (1985) и «Волосы Вероники» (1989) был постмодернистски обновлен Неделько Фабио, в сербской литературе традиции М. Павича подхватил Горан Петрович в историческом романе «Осада церкви Святого Спаса» (1997), в Словении классиком постмодернизма благодаря роману с элементами фантастики «Факелы и слезы» (1987) в одночасье стал двадцатичетырехлетний Андрей Блатник, в македонской прозе новые тенденции успешно развивал Данило Коцевский в книгах «Путешествие в Аркашон» (1989) и «Одиссей» (1991). Болгарская литература по-новому заявила о себе элитарными произведениями Эмилии Дворяновой «Passion, или смерть Алисы» (1995), Светлозара Игова «Елены-Олени» (1998) и Георгия Господинова «Естественный роман» (1999). Романы «Рекреации» (1990), «Московиада» (1992) и «Перверсия» (1995) Юрия Андруховича дают представление о развитии украинского постмодернизма.

Наряду с прозой «примеряла» постмодернистские «одежды» поэзия. Особое место в этом ряду занимают русские поэты Всеволод Некрасов, Лев Рубинштейн, Тимур Кибиров. Активно экспериментируют в русле игрового взаимодействия конкретного поэтического текста с культурными знаками и кодами белорусы Игорь Бобков, Юрась Пацюпа, Алесь Рязанов и словенцы Томаж Шаламун, Иво Светина, Алеш Дебеляк, Милан Есих.

В разных литературах постмодернистские тенденции ассимилировались по-своему. В русской литературе постмодернизм, пройдя через статус неофициального искусства, вызрев в андерграунде, «возвратившись» и легализовавшись, продолжает помогать искусству преодолевать авторитарность любого рода. В Польше, где, как замечает К. Униловский, «постмодернизм свалился на литературный быт... словно гром с ясного неба»⁸, прошел, согласно наблюдениям И. Е. Адельгейм, через период недоверия и упреков в «подрыве “исконно польских”... понятий и ценностей»⁹, чтобы дать прозе «противоположный привычному образ человеческого состояния», заново открыть «смысл рассказывания историй»¹⁰. Здесь художественная миссия постмодернизма ассоциируется с политическими переменами и отходом от романтического дискурса, с концом романтической парадигмы. Для Чехии было характерно как притяжение, так и отталкивание: одни весьма скептически отнеслись к постмодернизму как к «искусству бесконечных реприз» и «иронической игре новых комбинаций старых мотивов» (К. Хватик)¹¹, другие, напротив, расценили его как «единственное живое течение, “счастливейшую передышку” в романной истории» (Кратохвил)¹². Ярким примером чешского постмодернистского романа конца 1990-х можно считать трилогию Д. Годровой «Мучительный город» (1999), посвященную Праге и «превратностям чешской судьбы – от национального возрождения до современности»¹³, в которой автор, как отмечает ее коллега Л. Махала, «описывает эзотерический путь к познанию и использует для этого символику и геральдические эмблемы христианского и гносеологического происхождения»¹⁴, сталкивая в живом литературном произведении «абстрактных героев» своей литературоведческой типологии. Но тот, «кто не в состоянии раскрыть и понять предлагаемые символы и аллегории, – уточняет критик, – не обретет желаемого познания»¹⁵. То есть произведение Годровой рассчитано не просто на читателя-эрудита, но на того, кто получает удовольствие от разгадывания литературных, культурных, исторических загадок, кроссвордов, реминисценций. Таким образом, налицо установка на прозу элитарную, прозу для профессионалов, которая в определенном смысле открешивается от массового потребителя. Сходная ситуация, по наблюдениям З. И. Карцевой, имеет место и в Болгарии, где переосмысление ценностей идет в литературе через игру как осознанный протест художника против «логоцентрической миметической модели традиционной литературности»¹⁶, игру, реализованную «в рафинированной прозе “медленного чтения”, возвращенную

на трудах семиотиков-герменевтиков, теоретиков постмодернизма и деконструктивизма»¹⁷. Примером подобного типа текста является книга профессионального филолога Г. Господинова «Естественный роман», в которой на фоне деструктивного отрицания традиционных литературных ценностей эстетизируется повседневность со всеми ее грубыми, шокирующими, маргинальными сторонами.

Постмодернизм, как отмечает хорватский писатель и литературовед П. Павличич, стал «эпохой с особо развитым чувством истории»¹⁸, «поэтому не случайно, – подчеркивает Г. Я. Ильина, – историческая проза оказалась на стыке эволюции (или революции) художественной культуры и философии истории и обратилась к сложнейшим, во многом элитарным и изысканно усложненным проблемам и формам»¹⁹. У ряда сербских и хорватских авторов интерес к художественной системе постмодернизма сочетается с пристальным вниманием к истории национальной: постмодернистские исторические романы Г. Петровича и Н. Фабио «объединяют пародийную саморефлексию, унаследованную от модернизма, и традиции исторического романа с его продуманным и четко выстроенным сюжетом, тщательно прорисованными персонажами и повествовательной техникой классического реализма»²⁰. Являясь романами об истории и представляя одну из субъективных версий о ней, они в то же время пронизаны «гуманистическим анализом»²¹ и гражданской национальной идеей.

Для украинских литераторов постмодернизм, по мнению Т. И. Гундоровой, – не что иное как форма культурной критики, которая «подрывает идеологическое пространство тотальной культуры»²², демонстрируя крайний экспериментаторский радикализм и языковое самоутверждение. По ее наблюдениям, ощутимым результатом внедрения постмодернистской практики в национальный литературный процесс стала реструктуризация украинской литературы, существенное увеличение в ней массового компонента²³. В белорусском культурном пространстве, несмотря на непопулярность самого термина «постмодернизм» (белорусские авторы охотнее пользуются «самодельными» определениями: «неомодернизм», «шизорализм», «национал-футуризм» и др.), постмодернистские явления существенны и в значительной степени национально ангажированы, «обращены к геополитической реальности родного края»²⁴. При этом главная установка сделана на игру со словом, жанром, символами национальной культуры, игру, востребованную самой белорусской литературой, которая «не доиграла» в силу своего позднего эстетиче-

ского развития. Для словацкой прозы, как отмечает Л. Ф. Широкова, постмодернизм – попытка преодоления усталости литературы²⁵, для литературы Македонии, убеждена М. Б. Проскурнина, – это отвечающий национальной специфике молодой литературы способ эстетического познания реальности через интертекстуальное постижение мира²⁶. Довольно типичная в целом для развития славянского постмодернизма ситуация сложилась в словенской литературе. В романе А. Блатника «Факелы и слезы» через постмодернистскую практику преодолевается инерция многовековой национальной самозащиты. Одним из специфических свойств литературы Словении (как и многих других славянских литератур) была ее национально-охранительная функция. Следуя за литературной модой, будь то декаданс, авангард, экзистенциализм, словенские авторы всегда демонстрировали лояльность к национальной традиции, не посягая на такие абсолютные величины, как гражданственность, патриотизм, национальное самосознание. Следствием такого подхода стало значительное снижение потенциала пародийного в литературе в целом. Выровнять эту диспропорцию, преодолеть стойкий, последовательный, почти «генетический» консерватизм национального художественного сознания в определенной степени помог именно постмодернизм.

И практически везде постмодернизм стимулировал ироническое отношение к национальным музам и национальной классике и давал славянским авторам дополнительную свободу маневра среди разных художественных школ и направлений прошлого и настоящего, способствуя художественному обогащению литератур, продуцировал новые жанровые модификации. При этом одной из его «славянских» особенностей стал так называемый «мерцательный», дискретный характер, обилие художественных текстов, которые можно назвать «произведениями с элементами постмодернизма», где классическая повествовательная традиция «вбирает» приемы иного художественного опыта. Очевидно, что в сознании большинства славянских авторов живы классические традиции их национальных литератур, поэтому в основе их творческой самореализации – поиск синтеза новейшей техники письма с традиционной поэтикой, идеей и поэтики постмодернизма – с индивидуальным и национальным материалом.

Наблюдения самых последних лет говорят о том, что обращение к национальным корням и истокам продолжает оставаться одним из векторов постмодернистской парадигмы, сохраняющейся в отдельных славянских литературах. Подобные тенденции могут свидетельствовать лишь об одном: постмодернизм все еще пребыва-

ет в оппозиции социальному диктату времени, сопротивляется ему, и одним из орудий этого сопротивления выступает национальная идентичность. При этом ее обновление может возникнуть лишь из сложнейшей связи взаимопроникновения и толерантности разных национальностей, сведенных воедино идеей гуманистического существования. Об этом в свое время писал Н. Бердяев: «Национальное единство глубже единства классов, партий и всех других переходящих исторических образований в жизни народов», ибо «национальность есть проблема историческая, а не социальная, проблема конкретной культуры, а не отвлеченной общественности»²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Bernik F.* Kulturna identiteta v obdobju globalizacije. Nevarnosti in perspective // Slavistična revija. Posebna številka. Zbornik referatov za trinajsti mednarodni slavistični kongres. Ljubljana, 2003. 51/8. S. 7.
- 2 *Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С. 5.
- 3 *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 86.
- 4 *Энтитейн М. Н.* Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX вв. М., 1988. С. 385.
- 5 *Яусс Х. Р.* Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. М., 2004. С. 487.
- 6 *Вирк Т.* «Политический» постмодернизм в прозе некоторых славянских литератур // Славяноведение. 2006. № 6. С. 6.
- 7 *Kratochvil J.* Příběny příběhů. Brno, 1995. S. 83–84.
- 8 *Unilowski K.* Skądinąd. Zapiski krytyczne. Bytom, 1998. S. 31.
- 9 *Адельгейм И. Е.* Поэтика «промежутка»: молодая польская проза после 1989 года. М., 2005. С. 503.
- 10 *Адельгейм И. Е.* Постмодерн-терапия (польская проза и литературная критика 1990-х годов) // Постмодернизм в славянских литературах. М., 2004. С. 28.
- 11 *Chvatik K.* Strukturální estetika. Brno, 2001. S. 10.
- 12 *Kratochvil J.* Příběny příběhů. S. 84.
- 13 *Шерлаимова С. А.* Чешский постмодернизм в теории и на практике // Постмодернизм в славянских литературах. С. 41.
- 14 *Machala L.* Literární bludiště. Bilance polistopadové prózy. Praha, 2001. S. 56.
- 15 *Ibidem.*

- 16 *Карцева З. И.* Постмодернизм и Болгария (в общем контексте ее литературных связей) // Постмодернизм в славянских литературах. С. 75.
- 17 Там же. С. 72.
- 18 *Pavličić P.* Moderna i postmoderna i intertekstualnost. Umjetnost riječi. Zagreb, 1989. S. 33.
- 19 *Ильина Г. Я.* Хорватский исторический роман эпохи постмодернизма // Постмодернизм в славянских литературах. С. 130.
- 20 *Виноградов Ю. С.* Исторический роман постмодернизма. Проблемы жанра // Проблемы истории литературы. М., 2000. Вып. 10. С. 121.
- 21 *Роровић В.* Taj stvarno čudan svijet // *Fabio N.* Vježbanje života. S. 382.
- 22 *Гундорова Т. И.* Карнавал после Чернобыля (топография украинского постмодернизма) // Постмодернизм в славянских литературах. С. 187.
- 23 Ibid. С. 189.
- 24 *Лысова Н. Б.* Постмодернизм в современной белорусской литературе // Постмодернизм в славянских литературах. С. 158.
- 25 *Широкова Л. Ф.* «Поиски потерянного автора»: постмодернизм в словацкой прозе 1990-х годов // Постмодернизм в славянских литературах. С. 56.
- 26 *Проскурнина М. Б.* Проблема интертекстуальности в македонской прозе 1980–1990-х годов. Поиски национального своеобразия // Постмодернизм в славянских литературах. С. 92.
- 27 *Бердяев Н. А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 94–95.

Starikova N. N.

National Identity of Slavic Literatures in the Age of Globalisation,
Paradox of Post-modernism

The article considers transformations of the literary process in Slavic countries of Central and South-Eastern Europe in the age globalisation and related problem of preserving national identity, which is accentuated in Post-modernism.

Keywords: *Slavic literature, Post-modernism, national identity, globalisation, inter-textual dialogue.*

А. А. Плотникова
(Москва)

Язык как зеркало народной культуры: этнолингвистические вопросники в полевых исследованиях

В статье приводятся основные положения Московской школы этнолингвистики, основанной Н. И. Толстым; прослеживается история создания этнолингвистических вопросников для полевого сбора материала. На основе лингвокультурного материала из разных регионов славянского мира анализируется ареальное распределение лексики колдовского дискурса от **činiti*. Ключевые слова: *повседневная лексика, славянские языки и диалекты, традиционная народная культура, этнолингвистический вопросник, южные славяне, лексика колдовского дискурса, ареалогия.*

Язык как отражение народной духовной культуры неизменно привлекает внимание ученых-славистов, занимающихся разными славянскими регионами. Если традиционную народную культуру мы рассматриваем во всем многообразии ее локальных традиций, то уместно говорить о языке как отражении особенностей того или иного культурного диалекта. Термин «культурный диалект» принадлежит Никите Ильичу Толстому, основателю московской школы этнолингвистики в Институте славяноведения РАН. Ученый ввел его в научный оборот по аналогии с языковым диалектом. Это стало закономерным после многочисленных успешных попыток применения законов о языке к традиционной народной культуре в научных работах XX–XXI вв., прежде всего отечественных классиков семиотики – Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, а также ранее, в трудах А. А. Потебни, Д. К. Зеленина, и позднее – в работах многих других отечественных и зарубежных ученых.

История вопроса достаточно обширна и затрагивает в том числе принципы составления славянских словарей общенационального масштаба, то есть отношение к языку как зеркалу того типа культуры, который лежит в основе какой-либо лексикографической тради-

Авторская работа выполнена по гранту Российского гуманитарного научного фонда «Славянские островные ареалы: терминология традиционной народной культуры» (№ 12-04-00009).

ции. Это касается словарей эпохи становления славянских литературных языков: если, например, Сербский словарь Вука Караджича (1812 г.) основан на фольклорной традиции (которую закономерно отражает), то словарь польского языка С. Линде (1807–1814) или словарь чешского языка Й. Юнгманна (1835–1839) в большей степени опираются на художественную и научную литературу того времени, что показывают словники словарей и примеры-иллюстрации при главных словах.

Когда мы говорим о языке как отражении народной культуры, то понимаем, что речь идет и о бытовой культуре повседневности, и о традиционной (фольклорной) культуре, а это, прежде всего, – сфера сельской традиции. По аналогии с языком, в работе «Язык и культура» Н. И. Толстым были выделены «страты», слои культуры: литературному языку соответствует элитарная культура, просторечию – «третья культура», а наречиям, говорам – народная культура. В том же труде ученый делает вывод о том, что «вся культура диалектна», что «все ее явления и формы функционируют в виде вариантов, территориальных и внутрдиалектных вариантов с неравной степенью различия» [Толстой 1995: 20]. Закономерны последующие заключения о том, что фольклористика и этнография нуждаются в развитии дисциплины, называемой «культурологическая география», то есть в анализе этих явлений с помощью карты.

Что касается определения такого раздела языкознания, как «этнолингвистика», то московским коллективом ученых предмет понимается в широком смысле и в узком смысле. В широком смысле слова предмет ориентирован на изучение традиционной народной культуры как системы знаков, поддающейся исследованию по тем же законам, что и сам язык (например, речь может идти о парадигматике, синтагматике, диахронии и синхронии народной культуры или соответственно культурного диалекта). В узком смысле – это изучение самой лексики народной духовной культуры во всем многообразии аспектов и тех научных дисциплин, с точки зрения которых эта лексика может изучаться (в том числе – этнонимии, топонимии, антропонимии и др.).

Слово как единица народного лексикона может рассматриваться в качестве наименования, знака определенного свернутого текста, расшифровать который удастся, обращаясь не только к последовательности фонетических, грамматических и иных собственно языковых закономерностей, но и к его культурному подтексту. С. М. Толстая в статье «Терминология обрядов и верований как источник

древней духовной культуры» [Толстая 1989] приводит примеры таких слов – свернутых текстов: так, наименование насекомого *божья коровка* связано с прочтением так называемого «основного мифа», который и сам в свою очередь во многом реконструируется на основе наименований насекомого в славянских языках (со ссылкой на труды В. Н. Топорова); южнославянские названия радуги *вино-жито* – с народными гаданиями по радуге об урожае, полесское *смок* – с представлениями о радуге в виде пьющего воду змея и т. д.

К архаическим культурным контекстам бытования слов повседневной лексики неизменно обращались в прошлом и обращаются сейчас этимологи – О. Н. Трубачев, Ж. Ж. Варбот, А. Лома, М. Бьелетич и многие другие. Так, Ж. Ж. Варбот в статье 70-х гг. прошлого века глагол *измываться* ‘издеваться’ связывает с магическими практиками обмывания, обливания водой при болезни, порче, «смывания и измывания» сглаза, обращаясь к аналогиям при образовании фразеологизмов, исследованных еще В. В. Виноградовым в 50-х гг., – *зубы заговаривать, перемывать косточки* [Варбот 2012: 532–538]. Н. И. Толстой также придавал большое значение фразеологизмам, возникшим под влиянием народных обрядов и верований, исследуя в своих сочинениях такие обороты, как серб. *здрав као риба, пијан као земља* и др., а также необъясняемые на первый взгляд русские словечки *чур (чур меня!)*, *чушь* ‘ерунда’ и др. [Толстой 1995: 373–426].

Московская школа этнолингвистики, как уже было сказано, изучает оба аспекта славянской народной культуры: и как систему культурных знаков (символов), и как языковые реализации культурных контекстов (собственно, лексику и фразеологию). Первые этнолингвистические вопросники для работы со славянскими диалектами были ориентированы на оба эти аспекта и включали вопросы обоих порядков, например: (1) *Что делали в тот или иной праздник? Какие поверья известны о чем-либо? (птицах, животных, растениях, метеорологических явлениях и т.д.)?* (при этом записывался экстралингвистический контекст термина) и напротив: (2) *Как называлось что-либо (например, обряд, ритуал, обрядовая реалья, участник обряда, время действия мифологических персонажей и т. д.)?* (при этом фиксировались соответствующие наименования). Отдельные вопросы формулировались таким образом, чтобы определить спектр всех значений той или иной лексемы, например: (3) «Что такое *ирей, вырей?* (как дополнение к вопросу: «Куда улетают птицы на зиму?») [ПЭС: 43]). На комбинации этнографических (1), семантических (2) и лексических (3) вопросов построен известный полесский этнолингвистический во-

просник для исследования сел Полесья, включающий семейную, календарную обрядность, обряды хозяйственного цикла, представления о природе, народную медицину и др. (см. [ПЭС: 21–49]).

По этому вопроснику в Полесье (территория южной Белоруссии, северной Украины и Брянщины в России) была в советские годы развернута поистине масштабная работа под рук. Н. И. Толстого, в ней участвовали сотрудники Академии наук, вузов (прежде всего МГУ, а также вузов Белоруссии и Украины). Эта работа практически оборвалась после Чернобыльской катастрофы. Полесье как архаическая зона Славии стало источником богатейшего материала, который использовался прежде всего для создания пятитомного этнолингвистического словаря «Славянские древности» [СД], а весь материал записывался на карточки. С развитием баз данных на электронных носителях была создана электронная версия базы данных «Полесский архив», включающая более двух третей рукописного материала (подробнее см. [Плотникова 2012]).

На основе полесского этнолингвистического вопросника далее создавались новые региональные вопросники, содержание которых было ориентировано на локальные особенности той или иной традиции. Это этнолингвистические вопросники для полевых исследований польского Полесья, Русского Севера. Кроме того, в 90-е гг. полесский вопросник был опробован и в Карпатах (см. [Бушкевич, Николаев, Толстая 1994]). Применение полесского вопросника в разных регионах восточнославянского культурно-языкового континуума создавало предпосылки для его новых модификаций: вопросы, которые не были актуальны для той или иной локальной традиции, исключались, но вместе с тем возникала необходимость в дополнениях к основному вопроснику, например, для изучения Русского Севера – из сферы народной демонологии (о лешем и соответствующей специфике пастушества); для закарпатских традиций – об особенностях языка и народной культуры, общих для карпато-балканского ареала (в частности, о первом приходящем в дом на Рождество или Новый год госте – «полазнике»; демонах, предсказывающих судьбу ребенка, и др.).

Во второй половине 90-х гг. был создан этнолингвистический вопросник «Малого диалектологического атласа балканских языков» [Плотникова 1996], ориентированный на балканскую специфику картины мира и отражающую ее терминологическую лексику. Он использовался в работе над разными проектами как на территории всей Южной Славии, так и на территории Греции, Ал-

бании, а затем в Карпатах – Румынии, Венгрии, западной Украине, Словакии. Этот вопросник основан на семантическом принципе (вопросы *Как называется что-либо?*) в связи с тем, что сам проект МДАБЯ, для которого вопросник первоначально создавался, по замыслу его руководителя А. Н. Соболева, правомерно охватывал генетически разные языки Балкан (то есть не только славянские, но и албанский, греческий), см. [МДАБЯ]. Вопросы по типу «от значения к лексеме» в данном случае были дополнены примерами практически из всех языков балканского ареала, известными из диалектных, лексикографических, этнографических и фольклорных источников. Таким образом, картина диалектных наименований, иллюстрирующая тот или иной культурный фрагмент, уже в тексте вопросника выглядит достаточно объемной для воссоздания представления о многообразии южнославянских и балканских названий того или иного явления, обряда, ритуала, мифического существа и т.д. Так, из сферы народной мифологии в разделе «Ведьма» читаем:

4.1. Женщина, обычно преклонного возраста, обладающая сверхъестественными свойствами, которые использует для нанесения вреда людям (отбирает урожай, молоко у коров, насыляет болезни, порчу, а также пьет кровь людей, поедает младенцев и т.д.): серб. *вештица, чаровница, чинилица*, в.-серб. (Пирот) *вештица, вештечарка, маџијарка*, черног. (Грбаль) *рогуља*, черног. (Кучи) *мађионица*, черног. (Верхнее Полимье) *штрига*, мак. *вештерка*, (Прилеп) *кушачка*, болг. *вещица, веџерица, магьосница, магесница, джадия*, (Пловдивско) *магьосница, магешница* и т.д., *мамница, примамница*, з.-болг., фрак. *омайница, мамница, житомамница*, родоп. *магьосница, магесница* и т.д., *вещица, омайница, мамница* (Кырджалийско, Хасковско) *джеллия, желлия*, пирин. *мамячка, обирачка*, кюстенд. *бродница, брудница, броднячка*, ю.-в.-болг. (Странджа) *привземачка, привземница*, рум. *strigoaică, strigă*, алб. *striga*, с.-алб. *Lubia, tētë lubia*, греч. *Στρίγλα* [Плотникова 1996: 45].

Полевые исследования на основе данного вопросника, проведенные, в частности, сотрудниками Института славяноведения, охватили культурные диалекты южных славян Сербии, Болгарии, Македонии, Хорватии, Боснии, западных славян Словакии, Польши в районе Карпат, неславянские карпатские регионы в Венгрии, Румынии и др. (о модификациях данного вопросника, связанных с особенно-

стями полевых исследований сербских коллег в Сербии и соседних странах, см. [Сикимич 2014: 32–35]).

В настоящее время исследуются также и славянские анклавы в инославянском окружении в связи с очень активно разрабатываемой сегодня проблематикой языковых и фольклорных контактов островных ареалов и пограничья. По имеющимся этнолингвистическим вопросам в 2006–2013 гг. исследовались традиции старообрядцев Румынии и Болгарии, в 2007, 2013 и 2014 гг. – градищанских хорватов Австрии. Полевые исследования проводились с точки зрения того, что из архаических особенностей древней славянской народной культуры сохраняется сейчас и какие явления языка и фольклорной традиции следует считать заимствованиями под влиянием соседей.

Обобщая сказанное, в качестве примера хотела бы привести лексему *činiti* ‘делать’ и значения ее дериватов как терминов традиционной духовной культуры в славянских языках. На этом конкретном примере в целом станет понятно, что именно нам дают полевые исследования сегодня и как они подкрепляются данными этнографических источников, диалектных и общих словарей, к которым этнолингвист неизменно обращается.

Глагол **činiti* в значении ‘делать’ до сих пор сохраняется в ряде славянских языков. Его дериваты в разных значениях известны всем славянским языкам (в частности, рус. *чин, чиновник, причинить, учинить, сочинить* и т. д.). Данные Общеславянского лингвистического атласа (раздел «Профессии и общественная жизнь») показывают наличие глагола *činiti / učiniti* в значении ‘(с)делать’ в украинском, лужицком, словенском, сербскохорватском языках, а также у градищанских хорватов на территории Венгрии [ОЛЯ 8: 118–119, карта № 43 «Профессии и общественная жизнь»]. Сегодня в этих языках глагол сохраняется в своем основном значении. П. Скок в «Этимологическом словаре хорватского или сербского языка» отмечает, что «глагол *činiti* и отглагольное существительное *čin* относятся к сфере культурных терминов», характеризуя их как праславянские по происхождению (от и.-е. основы *quei-* имеются продолжения в санскрите, авестийском и персидском языках с первоначальным значением ‘приводить в порядок; собирать’) и не имеющие параллелей в балтийской группе [Скок 1: 326]. В ряду значений *čin* для сербскохорватского языка (‘форма, способ’; ‘дело, действие’; ‘ранг, разряд’) автором указано значение ‘магия’ (pl. *čini*) с пометой «в фольклоре», а в статье приводится один из отглагольных дериватов – *činilica* f. ‘incantatrix’ [ведьма, колдунья] от (op)*činiti* ‘začarati’ [заचारовать, заколдовать] как

пара к соответствующему отглагольному существительному мужского рода *ćinilac* (зафиксированному в XVII в. в словаре Стулича) [Skok 1: 325–326]. Последняя лексема в данной форме и этом значении сейчас не сохраняется ни в одном из южнославянских языков.

Наименование ведьмы *ćinilica*, как следует из диалектных и этнографических источников XIX–XX веков, а также из материалов собственных полевых записей автора в западной Сербии (1997, 2001), известно в достаточно большом центральном ареале Южной Славии, который охватывает среднюю и северную Боснию, а также примыкающие области в Хорватии и западной Сербии (это показано на соответствующей карте в монографии «Этнолингвистическая география Южной Славии») [Плотникова 2004: 646–657]. Словари сербскохорватского языка XIX–XX вв., понимаемого нами как непрерывный диалектный континуум, данную ареальную картину подтверждают.

По собственным записям автора, сделанным при сборе материала по этнолингвистическому вопроснику, в западной Сербии, а именно – в Драгачево, употребляется и *vještica*, и *чинилица*, а также и *чињарица* (1997 г.) как наименование женщины в селе, которая наводит порчу и отбирает молоко у скота. В селе Рудно в области Голия (юго-западная Сербия) мы также записали *чињарица* в качестве названия женщины, занимающейся вредоносной магией: она наводит порчу (в основном на молодоженов), отбирает молоко у скота и насылает на него болезни (2002 г.).

Данные о лексеме *ćinilica* ‘ведьма’ в Боснии можно дополнить и новейшими полевыми материалами, собранными у мусульман Боснии и Герцеговины (2011–2012) по тому же вопроснику. Так, в мусульманском селе Дуймовичи, расположенном между горными массивами Белашница и Трескавица, отмечено (2011 г.): *ćinilice* ‘ведьмы’, то есть женщины, которые умели наносить порчу (*znale učiniti*). По сообщениям жителей Дуймовичей, *ćinilica* могла сделать так, чтобы у коровы не было молока и чтобы овцы в хозяйстве болели. Были записаны многочисленные и достаточно типичные для славянских архаических регионов тексты-былички о том, что ведьму, называемую *ćinilica*, старались подкараулить ночью, поймать и т. д. Старое наименование у мусульман Боснии бытует наряду с новым, представляющим собой турцизм арабского происхождения: *si(h)irbasica* или *si(h)irbašica* [Škaljić 1979: 563–564]; ср. босн. *šahir* ‘магия, чары’; ‘зло’. Таким образом, здесь также сохраняется архаическое наименование ведьмы.

С продолжением в 2014 г. полевого изучения мусульман уже в районе городов Приеполе и Прибой в юго-западной Сербии именно в

этой этнической группе наиболее часто автором отмечались лексемы от **činiti* в качестве обозначений ведьмы: *činilica*, *činjarica*, наряду с *vještica* ‘ведьма’, *vračara* ‘ведьма, гадалка, ведьма’. Мусульманское население этих областей помнит передающиеся «из уст в уста» рассказы о женщинах со сверхъестественными способностями, якобы умеющих отбирать молоко у скота с помощью заклинаний и «магических» предметов (частей ткацкого станка), насылать бесплодие на молодоженов, используя ключ и замок, и т. п.; такие магические действия называются *čini*, а их исполнительницы – *činilice* или *činjarice*, ср. также наиболее часто употребляемое собеседниками выражение: *činiti čini*, то есть «заниматься вредоносными магическими действиями». В этих же селах записаны и соответствующие нарративы о подкарауливании таких персонажей возле помещений для скота, о распознавании местной ведьмы и о ее наказании.

Дериваты от **činiti* в значении способа (= результата) вредоносных действий на южнославянской территории (pl. *čini*) распространены более широко и известны не только в современном стандартном сербском языке, но и в хорватском, боснийском языках, тогда как соответствующее наименование субъекта действий (*činilica* ‘ведьма’) для хорватского и боснийского признается в словарях устаревшим. Добавим, что полевые этнолингвистические исследования градищанских хорватов Австрии также не подтвердили наличие этой лексемы в указанном архаическом значении (‘ведьма’) в хорватском анклав, который уже 450 лет находится в изоляции от основной территории проживания хорватов.

Аналогии к лексике колдовского дискурса от **činiti* обнаруживаются в говорах западной Украины – в восточных Карпатах, прежде всего в гуцульских и пограничных закарпатских (в Рахновском р-не). Во-первых, это показывает словарь «Гуцульская мифология» Н. Хобзей [Хобзей 2002], во-вторых, новейшие труды по лексике гуцульских говоров как отражении гуцульской картины мира [ГС]; в обеих работах многочисленны ссылки на Шухевича, Кобылянского и собственные полевые записи авторов (при этом фигурируют все три лексемы: *чинатор*, *чинаторка*, *чинки*). И наконец, наши собственные записи в селе Замагора Ивано-Франковской области (совместно с Е. С. Узеновой) подтверждают сохранение лексем *чинатори* ‘люди, занимающиеся колдовством’ (в заговорах), а в повествовании об опасных календарных днях упоминаются *чинаторники* ‘люди, занимающиеся колдовством’. Таким образом, оба термина до сих пор сохраняются в этом гуцульском регионе, близком к румынской гра-

нице. Данный факт может подтверждать некоторые выводы, сделанные в исследовании С. Л. Николаева о балкано-карпатских изоглоссах как реликте позднеславянского лингвистического ландшафта [Николаев 2008], и свидетельствовать в пользу связей именно гуцульских говоров с центрально-южнославянскими на Балканах. И, соответственно, лужицкие лексические параллели (*činkar* ‘колдун’, *činkarka* ‘колдунья’, *činkarski* ‘колдовской’, *činkarstwo* ‘колдовство’ и *činki* ‘чары; магические предметы’) ждут новых исследователей в области языка и народной культуры.

В заключение следует подчеркнуть, что полевые материалы, собранные учеными-славистами в разных регионах славянского мира с помощью имеющихся в их распоряжении вопросников, с одной стороны, закономерно дополняют материал диалектных и общих лингвистических словарей, электронные корпуса славянских языков, сборники лингвистических текстов, с другой – служат важным подспорьем при изучении славянской народной культуры, при реконструкции ее архаических состояний и отображении картины настоящего, показывая сложные напластования разных эпох в синхронии.

ЛИТЕРАТУРА

Бушкевич, Николаев, Толстая 1994 – Бушкевич С. П., Николаев С. Л., Толстая С. М. Этнолингвистические экспедиции в Украинские Карпаты // Славяноведение. 1994, № 3.

Варбот 2012 – Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб., 2012.

ГС – Гуцульські світи: Лексикон. Львів, 2013.

МДАБЯ – Домосилецкая М. В., Плотникова А. А., Соболев А. Н. Малый диалектологический атлас балканских языков // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998.

Николаев 2008 – Николаев С. Л. Балкано-карпатские изоглоссы как реликт позднеславянского лингвистического ландшафта // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008. Вып. 1.

ОЛА 8 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-образовательная. Вып. 8: Профессии и общественная жизнь / Под ред. Я. Басары и Я. Сятковского. Warszawa, 2003.

Плотникова 1996 – *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. (Переизд.: М., 2009.)

Плотникова 2004 – *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Плотникова 2012 – *Плотникова А. А.* Полесский архив: база данных и исследования // Живая старина. 2012. № 4. С. 35–38.

ПЭС – Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983.

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1; 1999. Т. 2; 2004. Т. 3; 2009. Т. 4; 2012. Т. 5.

Сикимич 2014 – *Сикимич Б.* Запланированные цели и реальные результаты: полевая работа группы сотрудников Института балканистики САНУ // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Вып. 3. 2012–2014. М., 2014.

Толстая 1989 – *Толстая С. М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. М., 1989.

Толстой 1995 – *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Хобзей 2002 – *Хобзей Н.* Гуцульська міфологія: Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002.

Skok – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. Т. 1–4.

Škaljić 1979 – *Škaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1979.

Plotnikova A. A.

Language as a Mirror of Popular Culture. Ethnolinguistic Questionnaires in the fieldtrips

The article summarises the main theses of the Moscow school of ethnolinguistics, founded by Nikita Tolstoy, traces the history of creation of ethnolinguistic questionnaires for the field-trips. Basing on the linguistic-cultural material from different regions of the Slavic world, the article analyses the areal distribution of the vocabulary of the magical discourse from **činit(i)*.

Keywords: *everyday-life vocabulary, Slavic languages and dialects, traditional folk culture, ethnolinguistic questionnaire, Southern Slavs, vocabulary of the magical discourse, arealogy.*

М. М. Фролова
(Москва)

**Русские консулы и болгаро-греческое противостояние
в церковном вопросе и на ниве школьного образования
(Адрианополь, Варна, Битола. 50–60-е годы XIX в.)**

В статье анализируется деятельность русских дипломатических представителей в Адрианополе, Варне и Битоле, которая, будучи направленной на введение болгарского языка в богослужение и школьное преподавание, в целом способствовала не примирению болгар и греков, а возникновению между ними противостояния и углублению раздора.

Ключевые слова: *русский консул, Н. Д. Ступин, А. В. Рачинский, М. А. Хитрово, Адрианополь, Варна, Битола, греко-болгарский церковный вопрос, училище.*

Греко-болгарская церковная распря и сопряженный с ней вопрос национального образования – тема, отнюдь не новая в историографии, много внимания уделялось также и изучению мнения официальной России по этой проблеме. В литературе широко распространён тезис о консервативном характере политики МИД России, высказывалось также и суждение о неблагоприятной для болгарской идеи позиции России, поскольку эта позиция была направлена на недопущение раскола внутри Вселенской церкви и на примирение двух православных народов – греков и болгар. Как правило, в центре внимания ученых находилась российская миссия в Константинополе, через которую осуществлялась политика Российской империи на Востоке. В настоящей работе освещается деятельность русских консулов в болгарских землях Османской империи, которая, на наш взгляд, прежде рассматривалась недостаточно. Без сомнения, формат статьи не позволяет охватить все русские дипломатические посты, поэтому мы сосредоточимся лишь на некоторых, а именно на русских представительствах в Адрианополе, Варне и Битоле.

Насущная задача внешней политики России после Крымской войны – восстановление своего авторитета на Востоке – потребовала значительного расширения консульской сети. Однако из-за финансового дефицита из внушительного списка предложенных балканских городов для учреждения консульств были выбраны лишь те города, где «столкновения и неприязнь различных вероисповеданий доведены» были «до высшего раздражения»¹.

После Крымской войны был изменен сам принцип подбора дипломатических представителей России в Османской империи, которые до 1853 г. набирались преимущественно из греков и левантийцев. Новый министр иностранных дел А. М. Горчаков в своей кадровой политике исходил из того, что надежность в исполнении указаний министерства могла быть обеспечена не только «умственными способностями и нравственными качествами» дипломатов, но, как особо подчеркивалось, «по происхождению и религии»². В 1854 г. Горчаков был назначен императором Николаем I на должность временно управляющего российским посольством в Вене, т. е. на ответственный дипломатический пост и в напряженнейший момент обострения Восточного кризиса, именно потому, что он был русским³. Александр II продолжил начатые его отцом кадровые перемены.

«Некоторая медлительность» в открытии консульств на Балканах, констатировал в сентябре 1859 г. директор Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевский (1856–1861), вызывалась недостатком не только денежных средств, но и «способных для столь важных поручений людей»⁴, которые обладали бы «национальным чувством»⁵. Консулы должны были пользоваться полным доверием не только МИД, но и самого императора Александра II.

Непростую обстановку на Балканах чрезвычайно осложняла греко-болгарская церковная распря. Русские дипломаты, такие как посланник А. П. Бутенев (1856–1859), секретарь Константинопольской миссии Е. П. Новиков (1856–1862), прекрасно понимали политический контекст требований болгар. Но Вселенская патриархия перевела болгарский вопрос из политической плоскости в церковно-каноническую (веры и догм)⁶. К тому же сам Бутенев, встреченный Высокой Портой с враждебностью и подозрительностью, принятый Вселенским патриархом с холодностью, а константинопольскими болгарскими – с отчужденностью, занял позицию «дальновидного ожидания»⁷. Долгое время все важнейшие вопросы решались без участия российской Константинопольской миссии. Ситуация начала меняться с назначением Н. П. Игнатьева (1864–1877) русским посланником в столицу Османской империи.

Первым консульский флаг России взвился в Адрианополе в 1856 г., куда после трехлетнего отсутствия прибыл русский консул Николай Дмитриевич Ступин (1856–1861), служивший здесь перед войной более 2 лет в качестве драгомана (переводчика). В Адрианополе, крупном торговом городе Фракии, близко расположенном к столице Османской империи Константинополю (Стамбулу) и удобно

связанном с черноморским побережьем рекой Марицей, размещалась резиденция вали (генерал-губернатора), и были сосредоточены дипломатические представительства Франции, Англии, Австрии, Греции, причем французское появилось еще в XVIII в. Российское генеральное консульство в Адрианополе было открыто после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. вследствие расширения торговых связей России с Европейской Турцией. Оно (как и консульство в Варне) являлось одним из старейших представительств России на Балканах. Но теперь, после Крымской войны, в отличие от предыдущих лет, служебные обязанности консула по содействию торговле и защите экономических интересов России дополнялись еще весьма важным компонентом – деятельностью политического характера. Именно в таком духе была написана инструкция МИД от 26 июля 1856 г., данная Н. Д. Ступину. Впрочем, ему настоятельно рекомендовалось для сохранения «добротого согласия» с местными турецкими властями поначалу «не придавать генеральному консульству значения чисто политического». В инструкции также указывалось, что русскому дипломату необходимо было, с одной стороны, направлять свое «деятельное внимание» «на потушение возникших между единоверцами ссор», а с другой – покровительствовать «успехам славянского слова и введению его в болгарских церквах»⁸.

По приезде в Адрианополь (в октябре 1856 г.) Ступин обнаружил, что в городе «несогласия между болгарами и греками», так же как и в Константинополе, возросли «до опасных размеров»⁹. Русский дипломат, признавая законность требований болгар, стал немедленно действовать в их пользу. Его авторитет в Адрианополе был высок. Местные жители этого края, еще помнившие о пребывании русских войск в 1829–1830 гг., встретили его дружелюбно¹⁰. Греки Адрианополя были склонны к компромиссам, они давно уступили первенствующие позиции в торговле, оттесненные армянами, а после Крымской войны евреями, не пользовались былым влиянием на уровне городской администрации¹¹. Ступину удалось сразу уговорить митрополита Кирилла, епископа Хрисанта и большинство старшин греческой общины ввести с нового 1857 г. в высшей греческой школе болгарский язык, а также начать служить на славянском языке в одной из церквей города, часом позже греческого священнодействия, на главном престоле. Но эти инициативы были сорваны Патриархией.

Ступин тогда воспользовался тем обстоятельством, что для проведения богослужения на славянском языке специально для его

семейства не возводилось никаких препятствий. Русский консул решил этому частному богослужению придать общественный характер, приглашая на него местных болгар. И первая литургия состоялась 14 декабря 1856 г.¹²

На постоянную заботу Ступина о введении славянского языка в богослужение и в школьное преподавание обратила внимание афинская газета «Эон», в принципе достаточно лояльная по отношению к России. В одном из октябрьских номеров за 1857 г. сообщалось, что «идея Болгаризма распространяется исполински во всех городах Болгарии и преимущественно в Адрианополе и Филиппополе под защитой адрианопольского русского консула Ступина, который (...по предписанию ли своего правительства действует или по собственному влечению...) есть главная причина Болгаризма»¹³. На Ступина нападки газеты не возымели никакого действия, он был уверен в том, что «для успеха нашего призвания мы не должны ни в каком случае приносить несправедливые жертвы – мы не можем перестать ходатайствовать об надлежащем удовлетворении требований Болгарского народа; не можем отказывать ему в священных правах, даруемых народам и Богом, и царями»¹⁴.

Подобные обвинения обрушились и на вице-консула в Варне Александра Викторовича Рачинского (1860–1862)¹⁵. Следует подчеркнуть, что с открытия российского вице-консульства в Варне в 1848 г. впервые 16 февраля 1860 г. сюда приехал русский дипломат, назначенный вместо исполнявшего обязанности российского вице-консула Эмиля Райзера¹⁶, прусского подданного. Такая перемена немедленно и значимо сказалась на болгарском движении этого региона.

С 1840-х гг. Варна быстро стала превращаться в эллинистический центр всего края благодаря сильному воздействию Греческого королевства, открытию в городе греческого консульства, серьезному улучшению греческих школ и вообще общему подъему греческого духа и широкому распространению греческой культуры¹⁷. Рукоположенный в Варненскую епархию митрополит Порфирий (1846–1864) запретил славянский язык в школах и церквях. Болгары пытались протестовать и требовали уступить для славянского богослужения церковь Св. Георгия. Крымская война сильно изменила состав жителей Варны (в городе свирепствовала чума, затем пришли новые люди). После окончания войны болгары уже не возобновляли свои требования о введении родного языка в преподавание и богослужение¹⁸. Болгарские ученые П. Ников, В. Тонев писали, что до приезда

Рачинского болгары Варны всецело находились под влиянием греческой духовной власти, и здесь практически отсутствовали какие-либо проявления болгарского народного духа¹⁹.

Русскому дипломату удалось сразу, на второй день своего пребывания в городе, 17 февраля, «ради великого поста», получить у варненского владыки архиепископа Порфирия «неделю славянского богослужения»²⁰. Однако митрополит Порфирий вскоре стал уклоняться от «данного сгоряча обещания», указывая, что славянская служба в церкви есть «схизма». Греческий консул и старейшины также были против²¹. Имея в виду эллинизацию и «дружные заботы иноверных пропаганд обратить болгарское движение в свою пользу», Рачинский пришел к мысли о необходимости более решительного образа действий, чем простое наблюдение²², которое ему поначалу рекомендовалось инструкцией МИД. Русскому вице-консулу пришлось преодолеть множество препон, чтобы 12 марта 1860 г. состоялась служба на славянском языке в церкви Св. Георгия за упокой русских воинов, павших под Варной в 1828 г.²³

Английский консул Сутер оценил ее как первый шаг к духовному общению российского вице-консула с болгарами и как нешуточную угрозу ограничения английского влияния, которое он прежде распространял через чорбаджиев, вовлеченных в промышленную и торговую деятельность, им курируемую (например, в строительство Кюстенжи-Богаз-Киойской железной дороги). Сутер немедленно прибег к услугам прессы, и в мартовской статье в «Morning Advertiser» Рачинского назвали «орудием русского панславизма»²⁴. Великий визирь Мехмед Кипризли-паша принес жалобу на Рачинского русскому посланнику в Константинополе князю А. Б. Лобанову-Ростовскому (1859–1863). И как следствие, «из страха доноса» на них туркам, болгары прекратили почти свои сношения с российским вице-консулом. Митрополит Порфирий отказался принять от Рачинского богослужебные предметы для церкви Св. Георгия, связав этот дар с прежними требованиями болгар о славянском служении в этой церкви²⁵.

Но Рачинский, оправдавшись перед российской миссией в Константинополе, не опустил руки. С денежной помощью княгини Е. К. Воронцовой (1792–1880), супруги новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова, который был командиром варненского осадного корпуса в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., русский дипломат устроил при вице-консульстве церковь, добившись в 1861 г. разрешения Патриархии. А до этого почти каждое воскресенье для

него служили литургию на славянском языке в монастыре Св. Димитрия, расположенном недалеко от Варны. Уже одно славянское богослужение среди исключительно греческих церквей производило сильное впечатление на местных жителей. Приходили слушать литургию даже жители очень отдаленных от Варны селений²⁶. Греческие чорбаджии не раз пытались прекратить эти службы. Они, например, похитили из монастыря церковные книги на славянском языке и представили их перед варненским каймакамом Ашир-беем, утверждая, что в них заключены молитвы против султана. Они обвиняли Рачинского в распространении русской пропаганды в монастыре Св. Димитрия и т. п.²⁷

Богатые болгарские купцы сначала были глухи к болгарскому делу, поскольку очень боялись повредить своим торговым отношениям с греками и эллинизированными гагаузами, державшими здесь торговлю. Рачинскому удалось приобрести единомышленника в лице архимандрита Филарета, который затем стал служить в церкви при российском вице-консульстве. С его помощью Рачинский сумел склонить многих богатых болгар начать в Варне «движение в пользу славянского богослужения и болгарского училища»²⁸. Для решения проблем, связанных с созданием болгарского училища, в мае 1860 г. была образована болгарская община, руководство которой составили разбогатевшие во время Крымской войны братья Георгиевы, Мавриды и другие. В 1861–1862 гг. община построила хорошее училище на добровольные пожертвования и займы. Рачинский внес значительную по тем временам сумму в 6402 гроша. В 1861 г. он подарил еще 300 руб. серебром из благотворительного фонда Азиатского департамента, а в 1863 г. еще 125 руб.²⁹ В 1863 г. болгары через нового русского вице-консула А. А. Ольхина (1862–1865) послали Александру II прошение об оказании содействия в том, чтобы им отдали одну из двух в городе недействовавших церквей, так как содержание училища обеспечивалось из сумм церковного дохода. (Долг болгарской училищной общины в 1862 г. составлял 50 тыс. пиастров, в 1863 г. из-за высокого процента достиг уже 74 тыс. пиастров.) В 1864 г. без помощи русских дипломатов болгары получили разрешение на открытие своей церкви, которую устроили в нижнем этаже здания училища³⁰. Когда новый митрополит Иоаким (1864–1874), вняв совету Ольхина³¹, согласился отдать болгарам церковь Св. Георгия, эта «поздняя уступка» уже не имела для них никакого значения. К тому же они не приняли митрополита-грека, назначенного Патриархией, а в своей церкви вместо патриарха поминали Иллариона Макарио-

польского. Окрепнув и уверившись в своих силах, училищная община, превратившись в болгарскую общину Варны, возглавила затем болгарское церковное движение во всей епархии.

В Битоле, административную столицу обширного Румелийского эялета, в марте 1861 г. приехал первый русский дипломатический представитель Михаил Александрович Хитрово (1861–1864). Он хорошо разбирался в перипетиях болгаро-греческого церковного спора³², которого, однако, в Битоле он не обнаружил. Христианскую общину города раздирала борьба не двух народов – греков и болгар, а борьба партий – сторонников Пелагонийского митрополита Венедикта и его противников. В церкви богослужение на церковнославянском языке не допускалось, а из училищ болгарский язык был давно изгнан. Болгарское население Битолы было в основном бедным, пришлым и не помышляло о защите своих народных интересов³⁴. Оно осталось индифферентным к усилиям католической миссии Св. Лазаря, которая с 1859 г. пыталась привлечь болгар к себе, организовала школу, где преподавался болгарский язык, и церковь, где богослужение шло на славянском языке³⁵. Хитрово, как и Рачинский, был одушевлен идеей пробуждения национального самосознания у славян вверенного его попечительству Битольского края.

Торжество церемонии при открытии российского консульства в Битоле 23 апреля 1861 г., в день Светлого Воскресенья, когда митрополит Венедикт сам отслужил на славянском языке молебствие, произвело неизгладимое впечатление на христианскую общину. Прежде христиане не только избегали всякого общения с русским дипломатом, но даже не решались отдать ему «дом внаймы из страха навлечь на себя неприязнь и гонения турок»³⁶. Хитрово надеялся, что в его силах было достаточно быстро переломить ситуацию в городе, что митрополит Венедикт согласится ввести славянский язык в преподавание и богослужение. Но Хитрово ошибался, и путь был долгим и трудным.

Хитрово, как и другие русские консулы, много ездил по краю, хотя это было небезопасно в связи с непрекращавшимися разбойными нападениями на дорогах, убийствами и грабежами. Русский дипломат много жертвовал на храмы, дарил церковную утварь, одежды, книги. Следует сказать, что каждая книга на церковнославянском языке несла в себе особый заряд, способствуя возбуждению и укреплению национального чувства у славян, особенно у тех, кто проживал в провинциях со смешанным населением, таких как южная Фракия и Македония. Значимость книг русской печати пре-

красно понимали греческие церковные власти, поэтому под разными предложениями книги запрещали, изымали, несмотря на то, что они проходили официальную цензуру в Стамбуле.

Хитрово постоянно говорил о необходимости введения болгарского языка в богослужение и преподавание в школах, а своему начальству указывал на настоятельную потребность сменить митрополита Венедикта, который не шел ни на какие компромиссы в отличие от адрианопольского митрополита Кирилла. К тому же болгарское население в Битоле было более разобщенным и инертным, чем в Варне. Усилия русского консула долгое время не давали положительных результатов, что не без удовольствия констатировал в конце 1862 г. австрийский вице-консул Зелнер³⁷. Но Хитрово не отступал от мысли, что следовало остановить эллинизацию славянского населения края³⁸.

В октябре 1863 г. была освящена церковь во имя Воскресения Христова (в болгарском переводе – Св. Неделя), построенная на окраине Битолы, рядом с болгарским кварталом. Она стала тем центром, вокруг которого постепенно сформировалась болгарская община³⁹. Летом 1864 г. в отсутствие митрополита Венедикта болгары попробовали ввести здесь богослужение на славянском языке, но не санкционированное свыше нововведение обернулось в конечном итоге «страшным побоищем» между болгарами и эллинизированными влахами. Хитрово не мог не осуждать подобное кощунственное поведение в церкви, однако в то же время он ясно видел, что это были «первые еще только со стороны здешних болгар попытки заявления их народности», которая до сих пор была здесь задавлена не столько численностью чуждого ей влахо-греческого элемента, сколько интригами и деспотизмом епископа и его многочисленных приверженцев⁴⁰.

Ранее и Ступин дал весьма схожую оценку последствиям от столкновений и ссор между болгарами и греками, имевших место в 1857–1858 гг. в разных церквях Адрианополя, и в частности в многолюднейшем предместье города Кириш-хана⁴¹. Он отмечал, что исход этих ссор был благоприятен для болгар, так как возрождавшаяся в православных болгарях «самосознательная любовь к своей славянской народности» привела к тому, что целые общины, деревни, селения и предместья больших городов из мнимо-греческих превратились в болгарские, и явно обозначился перевес болгарского племени над греческим⁴².

Ступин указывал, что сельские священники были из болгар, но они не знали славянскую грамоту, и теперь многие из них нача-

ли учиться читать и писать на языке, который они употребляли в домашнем быту⁴³. Русские консулы видели настоятельную потребность болгарского народа в широком распространении образования. Решению этой проблемы способствовала политика России, где для обучения славянской молодежи из Османской империи было выделено 10 казенных стипендий в военно-учебных заведениях, 75 стипендий в духовных семинариях и академиях (1856 г.); начиная с 1860 г. Министерству народного просвещения ежегодно ассигновывалось 5000 руб. сер. для образования в русских гимназиях и университетах славян из Турецкой империи⁴⁴. Славянский благотворительный комитет также имел значительное число стипендиатов. В историографии установлено, что до 1878 г. в России получили образование около 700 человек⁴⁵. В задачу русских консулов входило приглашать и отправлять болгарских юношей и девушек на учебу в Россию, снабжая их денежными средствами на путевые расходы.

Из молодежи, прошедшей курс обучения в России, предполагалось создать надежную опору, прежде всего в грамотных учителях и священниках, которые, вернувшись на родину, смогут раскрыть всю вредность западной пропаганды и «необходимость держаться только России и в ней одной искать себе верного защитника»⁴⁶. Вице-консул в Варне В. И. Нягин (1865–1871) подчеркивал, что предоставлением хорошего образования в России «мы сможем усилить кровное родство русских с болгарами одною степенью больше (а родство умственное и нравственное сильнее, выше и прочнее родства кровного)»⁴⁷.

Однако на деле вышло не совсем так. Уже в начале 1859 г. Ступин указывал, что в Болгарию возвращаются очень немногие из тех, кто получил образование в России и действительно достоин звания учителя «во всех отношениях»⁴⁸. Турецкие власти и греческое духовенство видели в них непосредственных агентов России и хорошо если только создавали массу препятствий в их деятельности, а не подвергали жесточайшим гонениям. Кроме того, нередко болгарские воспитанники в русских учебных заведениях, сближаясь с молодыми нигилистами⁴⁹, напивались таким ядом против Бога, против России, что для интересов России их возвращение в Болгарию оказывалось на порядок опаснее прямой латинской пропаганды.

Русские консулы ставили вопрос о подготовке большого числа грамотных людей в самой Османской империи. Они пытались поэтому помочь учреждению хороших болгарских училищ, прежде всего в тех городах, где они служили. Еще в 1853 г. в особой записке, кото-

рая сохранилась в архиве Е. П. Ковалевского, Ступин писал о необходимости иметь высшее болгарское училище в Европейской Турции, мотивируя тем, что климат России для болгарских студентов оказался губительным, и многие из-за болезней или преждевременной смерти даже не смогли закончить полный курс обучения. Кроме того, профессия учителя школы была в Османской империи непрестижной: «учитель есть жалкое существо, простой поденщик, нанятый слуга в глазах старшин и едва ли не предмет всеобщего презрения, получавший скудное жалованье...»⁵⁰ После Крымской войны высказывания русских консулов в пользу создания болгарской высшей школы внутри Европейской Турции, материально подкрепляемой Россией и способной обеспечить потребности болгар в учителях и священниках, получили, как указано выше, дополнительные аргументы.

В 1859 г. Н. Д. Ступин вновь вернулся к этой идее, когда докладывал о своей поддержке «светлой мысли» о архимандрита Прокопия, настоятеля Иерусалимского подворья, основать в Адрианополе высшее центральное училище, в котором «полный курс наук равнялся бы гимназическому в России»⁵¹. В связи с тем, что уже имевшиеся училища дурно управлялись, и периодически вскрывались злоупотребления с училищными суммами, это предложение при Ступине осталось в планах. Удалось только выхлопотать ежегодную стипендию в 6 тыс. пиастров в Ришельевском лицее (г. Одесса) для двух болгарских уроженцев Адрианополя.

Вопрос о создании центрального училища в Адрианополе был снова поднят в 1864 г. М. И. Золотаревым, временно управляющим консульством в Адрианополе (1862–1863), затем – консулом (1864–1868). Он опять отмечал незначительность для болгар, проживавших в Османской империи, результатов усилий к образованию молодежи в России, на неощутительность для болгарского народа тех в принципе небольших пособий, которые делались в различные школы Турции. Правда, вначале Золотарев вместе с пловдивским вице-консулом Н. Геровым настойчиво предлагал учредить хотя бы одно центральное училище в Европейской Турции, поскольку было чрезвычайно трудно получить от турецких властей разрешение на открытие школы под патронатом России. И тогда бы сконцентрированные денежные средства, шедшие из России, действительно принесли реальную пользу. Был предложен Пловдив, но Е. П. Новиков, временно исполнявший должность посланника (1862–1864), соглашаясь вполне с общим заключением, не одобрил выбор города⁵². Тогда Золотарев поддержал инициативу греческих и болгарских старшин об орга-

низации центрального училища в Адрианополе, в котором должен был преподаваться и славянский язык, и «для поощрения к щедрости болгарских и греческих старшин» подписался на ежегодный взнос в 1000 пиастров⁵³.

В том же 1864 г. он предложил старшинам употребить стипендию в 6 тыс., ранее выделенную для обучения болгарской молодежи в России, на поддержание болгарского училища, которое из-за нехватки денежных средств находилось в самом жалком положении. Золотареву было известно, что финансовые трудности училища возникли по вине самих эпитропов, которые столь плохо распорядились капиталом в 150 000 пиастров, завещанным Найденом Крыстовичем (?–1852), что в 1864 г. вместо 15 тыс. пиастров в год (10% с денежного дара) они располагали только суммой в 5000 пиастров. Ее было недостаточно даже для выплаты жалованья одному учителю⁵⁴. Тем не менее Золотарев хлопотал о материальном стимулировании этого училища, так как считал, что улучшение состояния болгарских училищ сможет парализовать стремление католических миссионеров к созданию своих училищ⁵⁵. Кроме того, он побудил старшин города организовать небольшое болгарское училище в предместье Киришхане, где польские священники устроили католическую школу⁵⁶, и принял участие в его финансировании.

В октябре 1865 г. К. Н. Леонтьев, временно исполнявший обязанности консула в Адрианополе, возвратился к идее преобразования в центральное высшее училище болгарского училища «Кирилла и Мефодия» в Пловдиве, поскольку оно было лучше обустроено, чем училище в Адрианополе, и поэтому развить его было легче. К тому же влиятельные лица в Пловдиве были деятельнее, просвещеннее и богаче, некоторые из учителей были уже хорошо знакомы с русским языком. За 3–4 года можно было достичь немалых результатов, если давать образование «хоть и не систематически, но все-таки довольно серьезно» 5–6 даровитым юношам «на целую провинцию, то и это уже очень хорошо»⁵⁷.

В 1866 г. В. И. Нягин выдвинул идею о создании школы церковного пения при церкви, которую следовало построить на кладбище русских воинов в Варне, поскольку действовавшая церковь при вице-консульстве, как и само вице-консульство, располагалась в частном доме, хозяин которого в любой момент мог отказать в найме. В этой школе хорошие преподаватели, окончившие полный курс наук семинарии, «под благовидным и невинным предлогом» обучения молодых болгар церковному нотному пению могли каждые два года вы-

пускать наставников по десятку и более для первоначальных классов всех других городов и местечек Болгарии, так что в течение 12 лет Болгария была бы снабжена учителями в достаточном количестве только из этой певческой. Нягин подчеркивал, что «только образование рождает необходимость действий и только торжество мыслей и идей рождает торжество действий»⁵⁸.

В Битоле Хитрово, а затем Н. Ф. Якубовский (1865–1873) всецело способствовали упорному отстаиванию болгарами права иметь богослужение на славянском языке, учить детей на своем родном языке, создать свое болгарское училище. Наконец, не без ходатайства русских дипломатов, упорство митрополита Венедикта было сломлено, и в декабре 1865 г. он разрешил открыть в центральном греческом училище города кафедру болгарского языка. В 1868 г. болгары Битолы организовали свое училище для мальчиков, а затем и для девочек. Следует подчеркнуть, что начавшееся противостояние между болгарами и греками, вернее эллинизированными влахами, привело сначала к заметному обособлению болгар в христианской общине Битолы, а затем, в конце 1869 г., к образованию и самой болгарской общины, которая объявила, что не признает ни нового митрополита Парфения, сменившего ненавистного митрополита Венедикта, ни греческого патриарха Григория VI⁵⁹. Якубовский немедленно признал болгарскую общину Битолы и затем постоянно поддерживал ее денежными вспомоществованиями. Однако необходимо отметить, что до 1877 г. болгарская община Битолы все же не смогла обрести такой же самостоятельности, независимости и прочности, как болгарская община Варны. И властный ресурс Патриархии здесь себя еще не исчерпал.

Без сомнения, каждый регион Балканского полуострова имел свою специфику, и действия русских дипломатов в конкретных условиях каждого города отличались, но в целом их деятельность была направлена на введение болгарского языка в богослужение и школьное преподавание, на назначение церковного клира из болгар, на подготовку грамотных священников, то есть на решение болгарского церковного вопроса на местах в пользу болгарского населения.

В Инstrukциях, данных в МИД России, дипломатам указывалось на необходимость примирять греков и болгар. Однако нельзя не признать, что консулы, особенно Ступин, Рачинский и Хитрово, люди с горячими сердцами, в своей деятельности увлекались «через меру национальною исключительностью в пользу болгар»⁶⁰. Так, Рачинский стал «надежной моральной и материальной опорой» для жителей Варны не только, но и ряда городков северо-восточной

Болгарии. Будучи отзывчивым на оказание денежной помощи, он не смог не влезть в долги, что привело даже к расстройству его небольшого имения в Смоленской губернии. Именно эта причина побудила его подать прошение об увольнении от консульской службы⁶¹.

Радея об интересах болгар, русские консулы возбуждали болгарский вопрос в тех христианских общинах, где его еще не было (Варна и Битола), и не усмиряли, а, напротив, сеяли раздор. Проявившиеся несогласия на почве языка русские дипломаты энергично поддерживали и тем усугубляли противостояние между двумя народами.

Трудно согласиться с мнением болгарского историка И. Тодева, придавшего слишком большое значение риторике донесений Ступина, который, особенно в начале службы в Адрианополе, часто рапортовал о своих успешных действиях по погашению вражды между болгарами и греками. Понятно, что опытный дипломат нередко окрашивал свои сведения в тона, которые от него ожидало начальство. Однако те компромиссы, которых действительно удалось достичь Ступину, были сделаны исключительно в пользу болгар. Вызывает также возражение и другая точка зрения Тодева, который подчеркивал, что для успеха болгарского движения требовалось полное размежевание болгар и греков, а деятельность русского консула, пытавшегося примирить два народа, в известной степени принесла регресс. Следует заметить, что жесткость позиции одной стороны – греков – породила симметричный ответ, и это действительно вело к дальнейшему разжиганию неприязни между греками и болгарами, что наблюдалось в других городах Балкан. Но митрополит Кирилл и старшины Адрианополя проводили более гибкую политику по отношению к болгарам, нередко шли на уступки. К тому же зачастую общие беды и общие интересы заставляли два народа забывать свои претензии друг к другу, как было в 1859–1860 гг., когда они образовали тайное болгаро-греческое общество в связи с надеждами, вселенными Итальянской войной 1859 г. и действиями Дж. Гарибальди⁶², или в 1866–1867 гг. во время Критского восстания, когда в ожидании иного будущего стихли между ними все раздоры⁶³. Таким образом, в Адрианополе хоть и образовалась трещина в отношениях между греками и болгарами, но она не превратилась в глубокую пропасть, как того требовал радикальный путь решения болгарского церковного вопроса.

В данной статье мы специально рассмотрели деятельность русских консулов в трех различных регионах Балкан. Как правило, русские дипломаты направляли свои усилия на признание болгарского

языка достойным для богослужения и изучения в школе, что должно было воспрепятствовать процессу эллинизации болгар, в том числе и адрианопольских. Ступин отмечал, что Адрианополь являлся «точкой крайней опоры болгарского племени», но оспаривался поборниками эллинского начала⁶⁴. И труды Ступина, как и его коллег в Варне и Битоле, были не напрасны. В 1865 г. Леонтьев сообщал, что греки указывали на то, что именно Россия мешает им эллинизировать македонских и фракийских болгар⁶⁵.

К сожалению, в Адрианополе среди зажиточных болгар так и не появились лидеры, способные к энергичным действиям. Слабы были и эснафские организации. Что мог сделать Ступин при отсутствии пассионарности у адрианопольских болгар? К тому же личность русского дипломата всегда находилась в центре повышенного внимания со стороны турецких властей, коллег из других стран, а также населения города. Русским дипломатам поэтому приходилось действовать осторожно, исподволь, постепенно привлекая на свою сторону влиятельных людей города, чтобы и для них стало насущной потребностью действовать в интересах своего народа и стать во главе болгарского населения города. Болгары Варны смогли создать свою общину и в отношениях с греками и эллинизованными гагаузами пройти точку бифуркации. Даже более взвешенная позиция Ольхина, которого П. Ников упрекал в стремлении примирить два народа, не повлияла на их решительность отстаивать свои права. В Адрианополе предпринималось несколько попыток создать болгарскую общину, но пассивность жителей, их бедность и неграмотность, отсутствие руководителей, а также устойчивость и привлекательность греческой культурной и экономической традиции, как и ряд других объективных причин, сводили их к нулю. Тодев писал, что Адрианополь оказался неспособным справиться с задачами, возложенными на него эпохой. Вместо того чтобы объединить болгарское население всего края для борьбы с эллинизмом, он сам нуждался в посторонней помощи⁶⁶. Разве было под силу одному русскому консулу, лицу официальному, выполнить за болгарское население Адрианополя его миссию?

Энергичная деятельность русских консулов, становившихся надежной опорой для болгарского населения и его защитником перед турецкой администрацией, объективно способствовала дальнейшему расширению болгарского церковного движения, которое после Крымской войны охватывало все новые районы Балкан и превращалось в массовое.

Консулы не только дали импульс к возникновению церковного движения на местах, но они являлись и его гарантами: местные активисты и чорбаджии, чувствуя сильную поддержку, действовали смелее и напористее. Без сомнения, законодательные решения по церковному вопросу принимались в столице Османской империи, но без широкого движения в провинциях, без этого массового протеста против Вселенской патриархии, без массового отказа от греческих иерархов константинопольским болгарам было бы сложнее двигать дело вперед. И Н. П. Игнатьеву, активно вмешавшемуся в церковный спор, – оказывать давление как на Вселенского патриарха, так и на Порту.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. София, 1987. Т. 1. Ч. 1. С. 79.
- 2 Там же. С. 110.
- 3 *Высочков Л. В.* Николай I. М., 2006. С. 410.
- 4 Русия и българското национално-освободително движение... С. 318.
- 5 Там же. С. 56.
- 6 Там же. С. 232–234.
- 7 Там же. С. 58, 117.
- 8 Там же. С. 62.
- 9 Там же. С. 96.
- 10 Там же. С. 95–96.
- 11 *Тодев И.* Българско национално движение в Тракия 1800–1878. София, 1994. С. 53.
- 12 Русия и българското национално-освободително движение... С. 97–98.
- 13 Архив на Найден Геров. София, 1931. Т. 1. С. 30.
- 14 Там же. С. 39.
- 15 Биография А. В. Рачинского содержится в статье: *Тонев В.* Александър В. Рачински и учебното дело в България след Кримската война // В памет на академик Михаил Димитров. Изследвания върху Българското възраждане. София, 1974. С. 269–286.
- 16 *Тонев В.* Руското консулство във Варна и новобългарското образование // Българското възраждане и Русия. София, 1981. С. 551.
- 17 *Ников П.* Българското възраждане в Варна и варненско. Митрополит Йоаким и неговата кореспонденция. София, 1934. С. 55.
- 18 Русия и българското национално-освободително движение... С. 401.

- 19 Там же. С. 55–56; *Тонев В.* Александър В. Рачински и учебното дело... С. 281.
- 20 Русия и българското национално-освободително движение... С. 352.
- 21 Там же. С. 357.
- 22 Там же. С. 364.
- 23 Там же. С. 358, 364.
- 24 Там же. С. 401.
- 25 Там же.
- 26 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. София, 1987. Т. 1. Ч. 2. С. 255.
- 27 Там же. С. 337.
- 28 Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 439.
- 29 *Тонев В.* Руското консулство във Варна... С. 555.
- 30 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. София, 1990. Т. 2. С. 195.
- 31 Там же. С. 142.
- 32 Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 356. Д. 362. Л. 1об., 5, 7.
- 33 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 517об.
- 34 См.: *Фролова М. М.* К вопросу о содействии русских дипломатов болгарам г. Битола в организации национального образования (60-е гг. XIX в.) // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 100–101.
- 35 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 35об.; Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. София, 1994. Т. 1. С. 127.
- 36 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 32об.
- 37 Македония през погледа на австрийски консули... С. 270.
- 38 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 2. Л. 519.
- 39 Русия и българското национално-освободително движение... Т. 2. С. 16.
- 40 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 746.
- 41 См.: *Петров Н. И.* Начало греко-болгарской церковной распри. Киев, 1886. С. 48–50.
- 42 Русия и българското национално-освободително движение... Т. 1. Ч. 1. С. 248–249.
- 43 Там же. С. 249.
- 44 Там же. С. 118, 448, 471.
- 45 *Степанова Л. И.* Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции (50–70-е гг. XIX в.). Кишинев, 1981. С. 159; *Генчев Н.* Българската култура XV–XIX вв. София, 1988. С. 203.
- 46 Русия и българското национално-освободително движение... Т. 1. Ч. 1. С. 274.

- 47 Там же. Т. 2. С. 280.
- 48 Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 249.
- 49 Там же. Т. 2. С. 214.
- 50 ОР РНБ. Ф. 356. Д. 436. Л. 6–9об.
- 51 Русия и българското национално-освободително движение... Т. 1. Ч. 1. С. 250.
- 52 Там же. Т. 2. С. 71–72.
- 53 Там же. С. 86.
- 54 Там же. С. 99.
- 55 Там же. С. 83.
- 56 Там же. С.108.
- 57 Там же. С. 213–214.
- 58 Там же. С. 280–281.
- 59 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1423. Л. 76; *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1978. С. 177–178.
- 60 Русия и българското национално-освободително движение... Т. 2. С. 108.
- 61 *Тонев В.* Александър В. Рачински... С. 282, 285.
- 62 Русия и българското национално-освободително движение... Т. 1. Ч. 1. С. 294, 296, 298, 469, 488.
- 63 Там же. Т. 2. С. 295, 397.
- 64 Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 327.
- 65 Там же. Т. 2. С. 209.
- 66 *Тодев И.* Българско национално движение в Тракия... С. 157.

Frolova M. M.

Russian Consuls and the Bulgarian-Greek Confrontation
in the Ecclesiastical Question and in the Field of School Education
(Adrianople, Varna, Bitola, 1850s–1860s)

The article considers the activities of the Russian diplomatic representatives in Adrianople, Varna and Bitola, which, advocating introduction of the Bulgarian language in liturgy and school-teaching, all in all contributed not to pacification of Bulgarians and Greeks, but to their confrontation and deepening of their discord.

Keywords: *Russian consul, N. D. Stupin, A. V. Rachinsky, M. A. Khitrovo, Adroanople, Varna, Bitola, Greek-Bulgarian Church question, school.*

К. В. Мельчакова
(Москва)

**Дипломатия и путешествия в неизведанных славянских землях.
А. Ф. Гильфердинг и А. С. Ионин на службе в первом
русском консульстве в Сараево**

В статье рассматривается деятельность первых работников русского консульства в Сараево. Большое внимание уделено роли А. С. Ионина и А. Ф. Гильфердинга в популяризации знаний о боснийских славянах в России, а также налаживании контактов с православным населением края.

Ключевые слова: *Босния и Герцеговина, А. Ф. Гильфердинг, А. С. Ионин, русское консульство в Сараево, восстание в Герцеговине.*

Босния и Герцеговина для русского общества середины XIX в. являлась настоящей terra incognita. Между тем, это одна из самых интересных областей Балканского полуострова. В XV в. эти земли вошли в состав Османской империи. Боснийский пашалык был удален от Константинополя и примыкал своими границами к Австрийской империи. Такое положение делало эти земли центром торговли и придавало им важнейшее оборонительное значение. Босния оказалась в культурных границах Востока и Запада. Местное население преимущественно было славянским. Во время турецкого завоевания многие христиане края перешли в ислам. Мусульманскую веру приняла местная знать, тем самым она себя сохранила. Однако остался большой процент православных и католиков. Некогда единое славянское племя размежевалось по религиозному признаку, вероисповедание стало определять национальность.

Контакты России с землями Боснии и Герцеговины до середины XIX в. не были тесными¹. По большей части сталкиваться со славянским населением этих областей приходилось русской армии во время военных походов. Предпринимал попытку установить связи с Боснией Михаил Ильич Милорадович, который, будучи герцеговинцем по происхождению, был отправлен русским царем Петром I с особой миссией на Балканы, однако желаемых результатов в Боснии ему достичь не удалось. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г. принес России право открывать на территории Османской империи свои консульства и вице-консульства, но долгое время эта привилегия не использовалась.

Начиная с конца 1840-х г. приверженцы православной веры не раз обращались к России с просьбой учредить свои консульства в Боснии и Герцеговине², но никакой реакции в ответ не следовало³. Ситуация изменилась после Крымской войны. Новый министр иностранных дел А. М. Горчаков обратил пристальное внимание на Балканы, где в это время начала разворачиваться сеть русских дипломатических представительств⁴.

Решение об открытии русского консульства в Сараево было принято в октябре 1856 г. Перед этим учреждением ставились следующие задачи: наблюдение за проведением в жизнь положений хатти-хумаюна⁵ и защита интересов православного населения Боснии и Герцеговины. Консульство находилось в подчинении генерального консула в Дубровнике.

Первым русским консулом в Сараево стал двадцатипятилетний выпускник Московского университета, славянофил, историк-славист Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872). На молодом дипломате лежала обязанность наблюдать за обстановкой в регионе, информировать о происходящем остальных консулов на Балканах и Азиатский департамент Министерства иностранных дел России.

К прямому выполнению своих консульских обязанностей Гильфердинг приступил через пять месяцев после назначения. Путь в Сараево для начинающего дипломата лежал через фрушкогорские монастыри, Вену, Триест и Дубровник, где он около месяца ожидал инструкций из Константинополя.

Гильфердинг сам изъявил желание отправиться в далекую славяно-турецкую область. Прежде всего, эти края влекли его как ученого-слависта. Он надеялся собрать богатый урожай древнеславянских рукописей, изучить быт и нравы современного местного населения. Такая постановка вопроса вызывала возмущение у его старших коллег. Нелестно отзывался о нем генеральный консул в Дубровнике П. Н. Стремоухов: «...в десять раз лучше было бы не посылать никого в Боснию, чем это существо... Вся его цель теперь отыскать никем не виданные еще материалы для истории и литературы... Он не только не сумеет внушить нашим единоверцам никакого к себе доверия, но непременно оттолкнет их от себя своей невыносимой холодностью... И это-то человек, которого босняки и герцеговинцы ждут как мессию, и это-то первый русский чиновник, который появится в этих странах после стольких лет непрерывного ожидания!»⁶ В пользу Гильфердинга говорила его профессиональная подготовка. Он прекрасно владел сербским языком, хорошо знал историю и

культуру сербского народа. К тому времени им уже была написана и издана «История сербов и болгар»⁷. Этот труд был переведен на сербский язык и пользовался большой популярностью⁸.

Отец Гильфердинга, Федор Иванович, занимал видные посты в русском МИДе и был близким другом директора Азиатского департамента Е. П. Ковалевского, который и составил протекцию для молодого дипломата-слависта.

Секретарем консульства стал выпускник Лазаревского института восточных языков Александр Семенович Ионин (1837–1900). Новость о назначении на эту должность застала его на службе при русской миссии в Константинополе. В отличие от Гильфердинга, это известие Ионин воспринял с меньшим энтузиазмом. В своем письме к неустановленному лицу он писал, что ему предстоит «углубиться еще в одно из самых положительных захоlustьев Турции, где небо может быть такое же голубое, как и в Италии, где природа, говорят, прекрасна, но где красоты ее совсем не отразились на человеке...»⁹. Представления о Боснии у Ионина были самыми что ни на есть мрачными: «... всё вот до сих пор видел людей, а теперь надобно ладить с дикарями»¹⁰. Упоминает он и о миссии своего начальника. По его словам, Гильфердинг ехал туда чисто из научного интереса и на небольшой промежуток времени. Таким образом, очевидно, что первого русского консула в Сараево изначально посылали не на долгий срок. Да и сам Ионин надеялся, что его пребывание на Балканах продлится не более полутора лет.

В апреле 1857 г. Ионин доставил инструкции, ферман и берет в Рагузу Гильфердингу, а затем они двинулись в путь. Дорога заняла около двух недель. Поездка и соприкосновение с ориентальной культурой произвели большое впечатление на Гильфердинга. Было решено ехать через Требинье и Мостар. (Существовала более короткая и безопасная дорога по реке Неретва через город Меткович, но было необходимо оценить ситуацию в беспокойных уголках Герцеговины.) Из Мостара поступили первые донесения Гильфердинга о притеснениях христианского населения. В главном городе Герцеговины русские дипломаты пробыли пять дней. Их разместили в сарае – дворце местного пашы. Наибольшее удивление и недоумение вызвала манера османских чиновников вести дела. В письме к А. В. Плетневой Гильфердинг подробно описал особенности жизненного уклада турецкого управленца: «... в 8 часов позовут нас ужинать к Его превосходительству: сажают за стол, уставленный бесконечным множеством солений и бутылок, подают всем трубки... Паша съест

солёный кусочек, выпьет рюмку мастики (род весьма крепкой водки), запьет водой, захлебнет дымом из кальяна и скажет мне комплимент по-турецки, который мне переведут и на который отвечу приличным изъяснением чувств; так дело идет два часа... пока не дойдут до самых горячих излияний любви и пока не опустеет до дна графин мастики... потом два часа опять тянется самый ужин, двадцать пять кушаний самых разнообразных и между ними всякий раз по трубке, но уже не комплименты, тяжелое молчание; наконец, в полночь, отодвигается стол, и все сидят еще с полчаса, отягченные кто винными испарениями, кто скукою и табачным дымом. Так проводит свои вечера вся турецкая знать»¹¹ (см. рис.). Такой образ жизни турецких властей резко контрастировал с нищетой местного православного населения.

23 мая 1857 г. русские дипломаты наконец-то прибыли к месту назначения. Консульство располагалось в арендованном доме ремесленника Джордже Терзибаши (Вукичевича) на Ташлиханской улице. В те времена это здание считалось одним из самых красивых в Сараево¹².

По приезде Гильфердинг установил дружеские отношения с дипломатическими представителями всех иностранных консульств. Особенно близок он был с дипломатами из Австрии. В это время австрийское консульство ожидало нового консула, Реслера, который слыл ярым ненавистником России¹³. Гильфердингу все же удалось сблизиться с австрийским коллегой, не питая при этом иллюзий относительно его дружелюбности. Русский консул сообщал, что австрийский чиновник ищет любого момента, когда можно будет каким-либо образом скомпрометировать консулов других стран. Кроме того, дружба с представителем Австрии могла препятствовать в деле налаживания отношений с местным православным населением. Основную же цель политики Австрии Гильфердинг видел в насаждении раздоров и конфликтов на территории Боснии и Герцеговины, поскольку нестабильность в регионе была основным фактором для укрепления ее власти и влияния. Такую же тактику использовал и английский консул Черчил. Однако последний, вместе со своим французским коллегой, открыто выражал свою неприязнь к представителю Австрии. Эти раздоры были на руку русскому консулу. Англичане имели большое влияние на турецкое руководство и пользовались особым положением, к примеру, им разрешалось обращаться к местным властям, не соблюдая установленный церемониал. Австрийцы же имели большое влияние на вали и его окружение. Самое

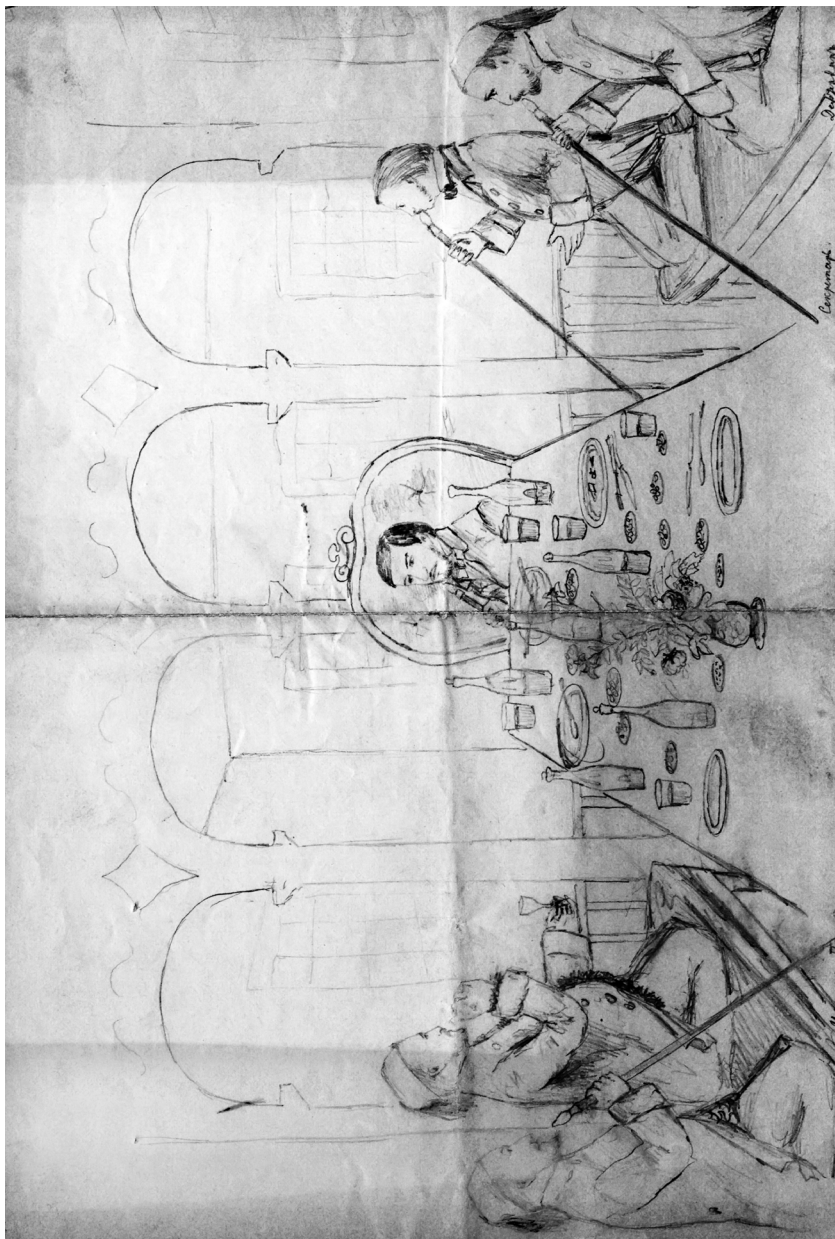

Рисунок Гильфердинга.
Гильфердинг и Ионин на притме в Мостаре.
РО ИРЛИ РАН. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 19

невыгодное положение занимал французский консул Виетт. Он не пользовался расположением турок. Симпатизировали ему лишь узкие круги католического населения¹⁴.

Отношения с главами православной паствы Боснии и Герцеговины складывались у русского консула не самым лучшим образом. Дабробосанский митрополит Дионисий первоначально ввел Гильфердинга в заблуждение и представился ему главным радетелем православия в регионе. Однако позже стало ясно, что он чинил большие препятствия в налаживании контактов русских дипломатических агентов с православной паствой, которая была им очень недовольна. Не удалось найти общий язык и с герцеговинским митрополитом Григорием. «Об нем не слышно ничего другого, кроме жалоб на его корыстолюбие и равнодушие к народу. Его почти не видели в Мостаре; он постоянно объезжает свою епархию, чтобы собирать деньги и жить на счет монастырей и семейств, в домах которых останавливается», – сообщал Гильфердинг¹⁵. О злоупотреблениях Григория Гильфердинг поставил в известность русское посольство в Константинополе, информация была передана в константинопольскую патриархию. В январе 1858 г. Ионин писал Гильфердингу о том, что данные меры возымели эффект¹⁶. Григорий исправил свое поведение. Хвалебного отзыва удостоился митрополит Зворницкий Агатангел. Это был один из немногих церковных иерархов, который изучил сербский язык и трудился на благо паствы.

Устранение или ослабление греческого духовенства Гильфердинг считал одной из главных задач русского консульства. Обучение священнослужителей из местной среды было одним из способов к ее достижению. Этим объясняется широкая деятельность Гильфердинга и других русских консулов по оказанию помощи учебным заведениям и организации учебного процесса в Боснии и Герцеговине.

Положение русского консульства было сложным. У Гильфердинга не было надежных союзников – ни иностранные консулы, ни сараевский митрополит не могли стать опорой для русского дипломатического представительства в Боснии. Сочувствия можно было ожидать только от православного сербского населения, которое и само нуждалось в помощи.

За свое короткое пребывание в Боснийском пашалыке А. Ф. Гильфердинг совершил три поездки по вверенным ему землям, которые проходили по следующим маршрутам:

- 1) Рагуза – Требинье – Мостар (Герцеговина) – Сараево;

2) Сараево – Рогатица – Вышеград (юг Боснии) – Печ, Косово поле, Дечаны, Призрен, Приштина, Дробняк, Пива (Старая Сербия) – Сараево;

3) Фоница, Травник, Яйце, Баня-Лука (Средняя Босния).

Путешествие по этим областям он осуществлял не из праздного любопытства. В ходе поездок он действовал одновременно как ученый, общественный деятель и дипломат: собирал рукописи, налаживал контакты с местным населением, проводил глубокий анализ положения дел в регионе, действий иностранных агентов и миссионеров, настроений, царящих в обществе.

В результате русский МИД получил подробную картину происходящего в Боснии и Герцеговине, отечественная наука обогатилась ценнейшими древнеславянскими рукописями, а русское общество познакомилось с этим необычным краем, прочитав сочинения Гильфердинга «Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии»¹⁷ и «Босния в начале 1858 года»¹⁸. Оба труда пережили несколько изданий.

Пока консул совершал свои поездки по вверенным ему краям, все дела в Сараево вел Ионин. Функции общения с османскими властями изначально были переложены на него, так как он владел турецким языком. Для ориентального турецкого общества не последнюю роль играли регалии иностранных чиновников. В зависимости от звания и наличия правительственных наград менялся тон разговора. Молодой секретарь Ионин, как ни старался, не мог добиться полного расположения местных властей.

Осенью 1857 г. в Герцеговине назревало очередное восстание населения против турок. Для разъяснения обстановки в эту область был отправлен А. С. Ионин. Ему предстояло разобраться в причинах происходящего и выявить зачинщиков. В своем донесении он писал Ковалевскому: «...в скором времени после моего прибытия в Мостар я мог убедиться, что вице-консул австрийский своим участием много способствовал губернатору Герцеговины произвести из восстания почти междоусобную войну»¹⁹. Турецкие власти официально заявляли, что организатором народных волнений выступала Черногория. В игру включились и представители английского консульства. Действующими лицами стали временный английский агент капитан Джонс и его драгоман Александр Джуркович. Первоначально они выступили в качестве посредников турецких властей. Их стремления убедить местное население в том, что организатором восстания стала Черногория, и добиться от христиан письма с по-

винной к султану не увенчались успехом. Ионин успел предупредить местное духовенство об уловках подобного рода. Джонс начал вооружать мусульман первым, спровоцировав тем самым агрессию герцеговинского населения. В разгар конфликта, заручившись доверием турецких чиновников, он отправился в монастырь Дужи, где, по его словам, обнаружил среди восставших 2000 черногорцев. Затем работники английского консульства поменяли тактику. Поднявшимся против турецких властей Джуркович говорил о том, что он является представителем русского консульства, пользуясь доверчивостью повстанцев, он убеждал их, что восстание организовано черногорцами. Джонсу удалось дискредитировать консульство России. В глазах турок Гильфердинг и Ионин выглядели главными организаторами волнений. Путешествия Гильфердинга в межджисе Мостара расценивались как попытка агитации к восстанию²⁰.

В реальности Гильфердинг не предпринимал каких-либо действий к подстрекательству, более того, он одним из первых сообщал в своих донесениях об опасности грядущих событий. Открытого вмешательства со стороны русского консула не было. Донесения Гильфердинга в Азиатский департамент говорят лишь о его сочувствии к местному населению и попытке решить вопрос мирным путем, договорившись с местными турецкими властями²¹. Кроме того, он искренне полагал, что состояние боснийского общества таково, что даже успешные выступления против турецких властей ни к чему хорошему не приведут. В регионе было необходимо проводить долгосрочную подготовительную работу, развивать образование, укреплять позиции православной церкви.

События продолжали разворачиваться не в пользу русской дипломатии. Восстание ширилось и в январе 1858 г. достигло своего апогея. Ионин сообщал о провокационных действиях со стороны Австрии, но в итоге именно ей предоставили возможность выступить арбитром в разрешении конфликта. В феврале новым консулом в Сараево был назначен Евграф Романович Щулепников. Гильфердинг составил для него записку, в которой говорилось об условиях и задачах деятельности консульства. Здесь он указывал на то, что в Сараево нет твердой точки опоры для России ни в иностранных агентах, ни в турецких властях, ни в городских жителях, большие опасения вызывал рост влияния представителей Англии и Австрии²².

Боснийский историк И. Тепич на основании изучения деятельности русского МИДа пришел к выводу, что Гильфердинг был отозван по требованию турецких властей. Однако письма Гильфердинга

к М. Ф. Раевскому свидетельствуют о его добровольном решении покинуть дипломатическую службу: «...меня согласились отозвать из Боснии, где я не хотел засиживаться не потому, чтобы место было тяжело, а потому, что семейные отношения призывают домой», – писал Гильфердинг²³.

1 января 1858 г. коллежскому ассессору, управляющему консульством в Сараево А. Ф. Гильфердингу был пожалован орден Святой Анны III степени. Александр Федорович сердечно благодарил за эту награду Ковалевского, но вместе с тем писал: «...если бы мне был представлен выбор... охотнее видел бы крестик не на себе, а на груди доброго товарища сараевского изгнания, который более меня, кажется, заслужил такой награды. Для меня пребывание в Сараеве, по своей кратковременности, было приятной оригинальностью, и дало мне возможность совершить путешествие, которого я особенно желал и которое вознаградилось богатой археологической добычей. Пока я проводил часть лета в привлекательных для меня изысканиях, г. Ионин осужден был на затворничество в душном турецком городе»²⁴.

В Боснии Гильфердинг оставался еще около пяти месяцев. Возвращался домой он через Мостар, взяв на воспитание уроженца этого города Йована Дреча²⁵.

После отъезда Гильфердинга в тюрьму за шпионаж и подстрекательство к восстанию попал Ионин, в заключении он провел три дня, после чего бежал в Австрию²⁶. В конечном итоге он вернулся на свой пост в Сараево.

Так закончилась история короткого пребывания Гильфердинга на посту русского консула в Боснии. Несмотря на то, что эту должность он занимал меньше года, им был задан вектор ведения русской политики в регионе. История с обвинением русских агентов в подстрекательстве к восстанию имела и положительный результат. В 1858 г. было открыто консульство в Мостаре²⁷. «Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии» раскрыло мир и историю этого региона не только преемникам на посту консула, но и всему русскому обществу. Благодаря своим поездкам по славянским землям Турции Гильфердинг добился решения задачи, которую ставил перед ним Горчаков. Россия стала известна местному населению. Смутное представление о великой славянской державе стало приобретать явные черты, особенно когда с подачи Гильфердинга в эти края систематически начала поступать материальная помощь из России. Первый русский консул оставил о себе добрую память у местных жителей. Можно привести следующий пример. В 1867 г. Зеницкая церковная община об-

ратилась к русскому царю с просьбой оказать материальную помощь местной школе и церкви. В письме говорилось о том, что до 1857 г. местные жители не знали о существовании большого православного государства, которое может стать их покровителем. Об этом стало известно после приезда русского консула Александра Гильфердинга, который многим запомнился и открыл глаза в Боснии. На прошение прислать им необходимые церковные книги и убранства консул незамедлительно откликнулся. Местные жители, увидев дары царства русского, со слезами на глазах благодарили Бога²⁸.

Гильфердинг вернулся в Россию, покинул дипломатическое ведомство, но Босния осталась в его жизни. Он уделял большое внимание этим краям как общественный деятель и ученый. Александр Федорович являлся членом Московского славянского комитета, позже возглавил его отделение в Петербурге. Ему принадлежит идея и организация отправки боснийских и герцеговинских мальчиков на учебу в Россию²⁹. На основе собранных им данных было налажено систематическое оказание помощи церквям Боснии и Герцеговины. Он оказывал активную поддержку Стаке Скендеровой в деле открытия школы для девочек в Сараево³⁰.

Занявший после Гильфердинга пост консула в Сараево Е. Р. Щупеников пробыл на этой должности около десяти лет. Его удаление со службы было связано со скандалом. Увлекаясь карточными играми, русский дипломат погряз в долгах. После него вплоть до Восточного кризиса середины 1870-х гг. пост занимал Алексей Николаевич Кудрявцев. Он отличался вспыльчивым характером и постоянно конфликтовал с иностранными коллегами и местными властями. Примечательно, что преемники Гильфердинга не владели сербским языком. Они продолжали начатую им деятельность по распределению материальной помощи православным славянам, приходившей от русских благотворителей. Вплоть до оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией не менялась позиция России по ориентации исключительно на православное население региона.

Надежды Ионина на краткосрочное пребывание среди турецких славян не оправдались. Он всю свою жизнь посвятил дипломатической службе. На Балканах он провел около тридцати лет³¹. В Сараево он пробыл до 1860 г. Гильфердинг неоднократно ходатайствовал о переводе своего коллеги на службу в более благополучные края. Ионин не отличался крепким здоровьем. Несколько раз за свое пребывание на Балканах он находился на грани жизни и смерти³². Однако судьба надолго свела его с турецкими славянами.

Русский МИД пошел на своего рода эксперимент, сознательно назначая на короткий срок на должность консула в новое место ученого, знатока истории и культуры местного населения. Собранные Гильфердингом данные и глубокий анализ положения дел в регионе позволили определиться с характером русской политики в Боснии. Значение его этнографического труда об этих краях невозможно переоценить. Следует отметить, что всего этого было бы трудно достичь без помощи А. С. Ионина. Поэтому Гильфердинга и Ионина можно смело назвать первооткрывателями Боснии и Герцеговины для русского человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Pelidija E.* Bosansko-ruski odnosi u XVIII stoleću // *Bosna i Hercegovina i svijet.* Sarajevo, 1996.
- 2 Защитой прав католического населения занималось генеральное консульство Австрии, открытое в 1850 г., и вице-консульство Франции, начавшее свою работу в 1853 г.
- 3 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. М., 1985. С. 11–13.
- 4 *Хевролина В. М.* Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 гг. (деятельность российских консульств) // *Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX века.* М., 2007.
- 5 С 1856 г. в Османской империи начинается вторая волна реформ танзимата. Изданный султаном хатт-и-хумаюн провозглашал равноправие всего населения Османской империи. Европейские державы должны были следить за воплощением этого постулата в жизнь.
- 6 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского (40–80 годы XIX века). М., 1975. Т. 1. С. 417.
- 7 *Гильфердинг А. Ф.* Письма об истории сербов и болгар. М., 1855.
- 8 *Гильфердинг А. Ф.* Историја срба и бугара. Свеска I. Београд, 1857.
- 9 НИОР РГБ. Ф. 13. К. 24. Д. 30. Л. 1.
- 10 Там же. Л. 1об.
- 11 РО ИРЛИ РАН. Ф. 234. Оп. 4. Д. 53. Л. 11об.–12об.
- 12 *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима 1856–1878. Сарајево, 1988. С. 24–25.
- 13 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины... С. 76.

- 14 *Тенић И.* Босна и Херцеговина... С. 26–28.
- 15 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины... С. 53.
- 16 Там же. С. 118.
- 17 *Гильфердинг А. Ф.* Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии // *Гильфердинг А. Ф.* Собрание сочинений. М., 1873. Т. 3. Сочинение было переведено на сербский язык. Отзывы современников об этом труде были положительными. В 1860 г. Академия наук присудила Гильфердингу половину Демидовской премии по географии. Эта премия до 1866 г. считалась самой почетной негражданственной наградой в России.
- 18 *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 года // *Гильфердинг А. Ф.* Собрание сочинений. Т. 3.
- 19 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины... С. 121.
- 20 Там же. С. 123.
- 21 Там же. С. 79–81.
- 22 Там же. С. 141–145.
- 23 ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 25. Л. 33–35.
- 24 РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 4. Д. 32. Л. 1–2 об.
- 25 *Мельчакова К. В.* Первый русский консул в Боснии и Герцеговине А. Ф. Гильфердинг о проблемах славянского населения // *Per aspera.* М., 2012. Вып. 4. С. 133–143.
- 26 *Тенић И.* Босна и Херцеговина... С. 257–265.
- 27 О необходимости открытия русского дипломатического представительства в главном городе Герцеговины постоянно говорил в своих донесениях Гильфердинг, настаивал на этом и Стремоухов.
- 28 *Радослављевић Н.* Грађа за историју сарајевске (дабробосанске) митрополије 1836–1878. Београд, 2007. С. 127.
- 29 В 1858 г. вместе с иеромонахом Прокопием Чокрило на обучение в Россию прибыла первая группа мальчиков из Боснии и Герцеговины. Среди них был Йован Пичета – отец выдающегося слависта Владимира Ивановича Пичеты.
- 30 Стака Скендерова (1830–1891) – боснийская просветительница, в период с 1858 по 1878 гг. возглавляла школу для девочек в Сараево, автор сочинения «Летопись Боснии» (пер. А. Ф. Гильфердинга, см.: *Гильфердинг А. Ф.* Собрание сочинений. Т. 3).
- 31 С августа 1856 г. был в составе русской дипломатической миссии в Константинополе. С 1857 г. секретарь русского посольства в Сараево. В 1860 г. был переведен в Янину, в период с 1864 по 1869 г. был консулом в Янине. С 1869 г. консул в Дубровнике, с 1875 по 1878 г. генеральный консул. С 1878 г. министр-резидент в Черногории, в

- 1883 г. временно управлял генеральным консульством в Софии, затем до 1892 г. был чрезвычайным послом и полномочным министром в Бразилии. С 1885 г. посол в Аргентине. Автор сочинения «По Южной Америке» (СПб., 1892).
- 32 ОР РНБ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 176. Л. 4об.

Melchakova K. V.

Diplomacy and Travelling in the Unexplored Slavic Lands,
Aleksandr Gilferding and Aleksandr Ionin in the Employ
of the First Russian Consulate in Sarajevo

The article treats the activities of the first staff-members of the Russian consulate in Sarajevo. It concentrates on the role of Aleksandr Ionin and Aleksandr Gilferding in popularising information about the Bosnian Slavs in Russia, establishing contacts with the Orthodox population of the region.

Keywords: *Bosnia and Herzegovina, Aleksandr Gilferding, Aleksandr Ionin, Russian consulate in Sarajevo, uprising in Herzegovina.*

Е. П. Аксенова
(Москва)

Н. А. Добролюбов в Праге и студенческие волнения 1860 г. (из неопубликованных рукописей А. В. Флоровского)

Статья знакомит с неопубликованным очерком русского историка-эмигранта А. В. Флоровского, в котором на основе архивных материалов подробно представлены майские 1860 г. студенческие волнения в Праге и поездка Н. А. Добролюбова в Чехию в связи с интересом к этим событиям.

Ключевые слова: *чешское национальное движение XIX в., выступления студентов в Праге в мае 1860 г., Н. А. Добролюбов, А. В. Флоровский.*

Работая в пражских и других чешских архивах, русский историк-эмигрант А. В. Флоровский¹ обнаружил немало документальных материалов, свидетельствующих о чешско-русских связях в самых различных областях на протяжении многих веков. Его исследования нашли отражение во многих статьях и двухтомном труде «Чехи и восточные славяне»², хронологически завершающемся XVIII веком. Но события XIX в., в том числе связанные с чешским общественным движением в период подъема национальной борьбы, также интересовали историка. Кое-что из написанного по этой тематике автору удалось опубликовать, но некоторые работы остались в рукописях. Среди них очерк «Н. А. Добролюбов и студенческие волнения в Праге (1860 год)». Черновой машинописный экземпляр с авторской правкой хранится в фонде А. В. Флоровского в Архиве РАН³, а предназначенный для печати текст – в другой части фонда ученого, находящейся в Славянской библиотеке в Праге⁴. Очерк условно датируется 1959 годом. Возможно, автор хотел опубликовать его к столетию пражских событий, а также и к близкому по времени (1961) столетию со дня смерти Добролюбова. А. В. Флоровский собирался напечатать очерк в Советском Союзе⁵. Будучи в преклонном возрасте, он продолжал много писать, признаваясь, что «написано на несколько томов», однако печатать эти материалы на русском языке за границей непросто, но более всего хотелось бы «видеть это в печати по-русски»⁶. Видимо, руководствуясь этим желанием, историк направил рукопись в журнал «Русская литература», издававшийся в Ленинграде. Однако, по неизвестным нам причинам, рукопись была возвращена авто-

ру (об этом свидетельствует запись в чешском архиве Флоровского: «Redakce vrátila stat' autorovi»⁷).

Соединение в статье описания студенческих волнений на национальной почве в Праге и пребывания в этом городе Н. А. Добролюбова представляется в известной мере искусственным. Автор и сам не нашел прямой связи этих событий, выдвигая лишь некоторые предположения. В своем очерке он опирался как на русскую литературу о Добролюбове, так и на документы пражского Архива полицейского президиума (в составе Архива Министерства внутренних дел)⁸. Что же реально предшествовало описываемым в очерке событиям, какова была общественно-политическая обстановка в Чехии и что там делал Н. А. Добролюбов?

К весне 1860 г. резко ухудшилось здоровье Н. А. Добролюбова. Врачи настаивали на лечении за границей. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Некрасов с трудом заставили его отправиться в заграничную поездку⁹. В середине мая Добролюбов выехал за границу; он посетил Берлин, Дрезден, Прагу, Интерлакен (Швейцария), затем отправился в Италию. За рубежом он стал свидетелем серьезных политических событий (как итальянское рисорджименто), которые нашли отражение в ряде его статей, направленных в «Современник». В то же время в многоэтничной Австрийской империи наблюдался новый подъем национального движения входивших в ее состав народов. В ответ на революционные выступления 1848 г. Габсбургская монархия начала широко проводить реакционную политику. Даже принятая в 1849 г. октроированная конституция означала торжество абсолютизма и австро-немецкой централизации, но и этот не вступивший в силу законодательный акт был ликвидирован в последующие два года¹⁰. К концу 1850-х гг. усиливается оппозиционное движение в австрийских землях, выражавшее стремление к федеративному устройству государства, и правительству приходится балансировать между сторонниками централизаторских и федералистских течений, учитывая при этом политические требования национально-освободительных движений подвластных Австрийской империи народов. Чтобы сохранить в своих руках ключевые позиции, династия вынуждена была пойти на уступки и обещать реформы¹¹. В начале 1860 г. было объявлено о созыве расширенного имперского совета (рейхсрата), а осенью появился Октябрьский манифест и диплом 1860 г., в котором сделана попытка сочетать единство управления империей с принципом децентрализации¹². В итоге Октябрьский диплом не удовлетворил ни централистов, ни венгерскую оппозицию, ни славянское

население империи. Как бы в развитие документа 1860 г. был принят Февральский диплом 1861 г., который на самом деле усиливал тенденцию к централизации управления¹³. Но весной 1860 г. – время, о котором идет речь в очерке Флоровского, – чешские общественные силы еще надеялись на благоприятный исход борьбы. В протестном движении принимали участие различные социальные группы, в том числе и учащаяся молодежь. Студенческие выступления в мае 1860 г. – лишь один небольшой эпизод из истории чешской политической борьбы, который и лег в основу очерка А. В. Флоровского. Этот эпизод не нашел подробного описания в исторической литературе, и, таким образом, работа русского ученого, будь она опубликована, могла бы внести определенный вклад в изучение процесса национального возрождения чешского народа.

Факт посещения Н. А. Добролюбовым Праги во время большого заграничного путешествия давно известен из литературы о нем и его писем, но, как отмечал Флоровский, не обращал на себя внимание с точки зрения русско-чешских отношений. По мнению историка, приезд Добролюбова в Прагу был вызван не «желанием увидеть Чехию и ее славную столицу», а «политическими обстоятельствами и живым интересом Добролюбова к политической жизни чешского народа»¹⁴. Из писем Добролюбова следует, что он предполагал отправиться из Дрездена для дальнейшего лечения в Швейцарию, но неожиданно решил посетить Прагу, куда и выехал 9 июня (по н. ст.). В Праге он предполагал пробыть 3–4 дня, но, может быть, оставался и дольше [л. 2]. Флоровский предполагает, что в Дрездене Добролюбов из газет узнал о вспыхнувших в Праге волнениях и захотел лично увидеть развитие событий, но они «не развернулись во что-либо значительное», и Добролюбов «потерял интерес к ним» [л. 2–3]. Находясь уже в Швейцарии, он просил своего берлинского приятеля не посылать ему газет, так как в них ничего нет о Праге, да и вся эта история перестала интересовать не только самого Добролюбова, но даже, как он полагал, и пражских его знакомых [л. 2].

На вопрос, кто были эти «пражские знакомые» – русские единомышленники или чешские деятели, – Флоровский не мог ответить. (Немного раньше Добролюбов мог бы встретиться там с А. Н. Пыпиным, но Пыпин уже покинул Прагу. В его воспоминаниях мы находим такие строки: «Как я уже упоминал, я потом в течение двух лет отсутствовал из Петербурга, и снова увидел Добролюбова уже в шестидесятом году»¹⁵.) Флоровский предполагал, что у Добролюбова могла быть встреча с представителем русского революционно-демо-

кратического движения Н. Обручевым, на основании письма последнего к Добролюбову из Марианских Лазней от 26 июня относительно пражских впечатлений [л. 3]. Однако прямого доказательства их встреч в Праге нет. С такой же или еще большей вероятностью среди «пражских знакомых» могли быть деятели чешского национального движения и сами участники майских событий.

В поисках каких-либо «зацепок» Флоровский обратился к стихотворению Добролюбова «В Праге», написанному после посещения чешской столицы и напечатанному в «Современнике» уже после смерти автора¹⁶. Но и в этом тексте он не нашел ничего определенного, кроме разве что следующих строк:

И вступил я в Прагу [...] / Был какой-то праздник. Не было
проходу / В улицах, широких от громад народа. / Впереди блес-
тели, в воздухе подняты, / Знамена веры, убраны богато; / Фо-
нари, хоругви, мощи и иконы, / С торжеством особым высились
мадонны...

Однако эти впечатления относятся к июню 1860 г. (о них речь пойдет ниже).

Далее Флоровский обращается к волнениям в Праге в мае 1860 г. По его признанию, в чешской исторической литературе он «не нашел сколько-нибудь подробного рассказа» о них¹⁷, зато в полицейских архивах «имеется обильный материал для истории этих событий» [л. 6]. Опираясь на эти документы, историк довольно подробно восстанавливает ход событий.

15 и 17 мая 1860 г. в Праге имели место демонстрации, в которых чешские студенты «открыто проявляли свои национальные чувства». В состав участников демонстраций входили студенты, а также довольно много учащихся средних школ. Наряду с ними «выступали и старшие представители чешского национального движения – некоторые молодые журналисты и пр.». Флоровский отметил интересную деталь: среди демонстрантов «были и представители балканских славян, учившихся в Праге» (болгарин В. Димитров, серб Стоян Маркович) [л. 6].

Наиболее серьезными, по оценке полиции, оказались события 15 и 17 мая, хотя и раньше, как отмечал Флоровский, случались проявления «протеста чешской национально чувствующей и мыслящей молодежи против национального угнетения со стороны австро-немецких властей». Так, в ноябре 1859 г. немецкие песни (исполняв-

шиеся в честь Ф. Шиллера) были встречены свистом и протестами. Аналогичный факт имел место в январе 1860 г. В донесениях главы пражской полиции Пауманна в Вену в марте и апреле того же года содержатся сообщения о национальных «эксцессах» чешских студентов Университета и Политехникума, а также учащихся Высшей реальной школы и гимназий, расположенных на Старом Месте. Эти «эксцессы» выражались прежде всего в протестах против исполнения немецких песен и маршей и в пении чешских народных песен [л. 6].

Участники майских волнений были представлены теми же группами молодежи, и главным их «преступлением» было исполнение чешских песен. Тот же Пауманн в своих донесениях начальству подчеркивал, что в выступлениях чешской молодежи якобы не было ничего политического, однако он опасался, что представители чешской национальной «партии» могли использовать эти события для усиления чешского протеста против режима. Пауманн, как считал Флоровский, прекрасно понимал политическую суть студенческих выступлений и «что движение чешской молодежи не было лишь случайным уличным эпизодом, но выросло на глубоких корнях национально-революционных настроений, которые восходили к традициям 1848 года и питались действительно нарастающей национальной оппозицией против немецко-полицейского режима, господствовавшего в Чехии в эти годы», и чешская молодежь являлась одним из носителей этих оппозиционных настроений [л. 7].

Далее Флоровский детально описывает развитие событий 15 и 17 мая 1860 г. Вечером 15 мая, накануне праздника св. Яна из Непомук, около Влтавы собралось до 20–30 тыс. человек, которые хотели посмотреть фейерверк. Все было спокойно, пока не появился отряд студентов, которые прошли по улицам с пением чешских песен. Это продолжалось не более четверти часа. Натолкнувшись на полицейскую стражу, студенты разошлись. Несколько серьезнее были события 17 мая. Вечером этого дня на Стрелецком острове собралась большая группа участников сельскохозяйственной выставки, кроме того, прибыло немало студентов и учащихся, пришли некоторые пражские журналисты и писатели (И. Барак, Ян Неруда и др.) [л. 8]. Собравшиеся начали петь чешские песни, к ним присоединились студенты из Сербии, которые пели сербские и русские песни. Несколько сотен голосов пели песню «Гей, славяне», «исполнение которой придавало собранию – по мнению полиции – особенно демонстративный и, конечно, антирежимный характер». Шумное

собрание закончилось поздно ночью [л. 9]. Полиция, усмотрев в нем политический характер, приняла, по словам Флоровского, «суровые и решительные» меры [л. 7].

Было арестовано и допрошено более 40 человек, в основном учащихся высшей и средней школы в возрасте от 13 до 25 лет (юноша 13 лет – это гимназист Яромир Челаковский¹⁸, впоследствии известный историк, юрист и архивист). Самым старшим был 27-летний журналист Йозеф Барак [л. 11]. При допросах полиция пыталась выяснить, когда и кем были организованы выступления молодежи, которая «демонстративно подчеркивала свое славянство и чешскость» (в том числе ношением особого национального костюма и розово-бело-синих ленточек на одежде¹⁹). В ходе допросов было подтверждено, что группа учащейся молодежи решила воспользоваться многолюдными собраниями 15 и 17 мая, чтобы своими выступлениями продемонстрировать, что «чешский дух в Праге и в народе вообще еще жив!» [л. 10].

Полиция, как отмечал Флоровский, решила «примерно наказать» проявления «зловредного» чешского духа. Наибольшее наказание понес Й. Барак, арестованный на восемь дней, а затем высланный сначала в Коуржим, а потом в Славонию. «Восьмидневным арестом (с постами), – пишет историк, – было наказано и еще несколько лиц, значительная группа была поставлена под полицейский надзор, некоторые были высланы из Праги в свои родные места, кое-кто отсидел по несколько дней или даже часов и т. д.». Среди привлеченных к ответственности были и упомянутые выше болгарский и сербский студенты²⁰ [л. 11]. Распространение чешской национальной «заразы» глава пражской полиции Пауманн связывал с самой «вредной», с его точки зрения, постановкой воспитания в чешской школе, в связи с чем были начаты соответствующие расследования, в результате которых последовали изменения в личном составе педагогического персонала [л. 13].

«Не нужно доказывать, – отмечает Флоровский, – что эти полицейские меры были совершенно бессильны преодолеть стихию чешского национального движения, раз пробужденного к жизни и все растущего в своей силе и широте» [л. 13]. И когда Добролюбов в начале июня оказался в Праге, он, по мнению Флоровского, мог убедиться, что именно «национальный момент лежит в корне всего движения» (что отличало студенческое движение в Чехии от студенческого движения в России, которое имело социально-политический характер) [л. 13]. В это время также были отмечены проявления на-

ционального движения в Праге, в частности, 12 июня (когда, по предположению Флоровского, Добролюбов еще мог находиться в городе) состоялась уличная церковная церемония – крестный ход. Но дело не ограничилось религиозной процессией [л. 14]. Из полицейских источников Флоровский выяснил, что этой процессией и большим скоплением народа постарались воспользоваться представители Национальной партии, чтобы отметить годовщину событий 1848 г., поэтому после крестного хода на улицах появилась группа чешских студентов в национальных костюмах, «дабы показать себя как верных хранителей национальной идеи и традиции». В отличие от майских демонстраций, на этот раз, по словам Флоровского, «дело ограничилось лишь молчаливой демонстрацией “чешства” известной группы пражской молодежи²¹, и никаких “эксцессов” в виде преступного, с точки зрения полиции, пения чешских песен не было» [л. 15]. Если вспомнить строки стихотворения Добролюбова («Впереди блестели, в воздухе подъяты, / Знаменья веры, убраны богато...»), то можно предположить, что он был очевидцем крестного хода, а возможно, и последовавшей за ним демонстрации. Остаются безответными поставленные Флоровским вопросы, были ли знакомы Добролюбову известные своей антиавстрийской ориентацией братья Фричи (один из которых, Вацлав, был тогда в Праге²²), Ян Неруда, Э. Грегр и многие другие и не скрываются ли под завершающим стихотворение «В Праге» многоточием его более важные пражские впечатления.

Флоровский полагает, что благодаря «громкой литературной и публицистической репутации» Добролюбова в Праге «несомненно хорошо знали его имя в литературных кругах» [л. 15]. Но бывший примерно в то же время в Чехии (и находившийся в Праге дольше Добролюбова) А. Н. Пыпин, знакомый со многими чешскими общественными деятелями и литераторами (как старшего, так и молодого поколения), вспоминал, что они «не имели понятия о новейшей русской литературе»²³, которую заменяла славянофильская «“Русская беседа”, наиболее известный чехам русский журнал»²⁴. Флоровский также высказал предположение, что за Добролюбовым могла быть учреждена полицейская слежка²⁵, поскольку, по мнению историка, австрийские власти не могли не опасаться его контактов с молодыми чешскими литераторами. Однако эта смелая гипотеза, как с сожалением отмечал сам автор, не нашла подтверждения в архивных материалах полицейского ведомства [л. 15].

Студенческое движение 1860 г. в Праге, как отмечал Флоровский, было лишь составной частью общего национально-полити-

ческого движения в Чехии, в рамках которого его и следует рассматривать и изучать. Но для автора очерка важным было то, что выступления молодежи привлекли внимание Добролюбова, решившего познакомиться с формами и характером студенческого движения и обстановкой, в которой оно развивалось. Его конкретные проявления, предполагал историк, возможно, «несколько разочаровали русского публициста, жившего мыслями и планами социально-политической революции», но чешские впечатления (пражский «свежий воздух») могли стать «одним из слагаемых... жизненного опыта» Добролюбова, хотя вскоре они были «заслонены более сильными и яркими впечатлениями» от итальянского политического возрождения [л. 16].

Очерк А. В. Флоровского совмещает две параллельные темы: кратковременная поездка Н. А. Добролюбова в Прагу в июне 1860 г. и студенческие волнения в чешской столице в мае того же года. Все, что касается пребывания молодого русского критика в Чехии, основано на его переписке и исследованиях российских ученых его жизни и творчества. Эти материалы, к сожалению, не раскрывают подробности поездки: цели, итоги, контакты и проч. Поэтому автор очерка вынужден прибегать к предположениям, сопоставляя те или иные реальные факты и домысливая недостающие звенья в цепи событий. Но то, что относится к студенческим выступлениям как неотъемлемой части чешского национального движения начала 1860-х гг., основано на документах пражских архивов, еще не исследованных до Флоровского с этой точки зрения, и представляет интересные и важные подробности для изучения как собственно молодежного, так и в целом – национально-политического подъема чешского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968), историк, профессор Новороссийского университета (до 1922). В 1922 г. выслан из России, с 1923 г. – в Праге, профессор Русского юридического факультета, Русского народного (свободного) университета, Карлова университета (с 1933 и в 1948–1957 гг.), член Славянского института в Праге (с 1929), член многих русских зарубежных научных организаций: Русского исторического общества (с 1925, в 1938–1940 гг. – председатель), Семинара (Института) им. Н. П. Кондакова (с 1925, в

- 1947–1952 гг. – руководитель), Русского заграничного исторического архива (в 1933–1945 гг. – председатель Ученого совета) и др.
- 2 *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Прага, 1935–1947. Т. 1–2.
 - 3 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 98. 16 л.
 - 4 Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij (T-FLOR). Krab. XXXVII: Rukopisy.
 - 5 В 1946 г. Флоровскому было возвращено советское гражданство, но на родину он не вернулся, оставаясь до конца дней в Праге, однако он поддерживал научные связи с коллегами из СССР.
 - 6 АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 16. Л. 1об.; Д. 86. Л. 5об.
 - 7 См. электронную версию описи архива Флоровского (T-FLOR-DEF.pdf. С. 110) – электронный ресурс: <http://sbirkysk.nkp.cz/download.php?id=17> (дата обращения 26.11.2014).
 - 8 См.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 98. Л. 5.
 - 9 См.: *Рыбалко В. В.* Николай Александрович Добролюбов // Большой целевой журнал о туберкулезе. 1999. № 6 – электронный ресурс: <http://journals.medi.ru/95906.htm> (дата обращения 26.11.2014).
 - 10 Краткая история Чехословакии. М., 1988. С. 187, 192.
 - 11 Там же. С. 197.
 - 12 Там же. С. 198.
 - 13 Там же.
 - 14 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 98. Л. 1. Далее ссылки на листы рукописи приводятся в тексте статьи в прямых скобках.
 - 15 *Пытин А. Н.* Мои заметки. Саратов, 1996. С. 154.
 - 16 [*Добролюбов Н. А.*] Выдержки из путевых эскизов. Стихотворения Конрада Либлиеншвагера. В Праге // Современник. 1862. № 1. «Свисток». № 8. С. 58–59.
 - 17 Отметим, что и в отечественной историографии майские демонстрации 1860 г. не были подробно исследованы.
 - 18 Челаковский Яромир (Čelakovský Jaromír, 1846–1914), сын Ф. Л. Челаковского.
 - 19 Флоровский замечал в скобках, что в деле о майских событиях «сохранено для потомства несколько образцов этих украшений» [л. 10].
 - 20 Среди участников выступления 17 мая был и Тодор Икономов (1835–1892), известный позже болгарский писатель, философ, публицист, политический и государственный деятель (в 1879 – министр внутренних дел), демократ.
 - 21 Участниками демонстрации были, как и раньше, студенты Политехникума и Главной реальной школы [л. 15].

- 22 Сведения, приведенные Флоровским, неточны. Йосеф Вацлав Фрич (Fric, 1829–1890), чешский писатель, публицист, один из руководителей радикально-демократического лагеря в революции 1848 г., был арестован, приговорен к длительному тюремному заключению, в 1859 г. выслан из страны, жил в эмиграции, но поддерживал связь с прогрессивными чешскими кругами, издавал «вольные» чешские журналы, призывая чешский народ к борьбе с австрийской монархией и выступая за создание независимого республиканского и демократического по характеру Чешского государства.
- 23 *Пытин А. Н.* Мои заметки. С. 207.
- 24 *А. Р. [Пытин А. Н.]* Два месяца в Праге // Современник. 1859. № 4. С. 366.
- 25 Флоровский пишет, что среди молодых чешских литераторов был Карел Сабина (Sabina, 1813–1877, чешский писатель, публицист, литературный критик, руководитель радикально-демократического движения в революционных событиях 1848 г., был арестован, заключен в крепость, после освобождения вернулся в Прагу). Основываясь на полицейских архивах, автор очерка сообщал, что в то время, о котором идет речь, К. Сабина являлся секретным осведомителем полиции (Roman), и он, как полагал историк, не мог не знать имени Добролюбова и не осведомить о его приезде и пребывании в Праге свое полицейское начальство [л. 15].

Aksenova E. P.

Nikolai Dobrolyubov in Prague and the Students' Upheavals of 1860
(from Antony Florovsky's Unpublished Manuscripts)

The article presents an unpublished sketch of the Russian émigré historian Antony Florovsky, where he on the basis of archival documents, reconstructs in details the students' upheavals in Prague in 1860 and the trip of Nikolay Dobrolyubov, fascinated by these events, to Bohemia.

Keywords: *nineteenth-century Czech national movement, students' upheavals in Prague in May 1860, Nikolay Dobrolyubov, Antony Florovsky.*

*Т. Н. Галчева (София),
М. В. Ковалев (Саратов)*

**«...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать
будущему». Переписка А. П. Мещерского
с А. В. Флоровским (1956–1967)¹**

Статья посвящена научной реконструкции переписки А. В. Флоровского и А. П. Мещерского, хранящейся ныне в архивах Москвы и Праги. Раскрывается специфика научных коммуникаций в русской эмигрантской среде, анализируются контакты между различными эмигрантскими центрами и отдельными персонами, рассказывается о деятельности интеллектуалов по сохранению исторического наследия Зарубежной России.

Ключевые слова: *А. В. Флоровский, А. П. Мещерский, Н. С. Трубецкой, К. В. Флоровская, русская эмиграция, переписка, Чехословакия, Болгария, Прага, София, историография.*

Переписка выдающегося историка, профессора Императорского Новороссийского университета в Одессе и Карлова университета в Праге Антония Васильевича Флоровского (1884–1968) с не особенно известным библиографом из Софии Андреем Павловичем Мещерским (1915–1992) привлекла внимание исследователей еще двадцать лет тому назад, когда впервые вводилась в научный оборот та часть из архива А. В. Флоровского, которая оказалась в Москве². Интерес к ней был вполне обоснован: обоих корреспондентов объединяла принадлежность к русской послереволюционной эмиграции, а их взаимоотношения возникли и строились именно в силу желания сохранить память о людях, создававших в 1920–1930-х гг. русскую науку в изгнании. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что эпистолярные собеседники, которые, впрочем, никогда не были лично знакомы и не встречались друг с другом, оставили заметный след в процессе сохранения истории и культуры того общества, к которому они принадлежали.

Имя профессионального библиотекаря и страстного библиофила князя Андрея Павловича Мещерского известно лишь узкому кругу эмигрантоведов³. Мы не будем останавливаться на его биографии, так как недавно была опубликована подробная статья, освещающая основные вехи его жизненного пути⁴. Обнаруженная и реконструированная нами бóльшая часть его переписки с А. В. Флоровским позволяет с уверенностью утверждать, что князь А. П. Мещерский

являлся первым библиографом и исследователем русской академической эмиграции в Болгарии, к которой принадлежал и сам. Ему было пять лет, когда семья Мещерских оказалась в Софии. Здесь он окончил школу и университет, созданные усилиями эмигрантов. Благодаря его почти полностью сохранившимся письмам можно реконструировать процесс создания основной его работы – «Заметок и материалов к библиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии. 1920–1944», к сожалению, на долгие годы оставшихся запертыми в столе.

К собиранию наследия, а также к историографическому осмыслению работ русских ученых-эмигрантов был причастен уже с первых лет своей жизни на чужбине и профессор А. В. Флоровский. Интересно, что именно в эмиграции он в полной мере обратится к историографическим сюжетам, которые во время жизни в Одессе занимали его незначительно. В 1922 г. ученый был выслан из Советской России и после недолгого пребывания в Болгарии осел в Праге, где ему суждено будет прожить всю оставшуюся жизнь. В 1920–1930-х гг. А. В. Флоровский принимал активное участие в жизни эмигрантских научных организаций и учебных заведений, таких как Комитет русской книги, Русский педагогический институт имени Я. А. Коменского, Русский юридический факультет, Русский народный университет и др. В конце 1930-х гг. он был председателем Русского исторического общества в Праге⁵. В научном плане в межвоенный период он сосредоточится на изучении русско-чешских отношений⁶. В то же время он будет пытаться осмыслить феномен развития русской исторической науки за границей и собирать соответствующие материалы⁷. В 1946 г. А. В. Флоровский принял советское гражданство, но остался в Чехословакии, получил должность ординарного профессора Карлова университета. Его имя было широко известно в научном мире. Он активно контактировал с учеными разных стран, в том числе отдал много сил налаживанию связей с советскими историками⁸.

Именно в 1950–1960-е гг. начинается, пусть и поначалу едва заметно, культурный диалог между русской эмиграцией и СССР. В Софию приезжают Д. С. Лихачев и Н. И. Толстой, где их встречает А. П. Мещерский. А. В. Флоровский же переписывается с крупнейшими советскими историками (С. С. Дмитриев, А. А. Зимин, В. И. Малышев, В. Т. Пашуто и др.), а в 1967 г. посещает Минск, Москву и Ленинград. Поэтому закономерно, что и эпистолярное общение А. В. Флоровского и А. П. Мещерского пришлось на годы «оттепели».

Их переписка дает возможность по-новому взглянуть на Зарубежную Россию, ибо относится она к тому периоду, когда история первой волны эмиграции, по сути, закончилась. Но именно в 1950–1960-е гг. русские интеллектуалы за границей делают многочисленные попытки метаосмысления собственной истории. У них складывается ощущение, что прошлое уходит, исчезает без следа. Поэтому таким важным казалось зафиксировать его и сохранить для будущего.

Опыт А. П. Мещерского по написанию истории русской академической эмиграции в Болгарии вписывается в этот контекст. Он по крупицам собирал информацию с помощью знакомых ему людей. Контакт с А. В. Флоровским состоялся посредством сестры последнего Клавдии Васильевны Флоровской (1883–1965), которая долгое время жила в Болгарии. Именно ее, перед отъездом из Софии в СССР в 1955 г., Андрей Павлович попросил помочь ему в установлении связи с проживавшим в Праге ученым. Это подтверждает письмо А. П. Мещерского, отправленное А. В. Флоровскому в феврале 1956 г.: «Как Вам писала (по моей просьбе) еще из Софии Клавдия Васильевна, я уже несколько лет как собираю био-библиографический материал о русских ученых, чья научная и педагогическая работа была так или иначе связана с Болгарией. Так, мне удалось более или менее полно охватить научное наследство 4-х историков, пребывавших в Болгарии в период, который я сейчас охватываю: 1920/1944. Это: Гримм, Кондаков, Мякотин, Бицилли. Сейчас я заканчиваю группу филологов». Обращение к К. В. Флоровской было, конечно, неслучайным. Медиевист, воспитанница школы И. М. Гревса, она была первой женщиной – приват-доцентом Императорского Новороссийского университета. Ее ученая карьера прервалась с 1920 г., когда она уехала из Одессы. Но в первые годы эмиграции – с 1921 по 1923 г. – она переписывалась с Петром Михайловичем Бицилли (1879–1953), к этому моменту – профессором филиала философского факультета Белградского университета в г. Скопье. Эти письма перед своим отъездом из Софии Клавдия Васильевна вернула родственникам покойного ученого, часть их А. П. Мещерский включил в свой расширенный биографический очерк об историке. Оттуда они перешли в качестве цитат во многие современные исследования и по сей день считаются одним из наиболее важных биографических источников, относящихся к «сербскому» периоду жизни П. М. Бицилли⁹.

Сейчас трудно сказать, знал ли А. П. Мещерский, что А. В. Флоровский был связан с П. М. Бицилли многолетней дружбой, что переписка между коллегами по Императорскому Новороссийскому уни-

верситету поддерживалась долгие годы в эмиграции. Скорее всего, однако, к моменту отправления своего первого письма в Прагу (26 февраля 1956 г.) библиограф больше всего интересовался судьбами филологов Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938), Сергея Григорьевича Вилинского (1876–1950) и Валерия Александровича Погорелова (1872–1955). Особенно сильно он был заинтересован (и настаивал на этом в нескольких последовательных письмах) в получении адреса вдовы князя Н. С. Трубецкого Веры Петровны Трубецкой (1892–1968). Его просьбу А. В. Флоровский выполнил не сразу, ему нужно было навести справки, и лишь 19 декабря 1957 г. в Софию был отправлен полученный из Вены адрес. Здесь мы отметим два момента.

Первый из них относится к проблеме условности научной коммуникации. К моменту установления контактов между Прагой и Софией А. П. Мещерский был исключен из академической жизни, он работал библиотечником в Институте растениеводства при Болгарской академии наук и не имел должной методологической и источниковедческой подготовки. Но он осознавал важность взятой на себя задачи. Иерархическая модель научного общества не помешала А. В. Флоровскому отнестись с пониманием к просьбам софийского коллеги, и выдающийся ученый стал собирать и посылать необходимую информацию. Таким образом, интеллектуальные горизонты А. В. Флоровского и А. П. Мещерского совпадали. Но совпадали они не только в силу высокой личной культуры и образованности, но также в виду принадлежности обоих к русскому эмигрантскому миру с его особым восприятием прошлого и особыми представлениями о своей исторической миссии¹⁰. В письмах двух интеллектуалов отражались образы друзей и коллег постепенно уходящей в историю первой половины эмиграции и, вместе с тем, потерянной Родины.

Второй момент относится к предположению о том, был ли использован адрес В. П. Трубецкой. Мы приложили немало усилий, чтобы установить этот факт. К сожалению – безрезультатно, несмотря на любезное содействие ее наследниц В. А. Кюнельт-Ледин и Д. Литон (выражаем свою благодарность А. Е. Климову за помощь в осуществлении этих контактов). Внимательное рассмотрение биографического очерка о Н. С. Трубецком, являющегося частью рукописи А. П. Мещерского «Заметки и материалы к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии. 1920–1944», приводит нас к предположению, что все-таки корреспонденция между Софией и Веной велась¹¹. Перечислим некоторые

детали из очерка, которые, нам кажется, вряд ли были бы известны А. П. Мещерскому при ином раскладе. Во-первых, подробно излагаются обстоятельства смерти Н. С. Трубецкого: рак желудка, арест и особенно: «скончался после мучительного сердечного припадка» (с. 5 рукописи). Во-вторых, как бы с позицией очевидца, что исключено, комментируются трудные личные отношения между князем Н. С. Трубецком и болгарскими профессорами Стояном Романским (1882–1959) и Любомиром Милетичем (1863–1937). Особенно интересна приписываемая русскому лингвисту цитата: «По отрывочным рассказам самого Н. С. Трубецкого, через много лет после его отъезда из Софии, эти два человека весьма упорно содействовали тому, чтобы научная и преподавательская работа Н. С. Трубецкого часто тормозилась под всевозможными предлогами и по разным поводам» (с. 4 рукописи). Кто бы мог рассказать биографу, непрерывно жалующемуся на недостаточность информации в Софии, о том, что много лет спустя вспоминал о событиях 1921–1922 г. проживавший в Вене лингвист? В-третьих: в своем биографическом очерке А. П. Мещерский приводит весьма конкретные факты об «организационном собрании» (отметим, что в рукописи это выражение «закавычено», что указывает на употребляемую автором цитату) евразийской группы, состоявшемся «в октябре 1921, на квартире у Трубецких» (с. 7 рукописи). Далее биограф утверждает: «Я не смогу назвать всех присутствовавших, но некоторых я знаю твердо». Нет в рукописи никаких указаний на источники всей этой информации, но нельзя исключить, что одним из очевидцев, который мог бы поделиться с А. П. Мещерским своими воспоминаниями, была В. П. Трубецкая, адрес которой был получен благодаря хлопотам А. В. Флоровского.

Вероятно, далеко не вся переписка двух русских интеллектуалов сохранилась. Она разбросана ныне между двумя личными фондами А. В. Флоровского – в Праге (Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor) и Москве (Архив Российской академии наук, Ф. 1609). Письма А. П. Мещерского составляют бóльшую часть дошедшего до нас эпистолярного наследия. Послания А. В. Флоровского в Софию сохранились не в оригинальном виде, а только в черновиках, поэтому порой мы можем только гадать о том, что интересовало русского профессора. Бесспорно, это были сведения, связанные с болгарским периодом жизни его коллег, перебравшихся из Софии в Прагу, – С. Г. Вилинского и В. А. Погорелова. Возникает впечатление, что А. В. Флоровский интересовался и научной деятельностью проживавшего в Софии филолога Николая Михайловича Дылевско-

го (1904–2001); в одном из своих писем А. П. Мещерский приводит подробную библиографию этого ученого. Интересно отметить также, что именно через систему книгообмена Болгарской академии наук А. В. Флоровский получил копию (в виде микрофильма) статьи П. М. Бицилли «Новгородское сказание о IV-ом крестовом походе», напечатанной еще в 1916 г.¹²

Вопрос о том, как вызвать интерес современников к наследию П. М. Бицилли, неизменно присутствует в переписке А. П. Мещерского с А. В. Флоровским. Отметим, что персональные и дружеские связи между историками были установлены еще в Одессе, во время их преподавательской деятельности в Новороссийском университете. В одной из первых своих публикаций «Западное влияние на Руси и начальная летопись» П. М. Бицилли указывает на то, что наряду с С. Г. Вилинским и А. П. Доброклонским его оппонентом был А. В. Флоровский, и высказывает свою благодарность всем названным ученым, заставившим его «отказаться от некоторых рискованных утверждений», но также позволившим ему «развить и пополнить обоснование выдвинутого [...] мнения»¹³. Впрочем, дружеские и профессиональные связи П. М. Бицилли поддерживал со всеми тремя представителями семьи Флоровских: с Клавдией Васильевной, как мы уже упомянули, с Георгием Васильевичем и с Антонием Васильевичем. Находясь в не самых благоприятных условиях в г. Скопье, Бицилли пытался помочь своему высланному в 1922 г. коллеге и мобилизовал все свои контакты среди знакомых представителей русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, чтобы подыскать место работы для него. Об этом, а также и о том, как в течение многих лет поддерживались тесные персональные взаимоотношения, свидетельствуют сохраненные письма П. М. Бицилли в архиве А. В. Флоровского¹⁴, письма, которые ждут своего компетентного публикатора и комментатора.

27 мая 1960 г. в письме (черновике) к А. П. Мещерскому А. В. Флоровский спрашивает: «Кстати – удалось ли Вам где-либо опубликовать полный список работ покойного Петра Михайловича?»¹⁵ Ответ приходит не сразу – почти через полгода – и обойти его молчанием невозможно, ибо в нем заключена вся судьба исследователя опальной темы: «Сейчас что-либо издать из наследства Петра Михайловича нельзя и думать»¹⁶. Но собрать все, что возможно, воедино (и не только его наследство научное, но многих других русских ученых) мне бы очень хотелось. Для грядущего. «Интерес к наследству этих прекрасных – и увы! – полностью исчезающих поколений – уже сей-

час – велик. Этому я рад и буду делать все от меня зависящее, чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему эти культурные ценности, еще не оцененные (как следует) в наше время»¹⁷.

А. П. Мещерскому все-таки удалось вызвать интерес современников к наследию двух представителей русской культуры в изгнании, которых многие годы связывала эпистолярная дружба. В 1961 г. в Ленинграде была опубликована статья, информирующая о неизвестных письмах И. А. Бунина к П. М. Бицилли¹⁸, на что А. В. Флоровский сразу откликнулся, указав, что материал очень ценен¹⁹.

Информацией о том, что А. П. Мещерский подготовил «более или менее полный свод его (Бицилли. – Т. Г., М. К.) библиографич[еского] наследия (27 книг и оттисков, 144 статьи и 118 рецензий, критич[еских] заметок и пр.)»²⁰, переписка между Софией и Прагой обрывается на семь лет. Восстанавливается она, по всей вероятности, по инициативе А. В. Флоровского 2 ноября 1967 г. в связи с тем, что ему были нужны сведения о В. А. Мякотине и П. М. Бицилли, биографические справки о которых готовились для словаря работавших в Чехословацкой республике славистов²¹. В своем ответе А. П. Мещерский приводит нужные данные, не скрывая своего отрицательного отношения к вышедшему в Софии некрологу П. М. Бицилли: «По поводу его смерти (с неприличным опозданием) был напечатан некролог: П. М. Бицилли – Исторически преглед, София, 1953, № 5, с. 560–561. (Некролог не подписан. Его написал ученик Петра Михайловича, занявший еще при жизни его кафедру – проф[ессор] Христо Гандев. Написанное весьма низкопробно, и нам было неприятно читать)»²².

Вряд ли можно сегодня полностью разделить оценку А. П. Мещерского, но она существенна как свидетельство о том, как воспринимали написанное члены семьи профессора. Упомянутый некролог был подписан представителями Института болгарской истории Болгарской академии наук и членами редколлегии журнала «Исторически преглед». Можно предположить, что столь неприкрыто резкая реакция, выраженная в письме к А. В. Флоровскому, была вызвана некоторыми утверждениями: «Проф. П. Бицилли был одним из выдающихся представителей русской буржуазной дореволюционной науки. Его научные руководства и монографические исследования отличались эклектичным и идеалистическим характером» (с. 560). Особое недовольство у родственников вызвало, вероятно, утверждение о том, что после политических изменений в Болгарии 9 сентября 1944 г. профессор сам решил, «хотя он уже покинул университет»,

пересмотреть свое политическое мировоззрение. Нельзя отрицать, однако, что в некрологе содержались и искренние оценки качеств П. М. Бицилли: признавались его широкая историческая культура, высокий уровень исследований, отличная преподавательская работа. Написанное сообразно требованиям конкретного исторического момента посмертное воспоминание не скрывало симпатии подписавшихся: «Несмотря на то, что он (Бицилли. – Т. Г., М. К.) не смог сформировать верное историческое мировоззрение у своих студентов, он пробуждал у них глубокий и долговечный интерес к истории» (с. 561).

Одно из последних писем А. В. Флоровского к А. П. Мещерскому, по нашему мнению, воплощало в себе всю иронию судьбы, обрушившейся на рукопись библиографа. Оно содержало информацию о том, что в Советском Союзе была опубликована статья историка Сергея Сергеевича Дмитриева, в которой сообщались полученные из Софии, от профессоров Софийского университета Христо Христова и Христо Гандева, биографические сведения о П. М. Бицилли²³. А. П. Мещерскому цитированное издание было недоступно, как, впрочем, и многие другие книги, которые не получали в Софии, на это библиограф постоянно жаловался в своих письмах. Мы, однако, имели возможность сопоставить содержание статьи С. С. Дмитриева с цитатами из биографического очерка о П. М. Бицилли, написанного А. П. Мещерским. По нашему мнению, упомянутые болгарские профессора использовали в качестве источника отправленных в Москву сведений именно работу зятя П. М. Бицилли. Кроме полного совпадения в изложении биографии ученого, бросается в глаза точное цитирование установленного А. П. Мещерским числа работ П. М. Бицилли: 27 отдельных монографий, 144 журнальных статей и 118 заметок. Сам библиограф в предыдущем своем письме к А. В. Флоровскому информировал своего собеседника, что свою работу он «напечатал на пишущей машинке в 4–5 экз[емплярах]. Один экз[емпляр] я передал в Болг[арский] библиографич[еский] и[нститу]т²⁴ (он пользуется там некоторой известностью среди специалистов[]). По этому экз[емпляру] делают справки для специалистов в Болгарии и за границей²⁵. Затем 2 экз[емпляра] я подарил двум любимым ученикам Петра Михайловича – Ивану Дуйчеву и Хр[исту] Гандеву. И последний экз[емпляр] достался мне»²⁶. С сегодняшней точки зрения, авторскую судьбу первого биографа профессора нельзя назвать легкой. Ему выслали в виде новых сведений именно те материалы, которые он сам собирал. Работа, созданная еще в 1954/1955 г., не только не

была опубликованна, не только пролежала в столе до 2000 г., она еще при жизни автора начала распространяться как в Болгарии, так и за рубежом, использовалась, но не цитировалась в соответствии с научной этикой, помимо прочего и из-за того, что рукопись была неподписанной.

Переписка А. П. Мещерского с А. В. Флоровским привлекает к себе внимание сегодня и еще благодаря нескольким разным фактам и «сюжетам». Из них следует выделить информацию о встрече проживающего в Болгарии библиографа с выдающимися учеными Р. О. Якобсоном и А. Н. Грабарем, побывавшими в Софии в 1959 г.²⁷ Во время этой встречи возникла идея об издании писем князя Н. С. Трубецкого, осуществившаяся много лет спустя²⁸. Используя письма Мещерского, можно правильно датировать и первое посещение академиком Д. С. Лихачевым личного архива и библиотеки князя – произошло это в 1960 г.²⁹. Обращает на себя внимание и мнение библиографа о том, что оставшаяся в Болгарии часть архива М. П. Драгоманова многие годы была недоступна, а затем была передана в дар в АН СССР³⁰.

С точки зрения современной эмигрантологии переписка А. П. Мещерского с А. В. Флоровским, как и наш интерес к ней, могут показаться относящимися исключительно к микроистории, к исторической микроскопии. Но нельзя остаться равнодушным к предупреждению почти неизвестного библиографа из Софии о том, что «со временем, при равнодушии одних и при пристрастном потакании других, вероятно, исчезнет не только память, но и плоды всех трудов и знаний [...] тех русских ученых, которые оказались к 1920 г. за рубежом России»³¹. Информация о представителях русской эмигрантской науки, которая хлынула к нам в последние десятилетия благодаря всем современным средствам коммуникации, пятьдесят лет тому назад собиралась по крупинкам, и такое занятие было в те времена далеко не безопасным³². Без особого преувеличения можно сказать, что хотя большинство рукописей А. П. Мещерского остались написанными в стол, он был одним из первых исследователей, понявших значимость эмигрантской темы и начавших прилагать все усилия, чтобы сохранить разные материалы, относящиеся к ней. Просмотр его архива сегодня показывает, что в нем с особой бережностью много лет собирались документы, книги и фотографии русских ученых-эмигрантов. Благодаря его усилиям до нас дошли материалы профессора С. С. Демосфенова, Ф. Г. Александрова, Кл. В. Флоровской и т. д. Все они находятся в личном архиве

А. П. Мещерского, часть которого он подарил в 1991 г. Т. Н. Галчевой. Письма к А. В. Флоровскому свидетельствуют о том, как долго и с каким терпением осуществлялась эта работа, несмотря на ограниченные ресурсы, которые к тому времени имелись в Софии. Помимо представлений о том, как устанавливались и развивались персональные связи между обоими корреспондентами, научная реконструкция переписки важна и с точки зрения целостного восприятия того, как и когда в Болгарии возник интерес к русской послереволюционной эмиграции. Без особого переувеличения можно сказать, что лишь частично опубликованные до сих пор работы библиографа приобрели свою самостоятельную биографию – о них упоминалось, они входили в состав других исследований, но их авторство не было идентифицировано. Полная публикация переписки А. П. Мещерского с А. В. Флоровским, когда это будет возможно, восполнит и еще один пробел – расскажет о том, как и когда создавалась метаистория русской эмигрантской науки. Не исключено, что сделанная А. П. Мещерским в 1950-х гг. попытка осмыслить прошлое Зарубежной России хронологически окажется одной из первых.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Статья подготовлена в рамках проектов Российского гуманитарного научного фонда № 13-31-01251a2 и 14-01-00450a.
- 2 См.: *Аксенова Е. П., Горяинов А. Н.* Русская научная эмиграция 1920–1930-х годов: по переписке М. Г. Попруженко и А. В. Флоровского // *Славяноведение*. 1999. № 4. С. 9–10. Архив А. В. Флоровского после его смерти в 1968 г., вопреки завещанию, оказался разделенным. Одна его часть была передана в Москву в Архив Академии наук СССР (ныне – Архив РАН), где составила отдельный фонд (Ф. 1609. Оп. 1–2), другая же оказалась в рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге (50 архивных коробок). При этом была нарушена целостность собрания, связанные друг с другом документы оказались в разных архивах. См. об этом подробнее: *Ковалев М. В.* Личный фонд А. В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // *Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия*. М., 2013. С. 131–138.
- 3 Имя первого, долгое время не упоминавшегося, исследователя русской эмиграции в Болгарии известно немногим ученым: *Бир-*

- ман М. А. А. П. Мещерский (1915–1992). Несколько страниц к биографии первого «бициллиеведа» // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 800–805; *Велева М.* Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. София, 2004. С. 38; *Каганович Б. С.* Петр Михайлович Бицилли // *Каганович Б. С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С. 213; *Попова Т. Н.* Петр Михайлович Бицилли: «Исход и возвращение» // *Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета.* Одесса, 2007. С. 327–452; *Димитров Е.* Андрей Мещерский и его библиография русских ученых в Болгарии. Несколько слов об А. П. Мещерском // *Русское зарубежье в Болгарии. История и современность / Автор идеи и сост. С. А. Рожков.* София, 2009. С. 61–63; *Бирман М. А.* Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения. (К постановке вопроса) // *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали.* Одеса; Велико Търново, 2009. Т. 10. С. 279–290. Мы не перечисляем те работы, в которых имя А. П. Мещерского упоминается эпизодически, в основном как источника воспоминаний. Отметим, однако, что наиболее полная, точная и полностью прокомментированная публикация части рукописи кн. Мещерского состоялась сравнительно недавно: *Мещерский А. П.* Из «Заметок и материалов к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии» / Вступ. ст. и примеч. А. Н. Горяинова // *Славянский альманах 2005.* М., 2006. С. 443–462.
- 4 *Галчева Т.* Судьба свидетеля: «собрать все, что возможно, воедино» (неизвестное об А. П. Мещерском) // *Свидетельство: традиции, формы, имена / Сост. К. Б. Сигов.* Киев, 2013. С. 583–603.
- 5 См.: *Досталь М. Ю.* Историк-эмигрант А. В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // *Новый исторический вестник.* 2011. № 28. С. 80–87; *Аксенова Е. П.* Жрец «Клио» (к научной биографии А. В. Флоровского) // *Вестник славянских культур.* 2009. Т. XI. № 1. С. 32–47; *Ковалев М. В.* Русское историческое общество в Праге (1925–1945) // *Российская история.* 2011. № 5. С. 148–158; *Он же.* «Издание исторического журнала, посвященного прошлому России... является... необходимым»: документы Славянской библиотеки в Праге о несостоявшемся проекте российской научной эмиграции (1937 – начало 1940-х гг.) // *Отечественные архивы.* 2014. № 5. С. 84–100.
- 6 *Лантева Л. П.* Русский историк-эмигрант А. В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // *Вестник МГУ. Сер. 8. История.* 1994. № 1. С. 55–63.

- 7 *Аксенова Е. П.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А. В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. Т. 1. С. 95–100.
- 8 См.: *Ковалев М. В., Лантева Л. П.* «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А. В. Флоровского с советскими историками В. Т. Пашуто, А. А. Зиминым и Е. П. Подъяпольской // Исторический архив. 2014. № 4. С. 66–87.
- 9 Впервые полная публикация этих писем планируется в первом разделе подготовленной к печати книге Т. Н. Галчевой и И. В. Голубович о первых годах эмигрантской жизни П. М. Бицилли (София, 2014). Важность этого источника впервые была подчеркнута во вступительной статье к одному изданию, для которого А. П. Мещерский специально предоставил свою рукопись, см.: *Галчева Т. П. М. Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П. М. Избранное: Историко-культурологические работы: В 2-х т. / Сост., подг. текстов и коммент. Т. Н. Галчевой, Г. П. Петковой, Хр. П. Манолакева. София, 1993. Т. 1. С. 7–40.* Однако настоящую популярность этим материалам принесла первая публикация биографического очерка А. П. Мещерского о П. М. Бицилли, см.: *Мещерский А. П.* Петр Михайлович Бицилли // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии / Сост., вступит. статья, коммент. М. А. Васильевой. М., 2000. С. 570–588.
- 10 См. об этом: *Ковалев М. В.* Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940 годов // Россия XXI. 2012. № 3. С. 120–147.
- 11 Очерк о Трубецком стал единственной прижизненной публикацией из «Заметок»: *Мещерский А. П.* Опит за библиография на професор Н. С. Трубецкой / Превод на български език и публикация Т. Галчева // Литературна мисъл. София, 1991. № 4. С. 138–151. Оригинал рукописи находится по адресу: <http://www.savedarchives.net/ru/article/kn-n-s-trubeckoi-s-20-sentiabria-1920-do-1-oktiabria-1922> (Режим доступа: 27.06.2014).
- 12 Опубликованная в 34 выпуске журнала «Исторические известия» статья вызвала интерес обоих корреспондентов тем, что была упомянута в материале Н. А. Мещерского «Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии» (Византийский временник. 1956. Т. 9 (54). С. 170–185). Здесь автор, действительно, указал на публикацию 1916 г. Но при этом он подчеркнул, что данная работа осталась ему недоступной. По этой причине он не привел ни точного названия статьи, ни даже имени

ее автора! Таким образом, фамилия П. М. Бицилли в исследовании Н. А. Мещерского не упоминалась, однако А. В. Флоровский, вспомнив, о чьей работе могла бы идти речь, попросил копию исследования П. М. Бицилли у А. П. Мещерского.

- 13 *Бицилли П. М.* Западное влияние на Руси и начальная летопись. Одесса, 1914. С. 1.
- 14 Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140.
- 15 А. В. Флоровский – А. П. Мещерскому, 27 мая 1958 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-FLOR* (Далее – SK. T-FLOR). Krab. VII. Inv. č. 175. № 6.
- 16 В 1948 г. по причине предельного возраста П. М. Бицилли был освобожден из состава преподавателей Софийского университета. Так как он не был болгарским гражданином, Университет периодически заключал с ним контракты на должность профессора по кафедре новой и новейшей истории. Согласно болгарскому законодательству, «контрактные» (договорные) лица не вносили пенсионных отчислений, и им, соответственно, не выплачивалось пенсионного пособия, в результате чего в течение нескольких лет семья Бицилли находилась в очень тяжелом материальном положении. Одновременно с этим началась и травля Бицилли по идеологическим причинам. Некоторые издания профессора были включены в списки запрещенной литературы. В авторитетном болгарском журнале была опубликована статья, в которой после «анализа» работ историка был вынесен приговор: «Считать писания Бицилли наукой является кощунством. [...] Белогвардейское беснование Бицилли достигает своей вершины, когда он начинает говорить о большевиках и о Советском Союзе. [...] Использование его работ может нанести только вред нашей борьбе за социалистическое воспитание молодежи и народа». См.: *Несторов Хр.* Бележки върху българската буржоазна историография на нова и най-нова история // *Народна просвета*. София, 1950. Вып. 10. С. 60–61. Здесь и дальше все переводы цитат с болгарского языка на русский принадлежат авторам настоящей публикации.
- 17 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 24 мая 1960 г. // SK. T-FLOR. Krab. VII. Inv. č. 175. № 10.
- 18 Неизвестные письма И. А. Бунина / Публ. А. Мещерского // *Русская литература*. 1961. № 4. С. 152–158. В архиве А. П. Мещерского сохранился еще один его авторский материал, названный «И. А. Бунин в Болгарии». Машинопись не датирована, но возможно, что она была подготовлена в 1961 г.: в ней цитируется вышеуказанная

- работа о письмах И. А. Бунина к П. М. Бицилли. Следует полагать, что в том же году рукопись была отправлена в редакцию журнала «Русская литература», потому что письмом № 338/14 февраля 1962 г. ответственный секретарь редакции подтвердил, что «Сообщение “Бунин в Болгарии” по-прежнему интересует журнал». Мы не нашли информации о том, что эта работа А. П. Мещерского была напечатана, таким образом, судьба его текстов на много лет осталась неизменной: «в стол».
- 19 А. В. Флоровский – А. П. Мещерскому, 2 ноября 1967 г. // SK. T-FLOOR. Křab. VII. Inv. ř. 175. № 11.
- 20 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 24 мая 1960 г. // SK. T-FLOOR. Křab. VII. Inv. ř. 175. № 10.
- 21 А. В. Флоровский – А. П. Мещерскому, 2 ноября 1967 г. // SK. T-FLOOR. Křab. VII. Inv. ř. 175. № 11. Словарь готовился к VI Международному съезду славистов, проходившему с 7 по 13 августа 1968 г. в Праге, но был опубликован значительно позже: *Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760: Biograficko-bibliografický slovník*. Praha, 1972.
- 22 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому от 15 ноября 1967 г. // SK. T-FLOOR. Křab. VII. Inv. ř. 175. № 12.
- 23 А. В. Флоровский – А. П. Мещерскому, 24 ноября 1967 г. // SK. T-FLOOR. Křab. VII. Inv. ř. 175. № 13. Полные библиографические данные комментируемой статьи следующие: *Дмитриев С. С.* К истории советской исторической науки: историк Н. Л. Рубинштейн (1897–1963) // Ученые записки Горьковского государственного университета. Сер. ист.-филол. Горький, 1964. Вып. 72. С. 415–471. Сам А. В. Флоровский был знаком с С. С. Дмитриевым и вел с ним переписку: *Dmitrijev, Sergej Sergejevič, Moskva, 1966–1967* // SK. T-FLOOR. Křab. III. Inv. ř. 40.
- 24 В биографическом очерке о П. М. Бицилли (более позднем, расширенном) А. П. Мещерского содержится указание на то, что рукопись была записана в инвентарной книге Болгарского библиографического института в Софии под № Д-1880/54. Институт был сформирован в 1941 г. и просуществовал до 1964 г., когда все его материалы были переданы в фонд Государственной (Национальной) библиотеки.
- 25 Вероятно, этот экземпляр был использован и при подготовке издания: *Bicilli P. M. Anton P. Čechov. Werk und Stil. Forum Slavicum. Herausgegeben von Dmitrij Tschizewskij. Munchen, 1966*, где в разделе «Vorbemerkungen» сказано, что использованы данные из ано-

- нимной библиографии П. М. Бицилли, хранящейся в Национальной библиотеке Болгарии.
- 26 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 24 мая 1960 г. // SK. T-FLOOR. Krab. VII. Inv. č. 175. № 10.
- 27 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 19 марта 1960 г. // SK. T-FLOOR. Krab. VII. Inv. č. 175. № 8.
- 28 N. S. Trubetzkoy's letters and notes / Prepared for publication by R. Jakobson, with the assistance of H. Baran, O. Ronen and M. Taylor. The Hague; Paris, 1975.
- 29 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 24 мая 1960 г. // SK. T-FLOOR. Krab. VII. Inv. č. 175. № 10.
- 30 А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 6 января 1958 г. // SK. T-Floor. Krab. VII. Inv. č. 175. № 5; А. П. Мещерский – А. В. Флоровскому, 6 июня 1958 г. // Ibid. № 7. Часть архива М. П. Драгоманова была куплена Русским заграничным историческим архивом в Праге у Л. М. Драгомановой-Шишмановой в 1932 г. при посредничестве В. А. Мякотина. Однако в Прагу были переданы не все материалы. Часть из них оставалась в Софии в собрании Шишмановых. Затем документы были переданы на хранение в Болгарскую академию наук и долгое время оставались научно невостребованными. В итоге Президиум Болгарской академии наук решил подарить эти материалы СССР, и в начале 1954 г. они были перевезены в Москву. См.: Ковалев М. В. Русский заграничный исторический архив в Праге и проблемы собирания документов по истории освободительного движения // Освободительное движение в России. Саратов, 2013. Вып. 24. С. 73–74.
- 31 Мещерский А. П. Заметки и материалы к библиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии 1920–1944. София, 1955–1956. Предисловие // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры... С. 562.
- 32 В 50-х, 60-х и 70-х гг. болгарская служба Госбезопасности последовательно ставила на учет, а потом снимала с учета А. П. Мещерского из-за распространения вражеской литературы, его письма отслеживались, телефон прослушивался, дом и рабочее место не раз подвергались обыскам. Все эти данные почерпнуты из материалов Комиссии по доступу к документам и раскрытию сведений о принадлежности граждан Болгарии к Государственной безопасности и разведывательным службам Болгарской народной армии (Архив на Комисията за разкриване на документите и обявяване на принадлежност на български граждани към Държавна сигурност и разуз-

навателните служби на Българската народна армия), где мы имели возможность ознакомиться с личным досье А. П. Мешчерского (АК-РДОПБГДСРСБНА). Ф. III раз. А. е. 15562; А. е. 33068.

Galcheva T. N., Kovaliov M. V.

«...In Order to Preserve, Collect and (in Good Time) Hand Over to the Posterity». Correspondence Between A. M. Meshchersky and A. V. Florovsky (1956–1967)

The article reconstructs the correspondence between A. V. Florovsky and A. P. Meshchersky, which is now preserved in the archives of Moscow and Prague. It reveals some specific features of scholarly communication among Russian emigrants, analyses contacts between different emigrant centres and their representatives, tells about intellectuals' activities aimed at preserving the historical legacy of Russia Abroad.

Keywords: *A. V. Florovsky, A. P. Meshchersky, H. S. Trubetskoy, K. V. Florovskaya, Russian emigration, correspondence, Czechoslovakia, Bulgaria, Prague, Sophia, historiography.*

Е. С. Сергеевко
(Москва)

Отношения албанцев и сербов в Косово в конце XIX – начале XX в.

В статье идет речь об отношениях албанцев и сербов в Косово в конце XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется тому, как оценивали ситуацию в Косово современники событий.

Ключевые слова: *Косово, сербы, албанцы, зулом, Османская империя.*

Балканский полуостров является одним из самых сложных для изучения регионов, в первую очередь из-за сложных отношений между народами, проживающими в нем. Балканский регион формируется как особая контактная зона – пространство, где на пересечении трансконтинентальных коммуникаций вошли в прямое соприкосновение региональные системы Запада и Востока, Европы и Азии, «где вступили в сопряжение и религиозные системы ислама и христианства, православия и католицизма»¹. Более того, долгое время народы Балкан жили в пределах других более крупных политических образований, и зачастую расселение происходило таким образом, что несколько народов с разными традициями и вероисповеданиями занимали одну территорию. Также очень часто в ходе национально-освободительной борьбы одного из народов не учитываются интересы так называемых «меньшинств» (представителей нетитульных наций). Более того, крупные государственные образования (такие как, например, Османская империя и Австро-Венгрия) в целях создания гомогенного общества прибегали к особым мерам и пытались сверху навязать свои традиции и свой жизненный уклад.

Ярким примером подобного несправедливого расселения и «навязанной сверху» культуры является Косово. В раннее Средневековье территория современного Косово была центром Сербского государства и по праву может считаться «колыбелью сербской культуры и государственности». Однако после завоевания Балкан османами и включения большей части территории Балканского полуострова в состав Османской империи Сербия потеряла свои силу и влияние и, соответственно, начался закономерный процесс переселения и перекраивания границ, прежде всего этнических. Сербы были вынуждены бежать («волны переселения»), а на освободившееся место пере-

селялись представители других народов, в первую очередь албанцев и влахов. Но бежали с территории Косово не все сербы, и оставшиеся были вынуждены мириться со сложившейся ситуацией и пытаться наладить отношения с «пришельцами».

Но проблема сосуществования не была единственной в данной ситуации. В ходе своего продвижения в регион и его завоевания османы стремились укрепить свое положение в новых землях не только посредством силы, но и с помощью внедрения в народ своей культуры и религии. Последняя играла и до сих пор играет существенную роль. По вероисповеданию османские завоеватели были мусульмане, и так как по сравнению с христианством ислам на момент завоевания Балканского полуострова (XIV–XV вв.) был достаточно молодой религией, вполне понятно, что его распространение было неотъемлемой частью завоевательного процесса. Более того, религия была способом привлечения на свою сторону большего числа сторонников среди местного населения и, как следствие, укрепления власти. Принявшие ислам получали большое количество привилегий от османского правительства, и налоги для них были ниже, чем для представителей других религий.

Большинство сербов в Косово (хотя до XIX в. такое название эта местность официально не носила) отказывались принимать ислам, тогда как албанцы из личной выгоды – а иногда и просто из страха наказания – переходили в новую веру.

Таким образом, в регионе сложилась весьма непростая ситуация. На достаточно компактной территории в тесном соседстве друг с другом оказались не только в этническом плане разные группы (хотя вопрос о происхождении албанцев до сих пор остается открытым), но и представители различных вероисповеданий, а именно мусульмане, православные и католики, так как существовали группы албанцев, которые перешли в католицизм. Как известно, этно-религиозные конфликты самые жестокие и их сложнее всего разрешить, и в Косово проблемы религиозного и национального плана являются ключевыми причинами постоянных столкновений.

Но речь в статье пойдет в первую очередь о взаимоотношениях албанцев и славянских народов в один из самых сложных для Балкан исторических периодов, а именно в конце XIX – начале XX в. Именно в этот период обострение в сербо-албанских отношениях достигло своего пика.

Согласно решениям Берлинского конгресса 1878 г. многие балканские государства были избавлены от османского ига и получили

возможность развиваться независимо. И все же процесс освобождения всегда достаточно долгий, и не все требования народов, стремящихся к независимости и собственному государству, выполняются мгновенно. Так произошло с землями Старой Сербии, которые остались в составе Османской империи.

Этнический и религиозный состав Косово, которое в конце XIX в. было отдельной административной единицей, т. е. вилайетом, был очень пестрый. Тем не менее точно определить число представителей того или иного народа в Косово сегодня довольно сложно, так как в Османской империи того периода перепись населения производилась весьма своеобразно (только по религиозному принципу), а исследователи из других государств зачастую приводили отличные друг от друга данные.

В первую очередь следует привести цифры сербских исследователей-современников. Многие ученые до сих пор ссылаются на данные, приведенные сербским ученым и политиком Милошем Милоевичем в 1872 г. До Берлинского конгресса, то есть в 1878 г., по данным Милоевича в Косово проживали: «православных сербов 3.032.416, сербов-мусульман 435.830; влахов 56.250; арнаутов (албанцев. – Е. С.) православных 33.500; православных греков 190.000; арнаутов католиков 33.050; арнаутов мусульман 284.295; османов 215.000; черкесов 20.090; татар 19.500; евреев 25.500; цыган 20.000»².

В журнале «Общества св. Саввы» в одном из выпусков 1887 г., то есть уже после обретения Сербией независимости, также дается информация об этническом составе. Автор, М. В. Веселинович, приводит следующие цифры: «В Старой Сербии, 1.600.000 душ; из них чистых сербов 1.200.000, албанцев 300.000, 100.000 турок, цинцар и других»³. Религиозный состав также освещается, но в контексте описания всего сербского населения на Балканах. По словам автора, сербов всего 8.000.000 душ и из них «православных 6.350.000, мусульман 450.000, католиков 400.000»⁴.

Сербский писатель, а позднее академик Бранислав Нушич в своем труде о Косово давал такое описание этнического состава в 1902 г.: «...албанцы и албанизированные сербы, сербы, османы, черкесы, вlahи, евреи и цыгане»⁵. Цифры автор приводит довольно подробно в таблицах и сербское население рассматривает с точки зрения вероисповедания, половой принадлежности, а также пишет, сколько сербских домов находится в каждой части Косово. В конце Нушич делает вывод, что всего «в Косово 1956 сербских домов с населением в 14 119 человек»⁶.

Но важно понять, что и книги М. Милоевича и Б. Нушича, и журнал «Общества св. Саввы» писались в особых условиях, и вполне возможно, что данные не были точными. Более того, известно, что «Общество св. Саввы» изначально создавалось для руководства сербской пропагандой в Македонии, и, следовательно, данные, приводимые на страницах журнала, должны были отвечать определенным требованиям. Тем не менее не стоит пренебрегать этими источниками.

Но не следует забывать, что не только сербы занимались проблемами этнического состава на Балканах. Был ряд европейских, прежде всего австрийских, исследователей, которые писали о населении Косово.

К примеру, австрийский ученый сербского происхождения Спиридон Гопчевич написал отдельную книгу о своем путешествии в Старую Сербию. В семнадцатой главе своего исследования о землях Старой Сербии и Македонии автор в виде таблицы приводит следующие данные об этно-религиозном составе Косовского вилайета: сербы-христиане 415 300, сербы-мусульмане 236 420, турки, черкесы, юрюки 39 050, албанцы 106 270, греки 20, цинцары 1170, евреи 1750, цыгане 12 380⁷. Будет нелишним упомянуть, что С. Гопчевич весьма нелестно отзывался о данных, представленных ранее М. В. Веселиновичем, а о своей работе писал следующее: «Первый раз, на основании точных исследований, узнает свет настоящую истину об этнографических отношениях Старой Сербии и Македонии»⁸.

Но вернемся к населению Косово. После Берлинского конгресса 1878 г. цифры, вероятно, изменились, так как «с 1876 по 1883 г. из-за албанского зулума в Сербию из Косова и Метохии бежало 1500 сербских семей», а «в период с 1890 по 1899 г. из Косова и Метохии в Сербию бежало 60.000 душ»⁹.

В данной работе не стоит задача выяснить, сколько в Косово было сербов, греков и албанцев на самом деле. В первую очередь важно показать то, что эту землю населяли представители самых разных народностей и вероисповеданий.

Из всех приведенных выше данных ясно, что преобладающими народами были албанцы и сербы. После Берлинского конгресса в Косово начался процесс зулума, то есть тирании. В первую очередь подвергались различным актам насилия немусульмане, которые в Османской империи остались в меньшинстве. В 1902 г. Б. Нушич отмечал, что, возвращаясь с войны, албанцы поджигали сербам дома, отнимали скот и покрывали позором семьи¹⁰.

Профессор Белградского университета Михайло Войводич в одной из работ писал о насилии в Косово следующее: «...албанцы продолжали отнимать имущество у косовометохийских сербов и угрожать их жизни», «албанцы выбрасывают сербов из их домов, разграбляют их имущество», «тамошний сербский народ живет в великом страхе пред албанцами, а в Приштине и во всем Косово процветает контрабанда. В 1898 г. в Косово царила настоящая анархия. Реальные погромы сербов производились и в 1900 и в 1901 г., и в то время погибли многие видные сербы»¹¹.

Известный сербский историк Душан Батакович в своей монографии «Косово и Метохия в сербско-албанских отношениях» приводит в пример различные преступления против сербов, которые совершали албанцы. К примеру, «из 136 случаев различного рода насилий 46 закончились убийством, а группа албанцев изнасиловала и одну семилетнюю девочку. За 1905 год в 281 случае насилия зафиксировано 65 убийств, а всего лишь на одной свадьбе албанцы убили девять сватов»¹². Далее Батакович пишет о различных преступлениях, совершенных во второй половине 1911 г., например, «было зафиксировано 128 краж, 35 поджогов, 41 разбой, 53 грабежа, 30 случаев шантажа, 19 случаев запугивания, 35 убийств и 37 покушений на убийство, 58 вооруженных нападений на имущество, 27 примеров избиения и жестокого обращения, 13 попыток принуждения к переходу в ислам и 18 случаев нанесения тяжких телесных повреждений»¹³.

Следует отметить, что подобные вещи происходили по всему Косовскому вилайету. К примеру, российский военный атташе в Константинополе генерал-майор Калинин в 1903 г. пишет о положении дел в Македонии, которая после очередного пересмотра административного устройства Османской империи стала частью Косовского вилайета, следующее: «На основании свидетельских показаний сотен опрошенных ими людей собрали огромное количество несомненных доказательств, обрисовывающих безвыходно тяжелое положение христианского населения. Имущество, честь, жизнь христиан ни во что не ставится: констатирован среди многих подобных, например, такой факт, когда мусульманин, чтобы разрядить винтовку, не нашел лучшей цели, как первая попавшаяся христианка, мирно работавшая на своем поле. Все преступления мусульман по отношению к христианам остаются безнаказанными: разбойники открыто гуляют на свободе и не стесняются говорить о своих деяниях»¹⁴.

Неравенство среди населения ощущалось во всем Косовском вилайете в конце XIX – начале XX в. Албанцы в Османской империи

вообще имели особое положение. Стремясь использовать вражду албанцев и славян в своих интересах, османские власти сами толкали первых к конфликту и в кризисных ситуациях подчеркивали, что именно «сербы являются ненадежным и потенциально подрывным элементом»¹⁵, а также пытались доказать, что сербы виновны во всех бедах албанского народа.

Местные власти часто закрывали глаза на зверства албанцев по отношению к другим, и этот факт доказывается тем, что в большинстве случаев суды не выносили справедливых решений. Так, например, в 1898 г. серба из села Гоголовац заставили помириться с убийцей его сына¹⁶.

О несправедливости судей и их решений пишет серб Джордже Микич. К примеру, исследователь отмечает, что за пять лет работы военного суда, т. е. с 1882 г., 7000 сербов были казнены, а на каторгу сроком от 6 лет до 101 года осуждено 300¹⁷.

Еще одним показательным примером недоброжелательного отношения албанцев к христианскому, и прежде всего славянскому, населению может послужить следующее. Младотурки в 1909 г. приняли решение об упразднении откупа от военной службы, что на практике означало «рекрутский набор всех мужчин определенного возраста, невзирая на вероисповедание»¹⁸. Албанцы Приштинского санджака были крайне недовольны. По их мнению, носить оружие – это особое право мусульманина. Показательна фраза о том, что «тяжело бороться с двумя неприятелями, с одним за границей, с другим внутри государства, а именно с христианами в армии»¹⁹.

Можно привести много примеров того, что сербы и албанцы не уживались друг с другом, и скорее всего почти каждый из этих примеров укладывается в определенную схему, согласно которой во всем виноваты либо сербы (в глазах албанцев), либо албанцы (в глазах сербов). Однако данные схемы представляются упрощенными, поскольку ответственность за кровопролитные балканские кризисы и конфликты несли и продолжают нести как все без исключения вовлеченные в них народы и государства региона, так и великие державы, слишком часто использовавшие Балканы в качестве полигона для отработки собственных геополитических сценариев.

Жестокое, а порой зверское обращение албанцев с сербами представляется объяснимым, так как в независимой Сербии в конце XIX – начале XX в. шел процесс выселения албанцев, который, скорее всего, был достаточно жестким. Вполне естественно, что выселенные албанцы перемещались на территорию, близкую к границе, а

этой территорией было Косово. Но албанцы не просто переселялись туда, они старались выдавить оставшихся сербов с этой земли²⁰. Подобный круговорот населения продолжался вплоть до конца XX в. Следует отметить, что с момента обретения независимости в 1878 г. Сербия активно воплощала в жизнь план Ильи Гарашанина «Начертание», который предполагал присоединение всех земель, населенных сербами, к королевству. И одним из самых желанных объектов была Старая Сербия (то есть современное Косово). В связи с этим велась активная пропаганда среди населения, в том числе создавались журналы – такие как вышеуказанный журнал «Общества св. Саввы». Но пропагандистской деятельностью, как уже отмечалось ранее, дело не ограничивалось, и на тот момент независимые сербские земли очищались от несербских элементов. Подобные акции, несомненно, вызывали негативную реакцию албанского населения, как в Косово, так и за его пределами.

Доказательством того, что Сербия была заинтересована в присоединении косовских земель, может служить открытие в 1889 г. ряда сербских консульств в европейских областях Османской империи²¹, в том числе в Приштине. На основе материалов работников консульств, которые зачастую содержали в себе информацию о зверствах албанцев, сербские политики делали определенные выводы и проводили свою жесткую политику. Более того, известен тот факт, что Австро-Венгрия ничего не имела против расширения Сербии на юге за счет присоединения Косово, и в 1881 г. был подписан секретный договор между Австрией и Сербией²².

Как это часто случается в период великих исторических событий, жизни обычных людей оцениваются невысоко. И связанные с этими событиями неудобства не принимаются в расчет политическими деятелями, которые считают такие жертвы оправданными, так как все это в конечном счете принесет пользу.

Тем не менее, хотелось бы завершить статью на положительной ноте и привести весьма точные и здравые мысли двух современников событий. В первую очередь – австрийского ученого и работника консульства в Скопье Теодора Иппена. «Албанцам, живущим вдали от Родины, удалось сохранить свое нестигаемое желание обрести независимость, характерное для этой нации. И хотя они никогда не пользовались теми же привилегиями, что и на своей родной земле, они никогда не подчинялись действующим административным правилам во всех других провинциях. Правительство также никогда не преуспело в попытках сломить их гордость. У Порты мало власти

над Пештером²³, и ей часто противостоят. Влияние правительства номинально, и его терпят только в той степени, что меры, о которых идет речь, приобретают благоволение в глазах албанцев и добровольно принимаются. Это ни в коем случае не преувеличение. Так как ничто не было сделано, чтобы адаптировать этих людей, даже постепенно, к закону и порядку, очевидно, что нет возможности проверить их врожденную свирепость, не обузданную любыми юридическими ограничениями»²⁴.

Второй человек, которого хотелось бы процитировать, являлся переводчиком уже упомянутой работы С. Гопчевича о Старой Сербии и Македонии, а также кандидатом Санкт-Петербургской духовной академии, и его имя Милан Петрович. Во вступительной статье к книге Гопчевича он писал следующее о положении дел в Косово: «Гонения на христиан Европейской Турции своею жестокостью превосходят гонения малоазиатских армян. Неслыханные кровопролития, которые совершают албанцы среди христианского народа многотрадных провинций Македонии и Старой Сербии, имеют свой источник в политике Порты. Болгарские, так называемые “македонские комитеты”, своей пропагандой совершают в Македонии такие же кровопролития, о которых заговорила и говорит вся образованная Европа»²⁵.

Из этих слов видно, что не стоит возлагать всю вину на албанцев и их дикий нрав. Османские власти в указанный период сами поощряли подобные отношения между народами, населявшими Косово и другие части империи. Сербское правительство со своей стороны также пропагандировало и активно воплощало в жизнь политику выселения албанцев из независимой Сербии. Болгары в своих притязаниях на македонские земли подливали масла в огонь, поощряя кровопролитие в Косово. И зачастую вследствие подобной неразумной политики государств крайними оказывались простые граждане, которым по сути нечего было делить.

В подтверждение этих слов хотелось бы еще раз процитировать С. Гопчевича, который писал, что народ в Старой Сербии и Македонии «настолько миролюбив, что от него лично нельзя ожидать протеста, если только он не вызовется чужим влиянием»²⁶. Это еще раз доказывает, что политика участвующих в процессе стран играла не последнюю роль в разжигании межнациональной вражды.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Пороховой погреб Европы. М., 2000. С. 5.
- 2 *Милојевић М.* Одломци историје Срба и српских југославенских земаља у Турској и Аустрији. Београд, 1872. С. 395.
- 3 Трећа књига «Друштва Светога Саве». Београд, 1887. С. 203.
- 4 Там же. С. 204–205.
- 5 *Нушић Б.* Косово. Опис земље и народа. Нови Сад, 1902. С. 77.
- 6 Там же. С. 83.
- 7 *Гопчевич С.* Старая Сербия и Македония. Историко-этнографическое исследование Спиридона Гопчевича. СПб., 1899. С. 264.
- 8 Там же. С. 10.
- 9 *Батаковић Д.* Косово и Метохија у српско-арбанашким односима. Београд, 2006. С. 42, 44.
- 10 *Нушић Б.* Косово... С. 76.
- 11 URL: <http://www.sanu.ac.rs/Izdanja/Kosovo/09MihailoVojvodic.pdf>
- 12 *Батаковић Д.* Косово и Метохија у српско-арбанашким односима. С. 45.
- 13 Там же. С. 46.
- 14 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 3об.–4.
- 15 *Батаковић Д.* Косово и Метохија у српско-арбанашким односима... С. 104.
- 16 *Јагодић М.* Српско-албански односи у Косовском вилаету (1878–1912). Београд, 2009. С. 141.
- 17 URL: <http://www.sanu.ac.rs/Izdanja/Kosovo/05DjordjeMikic.pdf>
- 18 *Јагодић М.* Српско-албански односи... С. 134.
- 19 Там же.
- 20 Подробнее см.: *Нушић Б.* Косово... С. 76–77.
- 21 Независимость Албании в общебалканском контексте: к 100-летию образования Албанского государства. М., 2014. С. 161–162.
- 22 Там же. С. 161.
- 23 Пештер – крупнейшее карстовое плато на Балканском полуострове и одно из самых больших в Европе, находящееся на юго-западе Сербии, в регионе Рашка (Санджак). В конце XIX – начале XX в. область Пештер входила в Косовский вилает.
- 24 *Irpen Th.* Novibazar und Kosovo: das alte Rascien, eine Studie. Vienna, 1892. S. 111–115.
- 25 *Гопчевич С.* Старая Сербия... С. XIII.
- 26 Там же. С. IX.

Sergeenko E. S.

Interactions between Albanians and Serbs in Kosovo
in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries

The article describes interactions of Albanians and Serbs in Kosovo in the late nineteenth – early twentieth centuries. Special attention is paid to testimonies of how the situation in Kosovo was estimated by contemporaries.

Keywords: *Kosovo, Serbs, Albanians, Zuliim, Ottoman Empire.*

Ю. В. Данилец
(Ужгород)

К вопросу о подготовке второго Мараморош-Сиготского процесса против православных Закарпатья

В статье проанализирован обвинительный акт против 94 угорских русинов, перешедших в православие в конце первого десятилетия XX в.

Ключевые слова: *духовенство, Закарпатье, православие, русины, судебный процесс.*

Многовековая история Закарпатья связана с порабощением со стороны сильных соседних государств. Больше тысячи лет земля, которую населяли карпатские русины, находилась в составе Венгерского королевства, позже Австро-Венгрии. Венгерская центральная власть ограничивала права местного населения. В данной статье мы остановимся только на одном из аспектов этой сложной проблемы, на подготовке судебного процесса против русинов, которые решили возвратиться в православие в начале XX века.

В Австро-Венгрии действовали законы (I/III от 1868 и XI/III от 1895 г.), которые позволяли гражданам свободно менять свою религиозную принадлежность. Но на практике, как показал опыт первых лет XX века, в монархии это законодательство использовали выборочно. Не останавливаясь подробно на причинах православного движения среди русинов в Австро-Венгрии, перечислим только главные аспекты выхода из церковной унии с Римом: политика денационализации и мадьяризации местного населения со стороны венгерских властей и высшего греко-католического клира, целью которой была полная ассимиляция русинов и превращение их в верных сынов короны св. Стефана (Иштвана); экономическое давление со стороны греко-католического духовенства и местных помещиков; борьба за сохранение восточного обряда и оппозиция латинизации церкви. Все эти причины, и много производных от них, сыграли важную роль в возрождении православия в северо-восточной Венгрии.

Очагами православного движения были села Бехеро-Шаришской жупы (сегодня Бардеевский округ Словакии), Великие Лучки Бережской и Иза Мараморошской жуп (сегодня Мукачевский и Хустский районы Закарпатской области Украины). Если православное движение в Бехерове властям удалось локализовать, то в других

центрах накануне Первой мировой войны движение вышло из-под контроля администрации и греко-католического епископа. Православные крестьяне делали все возможные шаги, чтобы получить из Сербии священника, но высшее руководство Венгрии запретило патриарху в Белграде выполнить просьбу жителей сел Иза и Великие Лучки¹. Понимая, что подавить православное движение как религиозное явление не позволяет законодательство, ему попытались придать политическую окраску.

Против крестьян с. Иза был инициирован судебный процесс в главном городе жупы – Мараморош-Сиготе, к которому было привлечено 19 человек. Согласно обвинительному акту от 15 марта 1904 г., крестьяне нарушили статьи 172 и 173 Уголовного кодекса Венгрии, а именно, выступали против греко-католической церкви и ее духовенства и изменили свою церковную принадлежность по политическим мотивам (измена государству). Свидетели (около 80 человек) на основании слухов уверяли, что подсудимые говорили, будто придет «русский царь и выгонит венгров и евреев и разделит землю между православными крестьянами»². 30 апреля 1904 г. суд вынес приговор, по которому 12 подсудимых освобождалось из-под стражи. Семь человек суд приговорил за подстрекательство против греко-католической церкви. Обвинения в государственной измене с подсудимых были сняты³.

Первый судебный процесс против православных в Мараморош-Сиготе не только не остановил православное движение в Закарпатье, но, наоборот, способствовал его дальнейшему распространению.

Новый период в истории православного движения связан с именем Александра Ивановича Кабалюка, который родился в 1877 г. в семье лесоруба в горном селе Ясиня (сегодня пгт. Ясиня Раховского района). А. Кабалюк присоединился к православному движению в 1905 г. и через некоторое время стал его лидером (в 2001 г. Кабалюк причислен к лику местночтимых святых Украинской православной церкви)⁴. Несмотря на пристальный контроль полиции и греко-католического духовенства, православие распространилось на множество сел: Кошелево, Березово, Липча, Нижний Быстрый, Горинчово, Теремля, Крива, Бедеваля, Белки, Осой, Ильница, Дулово, Долгое, Заднее, Олешник и др.⁵

Руководство Мукачевской греко-католической епархии пыталось сначала остановить возвращение в православие миссионерскими методами, но они потерпели фиаско. Тогда эстафета перешла к полиции и военным. В 1912 г. в с. Иза ввели военное положение:

крестьянам запрещалось собираться группами более двух человек и ходить к соседям⁶. Жандармы требовали от крестьян, чтобы каждый имел при себе удостоверение о том, что он посещает греко-католический храм, которое выдавал местный священник. Если крестьянин не имел такого документа, то его подвергали пыткам и преследованиям. Например, жандармы жестоко избили И. Пасульку, К. Вакарова, К. Хвуст, А. Пристаю за то, что они отказались давать присягу о возвращении в унию; женщин А. Кадарь и М. Сабов – за попытку отвести детей на православное крещение в Мишкольц; И. Гайду, М. Вакаров, И. Борщ – за проведение богослужения дома раздели и босиком водили по улицам, а В. Вучкана привязали к лошади и волочили по улице. Жандармы в декабре 1912 г. поймали во время молитвы группу молодых девушек, которых раздели догола и держали в реке до самого утра⁷. Среди них была и будущая игуменья Липчанского и Мукачевского монастырей Параскева (Прокоп). Солдаты разрушили молитвенный дом в центре села и демонтировали православный крест⁸. В с. Великие Лучки в 1913 г., по приказу мукачевского окружного начальника, также разрушили православный крест и закрыли молитвенный дом⁹.

Когда распространение православия не удалось остановить штрафами и поборами, Министерство внутренних дел отправило в Мараморош-Сигот советника Горнера, которому поручили подавить православное движение. На территории Угорской Руси начали действовать тайные агенты, провокаторы, детективы, финансируемые правительством. Полиция провела несколько рейдов в селах Иза, Кошелево, Липча, Нанково, Горинчево, Нижний Быстрый, Теребля, Дулово, Нересница, Тернова, Великий Бычков, Рахов, Великие Лучки, во время которых было арестовано 188 человек¹⁰. Арестованных содержали в жупанатских и окружных тюрьмах, где над ними издевались и выбивали признания с помощью пыток. Начало суда все время переносилось. В конце концов, на совещании в Будапеште приняли решение начать суд в конце декабря 1913 г. в Мараморош-Сиготе.

О беспочвенности обвинения и жестоком обращении с заключенными писала львовская москвофильская газета «Русское слово»: «Венгры не имеют никакого милосердия и страшно преследуют те славянские народы, которые живут в Венгрии. За что собственно будут судить русских людей, никто не знает. Вероятно за то, что они не отреклись от своей народности, веры и церкви и были русскими патриотами. Жертвы этого венгерского суда будут новым украшением героического подвига русского народа»¹¹.

23 июля 1913 г. мараморош-сиготский королевский прокурор др. Андор Иллейш опубликовал обвинительный акт против «Александра Кабалука и его соучастников в разжигании религиозной вражды». Один из экземпляров этого документа был обнаружен нами в фондах Австрийского государственного архива в Вене¹². Изначально к следствию было привлечено 188 человек, которых обвинили в преступлениях по нескольким статьям венгерского уголовного кодекса (далее УК), в частности по статьям § 172 – подстрекательство к нарушению закона и § 173 УК – разжигание религиозной и национальной вражды и ненависти. После изучения материалов следствия прокурор сократил количество обвиненных до 94 человек. Прекращение производства мотивировалось недостаточностью доказательств, категорическим отказом некоторых заключенных от предъявленных обвинений.

После перечисления имен обвиняемых и тех, с кого прокурор снял все обвинения, в документе указаны улики, которые следствию надлежало изъять и уничтожить. Вину крестьян доказывали с помощью – «Библии» киевского издания, книги Алексия Товта «Где искать правду», «Жития святых апостолов» московского издания, «Молитв в честь Пресвятой Богородицы» почаевского издания, «Молитвенников» московского и киевского изданий, «Псалмов» киевского издания, «Псалтырей» московского, киевского и петербургского издания, листовки «Слово православным христианам о календаре старом и новом», газет «Русская правда», «Русское слово», журнала «Вера и Церковь», книг российского графа Владимира Бобринского, репродукций с видами Киева, Одессы, Афона, портрета архимандрита Паисия Величковского и т. д. (л. 82).

Интересным для исследователя является раздел акта обвинения, который называется «Мотивы». В нем прокурор А. Иллейш изложил историю православного движения в Угорской Руси. Он утверждал, что первые проявления движения были в селе Иза и начались они с действий панслависта, греко-католического священника Иоанна Раковского. Из его библиотеки в руки русинского населения попали книги, направленные против греко-католической церкви и венгерского государства. В с. Великие Лучки одним из проповедников православия был Юрий Рубиш, который распространял присланную из Америки книгу Товта «Где искать правду».

В процессе распространения движения, по словам прокурора, отмечалось нарушение правопорядка и государственного права. В 1904 г. в Мараморошском королевском суде, а в 1905 г. в Берегов-

ском королевском суде проводились процессы по делам лидеров движения сел Иза и Великие Лучки, обвиненных в подстрекательстве и разжигании национальной и религиозной вражды. Направлены они были против распространения недовольства проведением церковных служб греко-католическими священниками. В судебных процессах среди обвиняемых лидеров движения прокурор называл Максима Плиску, Акима Вакарова, Василия Кеминь и др. жителей с. Иза, которые были осуждены решением Мараморошского королевского суда № 4918/1906, решением Дебреценского апелляционного суда № 1643/1905 и судебной курией под № 4908/1906 за совершенные преступления против греко-католической церкви и конституции государства. Они были признаны виновными в подстрекательстве и разжигании национальной и религиозной вражды и были приговорены к одному году и 6 месяцам лишения свободы, а также денежному взысканию в размере 180 крон.

Ю. Рубиша, И. Федака и В. Балоба, жителей сел Великие Лучки, Бережский королевский суд признал виновными приговором № 6061-905 в подстрекательстве и разжигании вражды и назначил срок лишения свободы один год и 2 месяца, а также 200 и 50 крон денежного взыскания. Но решением апелляционного суда они были признаны невиновными. После оглашения приговора в 1906–1910 гг., Рубиш, Федак и Балог сосредоточились на организации прихода сербской православной церкви.

Прокурор утверждал, что переход в православную церковь русинских греко-католиков в Бережской, Мараморошской и Угочанской жупах организовывали, направляли и финансировали панславистские деятели, внуки Адольфа Добрянского, – братья Геровские: Роман, Георгий, Алексей, австрийские подданные, жители г. Черновцы. Братья Геровские сотрудничали с графом Владимиром Бобринским – председателем «Галицко-русского общества», членом Думы, с монахами Афонского, Киевского, Московского, Петербургского, Одесского, Яблочинского и Холмского монастырей, епископами: Евлогием – Холмским и Антонием – Житомирским. Также оказывали помощь для организации обучения русинской молодежи в России в Холмском и Яблочинском монастырях. В документе приводится информация, что из с. Иза в монастырь были отправлены М. Мачка, Ю. Галас, В. Кеминь, А. Кус, М. Вакаров, из с. Чингава – И. Бровди, из с. Нижний Быстрый – Ю. Россоха. В Леснинский монастырь были отправлены две девушки: сестра А. Кабалюка – Василиса и София Фицай.

В распоряжении следствия были сведения, которые доказывали, что в селах Мараморощины, где распространялось православие, были конфискованы русские деньги: у И. Бабинец – копейки, а у обвиняемых И. Желтвая и А. Изая – рубли, переданные греко-католическим священником. Корчмарь из с. Дулово Хайм Рутнер передал полиции рубль, полученный от крестьян. К В. Волощуку, жителю с. Нанково, рубль попал от корчмаря Вильмоша Вейса.

Далее прокурор проанализировал содержание периодических и богословских изданий, конфискованных у подсудимых. Например, из листовки «Слово православным христианам о календаре старом и новом» А. Иллейш приводил следующие строки: «Попы хорошо знают о своих грехах, и беда лишь в том, что они очень любят деньги, и за выгоду и за деньги от них можно получить все»; «Венгры хотят испортить русскую нацию, они хотят ее мадьяризовать, поэтому портят и церковь»; «Школы портят, чтобы дети учились только на венгерском языке, и чтобы забыли родной язык. Учителя, попы и епископы – все купленные за деньги, все они служат не Богу»; «Введение нового календаря – лишь инструмент, которым евреи и венгры хотят уничтожить русскую нацию». Из молитвословов следователями были выписаны молитвы за русского царя, государство и армию (л. 82об.–86). Отдельно в документе представлены выдержки из книг Алексия Товта и Владимира Бобринского (л. 86–88).

В рамках статьи мы хотели бы, основываясь на документах австрийского архива, кратко представить не столько известные биографии лидеров православного движения, сколько судьбы менее именитых борцов за православие в Закарпатье.

Первым в списке обвинения был Александр Кабалюк (иеромонах Алексей), который во время следствия находился в США. Прокурор указывал, что Кабалюк, бывший поденщиком на разных лесных работах и посещавший различные храмовые праздники, при финансовой поддержке Алексея Геровского получил возможность побывать в православных монастырях России, Иерусалима и Афона. Вернувшись оттуда как православный монах, по поручению графа Владимира Бобринского и братьев Геровских он начал работу по распространению православной веры среди населения сел Мараморошской, Угочанской и Бережской жуп. Вступил в связь с руководителями православного движения в селах Иза и Великие Лучки. Кроме того, на храмовых праздниках в Марияповчи, Биксаде, Бороняе, Великих Комятах общался с глубоко религиозными и доверчивыми лицами, жителями вышеназванных комитатов, которых он привле-

кал к агитации за православную церковь и к распространению агитационных листовок, церковных книг, политических газет, привезенных из России (л. 83).

Вернувшись из поездки в Иерусалим и Россию, в одежде галицийского еврея он посещал своих сторонников и агитировал за распространение русских национальных идей и создание Русской православной церкви, обещая крестьянам финансовую поддержку из России. Отдельное внимание он уделял жителям сел Великие Лучки и Иза, которые уже вышли из состава греко-католической церкви для создания православной общины.

В 1911–1912 гг. в селах Великие Лучки и Иза Кабалюк проводил обряды и богослужения в организованных для него верующими молитвенных домах. Освящал установленные Андреевские кресты как символ России. В 1912 г. в селах Иза, Теребля, Дулово, Липча, Хуст, Березово, Кошелево организовывал тайные собрания крестьян, на которых агитировал против греко-католической церкви и венгерских государственных учреждений, зачитывал печатные издания, привезенные из Черновцов, Америки и России, пропагандировал русскую национальную идею. Распространял среди населения православные молитвенники и обрядовые книги.

В вину Кабалюку также ставилось то, что он организовал принятие на обучение в Яблочинский монастырь юношей из Угорской Руси и получил для обустройства домашней часовни в с. Ясиня церковную литературу и ритуальные принадлежности. Причастность к преступлению подтверждалась также фактом, что Кабалюк с разрешения Хустского окружного начальника проводил в с. Иза православное богослужение и распространял статьи, опубликованные в черновицких газетах «Вера и Церковь», «Русская правда», газетах «Новое время» и «Свет», изданных в Петербурге, которые описывали деятельность греко-католической церкви в невыгодном свете. По словам прокурора, приоритеты в статьях были расставлены так, чтобы породить ненависть к венгерскому правительству не только на территории Венгрии, но и за рубежом (л. 88об.).

Следствие считало, что Кабалюк получал от графа Бобринского за православную агитацию деньги, мотивируя обвинение показаниями свидетелей и протоколом старосты с. Ясиня. В этом документе зафиксировано, что Кабалюк жил на средства, которые получал как поденщик, а с 1905 г. он не работал, а только занимался распространением православной веры. «И если он и был одарен подаяниями верующих на территории Бережского, Угочанского и Мараморошского

комитата, то явно сумма подаяний не покрывала его поездки и то, что деятельность своих соучастников он тоже должен был как-то вознаграждать».

Отдельные свидетели дали показания, что Кабалуок на храмовом празднике в Сучаве и в домах крестьян в селах Белки, Ильница, Осой проводил православные обряды и выступал с речами. В обращениях к верующим разжигал ненависть к греко-католической церкви и унижал греко-католическое духовенство. При этом превозносил русских православных священников и монахов и их религиозные идеи. «Заявил, что как только все перейдут в православную веру, всем станет лучше жить, потому что глава православной церкви – русский царь, и также отмечал, что это нужно и для того, чтобы часть Венгрии, населенная православными русскими верующими, отошла в состав России под власть русского царя».

Доказательствами обвинения против Кабалуока стали его переписка с крестьянами и русскими монахами, церковные атрибуты, обрядовые и молитвенные книги, газеты и брошюры (л. 88об.).

Одной из ключевых фигур обвинения был уроженец и житель с. Ясиня, 47-летний Юрий Воробчук. С 25 ноября 1912 г. он находился в следственном изоляторе (л. 76). Кроме обвинения по § 172–173 УК Воробчука обвиняли также по § 470 УК – попытка дачи взятки. 2 июня 1912 г. в здании венгерской королевской пограничной службы в с. Ясиня он предложил 200 крон пограничнику за уничтожение или возвращение ему конфискованных писем. «Действия Юрия Воробчука подтверждаются его собственным признанием, показаниями обвиняемых и свидетелей» (л. 88об.). Прокурор утверждал, что Воробчук и Кабалуок находились в сговоре с братьями Геровскими с целью распространения православной веры и организации православной церкви. Они распространяли среди населения агитационные печатные издания: «Русскую правду», «Веру и Церковь», листовку «Слово православным христианам о календаре старом и новом».

Преступные действия Воробчука, по мнению прокурора, подтвержались изъятыми у него печатными изданиями из Киева, Москвы и Петербурга. Книги содержали молитвы за русского царя, царскую династию, армию и Российскую империю; большое количество агитационных листовок; письма; квитанции, изъятые в Братиславской дирекции почты, подтверждающие пересылку книг и денег, отправленных из Черновцов и России. Документы свидетельствовали о получении денежных средств в размере 1700–1800 крон (л. 88об.).

Среди обвиняемых был и состоятельный житель г. Хуст, 56-лет-

ний Михаил Палканинец. В следственном изоляторе он находился с 23 ноября 1912 г. Выдвинутые против него обвинения отвергал, вины не признавал. Сообщал, что знал Кабалюка и присутствовал в частном доме в Хусте, где священник принимал православных из с. Иза и других населенных пунктов. Получил русские церковные книги, по которым там и молились.

Согласно показаниям свидетелей, Палканинец не только имел хорошие отношения с Кабалюком, но и проводил активную деятельность для организации православной церкви. Она проявилась в содействии организации в с. Иза православной общины, распространении печатных изданий и агитации за присоединение к Российской империи. Палканинец предложил для обустройства тайного молитвенного дома свое помещение, которое стало центром встреч заинтересованных в возвращении в православие.

Следствие установило, что в 1912 г. в одном из домов он говорил присутствующим: «Переходите в православную веру, не будьте папистами: мы – русскими были и останемся ими... Помощь придет из России, для того чтобы помочь русским, проживающим на территории Венгрии, попасть под власть русского царя». Зачитывал статьи из журнала «Вера и Церковь» и православные молитвы. Также в доме Палканинца были найдены и конфискованы книги московского и петербургского издания и несколько экземпляров первого номера журнала «Вера и Церковь» (л. 89).

Под судом оказался также солдат Ужгородской королевской 66-й пехотной дивизии, 21-летний Дмитрий Петровций, уроженец и житель села Осой. В жилище его отца, также Дмитрия, который проходил на суде сначала обвиняемым, а позже свидетелем, действовал молитвенный дом. Младший Петровций свою вину признавал частично. Однако свидетели подтвердили его связь с Кабалюком и братьями Геровскими с целью распространения православия и организации православной церкви. В обвинительном акте, без пояснения, указано, что он исполнял «специфические поручения Кабалюка». По показаниям свидетелей, он распространял печатные издания агитационного и подстрекательского содержания. Доказательствами против него служили печатные издания, изъятые в доме его родителей, а также письма, отправленные Дмитрию Андришко.

Летом 1912 г. Петровций собирал более 7 человек, перед которыми зачитывал статьи из журнала. «Теперь турецкий император и еще один император начинают войну, после которой будет война еще больше, потому что московский царь обижается на нашего импера-

тора и займет от него земли до Белой Тисы, на которой проживают русины. Надо переходить в православную веру, которая тогда станет господствующей» (л. 90).

С 26 ноября 1912 г. в следственном изоляторе находился 56-летний житель с. Микуловцы Илья Пирчак. В отличие от других подсудимых Пирчак был интеллигентом, работал помощником адвоката в Мукачеве. Следствие владело информацией о том, что он вместе с Иваном Газием обращался к Священному Синоду Сербской православной церкви с просьбой прислать православного священника в с. Великие Лучки. Пирчака обвиняли в том, что он в своих статьях, печатавшихся в газетах «Русская правда», «Вера и Церковь», «Прикарпатская Русь», освещал деятельность Кабальюка и развитие православного движения в русинских селах. Поддерживал контакты в России (в протоколах упоминается фамилия Вознесенский), получал отсюда средства и печатную продукцию. Имел тесные связи с лидерами православного движения: Кабальюком, Палканинцем, Газием. Распространял среди жителей с. Великие Лучки упоминаемые издания, при этом говорил, что необходимость перехода в православие является важным для того, чтобы населенные русинами территории Венгрии перешли под власть русского царя. Илья Пирчак все обвинения категорически отрицал (л. 90).

В списке подсудимых находим пять крестьянок: Елену Глушканюк, Марию Мускур, Василису Фицай, Марию Биров и Анну Божук.

Крестьянок обвиняли в распространении печатных изданий, связях с лидерами православного движения, агитации за вступление девушек в русские монастыри. Следствие установило, что в доме Марии Биров (до замужества Сочка) неоднократно проводились тайные собрания. На одном из собраний говорили: «Греко-католическая вера плохая, потому что ее глава – римский папа; нам, русским, нужна такая вера, как русская вера, потому что мы русские...» (л. 93).

Лидером православного движения на Тячевщине был Юрий Чопик. В акте обвинения прокурор уделил значительное внимание его деятельности. С 26 ноября 1912 г. по 2 апреля 1913 г. Чопик находился под следствием. Прокурор доказывал вину подсудимого сразу по нескольким эпизодам: связь с Геровскими и Кабальюком; пропаганда в Теребле и окрестностях идей перехода под власть русского царя; распространение печатных изданий; агитация против греко-католической церкви, ее священников и руководства венгерского государства; выступление против объединения календарей. Все эти обвинения прокуратура подтверждала показаниями свидетелей и веще-

ственными уликами. У Чопика изъяли книги, полученные от братьев Геровских с целью распространения (л. 91).

В январе-феврале 1912 г. в частных домах жителей с. Теремля Ю. Чопик проводил тайные собрания крестьян, где агитировал за переход в православие. За эти действия он был наказан Тячевским окружным судом. Факт агитации против греко-католической церкви прокурор доказывал показаниями «надежных свидетелей»: местного униатского священника Александра Кимака и корчмаря-еврея Аюша Гомичко. Последний утверждал, что Чопик во время собрания говорил: «Если 600 человек подпишутся и их подписи будут отосланы русскому царю, который впоследствии придет с войском, то они получают земли, изъятые от изгнанных помещиков и евреев» (л. 91об.).

Среди обвиняемых, с которых накануне процесса сняли подозрение, был сын греко-католического священника Степана Бачинского из села Ясиня – Юлий, адвокат из Тренчина Владимир Гомичко, православный священник из Мишкольца Аурел Мотин и др. Интересны доводы прекращения судопроизводства. По поводу Юлия Бачинского прокурор указывал, что тот свою вину не признает и отрицает связь с Александром Кабальюком и братьями Геровскими (л. 101). Бачинский признавал, что в 1905 г. Алексей Геровский посетил его отца в с. Ясиня и встречался с Кабальюком. Признавал также, что ездил в Черновцы по приглашению Геровского. Получал для чтения русские книги, а осенью 1912 г. организовал своему родственнику Арнольду Дулишковичу, раскрытому как шпиону венгерской полиции, встречу с графом В. Бобринским (л. 101об.).

Анализируя улики и показания свидетелей о деятельности В. Гомичко, прокурор указывал, что адвокат поддерживал связь с братьями Геровскими, хранил книги антигосударственного содержания, письма и газеты, в которых большое внимание уделялось вопросу возрождения православия в селах Иза и Великие Лучки. А. Иллейш вынужден был признать, что у следствия недостаточно доказательств по поводу того, что конфискованные у Гомичко печатные издания были получены незаконным путем и что он их использовал с целью подстрекательства против греко-католической церкви, папства и венгерского государства, как недостаточно доказательств по поводу того, что он проводил беседы, чтения и распространение печатных изданий (л. 101об.).

Уголовное дело против А. Мотина было возбуждено на основании информации о том, что он поддерживал связи с жителями с. Иза

и предоставил в 1912 г. официальное разрешение Кабальюку на проведение православных богослужений. Священник отверг обвинения в том, что он якобы выступал против венгерского государства, греко-католической церкви и папства. Отрицал факт агитации среди крестьян сел Иза и Великие Лучки за переход в православие (л. 101об.).

Таким образом, перед судом в Мараморош-Сиготе, который начал свою работу 29 декабря 1914 г., предстало 94 обвиняемых, которым вменили в вину серьезные преступления против государства. Простых закарпатских крестьян обвинили в деятельности, следствием которой должно было стать включение земель, населенных угорскими русинами, в состав Российской империи. Кроме того, их решили судить за разжигание религиозной и национальной вражды, агитацию против греко-католической церкви, которая была послушным исполнителем воли венгерских правителей. Судебный процесс закончился 3 марта 1914 г. 32 человека были приговорены к разным срокам заключения. Ход процесса подробно освещался тогдашними газетами и журналами всего мира. Процесс не выполнил возложенных на него надежд, православное движение не удалось остановить.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Геровский А. Иза и Сиготский процесс // http://www.ukrstor.com/ukrstor/gerowskij_iza.htm
- 2 Гоненіє св. Православія в Угорщині // Православная Буковина. Черновцы. 1904. 14 мая. С. 2.
- 3 Судейский приговор // Неделя. Ужгород. 1904. 8 мая. С. 301.
- 4 Данилець Ю. Обраний Божим Провидінням. Життєпис преподобного Олексія Карпаторуського сповідника. Чернівці, 2013. С. 10.
- 5 Данилець Ю. Православна церква на Закарпатті у першій половині ХХ ст. Ужгород, 2009. С. 62.
- 6 Бескидский. Как мадыарское правительство и униаты подготовляли Марморорошский процесс // Православный Русский Календарь. Ладомирово, 1930. С. 59.
- 7 Аверкий (Таушев), архиепископ. Кончина Игумені Параскевы // Православная Русь. Джорданвилль. 1967. № 10. С. 4.
- 8 Письмо из Угорской Руси // Русская Правда. Черновцы. 1913. 28 февр. С. 5–6.
- 9 Бескидский. Как мадыарское правительство и униаты подготовляли Марморорошский процесс. С. 59.

- 10 Что діється на Угорщині // Русская Правда. Черновцы. 1913. 18 апр. С. 4.
- 11 Под малярским ярмом // Русское Слово. Львов. 1913. 3 окт. С. 2.
- 12 Österreichisches Staatsarchiv – HHStA Kabinettsarchiv, Geheimakten 27 (alt 29, 30), Politisches 1913, fol. 75–104. Далее ссылки на листы данного дела приводятся в тексте в круглых скобках.

Danilets Yu. V.

Concerning the Preparaton of the Second Máramarossziget-Process
against the Greek-Orthodox Believers in Trans-Carpathia

The article analyses the indictment against ninety four Hungarian Ruthenians, who had converted to the Orthodoxy at the end of the first decade of the twentieth century.

Keywords: *clergy, Orthodoxy, Ruthenians, Transcarpathia, trial.*

Н. С. Гусев
(Москва)

Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование

В статье рассматривается возникшее после Балканских войн взаимное разочарование русских и болгар, планировавшие в Болгарии, согласно данным разведки, убийства посла в Сербии и главы МИД России. Также делается попытка ответить на вопрос, появились ли эти настроения благодаря усилиям руководства Болгарии или же возникли среди народа стихийно. Ключевые слова: *Россия, Болгария, Балканские войны, анти-русские настроения, российская заграничная агентура.*

Летом 1913 г. закончилась Вторая балканская война. На идее всеобщей славянской взаимности был поставлен крест, впрочем, как и на Сан-Стефанской Болгарии. К Софии со стороны всех границ двинулись армии вчера еще союзных Сербии, Греции, Черногории, нейтральной Румынии и едва примиренной Турции. Болгарии ничего не оставалось, кроме как капитулировать и временно забыть о большей части Македонии, ради которой и были начаты обе Балканские войны.

Российская дипломатия приложила немало усилий для создания Балканского союза, который вопреки планам Петербурга повернулся не против Австро-Венгрии, а против Турции. К разочарованию России, победившие союзники рассорились при дележе добычи – каждый претендовал на значительные территории Македонии и не обращал внимания на призывы Николая II к мирному решению проблемы. «Кратко говоря – их испортил “квартирный вопрос”», – как выразился по этому поводу отечественный историк В. И. Косик¹.

Итог Балканских войн привел к появлению в разгромленной Болгарии негативного восприятия российской балканской политики, отметим, что уже не в первый раз за краткую историю существования этого молодого государства. В связи с этим интересным представляется вопрос: было ли это чувство стихийным, идущим «снизу», или навязываемым «сверху»?

Автор, опубликовавший статью в болгарском журнале под псевдонимом «Дубле», утверждал, что продавались «карты войны, напечатанные в России, где сербские полки берут Чаталджу», изображения взятия Лозенграда черногорцами, «видели русские картины, как Шукри-паша

сдается сербской армии»². Другой автор, также скрытый под псевдонимом, зафиксировал на страницах периодического издания ходившие во время Второй балканской войны слухи, что «русские высадили десант в Варне и Бургасе и претендуют на часть Болгарии»³. Житель Охрида Евтим Янкулов и после обеих войн считал, что «трагедия Болгарии состояла в том, что не было ясных заявлений со стороны России, будет арбитраж в рамках договора или вне их»⁴. Таким образом, он виновником несбывшихся мечтаний считал не политику Сербии и Болгарии, не неуступчивость балканских правителей, а молчание России, которая на самом деле в тот момент пыталась найти компромисс между своими клиентами. Во время Межсоюзнической войны Россия части болгарского общества казалась еще и верхом коварства, кукловодом, использующим русофилов «втемную» для достижения исключительно своих целей. И опять вина перекаладывалась с плеч болгарского руководства, с большой головы на здоровую. Генерал-майор К. Жостов 21 июля 1913 г. записал в своем дневнике: «Утром ходил домой к Ляпчеву. За наши несчастья возлагает вину на нас, а не на русских! Но не подло ли с русской стороны использовать так коварно глупость и доверчивость наших правителей»⁵. Происходила и некоторая персонализация отрицательного отношения к русской политике. Болгарский посланник в Петербурге С. Бобчев в воспоминаниях отметил, что «у нас есть доморощенные патриоты», негативно относящиеся к Николаю II. Но тот любил Болгарию и болгар, о чем было известно⁶. В качестве подтверждения тому Бобчев приводил тот факт, что во время переговоров в Бухаресте российский император высказал твердое желание, чтобы степень унижения Болгарии и болгарского народа не дошла до крайней⁷.

Чешский журналист Владимир Сис, бывший в это время корреспондентом «Народни листы» («Národní listy») в Болгарии, естественно, находившийся под влиянием атмосферы, царившей в стране, записал в своем дневнике 23 июня (08.07 по н. ст.), что в Петербурге «не только допустили распад четверного союза, но и непосредственно помогли этому», так как созданный на Певческом мосту Балканский союз должен был стать послушным орудием русской политики, болгары же вышли из-под контроля, показали свою самостоятельность, поэтому было принято решение о ликвидации этого внешнеполитического проекта, сделав ставку на послушный Белград⁸.

Отношения между государствами были бесповоротно испорчены. А между народами?

Журнал «Аз знам всичко», болгарский аналог русской «Нивы», уже по завершении боевых действий очень часто размещал материа-

лы о России. Тут и распорядок дня императорской семьи, и дело Бейлиса, и гибель поселка рыбаков на о. Новая Земля, и многое другое⁹. Однако о жителях Силистры говорится, что они «проявили чудеса храбрости, чтобы дать свободу поработанному брату (македонским и адрианопольским болгарам. – *Н. Г.*), а сами в *Петербурге* (курсив наш. – *Н. Г.*) были обречены на рабство»¹⁰. Это весьма аполитичное издание возлагало вину за потерю Добруджи на русскую дипломатию, заметим, что небезосновательно: Россия была сторонником компенсации для Румынии ради сохранения мира. Однако о преобладании симпатий журнала к освободительнице свидетельствует первый его номер за 1914 г., в котором говорится с сожалением: «В России сегодня смотрят с неприязнью на Болгарию не только официальные круги, но и народные массы», в подтверждение чему приводилась почтовая открытка, где портрет царя Фердинанда, изображенный на марке, «русские чиновники замазали кровавыми чернилами»¹¹. О том, что, несмотря ни на что, благодарность и теплота по отношению к России оставались, свидетельствует и следующий факт. Участник Балканских войн К. Аврамов с грустью записал в своем дневнике в октябре 1915 г. об объявлении войны Сербии: «Поскольку Россия, наша освободительница, в союзе с Сербией, значит, что мы в войне и с ней... До чего мы дошли!»¹²

Архив бюро заведующего российской заграничной агентурой Департамента полиции в Константинополе предоставляет крайне интересный материал, помогающий в освещении затронутой нами проблемы. Этот массив материалов известен, однако исследователи не задействовали данные архива в рамках поставленного в статье вопроса¹³.

Российская разведка сообщала, что негативное отношение к России подогревалось царем Фердинандом и правительством В. Радославова, которые через печать распространяли среди населения мнение, что виновницей болгарских несчастий является Россия, ведущая политику превращения Болгарии в «Задунайскую губернию»¹⁴. Тем самым из арсенала противников Петербурга был вытаскен уже изрядно запылившийся жупел, задолго до того использовавшийся С. Стамболовым. В Департамент полиции сообщали и то, что болгарский посол в Румынии С. Радев, «интимный друг министра иностранных дел Геннадиева», распространял слухи, что в Бухаресте окончательно узнал, что «Румыния напала на Болгарию не только с согласия, но даже по требованию России»¹⁵.

Эта позиция правительства и «большей части болгарской интеллигенции» привела к активной миграции в побежденную страну

русских революционеров, где им сочувствовали, видимо, пытаясь таким образом совершить свою маленькую если не месть, то пакость. В присоединенном порту Дедеагач (ныне – Александруполис) «некая артистка Роза Попова» даже открыла свою гостиницу, где привечала русских противников режима, и уже к январю 1914 г. их там собралось 20 человек¹⁶.

По сообщениям российских агентов, болгарские власти проявляли изрядную фантазию, стараясь очернить Петербург в глазах соотечественников. В июне 1914 г. начальник болгарской охранной полиции Стойлов арестовал жителя Свиленграда Владимира Робева. Тот во время Балканских войн служил в одном из отрядов Русского общества Красного Креста, вместе с которым уехал на некоторое время в Россию. По возвращении его обвинили в работе на секретную службу Петербурга и подготовке покушения на царя Фердинанда. Тот, однако, отказался признаваться в этих обвинениях. В отсутствие иных доказательств полиции ничего другого не оставалось, кроме как ограничиться высылкой Робева в родной город Свиленград. По мнению бюро заведующего заграничной агентурой, это произошло потому, что Стойлов, «как вообще все чины полицейского розыска», этим задержанием желал выслужиться перед начальством, поскольку «при нынешнем болгарском правительстве, враждебно настроенном к России, чины болгарской полиции за всякую свою деятельность, направленную к подорванию престижа России на Балканском [полуострове] и в особенности Болгарии, получают поощрения»¹⁷.

Наибольшее озлобление против России царило среди членов Внутренней Македонско-Одринской Революционной Организации, никак не видевшей будущее Македонии в составе Сербского королевства. Российская агентура следила за планами этих горячих голов. 10 сентября 1913 г. ее заведующий отправил в Петербург сообщение, где говорилось, что «в августе сего года в с. Княжеве (в 9 километрах от Софии) состоялось тайное собрание македонского революционного комитета «“внутренней организации” – приемников Бориса Сарафова», где «все ораторы осудили русскую политику» в отношении Болгарии. «Некоторые из главарей, как то: Матей Геров, Димитр Гурин-Ляпин*, Александров, Даскалов и Матов, высказались за необходимость отмстить России за ее политику... и настаивали на убийстве русского посланника в Сербии Гартвига и его жены, а также за отправление в Россию террористов для убийства

* Видимо, имеется в виду Димитр Николов Ляпов-Гурин.

министра иностранных дел Сазонова»¹⁸. Отметим, что планов по убийству российского императора члены ВМОРО не строили. Его фигура, по всей видимости, казалась им слишком охраняемой или не имевшей влияния на события, или же невиновной в «первой национальной катастрофе».

Николай Генрихович Гартвиг не без причины был нелюбим в Македонии: будучи посланником в Белграде, он активно защищал его интересы перед Петербургом, часто действуя вопреки директивам Певческого моста¹⁹. В Софии к тому же считали, что именно он советовал сербскому королю дезавуировать сербско-болгарское соглашение²⁰. Поэтому нет ничего странного в том, что, согласно донесению агентуры, «идея об убийстве Гартвига и его супруги нашла многих сторонников среди македонских революционеров, и предполагается даже отправить для этого нескольких лиц в Белград»²¹. По этой же причине не кажется удивительным сообщение сербской газеты «Мали журнал» о том, что смерть Гартвига в 1914 г. была отпразднована в болгарской дипломатической миссии «разливом шампанского и криками “ура”»²².

Относительно же посланника в Софии, А. В. Неклюдова, это собрание решительных борцов за счастье Македонии решило посмотреть на «поведение его во время происходящих переговоров болгар с турками». Но ограничиваться этим революционеры не собирались. Они также считали, что Россия, покровительствуя Сербии и Греции, сподвигнув Румынию, привела Болгарию к разорению. «Если Россия в ближайшем будущем не изменит своей болгарофобской политике, следует в Болгарии уничтожить навсегда всякую память о России». Для этого предполагалось совершить ряд серьезных террористических актов. Взрывами предполагалось стереть с лица земли памятник Царю-Освободителю в Софии и памятник-мавзолей в Плевне, не допустить освящения незадолго до того достроенного в Софии храма Св. Александра Невского.

Заведующий агентурой закончил донесение следующим соображением. Главные активисты организации были близки к главе находящегося у власти кабинета министров Радославову и главе МИД Геннадиеву. Из этого делался вывод, что «можно предположить, что собрание в Княжеве было устроено нынешним кабинетом министров»²³.

Началось наблюдение за попытками реализации этих планов. В конце декабря разведка направила в Петербург донесение, где сообщалось, что в начале месяца двое македонцев в одежде сербских солдат пытались проникнуть в Сербию, были сняты с поезда, разо-

блачены и казнены. «По сведениям, исходящим от сербской администрации, поездка этих македонцев имела будто бы целью покушение на российского посланника в Сербии, г. Гартвига»²⁴. Как явствует из тона донесения, сам заведующий агентурой не был уверен в точности имеющейся информации.

С предполагаемыми убийцами С. Д. Сазонова дело обстояло сложнее. Главе Одесского жандармского управления П. П. Заварзину 19 октября телеграфировали: «Сегодня выедут [из] Варны [в] Одессу пароход[ом] для покушения [на] министра Сазонова македонцы Зографов и Наумов», далее сообщались их приметы, а от руки карандашом в донесении подписаны их имена: «Михаил» и «Цветко» соответственно²⁵. Аналогичная информация была послана по адресу: Петербург, ул. Фонтанка, 16, где тогда находился Департамент полиции²⁶.

П. П. Заварзин ответил, что указанные лица не прибывали²⁷. В Петербург сообщили, что они «не могли выехать[,] находятся в Варне[,] наблюдаются»²⁸. 3 ноября доносилось, что они еще не выехали²⁹, после чего данные о них не встречаются в архивном фонде до 11 июня 1914 г. В этот день было доложено, что они при помощи сообщников из России тайно под иностранными паспортами попытаются совершить задуманное³⁰. После этого ни Зографов, ни Наумов в документах не появляются, однако, как известно, Сергей Дмитриевич Сазонов умер своей смертью намного позже в Ницце. В своих воспоминаниях он также не упоминает о покушении на себя. Вероятно, министр даже не знал о его подготовке.

По мнению Бюро заведующего заграничной агентурой в Константинополе, ВМОРО все-таки совершила месть, но в отношении короля Греции, для чего был использован «неврастеник Скинас, бывший одно время в числе террористов названного комитета»³¹. После Балканских войн много говорили о болгарском следе убийства Георгиоса I, но подтверждений он не находит. Вскоре Скинас погиб при загадочных обстоятельствах, а документы и улики исчезли. По мнению современных исследователей, вероятнее всего, за терактом стоял Берлин, руками младотурок изменивший вектор внешней политики Афин³².

ВМОРО была не единственной македонской проблемой, интересовавшей разведку. В октябре из Константинополя доносили об опасности отпадения македонских болгар от православия. Причиной того являлось исчезновение их права на собственные церкви и школы, в связи с чем представители Австрии усилили пропаганду унии с католичеством, обещая покровительство императора Дунайской империи и папы Римского. Эта идея активно приобретала сторон-

ников, что, по мнению заведующего бюро, угрожало «пресечением духовной связи с Россией и ее влияния»³³.

Активно действовали в Болгарии и члены армянской партии «Дашнакцутюн». Бюро заведующего заграничной агентурой в Константинополе не могло не следить за ними. Те на своих митингах высказывались против России, считая, что ее позиция по поводу независимости Турецкой Армении будет негативной. Связывали они это с предполагаемыми опасениями Петербурга относительно армянского национального вопроса в Российской империи³⁴. Одновременно один из лидеров партии высказывался в следующем ключе: Петербург симпатизировал турецким армянам, дабы иметь повод вмешаться и оккупировать населенные ими земли³⁵. При этом члены «Дашнакцутюн» опасались того, что вмешательство России в эту проблему могло привести к резне армян турками³⁶.

Естественно, не все в Болгарии обвиняли Россию в своих бедах. Российский посланник А. В. Неклюдов отправлял на Певческий мост иные донесения: «Солдаты открыто говорят, что шваб-король и изменники министры вравили народ в ненужную и братоубийственную войну против воли русского царя. То же говорят среди простого люда столицы и окрестностей, а также и в провинции»³⁷. Российская агентура также сообщала об озлоблении против бывшего во время Межсоюзнической войны председателем Совета министров С. Данева и царя Фердинанда. Недовольные ими, «которых в Болгарии и до войны было значительное число», вели пропаганду в пользу свержения монарха, «и даже раздаются в стране голоса, что следовало жестоко отомстить и царю, и Даневу за те жертвы, которые из-за них принесены Болгарией»³⁸.

Бюро заведующего заграничной агентурой Департамента полиции в Константинополе большую часть своей деятельности посвятило слежке за гражданами России за границей, прежде всего за «неблагонадежными элементами». Но и обойти проблемы отношения к России на Балканах оно не могло. Донесения вкупе с источниками болгарского происхождения приводят нас к неутешительному выводу о падении русского престижа в Болгарии, уменьшении симпатий в этой стране к своей освободительнице. Газета «Народни права» подытожила результаты конфликта 1913 г.: «Поведение русского правительства в болгаро-сербском споре отняло у всего болгарского общества, в том числе у самых безоглядных русофилов, любую веру в справедливость с ее стороны по отношению к Болгарии»³⁹. Немало усилий к тому приложили пришедшие к власти политические силы. Как ни удивительно, фигура царя Фердинанда осталась практически

незапятнанной в сообщениях агентуры. «Лисица» опять вытащил каштаны из огня чужими руками. А именно он был больше всех заинтересован в подогревании антирусских настроений.

Рано или поздно поиск виновников «первой национальной катастрофы» указал бы на него, и дни монархии оказались бы сочтены. Фердинанд это понимал, понимали это и в Вене, и в ноябре 1913 г. перед аудиенцией у австрийского императора он опасался, что Франц-Иосиф будет настаивать на отречении Кобурга в пользу своего сына, дабы сохранить династию на престоле⁴⁰. Как известно, пятью годами позже Фердинанд все же будет вынужден передать корону. А в 1913 г. прекрасным выходом из ситуации казался поиск внешнего врага и виновника сложившегося положения. И если Сербия казалась недостаточно сильным противником для такого масштабного поражения, то Россия идеально подходила на роль коварного «злого гения», доведшего Болгарию до катастрофы.

При этом нельзя забывать, что амбиции Фердинанда никуда не делись. Уже в приказе о демобилизации армии 28 июля 1913 г. он заявил: «Истощенные и уставшие, но не побежденные, мы должны свернуть свои славные знамена до лучших времен»⁴¹. Однако македонская проблема не могла быть решена при помощи Антанты. Желаемое мог обещать лишь Берлин, и в этом случае столкновение с Россией становилось неизбежным. Общественное сознание необходимо было к этому подготовить заранее, поскольку в одно мгновение ни один пропагандистский аппарат не может превратить «освободительницу» во врага. Как справедливо заметила отечественный исследователь Е. С. Сенявская, «любая война начинается задолго до ее объявления, которому обязательно предшествует идеологическая и психологическая обработка населения официальными пропагандистскими структурами»⁴². И это, можно предположить, являлось второй причиной обвинения России в бедах Болгарии.

Нельзя отрицать и шедшие «снизу», стихийно складывавшиеся антирусские настроения. Вряд ли всерьез можно рассматривать решения ВМОРО, но они все же симптоматичны, показывают резкое озлобление в среде жителей Македонии, что нашло свой выход и в успехе агитации австрийских проповедников. Сложно винить в этом поведение России, которая, что очевидно, должна была преследовать свои внешнеполитические интересы, а не идти на поводу своей балканской клиентелы. Тяжело возлагать вину и на сами балканские государства, которые, решив, что уже достаточно самостоятельны, повели независимую внешнюю политику.

Действия Болгарии привели к тому, что и в России в ней разочаровались. Еще во время боевых действий в русском обществе разгорелись споры, фактически бывшие сербо-болгарской информационной борьбой, в которой Белград одержал сокрушительную победу⁴³. В итоге на Софию возложили ответственность за разрушение союза славянских народов, развязывание братоубийственной войны, одновременно происходило сознательное противопоставление руководства и жителей страны⁴⁴. Русскому болгарофильству также пришел конец. И уже через год Л. Андреев назовет болгар «торгующими во храме»⁴⁵, а еще через год Николай II будет вынужден объявить войну Болгарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Косик В. И.* Крыло бабочки // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 60.
- 2 *Дублве.* Дайте ни истински картини от войната // Народ и армия. 1914. Кн. 15, 16, 17, 18, 19, 20. С. 745.
- 3 *Войник.* Военни писма // Народ и армия. 1913. Кн. 1. С. 45.
- 4 *Георгиев Г. Н.* Спомени на Евтим Янкулов за Балканските войни и Охридско-Дебърското въстание (1912–1913) // 110 години от Илинденско-Преображенското въстание и българската национална идея от Сан Стефано до Букурещ (1878–1913). София, 2014. С. 548.
- 5 *Захариева С., Алексиев К.* Между написано и преживяно: Дневник-тетрадка на генерал-майор Константин Жостов, воден в периода 16 март 1913 – 12 март 1914 г. // 110 години от Илинденско-Преображенското въстание и българската национална идея от Сан Стефано до Букурещ (1878–1913). София, 2014. С. 570.
- 6 *Бобчев С.* Страници из моята дипломатическа мисия в Петроград. 1912–1913. София, 1940. С. 64.
- 7 *Ibid.* С. 212.
- 8 *Сис В.* Критични дни на България // Народ и армия. 1914. Кн 15, 16, 17, 18, 19, 20. С. 677–679; *Он же.* Критични дни на България. София, 2005. С. 40.
- 9 Аз знам всичко. 1913. 3 нояб.; 17 нояб.; 8 дек.; 15 дек.; 29 дек.
- 10 *Ibid.* 1913. 15 дек.
- 11 *Ibid.* 1914. 5 янв.
- 12 *Аврамов К.* На фронта спокойно (из дневника на един войник). София, 1932. С. 86.
- 13 *Каширин В. Б.* Русская охранка на берегах Босфора: Бюро заведывающего агентурой Департамента полиции в Константинополе (1910–

- 1914) // *Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII – начале XX в.* М., 2011.
- 14 ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 25. Л. 84–84об.
- 15 Там же. Л. 67об.
- 16 ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
- 17 Там же. Л. 56–56об.
- 18 ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 25. Л. 65а.
- 19 См.: *Штрандман В.* Балканске усомене. Београд, 2009.
- 20 *Пешев П.* Историческите събития и деятели от навечерието на освобождението ни до днес. София, 1993. С. 408.
- 21 ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 25. Л. 65а.
- 22 *Силянков Х.* Сръбско-българският спор и Русия. София, 1915. С. 18.
- 23 ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 25. Л. 65аоб.
- 24 Там же. Л. 92.
- 25 Там же. Л. 86.
- 26 Там же. Л. 88.
- 27 Там же. Л. 87.
- 28 Там же. Л. 89.
- 29 Там же. Л. 101.
- 30 Там же. Л. 44.
- 31 Там же. Л. 111.
- 32 *Улуния А. А.* Незаконченно следствие // *Цареубийства: Гибель земных богов.* М., 1998. С. 453–454.
- 33 ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 84.
- 34 Там же. Ед. хр. 11. Л. 39.
- 35 Там же. Л. 11.
- 36 Там же. Л. 7об., 67.
- 37 Цит. по: *Исаева О. Н.* Царь болгар Фердинанд Саксен-Кобург-Готский // *До и после Версаля. Политические лидеры.* М., 2009. С. 117.
- 38 ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 25. Л. 52.
- 39 Балканските войни по страниците на Българския печат 1912–1913. София, 1999. С. 184.
- 40 Из тайния архив на българския цар Фердинанд I. Документи за военната и политическата история на България. София, 2001. С. 114.
- 41 Цит. по: *Кокеров Г.* Кошмарното лято на 1913 // *Ние.* 2001. № 6. С. 1.
- 42 *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 62.
- 43 *Гусев Н. С.* Русский «фронт» борьбы за Македонию // *Родина.* 2014. № 6. С. 82–85.

- 44 *Гусев Н. С.* Болгарское военное руководство в оценках русских журналистов в период Балканских войн // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. М., 2014. С. 138; *Он же.* Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912–1913 годов // Историки-слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности. М., 2011. С. 468.
- 45 *Андреев Л. Н.* В сей грозный час. Пг., 1915. С. 27.

Gusev N. S.

The Russians and the Bulgarians after the Balcanic Wars:
the Mutual Dissapointment

The article considers anti-Russian sentiments, which arose in Bulgaria after the Balkan Wars, and the Russian intelligence-service reports concerning the plans of the Internal Macedonian Revolutionary Organization (IMRO) to assassinate the Russian ambassador in Serbia and the head of the Russian Ministry of Foreign Affairs. It strives to answer the question, whether these sentiments were inspired by the Bulgarian authorities, or emerged spontaneously.

Keywords: *Russia, Bulgaria, Balkan Wars, anti-Russian sentiments, Russian intelligence-service abroad.*

Д. Г. Дмитриев
(Москва)

Поляки на службе в царской армии накануне Первой мировой войны (к вопросу о векторе социальной мотивации)

В статье анализируется положение поляков и военнослужащих польского происхождения в царской армии накануне Первой мировой войны (1912–1914). Сопоставляются наблюдения и выводы польских исследователей с данными архивов российского военного ведомства.

Ключевые слова: *Царство Польское, Российская империя, Первая мировая война, польские военнослужащие, царская армия.*

В начале XX в. Царство Польское в составе Российской империи было одним из шести наиболее экономически и промышленно развитых районов страны. В социально-политическом и административном отношении оно также представляло обособленный регион¹. Традиции польского национально-освободительного движения, нерешенность национального вопроса, последствия Январского восстания 1863 г. и революционных событий в Польше 1905–1907 гг. обусловили то, что одной из главных задач польской политики царского правительства было подавление военными силами польского освободительного движения и сохранение страны в составе империи. Особая роль русской армии в Польше заключалась также и в том, что военно-стратегическое положение разделенной между тремя империями страны делало польские земли объектом военно-политического соперничества великих держав, превращая их в один из театров военных действий между Антантой и Тройственным союзом.

В свете выдвинутых тезисов представляется весьма существенным вопрос о месте в российской армии поляков и военнослужащих польского происхождения, призванных на службу с территории Царства Польского и из других областей Российской империи, входивших в состав прежней шляхетской Речи Посполитой, накануне Первой мировой войны.

В современной польской историографии этой проблематике уделяется большое внимание, военная история Польши изучается с точки зрения ее преемственности от эпохи наполеоновских войн и конституционного Царства Польского и до легионов Юзефа Пилсудского и воссоздания Войска Польского в 1918 г. Польские историки

анализируют социальный статус поляков в Российской империи в XIX и в начале XX в. и участие польских военных в освободительном движении, в том числе и сосланных за революционную деятельность на военную службу².

В российской историографии этот вопрос практически не рассматривался и был затронут только в плане истории сотрудничества российских и польских революционеров 1860-х гг.³

Данная статья посвящена польским военнослужащим в российской армии накануне Первой мировой войны и призвана сопоставить наблюдения и выводы польских исследователей с данными архивов российского военного ведомства. В первую очередь были использованы документы штаба Варшавского военного округа, особый интерес представляют судебные разбирательства в отношении польских военнослужащих.

Неудачное Ноябрьское восстание (1830–1831) стало причиной ликвидации автономии Царства Польского в 1832 г. и формально самостоятельной польской армии, «отделенной» от российского военного ведомства. После подавления восстания, согласно «Органическому статуту» 1832 г., Царство Польское объявлялось частью Российской империи, упразднились сейм и польская армия, вводилось административное деление на губернии. Можно сказать, что практически был взят курс на превращение Царства Польского в одну из русских провинций. После изменения статуса Царства Польского поляки в обязательном порядке стали призываться в ряды российской армии.

После военной реформы 1870-х гг. и введения всеобщей воинской повинности призыв в российскую армию регулировался на основании «Устава о воинской повинности», утвержденного в 1874 г. и впоследствии неоднократно измененного и дополненного. Последние редакции устава были связаны с поражением в войне с Японией 1904–1905 гг., а также с неудачными для властей призывными кампаниями в годы Первой русской революции⁴.

Западные территории Российской империи, на которых проживало большое количество поляков, были поделены между тремя военными округами – Варшавским, Виленским и Киевским. Воинский призыв проводился один раз в году в период с 15 октября по 15 ноября (по старому стилю), с 1913 г. – с 1 октября по 1 ноября. Формально, по закону, воинская повинность была всеобщей, однако от призыва в армию освобождались довольно многочисленные социальные и сословные группы населения, поэтому фактически

тяготы солдатчины ложились преимущественно на крестьянство, городские низы и рабочих. Однако даже этот призывной контингент существенно превышал по численности потребности армии. Поэтому призывников выбирали по жребию, что открывало дополнительные возможности для различных злоупотреблений местных властей. После прохождения жеребьевки и оглашения списка новобранцев те приносили присягу на русском языке в присутствии священника своего вероисповедания.

Призыв поляков в царскую армию для подавляющего большинства из них был не только жестокой повинностью, связанной с тяготами солдатчины в чуждой национальной и культурной среде, но и суровым нравственным испытанием. Отрицательному отношению поляков к службе способствовали патриотические настроения, а также попытки русификации, предпринимаемые в отношении польских военнослужащих⁵. Большое число мужчин призывного возраста эмигрировало, дабы избежать службы в российской армии. В период непосредственно после подавления восстания 1863–1864 гг. некоторые из призывников даже калечили себя, чтобы оказаться негодными к военной службе⁶. Имперские власти боролись с этим явлением, еще в 1864 г. были изданы распоряжения, согласно которым все уличенные в самовредительстве направлялись на четыре года в арестантские роты, а после этого возвращались для прохождения службы в армию. Родители таких молодых людей ссылались в Сибирь⁷.

В начале XX в. подобные крайние формы сопротивления призыву себя изжили, и соответствующих ответных репрессий практически не применялось. Установить достоверно долю «уклонистов»-поляков в этот период достаточно сложно, так как призывная статистика оперировала только количественными данными по прошедшим жеребьевку и прибывшим на службу в войска. А поскольку военные власти после русско-японской войны и Первой русской революции практически не испытывали затруднений с комплектованием частей, к тому же отдавали предпочтение «русскому» призывному контингенту, то и в отчетности военного ведомства данные по уклонистам практически не фигурировали. Иное дело полицейские органы, которые нередко прибегали к тому, чтобы «закатать» в армию «неблагонадежных» лиц, а те со своей стороны старались избежать призыва. Однако подобные случаи носили индивидуальный характер и не могли отражать тенденцию в целом. По общей оценке результатов призывных кампаний российским Военным ми-

нистерством, доля поляков, уклонившихся от призыва, в целом не превышала общероссийские показатели, поляки не отличались существенно от российских призывников как по мотивам стремления избежать мобилизации, так и по формам уклонения от призыва. По свидетельству мемуаристов, попытки избежать обязательной службы в армии зафиксированы в среде мелких землевладельцев и так называемых «образованных» слоев населения из интеллигенции и буржуазии. Так, наряду с описанными выше, как то отъезд за границу на учебу, имелись примеры, когда молодые люди из зажиточных семей нередко подкупали врачей, чтобы избежать военной службы в царской армии⁸.

Следует особо отметить, что выходцы из бедных шляхетских семей не могли себе позволить учиться в гражданских образовательных учреждениях, в то время как в военных школах обучение было бесплатным. Поэтому очень часто материальный фактор брал верх над патриотическими чувствами, карьера офицера была очень популярна среди обедневших дворянских родов. Польское общество с пониманием относилось к обучению в кадетских корпусах как к единственно возможному способу получить образование на благо Польши, но к тем, кто стремился получить офицерское звание, отношение было не таким дружелюбным. Однако если молодые офицеры не скрывали своего польского происхождения, соблюдали польские традиции и обычаи, то общество не осуждало таких молодых людей. Совсем иное отношение было к тем, кто принимал православие, отнекаясь от своих польских корней из конъюнктурных соображений⁹. В военном образовании работало большое количество польских преподавателей (К. Кетлинский, В. Панасевич и др.).

Большинство польских солдат направлялось на службу вглубь Российской империи. В Сибири и Туркестане выходцы из Царства Польского составляли около 50% личного состава войск. В отличие от простых солдат, офицеры польского происхождения очень часто проходили военную службу на территории Варшавского военного округа, их продвижение по карьерной лестнице почти ничем не отличалось от прохождения службы у их русских коллег¹⁰. Поляки были представлены почти во всех родах войск, очень многие попадали в гвардию, меньше всего – в военно-морской флот. Больше всего выходцев из Царства Польского было в пехоте, так как этот род войск был самым многочисленным, на флоте потребность в людях была намного меньше – именно этим объясняется небольшая доля польских военнослужащих на флоте, а не тем, что оттуда якобы было лег-

че сбежать¹¹. На флот в первую очередь призывались жители приморских территорий, поляков в таких регионах проживало немного¹².

Важные свидетельства для изучения положения польских военнослужащих в российской армии дают архивные материалы военных судов. Так, польские солдаты иногда отказывались приносить военную присягу на русском языке. В этих случаях командование предписывало: «Ввиду отсутствия уголовных законов за отказ новобранцев-католиков от принесения присяги перед зачислением в войска на русском языке, назначать таких новобранцев в части войск Туркестанского и Сибирских военных округов и, в случае отказа их принести по окончании срока обучения присягу и под знаменами на русском языке, подвергать их ответственности на общем основании»¹³. Однако иногда нежелание говорить по-русски объяснялось отнюдь не патриотическими чувствами. На одном из заседаний военного суда в 1912 г. рядовой 13-й роты дислоцированного в Царстве Польском 6-го пехотного Либавского полка отказался давать показания на русском языке: «В начале заседания подсудимый Садовский на обращенные к нему господином Председателем Суда обычные вопросы о его личности заявил, что он не понимает по-русски, а может отвечать лишь по-польски. На вопрос, сколько времени он состоит на военной службе, Садовский ответил – 10 месяцев, и затем в продолжение всего судебного следствия Садовский объяснялся с Судом на польском языке через переводчика»¹⁴. Данный инцидент не мог остаться без внимания, поэтому одному из офицеров было поручено произвести дознание: «На предложенный мною (дознавателем. – Д. Д.) вопрос, говорит ли он по-русски, ответил: «Говорю и понимаю, что мне говорят», что и подтвердил, свободно отвечая по-русски, с заметным польским акцентом, на разного рода предложенные мною вопросы. Свои же ответы по-польски на вопросы Председателя суда и заявление непонимания по-русски рядовой Садовский объясняет следующим: я к Председателю суда обратился с просьбой по-польски, чтобы за меня на суде говорил взятый мною защитник, и на предлагаемые мне вопросы Председателем суда я ответил по-польски в надежде, что за меня будет отвечать нанятый мною защитник»¹⁵.

Казус Садовского и проведенное расследование свидетельствуют, что солдаты и офицеры находившегося в польской среде Либавского полка в достаточной степени владели польским языком, чтобы не говоривший по-русски солдат-поляк, в течение 10 месяцев проходивший службу в полку, мог исполнять свои воинские обязанности.

Случай этот указывает и на то, что польский язык проникал и распространялся в русской воинской среде, в частях, расквартированных в Царстве Польском. Вместе с тем общепризнанным остается и факт, что за годы службы, а для солдат срочной службы она составляла 6 лет, поляки свободно овладевали русским языком.

Приведенный инцидент в Либавском полку и другие архивные свидетельства показывают, что далеко не все польские солдаты направлялись на службу в Сибирь или в Среднюю Азию. Доставлять новобранцев для пополнения частей в отдаленные районы было достаточно трудно и нецелесообразно. Поэтому в начале XX в. новобранцы прибывали туда уже в составе русских воинских частей, сформированных в европейской части России и посланных на Дальний Восток или в Туркестан на замену расквартированных там частей и соединений. К тому же в период 1912–1914 гг. доля русского населения в этих отдаленных районах страны была уже весьма значительной, поэтому тамошние воинские части могли в немалой мере комплектоваться и пополняться за счет местного населения.

В значительной степени на специфику прохождения поляками службы в русской армии влияла их конфессиональная принадлежность. Формально в российской армии католикам не запрещалось отправление религиозного культа, что для польских солдат было немаловажно¹⁶, однако не во всех городах, где располагались воинские части, имелись католические приходы. А это существенно осложняло жизнь польских военнослужащих. Трудности в религиозной сфере проявлялись и на морально-психологическом и бытовом уровне, когда католикам приходилось жить в казармах в окружении православных сослуживцев. В плане удовлетворения религиозных потребностей положение офицеров-поляков, по понятным причинам, было существенно лучше, чем солдат.

В польской историографии объективные и субъективные противоречия и трудности в положении польских военнослужащих в российской армии исследованы достаточно скрупулезно и изображены весьма рельефно, однако практически все исследователи приходят к выводу, что поляки справлялись со своими воинскими обязанностями не хуже представителей других национальностей¹⁷.

Таким образом, процесс интеграции поляков в российские военные структуры в начале XX в. продвинулся далеко вперед по сравнению с периодом 1860–1890-х гг., когда еще непосредственно сказывались последствия подавления Январского восстания 1863 г. Однако противоречия между польскими военнослужащими, с

одной стороны, и российским военным командованием и русской воинской средой – с другой, на почве национального «польского вопроса» продолжали сказываться и играть в рассмотренный период 1912–1914 гг. заметную роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. подробнее: Западные окраины Российской империи. М., 2007.
- 2 *Caban W.* Pobór rekruta z Królestwa Polskiego do armii carskiej po upadku powstania styczniowego // *Annales UMCS. Sec. F. Historia.* Vol. LIV/LV. 1999–2000; *Kulik M.* Polacy w jednostkach Rosyjskiej Gwardii w Warszawie na przełomie XIX i XX wieku // *Niepodległość i pamięć.* R. XIX. Warszawa, 2012. Nr. 1–4; *Kulik M.* Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej Warszawskiego Okręgu Wojskowego (1865–1914). Warszawa; *Radziwonowicz T.* Polacy w armii rosyjskiej (1874–1914) // *Studia i materiały do historii wojskowości.* 1988. T. 30.
- 3 Из истории революционного движения польского народа. М., 1961; Исследования по истории польского общественного движения XIX – начала XX в. М., 1971; Очерки революционных связей народов России и Польши, 1815–1917. М., 1976; *Смирнов А. Ф.* Революционные связи народов России и Польши 30–60-х гг. XIX в. М., 1962.
- 4 *Bazyłow L.* Dzieje Rosji 1801–1917. Warszawa, 1977. S. 272.
- 5 *Radziwonowicz T.* Polacy w armii rosyjskiej... S. 212.
- 6 Ibid.
- 7 *Caban W.* Pobór rekruta z Królestwa Polskiego... S. 71.
- 8 *Radziwonowicz T.* Polacy w armii rosyjskiej... S. 212.
- 9 *Kulik M.* Polacy w jednostkach Rosyjskiej Gwardii... S. 52.
- 10 *Kulik M.* Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej... S. 131.
- 11 *Caban W.* Pobór rekruta z Królestwa Polskiego... S. 73.
- 12 *Radziwonowicz T.* Polacy w armii rosyjskiej... S. 212.
- 13 РГВИА. Ф. 1859. Оп. 2. Д. 754. Л. 3.
- 14 Там же. Л. 1.
- 15 Там же. Л. 2.
- 16 *Radziwonowicz T.* Polacy w armii rosyjskiej... S. 225.
- 17 Ibid.

Dmitriev D. G.

Poles on Service in the Russian Imperial Army on the Eve
of World War One (the Vector of Social Motivation)

The article considers the status of Poles and enlisted personnel of the Polish origin in the Russian Imperial Army on the eve of World War One (1912–1914). It compares observations and conclusions made by Polish scholars with the data from the archives of Russia's Military Department.

Keywords: *Kingdom of Poland, Russian Empire, World War One, Polish military personnel, Russian Imperial Army.*

Р. Р. Субаев
(Москва)

Вступление Турции в Первую мировую войну

В статье делается попытка осветить некоторые обстоятельства вступления Турции в Первую мировую войну. Особое внимание уделяется переговорам Энвер-паши с русским военным агентом М. Н. Леонтьевым 5 и 9 августа 1914 г.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Турция, Энвер-паша, русская дипломатия, М. Н. Гирс, М. Н. Леонтьев.*

Вопросы «сползания» Турции к войне со странами Антанты после 10 августа 1914 г. достаточно хорошо разработаны в литературе¹. Но относительно событий 5–10 августа в историографии по-прежнему зияет лакуна. В отечественной историографии в отношении проблемы «пяти дней» все еще не преодолен налет сенсационности подачи фактов и облегченности выводов из их анализа. Западная историография тоже не дает однозначного ответа на эти вопросы. У. Трампенер, излагая и анализируя факты, допускает странную ошибку, непонятную для исследователя такого уровня. М. Аксакал тоже занимает в данном вопросе позицию, весьма напоминающую «фигуру умолчания». Остальные авторы либо касаются данного вопроса вскользь, либо не касаются вовсе.

Что же произошло между 5 и 10 августа 1914 г.? В эти дни русским дипломатическим представителям со стороны турецкого руководства были сделаны предложения о заключении военного союза, которые, несмотря на настойчивые усилия русской дипмиссии, были отвергнуты руководством МИД. А 10 августа в Дарданеллы вошли германские корабли «Гебен» и «Бреслау», и ситуация коренным образом изменилась не в пользу России, хотя еще далеко не стала безнадежной.

На сегодняшний день в литературе эти события интерпретируются следующим образом. Во-первых, турки были глубоко неискренни, делая свои предложения, ибо еще 2 августа они заключили тайный договор о союзе с Германией. Во-вторых, смысл этих инициатив состоял в простой затяжке времени, необходимого туркам для завершения их мобилизации, объявленной с началом войны в Европе. В-третьих, иного объяснения этим событиям просто не могло быть, учитывая германофильство Энвера-паши и полную зави-

симось Турции от Германии к началу войны. В-четвертых, Россия не имела возможности принять турецкие предложения о союзе на турецких условиях в силу ее полной зависимости от союзников по Антанте, которые не позволили бы ей этого². Попробуем разобраться в этом хитросплетении событий и обстоятельств.

Во-первых, они были более сложными, многофакторными, противоречивыми и недолговечными, чем представляет себе большинство исследователей. Так, Трампенер, который является главным специалистом по данному вопросу, делает основной упор на опровержение тезиса об абсолютном влиянии Германии на Турцию, что он успешно и доказывает. Большая часть исследователей, приводя все известные факты, не увязывает их воедино. Единственные книги, отличающиеся комплексным подходом к проблемам вступления Турции в войну, – это работы Аксакала и английского историка Дж. Миллера.

Во-вторых, в отношении Турции в российской историографии сформировалось столь стойкое предубеждение, что оно не может не влиять на достоверность научных выводов. Эта парадигма явилась результатом переплетения подходов эпохи союза с Антантой и времен противоречивых отношений с Турцией в 20–80-е гг. XX в.: от тесной дружбы и союза с кемалистским режимом к новой открытой вражде с кульминацией в 1947 г., когда Турция вступила в НАТО, постепенно, наконец, изживаемой в настоящее время. В результате в том, что признается естественным для политики других стран: прагматизм, патриотизм, профессионализм, – решительно отказывается туркам. Уделом турок по-прежнему остаются коварство и жестокость, а в отношении младотурецкого режима 1913–1918 гг. еще и «безудержный авантюризм».

В-третьих, в отношении анализа образа действий русской дипломатии продолжает действовать синдром «обаяния власти». Историкам зачастую трудно принять факт, что глава российского МИД может оказаться непрофессионалом, несмотря на имеющиеся в литературе и источниках прямые доказательства этого, притом что в отношении его «патрона» Николая II тезис о его интеллектуальной ограниченности, моральной беспринципности и волевой слабости давно установлен и несмотря на все усилия последних лет пока не опровергнут.

В период между окончанием Балканских и началом Первой мировой войн перед Турцией стояло несколько важнейших задач, от решения которых непосредственно зависело ее выживание как госу-

дарства (пусть даже и ограниченного суверенитета). К ним относились: 1) необходимость заключения союза с какой-либо из ведущих великих держав ввиду совершенно явно выраженной тенденции к дальнейшему расчленению империи, включая раздел Малой Азии; 2) необходимость заключения на европейском финансовом рынке крупного займа для спасения Турции от неминуемого банкротства, последствия которого были бы непредсказуемыми. Многократно возросшая потребность в финансовых заимствованиях была вызвана, кроме и без того слабой турецкой финансовой системы, огромными затратами на ведение Балканских войн и особенно – утратой европейских провинций, наиболее развитых в империи. Их потеря сопровождалась массовым исходом мусульманского населения Румелии в Анатолию, что помимо колоссального сокращения налоговых поступлений требовало не менее огромных затрат на его обустройство в Малой Азии; 3) необходимость дальнейшего продолжения внутренних реформ и преобразований в духе модернизации страны, прерванных острыми политическими кризисами 1911–1912 гг. и Балканскими войнами. Важнейшей в этом вопросе наряду с задачами создания своей национальной экономики, не основанной на этнических меньшинствах (греки, армяне, евреи), была задача отмены правового режима капитуляций.

К задачам второго порядка относились: 1) разрешение греко-турецкого конфликта из-за Эгейских островов, захват которых Грецией не признавался Турцией. Близость этих островов к побережью Малой Азии, населенному греками, создавала опасность возобновления здесь «вооруженной пропаганды» по типу осуществлявшейся в Македонии в 1903–1912 гг.; 2) урегулирование с Россией и другими державами вопроса о проекте реформ в «шести армянских вилайетах», создающем еще один «македонский» вариант поэтапного лишения Турции суверенитета и расчленения ее территории, на этот раз в Восточной Анатолии; 3) усиление флота, необходимого для разрешения греко-турецкого конфликта из-за островов, а также реорганизация армии; 4) заключение союза или договора о благожелательном нейтралитете с Болгарией для этой же цели; 5) укрепление связей в оставшейся части империи со вторым по своему значению мусульманским этносом – арабами, отношения с которыми в предыдущие годы дали трещину.

Вся первая половина 1914 г. была посвящена решению турками этих внутри- и внешнеполитических задач. Ими последовательно были предприняты попытки заключить союз с какой-либо из вели-

ких держав: Англией, Францией, Россией, Германией. Все четыре попытки окончились безрезультатно³.

Столь же безрезультатны были и попытки заключения в Европе крупного займа. Три финансовыми рынками, на которые Турция могла рассчитывать, были Париж, Берлин и Лондон. Два последних отказали, ссылаясь на отсутствие средств, а наиболее емкий французский рынок предложил настолько издевательски малые объемы и унижительные условия займа, что это было равносильно отказу⁴. Попытки заключить американский заем также провалились, главным образом из-за противодействия Англии⁵. Вопрос заключения внешнего займа был одним из основных при принятии турецким руководством окончательного решения о вступлении в войну в середине октября 1914 г.

Попытки поставить вопрос об отмене режима капитуляций тоже натолкнулись на решительное противодействие европейских держав и даже США. Единственной страной, которая относительно толерантно подошла к данному вопросу, была Россия, что, конечно же, было вызвано ее весьма слабыми позициями в экономике Турции и соответственно участием в правовом регулировании коммерческих и иных вопросов⁶. Данный фактор, недопустимо недооцененный в историографии, следует признать одним из решающих при отработке турецким руководством «русского варианта».

Греко-турецкий конфликт представлял собой наиболее острый дипломатический кризис в Европе после завершения кризиса, связанного с миссией Лиман фон Сандерса. Считается, что не будь выстрелов в Сараево, то выстрелы, которые начали бы «Третью Балканскую войну», также имевшую все шансы перерасти в европейскую, неминуемо прозвучали бы в Эгейском бассейне в июле или августе того же года. Конфликт из-за островов являлся только надводной частью айсберга гораздо более глубокого греко-турецкого конфликта из-за господства в Эгейском бассейне, включая Проливы и сам Константинополь. Кроме того, он был тесно связан с внутренними проблемами страны – положением и судьбой национально-религиозных меньшинств и обустройством огромного числа беженцев из Македонии и Фракии, изгнанных оттуда по окончании Балканских войн. Об исключительной важности вопроса островов говорит предложение Турции уступить их Сербии (sic!) вместе с передачей церковной юрисдикции над христианами Малой Азии от Константинопольской патриархии в руки Сербской церкви. Загнанная в угол Турция была готова опробовать самые невероятные дипломатические комбинации⁷.

Гонка военно-морских вооружений, начавшаяся здесь еще до Балканских войн, стремительно набирала темп. По своему драматизму она не уступала гонке вооружений в Северном море между Англией и Германией. Роковым для судеб турецкого флота и весьма важным фактором принятия решений в Константинополе в конце июля 1914 г. оказалась взаимоувязка этих двух гонок вооружений после начала июльского кризиса, выразившаяся в секвестре Англией двух турецких дредноутов, построенных на ее верфях.

Этот вопрос описан в литературе, включая отечественную. При этом в основных работах упоминается и то, что средства на постройку кораблей в нише Турции были собраны путем всенародной подписки, причем не только в Турции, но и во всем исламском мире. Денежные переводы приходили даже из Индии и Марокко. Турецкие женщины остригали свои волосы, чтобы внести свой вклад в национальный морской фонд. Офицеры и чиновники жертвовали своим месячным жалованьем. Строительство дредноутов воспринималось не просто как средство усиления флота, но и как символ обновления и дальнейшей модернизации страны. Считать секвестр кораблей только удобным поводом для антиантантовской агитации младотурок явно недостаточно. Это было глубоким потрясением нации, вновь осознавшей свое приниженное, неправомерное положение в современном мире.

По моему мнению, секвестр Англией турецких дредноутов непосредственно связан с приходом в Дарданеллы германских кораблей «Гебен» и «Бреслау» 10 августа 1914 г. в политических расчетах турецкого руководства*. В какой-то степени (хотя и очень ограниченной) турки могли рассматривать приход германских кораблей как компенсацию своим конфискованным дредноутам. Но все предшествующие договоренности с немцами относительно прихода «Гебена» и «Бреслау» в Проливы и их дальнейшего боевого применения были актуальны для турок только до момента вступления Англии в войну 4 августа. Этот фактор опрокинул все расчеты турок, которые лежали в основе их решения заключить союз с Германией 2 августа, и продолжал действовать до середины сентября, пока принципиально новая комбинация других факторов вновь не склонила чашу весов в пользу Германии. В эти дни определяющую роль для турок играл английский фактор. Он же определил и перезаклучение 6 августа

* Версия о преднамеренном пропуске англичанами «Гебена» и «Бреслау» не рассматривается ввиду ее очевидной одиозности.

германо-турецкого союза на новых, гораздо более выгодных для Турции условиях⁸.

Вопрос турецко-болгарского союза был тесно связан с задачей разрешения греко-турецкого конфликта. Перипетии попыток его заключения хорошо известны. При этом, однако, часто упускается из виду то обстоятельство, что после начала европейской войны турки в равной степени как продолжали рассчитывать на заключение союза с болгарами, так и опасались их удара в направлении Константинополя с целью получения границы по линии Энос-Мидие (а может быть, и более того). Эти опасения были главной причиной объявленной турками мобилизации и концентрации их армии во Фракии. В первые дни августа Болгария являлась важным фактором в дипломатических расчетах не только Турции, но и России и ее союзников, главным образом в связи с австро-сербским конфликтом и македонским вопросом. Для Сазонова удельный вес фактора Болгарии оказался выше фактора Турции.

5 августа военный министр Турции Энвер-паша в ходе беседы с русским военным агентом М. Н. Леонтьевым, посетившим его для прояснения вопроса о настоящих целях турецкой мобилизации, сделал тому неожиданные предложения о союзе. В тот же день посол М. Н. Гирс отправляет Сазонову пять телеграмм⁹. Излагая свою позицию, Гирс допускал возможность как союза с Турцией, так и войны с ней вместе с Германией и Болгарией. Сазонов указал продолжить контакты с Энвером. Аксакал пишет, что телеграмма Гирса от 6 августа (sic!) была перехвачена турками¹⁰. Означает ли это, что турки читали и другие телеграммы русского посольства? Ответа на этот вопрос Аксакал не дает. Более того, он дает понять, что содержащееся в этой телеграмме Гирса упоминание о намерении России утвердиться, наконец, в Проливах прояснило для турок неискренность России и ее посягательство на само существование империи. Именно это и послужило, по его мнению, мотивом в пользу выбора союза с Германией. Это, безусловно, самое слабое место в весьма сильной в целом книге Аксакала. Больше вопроса русско-турецких переговоров 5–9 августа историк не касается.

9 августа состоялась повторная беседа Энвера и Леонтьева. В этот же день Гирс отправляет Сазонову телеграмму, в которой более детально были изложены предложения турок относительно союза. Позже он отправляет еще две телеграммы, в которых содержится отчаянный призыв принять предложение Энвера¹¹.

Трампенер считает, «что не может больше быть никаких сомнений в том, что эти любопытные предложения... Энвера были

неискренними. [...] Не говоря уже о том, что предложения Энвера обеспечивали идеальное прикрытие для планируемой концентрации войск во Фракии, сейчас также известно, что он держал германское посольство в курсе своих переговоров с русскими»¹². Для доказательства своего тезиса Трампенер ссылается на две телеграммы Вангенхайма в МИД (от 10 августа и 18 августа). Но утром 10 августа «Гебен» и «Бреслау» уже подошли к входу в Дарданеллы! Если бы первая телеграмма Вангенхайма была отправлена хотя бы 9 августа или в ночь с 9-го на 10-е, доказательства Трампенера имели бы вес. А так они рассыпаются подобно карточному домику. И Энвер вполне мог и 5, и 9 августа быть «искренним».

Впрочем, о какой «искренности» вообще может идти речь в дипломатии? Можно говорить о профессионализме или о его отсутствии. И почему «коварство и неискренность» Энвера могли быть обращены только против русских? После выхода в последние годы десятков работ, опровергающих факт подчиненности Турции Германии и разоблачающих легенду о «германском ставленнике» Энвере, в том числе и нескольких работ самого Трампенера, выражать такие взгляды несерьезно. Энвер был расчетливый и циничный прагматик.

Наконец, 10 августа Сазонов отвечает Гирсу телеграммой по существу. Содержание, стиль и корректура документа вселяют сомнения в адекватности понимания министром сути происходящих событий и устойчивости его психологического состояния. Похоже, что к 10 августа Сазонов еще не понимал, на краю какого обрыва стоит Россия, внешняя политика которой была вверена его управлению. Конкретные указания Гирсу требовали тянуть время до получения ответа из Софии (время, оказывается, тянула не турецкая, а российская дипломатия, или, по крайней мере, они обе):

«Пока не получим ответа из Софии (далее зачеркнуто: “прошу вас поддерживать в Энвере известную надежду на возможность получения из П[е]т[ер]б[ур]га благоприятного ответа”), имейте в виду необходимость в переговорах с Энвером выигрыша времени. Имейте в виду, что действия Турции непосредственно против нас мы не опасаемся.

Вместе с тем, сохраняя вполне дружественный характер объяснений с турками, постарайтесь им внушить, что в случае действий, не получивших нашей санкции, они рискуют всей Малой Азией, ибо нам они не в состоянии вредить, а в союзе с Францией и Англией мы можем подвергнуть риску все ее существование»¹³.

Мы не знаем, в какое время был получен Гирсом этот документ, но знаем, что ранним утром 10 августа у входа в Дарданел-

лы появились германские корабли «Гебен» и «Бреслау» и после не менее драматических событий, произошедших в здании военного министерства Турции, вечером того же дня вошли в пролив. Хотя вопрос о пропуске кораблей был заранее согласован между немцами и турками, внезапно возникли затруднения. Б. Такман считает, что Энвер «более чем желал дать разрешение на вход, но был вынужден вести сложную игру против своих более нервных коллег». По нашему мнению, нервы сдали именно у Энвера¹⁴. Во второй половине того же дня разыгралась сцена между Энвером и подполковником Ф. Крессом фон Крессенштайном в присутствии еще одного офицера германской военной миссии¹⁵. Кресс заявил Энверу, что командир форта в Чанаке ожидает приказа на пропуск германских кораблей. Энвер ответил, что он не может отдать приказ без консультаций с великим визирем. Кресс настаивал, что ответ должен быть дан немедленно. После нескольких минут мучительного молчания Энвер дал свое согласие.

Кресс задал следующий вопрос: если британский флот последует за «Гебеном» в Дарданеллы, будет ли ему оказано вооруженное сопротивление? Энвер ответил, что такое решение может быть принято только кабинетом. Но Кресс в самой жесткой форме настаивал на немедленном ответе. Наконец, Энвер с трудом выдал из себя: «Да...»¹⁶

Нерешительность Энвера кажется совершенно неестественной для ярого германофила, каким он выглядит в историографии, с нетерпением ожидающего прихода кораблей, о пункте назначения которых он знал еще 4 августа¹⁷. Что же это было: страх – стоял ли перед Энвером в лице адмирала Милна призрак адмирала Дакворта*, или расчет, и Энвер до самого последнего момента ожидал положительного ответа из Петрограда по вопросу союза и гарантий целостности империи? Этого мы уже никогда не узнаем.

Может показаться, что утром и днем 10 августа перед Энвером и К^о стоял выбор между русским союзом и германским дредноутом. Но все было гораздо сложнее. Турки и не заблуждались ни о перспективах долговечности русского союза (конечно же, не только на основе перехваченной телеграммы), ни о будущем статусе «Гебена» в турецком флоте в случае союза с Германией, но ясно понимали позицию Антан-

* Милн – командующий британской Средиземноморской эскадрой в 1914 г. Дакворт – британский адмирал, с боем форсировавший Дарданеллы в 1807 г.

ты в вопросе будущего страны. Опыт переговоров с ее участниками в последние месяцы ясно показывал, что ей доверять нельзя. Но в то же время сильнейшим фактором, спутавшим все расчеты прогерманской фракции младотурок, было вступление в войну Англии (при невступлении в нее Италии). Антанта оказывалась многократно сильнее, чем первоначально рассчитывал Энвер и его группа, и перспективы победы Германии выглядели уже отнюдь не такими очевидными¹⁸.

К 10 августа выбор Турции мог и должен был быть сделан (окажись русская дипломатия более профессиональной) между германским и русским союзами, а также между вступлением в войну и нейтралитетом. Последний вариант развития событий сам Энвер считал наилучшим. Но русская дипломатия безнадежно запаздывала в своих действиях.

В какой же степени союз с Германией, по поводу которого Энвер лживо, по русским оценкам, заявлял, «что Турция сейчас ни с кем не связана и будет действовать сообразно со своими интересами», связывал Турцию?¹⁹ В гораздо меньшей, чем принято считать. Оба договора могли быть выброшены в корзину при изменении ситуации. И оба посла это понимали.

Тон телеграмм германского посла в Константинополе Вангенхайма о заключении союза с Турцией абсолютно не уступал тону телеграмм русского посла Гирса десять дней спустя. Удивительным образом в этих телеграммах совпадали даже смысловые обороты. Телеграмма Вангенхайма от 31 июля: «Если мы хотим заключить договор с Турцией, то наступил последний момент. Иначе мы будем иметь 300 тысяч турок против нас, вместо того чтобы они были с нами»²⁰. Телеграмма Гирса от 11 августа: «Только наше немедленное решение может спасти положение и нанести Германии непоправимый удар... Наряду с моральным эффектом надо учитывать и реальные военные выгоды, связанные с получением в свои руки 200-тысячной армии, собранной в тылу наших возможных противников»²¹.

С приходом в Проливы «Гибена» и «Бреслау» структура фракций младотурецкого руководства значительно усложнилась. Кроме сторонников большой и малой войн теперь в нем были сторонники быстрого и отложенного вступления в большую войну и слабая фракция нейтралитетов. Вопрос сроков вступления в войну определял и выбор союзника – им должна была стать побеждающая сторона. В этом отношении позиция Турции ничем не отличалась от позиции Италии, Румынии и Болгарии.

После прихода в Дарданеллы германских кораблей 10 августа каждый следующий дипломатический ход в отношении Турции со стороны воюющих сторон ослаблял или усиливал позиции одной из указанных фракций. Поскольку Германия не сразу, но все же шла навстречу пожеланиям Турции, а Антанта продолжала держать ее под дамокловым мечом расчленения, то неудивительно, что в Турции медленно (в течение почти трех месяцев), но неуклонно чаша весов склонялась на сторону Германии.

Факт и значение прихода в Проливы «Гебена» и «Бреслау», как и фиктивная покупка турками германских кораблей, многократно описаны в литературе²². При этом часто упускают из вида, что их приход в Проливы в ходе начавшейся войны не был нарушением международного права – Лондонской конвенции 1841 г. Нарушение совершили англичане 26 июня, когда командующий британским Средиземноморским флотом адмирал Милн прибыл в Константинополь с визитом вежливости не как обычно на яхте, а на своем флагмане – линейном крейсере «Инфлексибл»²³. А еще ранее, в мае 1914 г., режим Проливов грубо нарушили немцы, когда с визитом в Константинополь прибыл линейный крейсер «Гебен»²⁴.

В германо-турецких отношениях и после 10 августа далеко не все было гладко. Они пережили два острых кризиса: первый 19–22 августа, второй – 14–22 октября. Тем не менее, и после разрешения последнего из них до вступления в войну прошло пять недель. Аксакал объективно и верно оценивает эти события: «Это был классический тупик: в то время как немцы требовали вмешательства для достижения военной победы, османам требовались немецкие военные победы, прежде чем они были готовы связать себя вмешательством»²⁵. В ходе октябрьского кризиса туркам, наконец, пришлось делать окончательный выбор.

Первый кризис был вызван очередным давлением Берлина в пользу скорейшего вступления в войну, чему Энвер противопоставил идею подрывных и партизанских действий в мусульманских районах Кавказа и колониях Англии и Франции, а также в Персии и Афганистане. Накануне Энвер цинично и нагло заявил Лиману фон Сандерсу, что укреплять Проливы нет необходимости, так как переговоры в Софии продвигаются успешно, и скоро будет заключен болгаро-турецкий союз. Аксакал считает мотивами такого поведения Энвера его стремление «ограничить свободу действий германских офицеров»²⁶, но это не менее гипотетическая точка зрения, нежели та, которая прочно утвердилась в российской историографии отно-

сительно предложений Энвера от 5 и 9 августа. Суть кризиса состояла в намерении Лимана фон Сандерса покинуть Турцию вместе со всей миссией, ссылаясь на то, что он и его офицеры больше нужны на фронте, чем в Константинополе.

Интересно, что разногласия по поводу степени готовности Турции и времени ее вступления в войну вспыхнули не только среди турецких политиков и военных, но и среди самих немцев. Посол Вангенхайм, военный атташе полковник фон Лаферт и подполковник Кресс фон Крессенштайн были против немедленного вступления Турции в войну, полагая, что это принесет больше вреда, чем пользы²⁷. Они были солидарны с идеей полного завершения мобилизации и заключения пакта о союзе с Болгарией и Румынией.

Для разрешения кризиса Вангенхайм направил к Энверу капитан-лейтенанта Ганса Хумана, друга его детства и даже молочного брата, игравшего важную роль в германских дипломатических интригах в Константинополе накануне войны. Энвер объяснил Хуману, что «как солдат он согласен с Лиман фон Сандерсом, но как министр он не может позволить себе руководствоваться эмоциями и обязан мыслить и действовать в рамках всех политических обстоятельств, с которыми сталкивается его страна». Нейтралитет Турции тоже выгоден Германии, продолжил Энвер, так как вынуждает Россию держать войска на Кавказе, а Англию – в Египте. Если Берлин не ценит этих факторов, то миссию можно отозвать, а армию демобилизовать. Впрочем, в конце разговора он добавил, что такой исход был бы «фiasco турецкой и германской политики и триумфом Антанты»²⁸.

Все же первый германо-турецкий кризис разрешился в пользу турок. Кайзер Вильгельм II прислал Лиману инструкции «оставаться на месте и работать в согласии с Энвером».

19 августа, наконец, был заключен болгаро-турецкий договор о дружбе и союзе. Болгарский фактор и дальше продолжал оказывать влияние на турецкую, германскую и российскую политику. Военный атташе фон Лаферт вместо идеи десантной операции в районе Одессы, которую отстаивал генеральный штаб и Лиман фон Сандерс, считал наиболее целесообразным совместное болгаро-турецкое наступление против Сербии, которое высвободило бы австро-венгерские войска и позволило бы использовать их на русском фронте. Посол же Вангенхайм оставался сторонником нейтралитета. Некоторые его оценки текущей ситуации настолько интересны, что способны, наверное, наконец, повлиять на пересмотр тезиса о «предопределенном» заключении германо-турецкого договора 2 ав-

густа и вступлении в войну 29 октября. «Принимая во внимание сохраняющийся нейтралитет Италии, стратегические предпосылки, на основании которых турки приняли союз с Германией, радикально изменились», – телеграфировал он в Берлин 26 августа²⁹.

На следующий день турецкому главному командованию поступил рапорт Кресса фон Крессенштайна. В нем указывалось, что армия еще не оправилась от последствий Балканских войн и что ей требуется длительный период мира для проведения военных реформ³⁰. Кресс фактически солидаризировался с позицией турецких военных, сторонников отсрочки вступления Турции в войну до весны 1915 г. из ближайшего окружения Энвера: Али Ихсаном Сабисом, Хафизом Хакки и Казымом Карабекиром³¹.

Итак, «благодаря» Вангенхайму и Крессу прошел август: в условиях сохранения турками союза с Германией, но без вступления в войну на ее стороне. Чем же ответила Антанта на эту ситуацию? После долгих проволочек и согласований три державы 28 августа, наконец, направили Турции коллективную ноту.

«Три державы заявляют высокой Порте, что они готовы гарантировать неприкосновенность оттоманской территории и рассмотреть в дружественном духе требования, которые Высокая Порта пожелает им предъявить в области экономической и судебной*. С своей стороны, Высокая Порта обязуется сохранять строгий нейтралитет в продолжение конфликта, разъединяющего в настоящее время Европу»³². Лишь в последний момент Сазонову удалось добиться от Грея согласия на устранение из текста ноты оговорки в отношении неприкосновенности территории: «contre toute tentative ennemie durant la présente guerre»**. Это было сделано по рекомендации Гирса, обсудившего этот вопрос с министром финансов Джавидом, одним из «антантофилов»³³. Но и в таком виде нота Антанты, конечно, никого не могла обмануть. Согласно оценке Р. Пуанкаре, предложение, направленное Порте, «страдает двумя недостатками: оно слишком запоздало и остается слишком неопределенным»³⁴.

Второй кризис в германо-турецких отношениях Аксакал относит к периоду 14–22 сентября, хотя, возможно, его началом следует считать отказ Германии предоставлять Турции дальнейшую военную помощь офицерами, артиллерией и боеприпасами, до вступления Тур-

* Имеется в виду режим капитуляций. Против любых враждебных попыток в течение настоящей войны (фр.).

** Против любых враждебных попыток в течение настоящей войны (фр.).

ции в войну, о чем было заявлено туркам от имени военного министра Э. фон Фалькенгайна по дипломатическим каналам 10 сентября³⁵.

Сентябрьский кризис был связан с попытками турецкого руководства пресечь инициативу адмирала В. Сушона, недавно назначенного командующим турецким флотом, вывести его в Черное море «на маневры». 16 сентября на заседании кабинета большинство отвергло идею направить флот в Черное море до получения твердых заверений со стороны Болгарии о военном сотрудничестве. Всем было хорошо понятно, чем должны были закончиться эти маневры. В пылу ссоры морской министр Джемаль даже грозно крикнул Сушону: «Zinhar» («Берегись!»)³⁶ Болгарский фактор по-прежнему играл весомую роль в развитии событий.

Однако на этот раз победа осталась за немцами. На встрече великого визиря Саида Халима с Вангенхаймом по поводу полномочий Сушона посол, по указанию из Берлина, предельно прояснил германскую позицию. «Продолжая откладывать свое выступление, Османская империя все больше теряет право на свою долю будущей военной добычи. Если империя будет дожидаться нашей победы, чтобы выступить наверняка, германское правительство вряд ли вознаградит турок за их участие»³⁷. Этот момент следует считать переломным для турецкого руководства в принятии решения о вступлении в войну на стороне Германии. Отныне дело было только в сроках. Определяющим для него была проблема получения германского займа. Вопрос о режиме капитуляций к тому времени Турцией уже был решен в одностороннем порядке. Еще 9 сентября она направила державам ноту, в которой говорилось об односторонней отмене капитуляций без каких-либо условий и оговорок, вступающей в силу с 1 октября³⁸.

21 сентября российским МИД была направлена памятная записка послам Англии и Франции в Петрограде Бьюкенену и Палеологу: «Г. Сазонов поручил российскому послу в Константинополе вручить совместно с его французским и английским коллегами оттоманскому правительству ноту... касательно согласия на отмену финансовой части режима капитуляций... лишь при условии, что Турция будет соблюдать строгий нейтралитет в продолжение настоящей войны»³⁹. Антанта по-прежнему опаздывала со своими предложениями.

В вопросе островов предложения Германии также были более приемлемы. В первые дни сентября при посредничестве германской дипломатии турки и греки достигли определенного прогресса на переговорах в Бухаресте. Согласно проекту договора, острова передавались в аренду Греции сроком на 25 лет при сохранении над ними турецкого сувере-

нитета. В итоге Греция уклонилась от подписания такого договора, но сравнение позиций держав было не в пользу Антанты⁴⁰.

Весь октябрь прошел в переговорах о германском займе суммой в 100 млн. франков. Согласие Германии на его предоставление и его условия послужили той окончательной гирей, которая бесповоротно склонила Турцию к выступлению на стороне Германии⁴¹. Однако позиция умеренной фракции министров и военных отложить вступление в войну все еще не была безнадежной, ибо для того, чтобы втянуть, наконец, Турцию в войну, Энверу и Сушону понадобилась провокация. Все эти вопросы хорошо известны⁴². Что гораздо менее известно – это конкретные обстоятельства обстрела российских портов турецким флотом 29 октября, в частности Феодосии и Новороссийска.

Когда турецкие и германские корабли подошли к этим портам и обнаружили, что им не может быть оказано никакого сопротивления, турецкие и германские офицеры сошли на берег и сделали властям предупреждение о предстоящей бомбардировке, чтобы гражданское население успело покинуть опасный район⁴³.

Последние дипломатические усилия отсрочить войну, в ходе которых Сазонов проявил недюжинную энергию и понимание ситуации, которых ему столь не хватало три месяца назад, не увенчались успехом⁴⁴. Турки уже прочно и окончательно связали себя с Германией. Интересно, однако, что еще до объявления войны и даже до истечения срока ультиматума, предъявленного Порте тремя державами, британская эскадра адмирала Кардена подвергла район входа в Дарданеллы внезапной ожесточенной бомбардировке. «Преднамеренно обстреливалось каждое здание, находящееся в поле зрения, исключая минареты. Это могло быть как по причине использования их в качестве ориентиров для дальномеров, так и из желания не оскорбить религиозные чувства»⁴⁵. Война началась...

Вывод состоит в том, что Турция вступила в войну, руководствуясь прежде всего своими собственными интересами и преследуя свои собственные политические и экономические цели. То, что в итоге ее выбор был сделан в пользу Германии, в не меньшей степени является виной Антанты, чем самой Турции. Для непредвзятого осмысления этого факта требуется преодоление нескольких устойчивых мифов, укоренившихся в отечественной историографии.

1. О германизме младотурок, вытекающем из германизма Абдул-Хамида II. При этом суть Младотурецкой революции 1908 г. видится лишь в насильственной туркизации христианского населения в духе турецкого национализма, являющегося естественным про-

должением идеологий османизма и панисламизма. Из этого же вытекает грубая схема идеологического фундамента истории Турции: османизм – пантуркизм – национализм⁴⁶.

2. Заблуждение о пантуркизме или «туранизме» как о движущей силе турецкой политики накануне Первой мировой войны, которое разделял и автор несколько лет назад в биографическом очерке об Энвер-паше⁴⁷. Преобладание пантуркизма в турецкой политике можно отнести только к периоду после 1917 г. с его кульминацией в 1918 г. Политика Турции накануне и в начале Первой мировой войны строилась главным образом на основе идей «балканского реваншизма», стремления в том или ином виде восстановить контроль империи над утраченными европейскими провинциями. В то же время нельзя полностью исключать и «кавказский вариант»: характер пункта 5 второй редакции германо-турецкого договора от 6 августа дает достаточно пищи и простора для вынесения суждений в этом направлении⁴⁸.

3. Устойчивый миф о «триумvirате младотурок» (Энвер, Талаат, Джемаль) как о руководящем центре турецкой политики. Простой анализ фактов говорит о том, что Джемаль не был равновеликой фигурой. Можно говорить об «оси» Энвер – Талаат как о смычке военной и гражданской фракций, но и это будет некоторым упрощением. К тому же «удельный вес» министра внутренних дел Талаата в руководстве младотурок превосходил таковой Энвера, хотя тенденция к преувеличению степени власти и к демонизации личности последнего до сих пор сохраняется в историографии.

В действительности руководящим органом младотурецкого режима был узкий круг функционеров (около 30 человек), состоявший как из действующих, так и из бывших членов центрального комитета партии «Единение и Прогресс»⁴⁹. (Некоторое представление о его персональном составе могут дать материалы процесса над лидерами младотурок в Стамбуле в 1919 г.⁵⁰) В этой связи нуждается также в коррекции представление о великом визире Саиде Халиме как о декоративной фигуре, простой марионетке руководства младотурок для периода, по крайней мере, подготовки к вступлению в войну.

Эти три мифа порождены глубоким междисциплинарным разрывом между балканистикой и тюркологией для периода новейшей истории.

Отечественная тюркология не сумела разобраться в глубоком идейном родстве младотурецкого и кемалистского режимов⁵¹. Будучи загипнотизированной обликом Кемала Ататюрка, она некритично восприняла официальную точку зрения Анкары на события

эпохи Первой мировой войны. Вот как она звучит в концентрированном виде в речи генерального прокурора «Суда независимости», процитированной А.Ф. Миллером по книге А. Эмина: «Вся турецкая нация оказалась вовлеченной в войну в результате “свершившегося факта”, произведенного германским адмиралом по приказу кайзера. Другими словами, великая историческая империя стала игрушкой в руках этого германского адмирала, самое имя которого не было известно турецкому народу. Турецкие министры, подчинившиеся этому действию, выглядят скорее как покорные слуги кайзера, чем как министры, ответственные за благополучие Турции»⁵² Политический приговор суда надолго стал стержнем целого направления отечественной историографии*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Howard H.* The Partition of Turkey: A Diplomatic History, 1912–1923. Norman, 1931; *Trumpener U.* Turkey's Entry Into World War I: An Assessment of Responsibilities // *Journal of Modern History.* 1962. Vol. 32. № 4; *Trumpener U.* Liman von Sanders and the Ottoman–German Alliance // *Journal of Contemporary History.* 1966. Vol. 1. № 4; *Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire, 1914–1918. Princeton. 1968; *Trumpener U.* Germany and the End of the Ottoman Empire // *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire.* London, 2005; *Weber F. G.* Eagles on the Crescent: Germany, Austria, and the Diplomacy of the Turkish Alliance, 1914–1918. Ithaca, 1970; *Miller G.* Straits. British Policy towards the Ottoman Empire and the Origins of the Dardanelles Campaign. Hull, 1997; *Emin A.* Turkey in the world war. New Haven, 1930; *Kurat Y. T.* How Turkey Drifted into World War I // *Studies in International History.* London, 1967; *Yasamee F. A. K.* Ottoman Empire // *Decisions for War, 1914.* London, 1995; *Karpat K.* Entry Of The Ottoman Empire into World War I // *Türk Tarih Kurumu Belleten.* Cilt 68. Aralık, 2004. S. 253; *Aksakal M.* The Ottoman Road to War in 1914. Cambridge,

* Под «свершившимся фактом» понимается обстрел российских портов 29 октября 1914 г. «германским адмиралом» В. Сушоном. Вряд ли нужно говорить о том, что процесс в Анкаре 1926 г. над политическими оппонентами Ататюрка из числа бывшего руководства младотурок наряду с Салоникским процессом 1917 г. над лидерами сербской «Черной руки» были прямой предтечей «больших» сталинских процессов 30-х гг.

- 2008; *Миллер А. Ф.* Вступление Турции в Первую мировую войну // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. 3. № 4; *Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. М.; Л., 1947; *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы Первой мировой войны. М., 1966.
- 2 *Миллер А. Ф.* Вступление Турции... С. 329; *Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба... С. 285.
 - 3 О попытках турок заключить союз с Англией: *Ahmad F.* Great Britain's Relations with the Young Turks, 1908–1914 // *Middle Eastern Studies.* 1966. № 4. P. 321–324; *Ahmad F.* The Late Ottoman Empire // *The Great Powers...* P. 11–13; *Kent M.* Great Britain and the End of the Ottoman Empire 1900–23 // *The Great Powers...* P. 191; Франции: *Djemat Pasha.* Memoirs of a Turkish Statesman 1913–1919. London, 1932. P. 106–113; Германией: *Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire... P. 15–19; Россией: *Aksakal M.* The Ottoman Road to War... P. 45; *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 160–165.
 - 4 *Djemat Pasha.* Memoirs... P. 107.
 - 5 *Morgenthau H.* Ambassador Morgenthau's story. – <http://library.anti-baro.gr/text....pdf>. P. 15–17.
 - 6 Международные отношения эпохи империализма (МОЭИ). М.; Л., 1935. Сер. 3. Т. 6. Ч. 2. С. 130–131; Царская Россия в мировой войне. Л., 1926. С. 29.
 - 7 *Штрандтман В. Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 330.
 - 8 *Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire... P. 28–29; *Aksakal M.* The Ottoman Road to War... P. 115.
 - 9 МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 8–10.
 - 10 *Aksakal M.* The Ottoman Road to War... P. 92.
 - 11 МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 42–43.
 - 12 *Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire... P. 25.
 - 13 МОЭИ. Т. 7. Ч. 1. С. 44. Там же см. и искажения данного документа в российской «Оранжевой книге».
 - 14 Такой же точки зрения придерживается и А. Мурхед: *Мурхед А.* Борьба за Дарданеллы. М., 2004. С. 25.
 - 15 К сожалению, ни Такман, ни Мурхед не приводят имени этого офицера, чьи воспоминания, возможно, послужили источником этой информации. По нашему мнению, им мог быть либо ротмистр К. Мюльман, адъютант Лимана фон Сандерса, либо полковник Ф. Бронзарт фон Шеллендорф, начальник личного штаба Энвера. В мемуарах Мюльмана подробно описано заседание военного кабинета Порты 6 августа, об указанной же выше сцене не говорится

- ничего (*Mühlmann C. Deutschland und die Türkei, 1913–1914*. Berlin, 1929. S. 44–45). Другая книга Мюльмана (*Mühlmann C. Oberste Heeresleistung und Balkan im Weltkrieg 1914–1918*. Berlin, 1942), как и воспоминания Кресса фон Крессенштайна (*Kress von Kressenstein F. Zwischen Kaukasus und Sinai*. Berlin, 1921 и *Kress von Kressenstein F. Mit dem Türken zum Suezkanal*. Berlin, 1938) в российских библиотеках отсутствуют. Бронзарт фон Шеллендорф не оставил опубликованных мемуаров. Установление и атрибуция данного источника остаются задачей автора.
- 16 *Tuckman B. Guns of August. The Outbreak of the World War I*. New York, 1994. P. 186. В обоих русских изданиях книги Такман данная глава выпущена.
 - 17 *Miller G. The Straits...*: <http://www.navalhistory.co.uk>
 - 18 А. Боджер тоже считает, что мотивами предложения России союза было вступление в войну Англии: *Bodger A. Russia and the End of Ottoman Empire // The Great Powers...* P. 90.
 - 19 МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 8.
 - 20 *Der deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914, herausgegeben im Auftrage des Auswärtigen Amtes*. Berlin, 1921 (Karl Kautsky Dokumente). Bd. 3. № 517. S. 24–25.
 - 21 МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 61. Телеграмма подписана Гирсом, но отправлена Леонтьевым, так как телеграф уже не принимал срочных сообщений от военных агентов.
 - 22 Полную библиографию см.: *Miller G. The Straits...*
 - 23 *Ryan A. The Last of the Dragomans*. London, 1951. P. 89.
 - 24 *Aksakal M. The Ottoman Road to War...* P. 35.
 - 25 *Ibid.* P. 138.
 - 26 *Ibid.* P. 138.
 - 27 *Ibid.* P. 139.
 - 28 *Ibid.* P. 139–140.
 - 29 *Ibid.* P. 142.
 - 30 *Ibid.* P. 149, 155–160.
 - 31 *Sabis Ali İhsan. Harb Naturalarım*. İstanbul, 1992. Cilt. 2. S. 59–60, 63; *Karabekir Kazım. Birinci Cihan Harbine Nasıl Girdik*. İstanbul, 1995. Cilt. 2. S. 316–317.
 - 32 МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 165.
 - 33 Там же. С. 164.
 - 34 *Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания*. М., 1936. Т. 5. С. 115.
 - 35 *Aksakal M. The Ottoman Road to War...* P. 149.

- 36 *Sabis Ali İhsan*. Harb Hatıralarım. P. 68.
- 37 *Ahmad F.* Ottoman Armed Neutrality and Intervention, August-November 1914 // *Studies on Ottoman Diplomatic History*. 1990. № 4. P. 68–69.
- 38 *Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire... P. 38–39.
- 39 МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 280.
- 40 *Aksakal M.* The Ottoman Road to War... P. 144.
- 41 *Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire... P. 48–50; *Aksakal M.* The Ottoman Road to War... P. 166–167.
- 42 *Aksakal M.* The Ottoman Road to War... P. 178–180; *Trumpener U.* Turkey's Entry into World War I...; *Karpat K.* Entry Of The Ottoman Empire into World War I... P. 29–30.
- 43 *Miller G.* Turkey Enters the War and British Actions. – <http://www.gwpda.org/naval/turkmill.htm> (08.05.2008).
- 44 *Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба... С. 324–325; *Миллер А. Ф.* Вступление Турции... С. 338–339.
- 45 *Miller G.* Turkey Enters the War and British Actions.
- 46 *Киреев Н. Г.* История Турции. XX век. М., 2007.
- 47 *Субаев Р. Р.* Измаил Энвер-паша и его модификация турецкой национальной идеи // До и после Версаля. Политические лидеры. М., 2009.
- 48 *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы Первой мировой войны. С. 33–34.
- 49 *Trumpener U.* Turkey's Entry into WW I... P. 371. Note 12.
- 50 Приговор военного суда опубликован в «Официальной газете» (Takvim-i-Vekayi) 5 июля 1919. № 3604. См.: <http://www.armenian-genocide.org>
- 51 *Черчилль У.* Мировой кризис. М., 2004. С. 410; *Zürher E-J.* The Unionist Factor. Leiden, 1984. P. 169.
- 52 *Миллер А. Ф.* Вступление Турции... С. 339; *Emin A.* Turkey in the world war... P. 75.

Subaev R. R.

Turkey's Entry in World War One

In the article, an attempt is made to shed light on the circumstances of Turkey's entry in World War One. Special attention is paid to the negotiations of Enver-pasha with the Russian military agent M. N. Leontyev on August 5th and 9th, 1914.

Keywords: *World War One, Turkey, Enver-pasha, Russian diplomacy, M. N. Girs, M. N. Leontyev.*

Е. И. Поздняков
(Москва)

Югославянская идея во взглядах южнославянских солдат-добровольцев в России

Статья посвящена отношениям внутри югославянского Добровольческого корпуса, организованного на территории Российской империи в годы Первой мировой войны. В ней проанализированы основные причины конфликтов между добровольцами – южными славянами.

Ключевые слова: *Сербия, Первая мировая война, Югославия, Российская империя, югославизм, Добровольческий корпус.*

С началом Первой мировой войны в ряды австро-венгерской армии было мобилизовано большое число представителей югославянских народов, проживающих на территории Австро-Венгрии. Именно среди них дезертирство приобрело самый широкий размах. На Восточном фронте многие добровольно сдавались в руки русским, причем большинство дало согласие сражаться против австро-венгерской армии на стороне Антанты.

Еще на начальном этапе военных действий бывшие солдаты империи Габсбургов, военнопленные в лагерях царской России, начали посылать прошения М. Спалайковичу, сербскому посланнику в Петрограде. В этих письмах звучали настойчивые просьбы о переброске в Сербию, где они собирались вступить в ряды местной армии. Уже в течение 1914–1915 гг. это движение приобрело широкий размах, возникла база, на основе которой могли бы быть созданы добровольческие вооруженные отряды, размером вплоть до корпуса числом в 40 000 человек¹.

Спалайкович известил об этом премьер-министра Сербии Н. Пашича еще 29 сентября 1914 г. Сербское правительство вступило в переговоры с российскими властными структурами, которые позднее одобрили идею отправки военнопленных югославян по Дунаю в Сербию. Однако к приведению этого плана в жизнь и сербские, и (особенно) российские официальные круги отнеслись в тот момент халатно. Сербская армия все еще не испытывала недостатка в людях, хотя правительство и понимало, что добровольцы могут стать козырем в дипломатической борьбе за создание единого государства сербов, хорватов и словенцев, будучи прямым доказательством

стремления народов, проживавших на территории Австро-Венгрии, к объединению с Сербией².

Именно поэтому сербская сторона выступила инициатором в решении данного вопроса, предприняв первые практические шаги в этом направлении. Летом 1915 г. Белград прислал в Россию для организации транспортировки добровольцев М. Комненовича, Б. Рукавина, М. Голубича и Д. Семиза. Однако успех этой миссии был очень скромным. До осени 1915 г. и вступления в войну Болгарии им удалось переправить в Сербию несколько тысяч человек³.

Ситуация изменилась после поражения сербских войск (в конце 1915 г.) и их отступления через Албанию: значение добровольцев растет, теперь их начинают рассматривать в качестве резерва для регулярной армии. Соответственно, еще более важным становится и вопрос их организации, который тут же берут в свои руки русское и сербское правительства.

К концу февраля 1916 г. все финансирование и обеспечение берет на себя Петроград, а сербы присылают в Одессу командные кадры во главе с полковником Ст. Хаджичем⁴. Полковнику были даны весьма четкие инструкции: «Требуется из разрозненных югославянских добровольцев, бывших австрийских солдат, создать крепкие, дисциплинированные и вдохновленные сербскими идеями воинские соединения, которые под предводительством наших избранных офицеров и под нашими овеянными славой знаменами будут готовы погибнуть за освобождение сербского очага и объединение сербов и югославян, неважно, поведут ли их в бой против болгар, австрийцев, немцев или турок...»⁵ Такая характерная солдатская прямолинейность в достижении поставленной цели очень скоро аукнется сербской стороне.

До конца апреля 1916 г. формируется 1-я сербская добровольческая дивизия. Нижние офицерские кадры набираются уже из самих добровольцев. Силы дивизии насчитывали 9904 человека, из них выходцев из Боснии и Герцеговины было 3812, хорватских земель (особенно Лики) – 2065, Воеводины – 3778, Сербии – 171 и 98 человек из других регионов. По национальности подавляющим большинством являлись сербы⁶.

Вскоре была сформирована и 2-я дивизия. Чтобы ускорить этот процесс, русские стали концентрировать пленных югославян в Одесском военном округе, где и происходила их мобилизация. Это привело к тому, что в состав 2-й дивизии были включены люди, которые вовсе не хотели становиться добровольцами и вошли в него под дав-

лением⁷. Из этих двух дивизий 26 июля 1916 г. был образован Сербский добровольческий корпус (в мае 1917 г. переименован в Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев). В конце сентября 1916 г. сюда прибывает сербский генерал М. Живкович, которого назначили командиром Добровольческого корпуса.

Оставив за скобками боеспособность данного военного формирования, сосредоточимся на идеологических убеждениях солдат-добровольцев в корпусе. Насколько широко были распространены среди них югославянские идеи? В какой форме они выражались? Ведь в корпус вступали в том числе и неослависты, например, словенец Ал. Трушнович⁸.

Вл. Маевский в своем очерке, посвященном Сербскому добровольческому корпусу, отмечает, что разногласия между его членами стали проявляться еще на самых начальных этапах. Агитация 1915 г. с призывом вступать в добровольческие ряды для борьбы за осуществление общей национальной идеи была относительно успешной: «большинство добровольцев, сделавших заявление, были сербы; отзывчивость из хорватских и словенских рядов была очень незначительная»⁹. В следующем году, когда в Одессу прибыл Пашич, в город начали свозить военнопленных в таких количествах, что их было попросту негде разместить. Когда, наконец, разобрались и провели среди них опрос, кто действительно хочет стать добровольцем, выяснилось, что большинство хорватов и словенцев не стремится снова брать в руки оружие. По мнению Маевского, «это вызвало отрицательную психологическую реакцию: сербы увидели, что в России находятся массы хорватов и словенцев, которые не желают вместе с сербами бороться за национальное объединение»¹⁰. Российский публицист, пожалуй, несколько сгущает краски: в это время уже широкий размах приобретает пацифистское движение, большинство бывших австро-венгерских солдат-югославян просто не хотели возвращаться к ужасам войны, но не выступали против самой идеи национального объединения. В то же время очевидно, что среди сербской части добровольцев такая «национальная» диспропорция должна была оставить некий неприятный осадок.

Разногласия заметно усилились после прибытия сербских офицеров, гордых успехами своей армии в Балканских войнах. Романтико-идеалистический восторг добровольцев столкнулся с суровой реальностью. Для офицеров добровольцы являлись лишь солдатами, которых нужно было муштровать, прибегая зачастую и к не педагогическим методам, включая битье палками. Если добровольцы были готовы к са-

мопожертвованию ради идеалов нового, справедливого и единого государства, то сербские офицеры, по словам М. Цемовича, «принесли всего две вещи: казарменную дисциплину и радикальный сербизм»¹¹.

Одним из примеров разногласий, вызванных этими противоречиями, стал вопрос присяги. Сами офицеры считали, что их задача – превратить добровольцев в образцовых сербских солдат, для чего обязательным условием являлось принесение присяги королю Сербии. Добровольцы-офицеры должны были и вовсе делать это письменно, но большая их часть была недовольна ее текстом, особенно представители несербских национальностей. Они считали, что присяга должна отражать цели и идеалы их борьбы. Только прямое вмешательство членов Югославянского комитета, и, в частности, Фр. Поточняка, убедило большинство из них все-таки подписать присягу¹².

Как уже упоминалось выше, в октябре 1916 г. начинается насильственная мобилизация военнопленных южных славян. Такие добровольцы, получившие прозвище «насильновольцы»¹³, безусловно, стали дополнительным дестабилизирующим фактором внутри корпуса¹⁴. К тому же ситуация усугублялась тем, что сначала дивизии, а потом и корпусу не могли найти применения. Вокруг добровольцев развернулась политическая борьба. Представители Югославянского комитета, которые принимали участие в образовании корпуса, считали, что его стоит поберечь до конца войны «на случай необходимости выявить и осуществить единство югославян Австро-Венгрии». Члены комитета рассматривали его прежде всего как политическое образование, практически подтверждающее стремление южных славян к объединению, соответственно, и основной фронт для ее применения должен был быть дипломатический.

Белград и Петроград же считали добровольцев составной частью союзнических войск (причем и между ними не было согласия), то есть находящихся под их прямым и непосредственным управлением¹⁵. В итоге корпус, за исключением провальной экспедиции в Добрудже, большую часть времени простаивал в бездействии, что оказывало не лучшее влияние на психологическое состояние солдат. К тому же ситуация внутри корпуса уже была достаточно накалена. Неудачная военная кампания в Румынии подорвала дух добровольцев и их веру в возможность достичь объединения, а также серьезно повлияла на дисциплину. Последний фактор начал сказываться еще в ходе боевых действий, из-за чего офицерам приходилось порой принимать крайне жесткие меры, чтобы удержать своих солдат в строю. А если вспомнить о том, что практически все офицеры были

сербскими, нет ничего удивительного в том, что вскоре – наверняка не без подсказки со стороны – в корпусе заговорили о «сербском терроре». К концу 1916 г. это даже стало причиной массовых беспорядков внутри корпуса, закончившихся тем, что сербскими солдатами было убито 13 хорватских добровольцев¹⁶.

После Февральской революции ситуация в Добровольческом корпусе, окруженном со всех сторон всевозможными агитаторами, как партийными, так и иностранными¹⁷, достигла точки кипения. Скрываемые до поры до времени противоречия вырвались наружу, о чем свидетельствует множество документов. Например, рапорт Г. Барабаша в связи с его выходом из состава корпуса.

В нем подпоручик сообщал: «13 марта 1916 г. я, будучи австрийским офицером, вступил в Сербский добровольческий корпус, т. к., являясь убежденным югославянином, считал своим долгом внести свой вклад в дело югославизма. Отряд мною рассматривался в качестве чисто югославянского формирования, несмотря на то, что назывался сербским. [...] Я – хорват, но избегал всяческого подчеркивания и выделения имени своего народа, так как не только знал, что, принимая во внимание количество солдат в отряде (имеется в виду количество солдат-сербов по сравнению с представителями остальных народов. – *Е. П.*), не имею на это права, но и считал это очень опасным, с учетом национальных чувств и радикального духа товарищей-сербов, а также потому, что вступал в отряд в качестве югославянина с целью послужить югославянским интересам, которые идентичны интересам сербов, хорватов и словенцев, а не как хорват с особыми хорватскими устремлениями¹⁸. Все конфликты в отряде «родились из борьбы между идеей югославянской и идеей создания государства, в котором бы были объединены все сербы, хорваты и словенцы под гегемонией сербов, как приложивших самые большие усилия для создания этого будущего образования. Я до сих пор верил в то, что идея “Югославии” окажется сильнее прочих, пока не послушал выступление господина премьер-министра Пашича... и не прочитал программную речь... престолонаследника Александра. [...] Последним указом Совета министров (Королевства Сербия. – *Е. П.*) было отброшено в сторону название “югославянский”».

* Имеется в виду инициатива командующего корпусом М. Живковица дать корпусу название «югославянский», отклоненная сербским правительством. Вместо этого формирование было переименовано в «Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев».

Корпус распался на “сербскую”, “хорватскую” и “словенскую” части, а вместе с тем пало и все югославянское»¹⁹. Главной причиной своего выхода из корпуса Барабаш называет введение обязательной присяги сербскому королю. «Меня ставят перед фактом необходимости дать присягу Королевству Сербия, но тогда я перестану быть офицером-добровольцем, руководствующимся одной только идеей, и стану офицером сербского королевства, военнообязанным, вынужденным исполнять все приказы, не задавая вопросов»²⁰.

Уже в начале 1917 г. начался массовый исход солдат из корпуса. В конце 1916 г. его покинуло около 9000 человек²¹, в дальнейшем эта цифра превысила 20 000²². В своем меморандуме солдаты и офицеры, вышедшие из состава корпуса, четко сформулировали причину своего решения: «Стремление к освобождению и объединению всех сербов, хорватов и словенцев в едином независимом государстве, в котором каждый из трех названных элементов будет находиться в равноправном положении с остальными, привело нас в ряды Сербского добровольческого корпуса. Мы не признавали и не признаем ничью гегемонию или превосходство одного народа над другим. [...] Никакой “Великой Сербии”, никакой “Великой Хорватии” или “Великой Словении”. Нашим идеалом было и остается: федеративная Югославия»²³. Бывшие добровольцы отмечают, что их обманом использовали в чуждых им гегемонистских планах, и подчеркивают, что конфликт уже давно перешел в бытовую сферу: «Нас (то есть сторонников федеративного устройства. – *Е. П.*) обвиняли в эгоизме, сепаратизме, даже в австрофильстве и, впридачу, шпионаже»²⁴. При этом нельзя сказать, чтобы у сербов для этого совсем не было поводов. Так, Трушнович отмечает, что на позиции многих словенцев сказывалось влияние католичества, «для которого Австрия с ее “апостолическим монархом” была оплотом Ватикана, и сближение их с православными было нежелательно»²⁵. Не могла встретить понимания у руководства корпуса, который составляли сербские офицеры – убежденные монархисты, и инициатива введения солдатских комитетов по образцу тех, что уже стали возникать в русской армии, в составе представителей трех основных национальностей: серб, хорват, словенец. Из опасения падения дисциплины и распространения коммунистической пропаганды было отринуто и предложение равноправного использования хорватского и словенского гербов с сербским²⁶, которое шло в связке с идеей введения комитетов, что лишь еще сильнее ожесточило позицию представителей этих двух народов.

Несколько месяцев спустя эта же «диссидентская» группа, вышедшая из состава корпуса, еще шире развила свою мысль в новой декларации: «Наш национально-политический идеал был и остается югославянским, то есть – объединение всех сербов, хорватов и словенцев в единое независимое государство – Югославию, основанную на началах демократии и равноправия всех трех народностей. [...] Поэтому мы отвергаем “Великую Сербию”, так же как и “Великую Хорватию” и “Великую Словению”, как преступные утопии. Последовательно проводимый принцип равноправия может привести только к созданию федерации сербских, хорватских и словенских земель по образцу Швейцарии или североамериканских Соединенных Штатов. [...] Несведущим может показаться, что “Югославия” и “Великая Сербия” – два названия одного и того же понятия. Но югославянский идеал и по форме и по содержанию противоположен “великосербскому”. [...] “Великая Сербия” является плодом шовинистского безумия. По нашему глубокому убеждению, великосербская идея не свойственна сербскому народу, то есть той народной массе, которая мучилась и изнемогала от бесчисленных потерь...»²⁷ При этом любопытно, что данная декларация была написана, чтобы опровергнуть слухи, вызванные тем, что из состава корпуса выходили почти исключительно хорваты и словенцы.

Как мы можем видеть, Добровольческий корпус на протяжении всего времени его существования раздирали внутренние конфликты, основанные на национальной почве. Разногласия касались названия корпуса (кстати, имя «югославянского» получил только Югославянский революционный батальон – наследник Добровольческого ударного батальона, созданного дезертирами из Добровольческого корпуса²⁸), необходимости носить форму сербской армии и давать присягу сербскому королю, что шло вразрез с положением добровольцев, которые не являлись военнообязанными. Но все это были частные проявления гораздо более серьезного спора – между сторонниками федеративной «Югославии» и унитарной «Великой Сербии». Хорватские и словенские добровольцы во всех вышеперечисленных моментах видели проявления «великосербского гегемонизма» и покушение на идею равноправия трех народов. Ситуацию только усугублял тот факт, что большую часть офицерского состава составляли сербы, прибывшие с Корфу.

В то же время, безусловно, сама по себе идея югославянского объединения пустила широкие корни в среде добровольцев. Во всех документах подчеркивается преданность делу борьбы за освобождение югославянских народов и создание единого югославянского

государства. Более того, можно с большой долей вероятности предположить, что остальные югославы признавали за сербами лидирующую роль в этой борьбе. Трушнович в своих воспоминаниях пишет: «В пяти комнатах разместились офицеры славяне... По чашке и миске на каждого – вот и вся обстановка. Кроме того, у нас был свой герб: фотографии короля Сербии Петра Первого и Главнокомандующего Русской армии великого князя Николая Николаевича»²⁹. «Для нас, словенцев славянской ориентации, были два города, куда устремлялись наши мысли с раннего детства: Москва, а после 1912 г. – Белград. Москва была далекой, сказочной. Белград – реальным, близким, боевым центром, где выковывалась [...] Югославия. [...] Для нас же Белград и все, что с ним связано, сербский народ и его седой король были символами освободительного движения. Шесть лет тяжелой борьбы за освобождение окружили сербский народ ореолом славы и мученичества»³⁰.

Даже если сделать скидку на весьма вероятное преувеличение со стороны автора, приведенные данные все равно являются весомым аргументом в пользу утверждения о широком распространении югославянской идеи среди населения южнославянских территорий Австро-Венгрии. Все конфликты, раздиравшие личный состав Добровольческого корпуса, проистекали главным образом из спора об устройстве будущего государства и уже потом, с течением времени и по мере усложнения ситуации вокруг корпуса, преломляясь через разногласия в бытовых вопросах, выливались во вспышки национализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Поповић Н. Б.* Србија и царска Русија. Београд, 2007. С. 270.
- 2 Там же.
- 3 *Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji i građanskom ratu u SSSR.* Beograd, 1979. S. 28. (Н. Поповић приводит разные данные по воспоминаниям организаторов миссии: от двух до пяти тысяч человек. Официальная цифра, которую зафиксировало сербское посольство, – 3500 человек. См.: *Поповић Н. Б.* Србија и царска Русија. С. 271.)
- 4 Ibid.
- 5 Цит. по: *Поповић Н. Б.* Србија и царска Русија. С. 274.
- 6 Там же. С. 274–275.

- 7 Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji i građanskom ratu u SSSR. S. 28. Из 20 тысяч военнопленных в корпусе осталось около 56%. Национальный состав 2-й дивизии к 20 ноября 1916 г. насчитывал: 6200 сербов, 3144 хорватов, 1556 словенцев, 193 чеха, 8 поляков, 13 украинцев и 84 представителя других народностей. См.: *Поповић Н. Б.* Србија и царска Русија. С. 278–297.
- 8 *Трушинович А.* Воспоминания корниловца, 1914–1934. М.; Франкфурт, 2004. С. 12.
- 9 *Маевский Вл.* Сербский добровольческий корпус в России // Исторические очерки. Буэнос-Айрес, 1972. С. 232.
- 10 Там же. С. 233–234.
- 11 Цит. по: *Поповић Н. Б.* Србија и царска Русија. С. 275.
- 12 Там же. С. 275–276.
- 13 *Маевский Вл.* Сербский добровольческий корпус в России. С. 236.
- 14 Подробнее о методах набора см.: *Романенко С. А.* Югославия, Россия и «славянская идея». М., 2002. С. 116; *Поповић Н. Б.* Србија и царска Русија. С. 278–279.
- 15 *Романенко С. А.* Югославия, Россия и «славянская идея». С. 234–235.
- 16 *Newman J. P.* Through Snow and Red Fog: South Slav Soldiers in Revolutionary Russia and Beyond // *Irish Slavonic Studies*. 2010. № 23. P. 62.
- 17 Например, итальянские агенты и хорватские националисты. Подробнее см.: *Поповић Н. Б.* Србија и царска Русија. С. 279–283.
- 18 Učešće... S. 29.
- 19 Ibid.
- 20 Ibid. S. 30.
- 21 *Маевский Вл.* Сербский добровольческий корпус в России. С. 237.
- 22 *Романенко С. А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). М., 2011. С. 132.
- 23 Učešće... S. 38.
- 24 Ibid.
- 25 *Трушинович А.* Воспоминания корниловца... С. 32.
- 26 *Димитријевић Б.* Пут «око света» Прве српске добровольчке дивизије (<http://www.rastko.rs/istorija/delo/12222>).
- 27 *Трушинович А.* Воспоминания корниловца... С. 45–46.
- 28 *Поповић Н. Б.* Срби у грађанском рату у Русији 1918–1921. Београд, 2005. С. 46.
- 29 *Трушинович А.* Воспоминания корниловца. С. 34.
- 30 Там же. С. 102.

Pozdniakov E. I.
The Yugoslav Idea in the Views
of Southern-Slavic Volunteer Soldiers in Russia

The article is devoted to the relation within the Yugoslav Volunteer Corps, organised on the territory of the Russian Empire in the years of World War One. It analyses the main causes of conflicts between volunteers – Southern Slavs.

Keywords: *Serbia, World War One, Yugoslavia, Russian Empire, Yugoslavism, Volunteer Corps.*

*Е. Ю. Борисенок
(Москва)*

**Из малороссов – в украинцы:
большевистская стратегия идентификации
национальной принадлежности**

В статье анализируется использование большевистским руководством понятий «украинец» и «малоросс» в официальных документах и публицистике в первой трети XX в.

Ключевые слова: *УССР, коренизация, национальность, украинец, малоросс.*

К началу XX века понятие «малоросс» использовалось для обозначения восточнославянского населения определенной территории Российской империи, преимущественно на левом берегу Днепра. В официальной трактовке малороссы, наряду с великороссами и белорусами, представляли собой часть триединой русской нации. Подобная идентификация населения юго-западной части Российской империи, хотя и поддерживалась большей частью общества, однако, не была единственной. Малороссийству как локальной форме общерусской идентичности противопоставлялась идентичность украинская, сторонники которой отрицали общерусскую концепцию и настаивали на самостоятельности украинского – не малороссийского – народа. Между последователями обеих концепций велась активная полемика, на страницах периодических изданий шли ожесточенные споры о языке, литературе, национальном характере, этническом происхождении малороссов/украинцев¹.

Сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация в России в период Первой мировой войны, а затем революции и войны гражданской приводили к обострению социальных и национальных проблем. С течением времени «украинская идея» приобретала все большую популярность и использовалась различными политическими силами для достижения собственных целей – в первую очередь, создания украинского национального государственного образования. Российская империя распадалась по национальным швам, а общерусские основы идентичности все больше теряли свое значение, и в «борьбе украинца с малороссом»² стал побеждать украинец. Этноним «украинец» все чаще стал употребляться для идентификации населения Южной Руси. Один из персонажей повести Владимира Винниченко «На той бік», доктор Верходуб, в ответ на вопрос украинской патри-

отки Ольги Чернявской «Вы украинец?» не без иронии заметил: «Да, я – малоросс, или, как теперь модно говорить, украинец»³.

Следует заметить, что не только деятели Украинской Народной Республики или Украинской Державы гетмана П. П. Скоропадского стремились реализовать «украинскую идею». В советском варианте ее использовали большевики, пытавшиеся внедрить свой вариант украинской идентичности в массовое сознание.

Об украинцах и Украине большевики стали говорить еще до октября 1917 г., термин стал внедряться в большевистскую лексику после активизации украинского движения в революционный период 1905–1907 гг., после того как «украинский вопрос» стал привлекать внимание Государственной Думы.

Как известно, выборы в I Государственную Думу состоялись в феврале–марте 1906 г., а сама Дума открылась 27 апреля 1906 г. Большевики сначала призывали своих сторонников к бойкоту выборов, но после IV съезда РСДРП (10–25 апреля 1906 г.) признали необходимость образования в Думе социал-демократической фракции. Между тем в I Государственной думе сторонники украинского движения образовали Украинскую парламентскую громаду, насчитывавшую от 40 до 45 депутатов⁴. Прибывший в Петербург М. С. Грушевский подготовил «Декларацию украинской автономии», которую намеревался внести для рассмотрения Думы. Однако, как пишет И. В. Михутина, «вопрос был исключен из планов работы думы кадетами, решившими, что углубление в национальную проблематику помешает борьбе за общегражданские свободы»⁵. Первая Дума была распущена 9 июля 1906 г., а выборы во вторую Думу состоялись в январе–феврале 1907 г. Она просуществовала до 3 июня 1907 г., причем РСДРП завоевала 65 мест. Во II Думе от малороссийских губерний преобладали депутаты, избранные от крестьянской курии. Как указывает И. В. Михутина, многие первоначально вступили во фракцию трудовиков, однако «вскоре некоторые из них по разным поводам стали выходить из этой фракции. 30 мая 1907 г. заявление о выходе, мотивированное желанием “организовать... самостоятельную Украинскую думскую фракцию”, подписала большая группа... Парламентский клуб “Украинская трудовая громада” насчитывал 47 членов... В своем учредительном воззвании... фракция выставила программу автономии Украины, введения местного самоуправления, родного языка в школе, суде, церкви, образования в южных университетах кафедр украиноведения и т. д.»⁶.

Сложившейся ситуацией воспользовались большевики, хотя, следует признать, они не сразу заменили термин «малоросс» на «украинец». Если речь шла о партиях, то, естественно, употреблялся термин «украинский» в соответствии с их названиями. Например, в речи В. И. Ленина по вопросу о практических соглашениях с эсерами, произнесенной на III съезде РСДРП 12–27 апреля (25 апреля – 10 мая) 1905 г., названы Украинская революционная партия, Украинская социалистическая партия⁷. Упоминание украинских политических партий стало обычным делом. Например, в работе «Первые итоги политической группировки», напечатанной в октябре 1905 г., упоминалась Революционная украинская партия⁸ и т. д.

Однако когда речь шла о населении, то наименование «украинцы» Ленин употреблять не торопился. Например, в листовке «Кого выбирать в государственную думу?», написанной Лениным и напечатанной 23 ноября 1906 г., РСДРП позиционировала себя как «партию сознательных рабочих всех народностей России, русских, латышей, поляков, евреев, малороссов, армян, грузин, татар и проч.»⁹.

Но через год, в написанной Лениным в ноябре–декабре 1907 г. работе «Аграрная программа социал-демократов в первой русской революции», речь шла уже об украинцах: «Из представителей нерусских народностей в Думе высказывались по аграрному вопросу поляки, белорусы, латыши и эсты, литовцы, татары, армяне, башкиры, киргизы, украинцы»¹⁰.

Следует признать, что такой переход от «малороссов» к «украинцам» был не случаен: он был обусловлен намерением большевиков использовать в своих интересах национальный вопрос (и украинское национальное движение, в частности) для разрушения Российской империи. Действительно, в период «первой русской революции» произошло оживление деятельности национальных партий, выдвигавших различные варианты решения национальных проблем. Государственная Дума I и II созывов неоднократно обращалась к проблемам нерусских народов. При обсуждении поднимались вопросы о реформе в сфере образования, о решении аграрного вопроса и т. д. После 1907 г. национальный вопрос продолжал играть заметную роль в общественно-политической жизни Российской империи, причем накануне Первой мировой войны эти проблемы приобрели особую актуальность, чему немало способствовало намерение различных стран использовать национальные движения для разложения своих потенциальных противников.

Общедемократическое требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», сформулиро-

ванное еще на II съезде РСДРП в 1903 г., было важным тактическим шагом большевиков, в немалой степени определившим их успехи во внутривластительской борьбе. Но если первоначально большое внимание большевиков уделялось польскому, еврейскому вопросу, взаимоотношениям с рабочими организациями в Прибалтике и на Кавказе, то позднее в работах большевистских лидеров все чаще стали упоминаться украинцы. В работе И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (написана в январе, опубликована в марте–мае 1913 г.) речь шла о «проснувшихся к самостоятельной жизни» нациях, среди которых были названы и украинцы: «В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия... Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях не ликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации. Но капитализм начинает развиваться и в восточных государствах... Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своем пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!. Так складываются в нации чехи, поляки и т. д. в Австрии; хорваты и пр. в Венгрии; латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и пр. в России»¹¹.

Таким образом, украинцы (не малороссы) были признаны самостоятельной нацией, отдельной от великороссов. Термин «украинец», по логике большевиков, должен был ассоциироваться с борьбой угнетенных народов за национальное равенство (а этот лозунг и поддерживали большевики), а термин «малоросс» – с политикой царского правительства. Например, 4 декабря 1913 г. была опубликована статья Ленина «Нищета народных учителей», в которой речь шла об изданном Министерством народного просвещения первом томе «Однодневной переписи начальных школ в Империи». Ленин утверждал: «В результате, например, по вопросу о родном языке учащихся имеется лишь общая графа о “русском” языке: подразделение на белорусский, малорусский (украинский) и великорусский явно запрещено»¹². Через несколько дней, 14 декабря 1913 г., появилась статья «Национальный состав учащихся в русской школе». Анализируя данные о распределении учащихся в начальных школах Министер-

ства народного просвещения по родному языку учащихся, Ленин писал, что «под именем “русского языка” чиновники постоянно смешивают великорусский, белорусский и украинский (“малороссийский”, по казенному наименованию)»¹³. Следует признать, что статья затрагивала не простой вопрос. На протяжении XIX – начала XX в. в российской литературной и научной публицистике велась ожесточенная полемика о статусе малороссийского языка, о возможностях его применения в образовательной и культурной сферах, церковной жизни. Ленин встал на сторону Академии наук в Петербурге, которая в 1905 г. сделала вывод: «...малорусское население должно иметь такое же право, как и великорусское, говорить публично и печатать на родном своем языке»¹⁴.

В статье «К вопросу о национальной политике» (написанной позднее 6 (19) апреля 1914 г.) Ленин не преминул напомнить известную историю с причислением украинцев к инородцам: «Даже малороссов или украинцев у нас официально, устами “самого” Столыпина зачислили к “инородцам”»¹⁵. Следует пояснить, что 20 января 1910 г. распоряжением министра внутренних дел П. А. Столыпина ужесточалась регистрация «каких бы то ни было инородческих обществ, в том числе украинских и еврейских», если их деятельность ведет к «усугублению начал национальной обособленности и розни»¹⁶. Циркуляр широко обсуждался и в печати, и в III Думе; особенно возмущались деятели украинского национального движения. Впрочем, важно не только негодование Ленина по поводу чиновников, причисливших украинцев к инородцам. В данном случае лидер большевиков поставил знак равенства между двумя наименованиями – украинцы и малороссы. Однако эта работа вышла накануне Первой мировой войны: в революцию 1917 г. наименование «малоросс» из большевистской лексики исчезает.

В 1917 г. большевики все активнее пишут об украинцах и Украине. Например, в статье «Украина», написанной по поводу принятия универсала Центральной рады в июне 1917 г., Ленин утверждал: «Ни один демократ не может также отрицать права Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за добровольное соединение в одно государство двух народов... Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке»¹⁷.

Наконец, 25 ноября 1917 г. на первом Всероссийском съезде военного флота Ленин в своей речи заявил: «Сейчас мы наблюдаем национальное движение на Украине, и мы говорим: мы безусловно стоим за полную и неограниченную свободу украинского народа. Мы должны сломить то старое, кровавое и грязное прошлое, когда Россия капиталистов-угнетателей играла роль палача над другими народами. Это прошлое мы сметем, на этом прошлом мы не оставим камня на камне.

Мы скажем украинцам: как украинцы, вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем братскую руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии. Только социалистический союз трудящихся всех стран устранил всякую почву для национальной травли и грызни»¹⁸.

Завоевав власть, большевики убрали из официального оборота этноним «малоросс» и заменили его на «украинец». Большевистское руководство убеждало и рядовых партийцев, и население в целом в существовании украинцев как самостоятельного, отдельного от русского, народа. Большевики вели речь не о малороссах как части русского народа, а об украинцах, представляющих собой самостоятельную нацию, более того, являющихся «коренной национальностью» в УССР.

Однако отнюдь не все рядовые члены партии готовы были к таким переменам. В президиум X съезда поступила записка о том, будто бы большевики насаждали «белорусскую национальность искусственно»¹⁹. Генеральный секретарь возразил автору записки, что у белорусской нации «имеется свой язык, отличный от русского», и «поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке»²⁰. Подобные же речи, заметил Сталин, велись и об украинской нации: «Между тем ясно, что украинская нация существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»²¹.

Следует отметить, что для многих рядовых большевиков и искренних сторонников советской власти, боровшихся в гражданскую войну с «буржуазными правительствами», понятие «украинец» было некоей выдумкой классового врага – «петлюровщиной». Подобные настроения зафиксировал заведующий центральным украинским бюро Совета по просвещению нацменьшинств при Наркомпросе

РСФСР (Совнацмена) В. А. Гадзинский в своем письме в Московский комитет РКП(б) 10 октября 1925 года по поводу работы Украинского клуба им. Т. Шевченко в Москве. Сотрудник МК РКП(б) Гончарская намеревалась закрыть клуб, и Гадзинский писал по этому поводу: «Я как партийный работник и одновременно украинский общественный деятель на основании трехлетнего опыта работы с тов. Гончарской глубоко убежден, что она к украинскому вопросу, кроме личного отрицательного непонимания (sic!), подходит так, как подходили в 1919 и 1920 годах очень многие коммунисты. Тов. Гончарская понимает украинский вопрос как петлюровщину...»²²

Тем не менее, большевики настаивали, что провозглашенная 6 января 1919 г. республика является именно Украинской Социалистической Советской Республикой, а большинство ее населения – украинское, а отнюдь не малороссийское. В переписи 1926 г. был введен принцип этнической национальности («народности») в категоризацию населения²³. Как считает В. А. Тишков, именно с этой переписи «была затверждена этнонациональность как всеобщий атрибут личности»²⁴. В первой всеобщей переписи населения 1897 г. содержался пункт о родном языке и вероисповедании, именно эти показания использовались для выводов об этническом составе населения Российской империи. К переписи 1926 г. был составлен Перечень и словарь народностей²⁵. В перечне народностей под вторым номером, вслед за русскими, значились украинцы. Был составлен также словарь народностей, которым должны были руководствоваться местные статистические учреждения при отнесении «многочисленных конкретных наименований народностей, полученных при регистрации, к рубрикам “Перечня”». Кроме наименований основного перечня, словарь содержал «чистые синонимы этих наименований народностей и, кроме того, названия частей народностей – географические и местные». По словарю народностей «малорусы» относились к многочисленным конкретным наименованиям и должны были быть отнесены ко второму пункту Перечня, то есть украинцам²⁶.

Участвовавшая в подготовительной работе по переписи Комиссия по изучению племенного состава населения России предупреждала, что полевые материалы исследований выявили, что отнюдь не везде население понимает термины «национальность» и «народность», поэтому ЦСУ сопроводило анкеты вспомогательными материалами для разных территорий, чтобы помочь населению ответить на заданные вопросы²⁷. В инструкции переписчикам на русском языке указывалось: «Для уточнения записи об украинской, великорус-

ской и белорусской народностях в местностях, где словом “русский” определяют свою народность представители трех этих народностей, необходимо, чтобы лица, называющие при переписи свою народность “русский”, точно определяли, к какой именно народности: украинской, великорусской (русской) или белорусской они себя причисляют; записи “русский” и “великоросс” считаются тождественными²⁸.

На Украине в инструкции речь шла не о народности, а о национальности: «Вопрос о национальности имеет целью выяснить этнографический состав населения. За кого (по национальности) он себя считает – это считает тот, кого спрашивают. В случае если кто-нибудь затрудняется дать ответ, преимущество отдается национальности матери. Поскольку перепись имеет целью выяснить этнографический состав населения, то, отвечая на вопрос 4, нельзя путать национальность с религией, подданством, гражданством или пребыванием на территории какой-либо республики. Ответ на вопрос о национальности может не совпадать с ответом на вопрос 5 о родном языке.

Чтобы точнее сделать запись о лицах, которые, возможно, называют себя “русский”, необходимо, чтобы эти лица точнее определили, за кого сами – русских (россиян), украинцев или белорусов – они себя считают.

“Россиянин” (великоросс) считается тем же самым, что и “русский”, и в личных картах записывается “русский”²⁹.

В украинской инструкции содержались также и разъяснения и по пункту о родном языке: «За родной язык того, кого спрашивают, считается тот, которым он лучше владеет. Если кто обычно говорит не на том языке, которым он лучше владеет, – за родной язык считать все же тот, которым он лучше владеет»³⁰. По данным переписи 17 декабря 1926 г. в УССР украинцы составляли чуть больше 80% всего населения, численность русских не достигала 10% (9,2%), евреев – 5,4%, поляков – 1,6%, немцев – 1,36%³¹, при этом среди украинцев переписчики насчитали 94,1% тех, кто признал в качестве родного языка украинский, и 5,9% тех, чей родной язык был другим³².

Если этноним «малоросс» из официальных документов исчез, то в художественных произведениях и публицистике «на злобу дня» он иногда употреблялся, хотя, конечно, несравнимо реже, чем в начале XX века. При этом иногда встречались не менее эмоциональные выражения, чем во время прежних дискуссий между приверженцами украинской и общерусской ориентаций. Так, один из лидеров укра-

инского движения Е. Х. Чикаленко в своих дневниках в отношении малороссов-антиукраинцев употреблял определения «зрадник», «московский запродавец», «наши перевертни»³³. Не менее темпераментно выражался бывший боротьбист³⁴ (а в то время – глава украинского Наркомпроса) А. Я. Шумский на заседании политбюро 15 мая 1926 г., агитируя за «перелом и углубление» украинизации. При этом он отнюдь не смешивал понятия «украинец» и «малоросс»: «Григорий Иванович (Петровский, председатель ВУЦИК. – Е. Б.) имел полное основание заявить на сессии ЦИКа Союза, что у нас был недавно съезд партии и там никто даже не говорил на украинском языке... А почему они (кто говорит по-украински. – Е. Б.) не выступали? Потому что они в партии забиты, загнаны и составляют меньшинство даже арифметическое, не говоря уже о влиянии. Потому что в партии господствует русский коммунист, с подозрительностью и недружелюбием, чтобы не сказать крепче, относящийся к коммунисту-украинцу. Господствует, опираясь на презренный, шкурнический тип малоросса, который во все исторические эпохи был одинаково беспринципно лицемерен, рабски двоедушен и предательски подхалимен. Он сейчас щеголяет своим лже-интернационализмом, бравивирует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его (может иногда и по-украински), если это дает возможность выслужиться и получить теплое местечко. Вот в чем дело. Дело в том, что наша партия должна стать украинской по языку и по культуре»³⁵.

Шумский различал настоящих коммунистов-украинцев (надо полагать, к ним он относил как раз выходцев из распущенных небольшевистских партий, бывших боротьбистов и укапистов³⁶, которые затем стали членами КП(б)У) и коммунистов-малороссов, «притворявшихся» украинцами из карьерных соображений, не придерживавшихся каких-либо нравственных норм. Малороссы для Шумского отнюдь не являются «сознательными украинцами»; если их и можно назвать украинцами – то только по фамилиям.

Действительно, для многих сторонников «украинской идеи» понятия «украинец» и «малоросс» отнюдь не были идентичны. Например, литературный критик, историк литературы, возглавлявший в 1917 г. Украинскую партию социалистов-федералистов, вице-президент ВУАН С. А. Ефремов, делая запись в своем дневнике о практике политики украинизации, отмечал: «Издан был приказ, чтобы все служащие учили украинский, но никто из русских и «тоже-малороссов» этого всерьез не брал... Но тут начали принимать экзамены

и кто не сдал – выгонять. Вот тут и началось»³⁷. Хотя оценки Ефремова и более мягкие, нежели Шумского, однако весьма похожие по своей сути: оба дали весьма нелестную оценку нарождающейся украинской советской элите. Придя к власти, большевистское руководство намеревалось придать советским республикам национальный облик: поддерживали развитие национальных культур, расширяли сферы применения национальных языков, вводили их в сферу официального общения, образование, науку, культуру, а также проводили протекционистскую политику в отношении представителей «коренной» национальности, выдвигая на ответственные должности в партийных и советских органах местное население. В период коренизации/украинизации национальность «украинец» постепенно становилась одним из условий успешной карьеры, и численность украинцев в партийном и государственном аппаратах росла. Именно на это обстоятельство с негодованием обращал внимание Шумский и с иронической усмешкой – Ефремов.

В период украинизации речь шла не просто о внедрении в массовое сознание украинской идентичности, но о придании ей довольно высокого статуса, что могло привести к новому распределению ролей между русскими и украинцами в социальной сфере. Это обстоятельство отнюдь не прибавляло популярности украинской идее среди представителей русской культуры. В этой связи хочется вспомнить анекдот на тему украинизации, распространенной в 1920-е годы. Беседуют двое служащих, обучающихся украинскому языку. «Ну и трудное это наречие малороссийское!» – «Это не наречие и не междометие, а предлог, чтобы нас выбросить со службы»³⁸. В данном случае намеренно употребляется определение «малороссийский», а не «украинский», по отношению к языку, что должно было подчеркивать отношение к нему со стороны противников украинизации.

Активная поддержка большевистским руководством национального языка не могла не привлечь внимание общества к проблеме развития украинской культуры. На Украине развернулась литературная дискуссия (1925–1928). Началась она с обсуждения вопросов идейно-эстетической направленности и задач новой украинской советской литературы, места и роли писателя в обществе. Сначала речь шла о роли маститых писателей и рабоче-крестьянском творчестве, но затем дискуссия приобрела политическую окраску, и застрельщиком здесь выступил коммунист-романтик Н. Г. Хвылевой. В своих памфлетах он настаивал на особом предназначении Украины и на необходимости борьбы с посторонними культурными влияниями, под

которыми понимал влияние русского языка и культуры на украинский язык и культуру. Он противопоставлял Украину Малороссии, имея в виду культурный аспект. Полемизируя с философом и литературным критиком В. Юринцом, он задает вопрос: «Или, может, профессор думает, что Украина так себе, “для блезиру”, а действительно все-таки Малороссия?»³⁹ Не менее резко Хвылевой возражал А. Хвыле, сначала занимавшему должность заместителя руководителя агитпропа ЦК КП(б)У (1926–1928), а затем и возглавившему этот отдел: «Дело в том, камраде Хвыля, что вы немного проспали: ложились – была Малороссия, поднялись – стоит Украина»⁴⁰. Хвылевой призывал отбросить «малоросийщину, просвितянщину и другую бесперспективную узость» и стремиться к «неизвестным горизонтам прекрасного азиатского ренессанса»⁴¹.

Для Хвылевого Малороссия ассоциировалась с провинциализмом, любительщиной, второсортностью. Малороссии противопоставляется Украина, которой, по мнению писателя, предназначалась мессианская роль в будущем социалистическом переустройстве мира, поскольку «духовная культура большевизма может ясно проявиться только в молодых советских республиках... и в первую очередь под голубым небом юго-восточной республики коммун», которая воспитывала «в своих буйных степях тип революционного конкистадора»⁴².

Интересные замечания по поводу происходившего внедрения в массовое сознание украинской идентичности содержатся в пьесе Н. Г. Кулиша «Мина Мазайло» (1929). Герой пьесы Мазайло хочет изменить свою фамилию на Мазенин, но его сын Мокий выступит против. В дискуссию между ними включается тетя Мотя, весьма настороженно относившаяся к украинизации. Беседа между этими персонажами представляет несомненный интерес. Тетя задает вопрос: «Тогда я не понимаю, что такое украинцы, кто они такие: евреи, татары, армяне? Пожалуйста, скажите мне, кого у вас называют украинцами?» Мазайло отвечает: «Украинцами зовутся те, кто учит несчастных служащих так называемому украинскому языку. Не малороссийскому и не тарасошевченковскому, а украинскому – и это наша малорусская трагедия». Далее Мазайло разъясняет, что украинцы – это частично «наши малороссы, то есть русские», а частично «галичане, то есть австрияки, с которыми мы воевали в 1914 году, подумайте только!». Мазайло не верит в украинизацию: «ничего из вашей украинизации не выйдет, это вам факт, а если и выйдет, то пшик с бульбочкой – это вам второй факт, потому что так говорит

мое сердце»; «Сердцем чувствую, что украинизация – это способ делать из меня провинциала, второсортного служащего, и не давать мне ход на высшие должности». Другие персонажи ему возражают, говорят, что это политика партии. Весьма примечательна реплика Тети: «Вы серьезно или по-украински?»⁴³. В пьесе Кулиш представляет Мазайло как жертву русификации, как человека, не желающего понять и принять «сознательное украинство», сомневающегося в существовании украинской идентичности.

И Хвylieвой, и Кулиш противопоставляют прежнюю Украину нынешней, советской. Официальная пропаганда также подчеркивала различие в положении украинских земель в Российской империи и УССР в Советском Союзе. Утверждалось, что царское правительство грабило Украину, и только с приходом советской власти речь идет о свободной республике, Украине новой, советской, Украине трудящихся. Например, в одной из работ уже упомянутого А. Хвylie сказано: «Нужно было прибрать к рукам Украину, как народ, как нацию, ограбить ее, связать по рукам и ногам, высечь, сослать большую часть мыслящей интеллигенции – это делала государственная машина великой императорской России»⁴⁴. Теперь же «Союз республик есть разрушение, исправление того позора, в который буржуазия с царем повергла нации на целые столетия»⁴⁵.

Термин «малоросс» и производные от него в официальном контексте ассоциировались с «тюрьмой народов» – царской Россией. В употреблении этнонима «малоросс» видели пренебрежительное отношение к этому народу со стороны имперской элиты. В вышедшем в 1928 г. очередном томе «Большой советской энциклопедии» в статье «Великорусы» пояснялось: это «термин, которым иногда и до сих пор обозначают ту часть восточных славян (см.), которая, подчинив себе целый ряд неславянских, преимущественно финских (см. Финны) народностей и отчасти слившись с ними, образовала в 16–17 вв. Московское государство. Термин возник в то же время и имеет, несомненно, великодержавный смысл, что особенно ясно из сопоставления его с тогдашним названием украинцев “малороссами”. В связи с этим, почти выходит из употребления. См. Русские». Как поясняет В. Н. Ковалев, «узнать из БСЭ, что такое Малороссия, советскому читателю уже было не суждено. В вышедшем в 1938 г. 37-м томе “Лилль – Маммалогия” (sic) за статьей “Малори” (Томас Мэлори) следовали “Малощетинковые черви”. Ни малорусов, ни малороссов, ни Малороссии более не существовало. Примечательно, что Малая Польша в энциклопедии присутствовала»⁴⁶.

В «Известиях» 28 января 1935 г. появилась статья Н. И. Бухарина «Наш Союз» с такими замечательными словами: «Союз Советских Социалистических Республик показывает всему миру пример настоящего братства почти двухсот народов, его населяющих... Разве не было того времени, когда украинцы презрительно третировались русскими шовинистами как “малороссы”, как “хохлы”? А теперь Украина – великая наша республика, быстро поднимающаяся на могучих плечах своей мощной промышленности». Союз народов, утверждал Бухарин, велик и несокрушим, поскольку это – союз трудящихся, союз на основе диктатуры пролетариата, советской власти⁴⁷.

К концу 1930-х гг. большевистская трактовка термина «малоросс» завершила свою эволюцию. В толковом словаре Д. Н. Ушакова появилась статья «малорос(с)» со следующим пояснением: «(дорев.). Шовинистическое название украинца»⁴⁸. Напомним, что в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона малороссы трактовались как «южно-русы – одна из трех русских народностей, превышающая, по численности, в 4 раза белорусов и уступающая в $2\frac{1}{3}$ раза великорусам»⁴⁹.

Закрепляя достигнутые в процессе внедрения украинской идентичности в массовое сознание успехи, центральное руководство ввело с 1935 г. новую форму учета номенклатурных кадров в аппарате ЦК ВКП(б) с графой «национальность». Сведения о национальности учитывались во всех областях жизни. Графа «национальность» присутствовала в паспорте гражданина СССР, причем с 1938 г. в паспорте и других официальных документах национальность указывалась в соответствии с национальностью одного из родителей.

Таким образом, большевики отказались от использования понятия «малоросс» для наименования жителей второй по величине республики Советского Союза. Воспользовавшись происходившим распадом общерусской идентичности, партийное руководство внедряло в массовое сознание идентичность украинскую, подчеркивая при этом, что украинцы являются самостоятельной нацией. Наименованию «малоросс» стала придаваться отрицательная коннотация, а этноним «украинец», напротив, должен был ассоциироваться с успехами социалистического строительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. подробнее: Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 122–283.
- 2 См.: *Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И.* «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 9–27; также: электронный ресурс, режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/108/ko3.html>
- 3 *Винниченко В.* На той бік. Повість. Нью-Йорк, 1972. С. 32; см. также: *Мануйкін О.* Національна ідея у громадсько-політичній діяльності та літературній творчості Володимира Винниченка (1917 – середина 30-х років ХХ ст.) // Вісник Черкаського університету. Сер. Філологічні науки. Черкаси, 2005. Вип. 67. С. 25.
- 4 *Михутина И. В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 86–87.
- 5 Там же. С. 87.
- 6 Там же. С. 89–90.
- 7 III съезд РСДРП 12–27 апреля (25 апреля – 10 мая) 1905 г. (выступления, проекты резолюций и другие материалы). Речь В. И. Ленина по вопросу о практических соглашениях с с.-р. 23 апреля (6 мая) // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1967. Т. 10. С. 181.
- 8 *Ленин В. И.* Первые итоги политической группировки // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1968. Т. 12. С. 7.
- 9 *Ленин В. И.* Кого выбирать в государственную думу? // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1972. Т. 14. С. 132.
- 10 *Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократов в первой русской революции // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1973. Т. 16. С. 386.
- 11 *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1946. Т. 2. С. 303–305.
- 12 *Ленин В. И.* Нищета народных учителей // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1973. Т. 24. С. 195.
- 13 *Ленин В. И.* Национальный состав учащихся в русской школе // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 24. С. 219.
- 14 Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання (1847–1914). Збірник документів і матеріалів. Київ, 2013. С. 370.
- 15 *Ленин В. И.* К вопросу о национальной политике // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1969. Т. 25. С. 66.
- 16 *Горизонтов Л. Е.* «Иностранческий казус» 1910 года как проявление конфликта идентичностей в политической жизни Российской империи //

- Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell. Österreich-Ungarn und das Russische Imperium im Vergleich / Сценарии конфликтов на рубеже XIX–XX веков: политические – социальные – культурные. Австро-Венгерская и Российская империи. Wien, 2011. S. 186.*
- 17 *Ленин В. И. Украина // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1969. Т. 32. С. 341–342.*
 - 18 *Ленин В. И. Речь на первом Всероссийском съезде военного флота // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1974. Т. 35. С. 115.*
 - 19 *Сталин И. В. Заключительное слово по докладу об очередных задачах партии в национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т. 5. С. 48.*
 - 20 Там же.
 - 21 Там же. С. 49.
 - 22 *Сергійчук В. І. «Українізація Росії». Політичне ошуканство українців російською більшовицькою владою в 1923–1932 роках. Київ, 2000. С. 73.*
 - 23 *Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 182.*
 - 24 Там же. С. 183.
 - 25 См.: Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 года. М., 1927. Вып. VII. Перечень и словарь народностей. Издание ЦСУ СССР; также: электронный ресурс. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/knigi/slovar/slovar_1926.pdf
 - 26 Там же.
 - 27 *Соколовский С. В. Доклад «Этническая идентичность в советских переписях населения», конференция «Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России», Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, февраль 2002 г. – Электронный ресурс. Режим доступа: http://old.iea.ras.ru/topic/census/doc/sokol_paper2002-1.htm.*
 - 28 Пояснительные замечания и инструкционные указания // Всесоюзная перепись населения 1926. М., 1928. Т. IX. РСФСР. С. 201–209; М., 1929. Т. XVII. СССР. С. 97–105; электронный ресурс. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0267/архив04.php>.
 - 29 *Хоменко А. Національний склад людности УСРР. Б. м., 1931. С. 10.*
 - 30 Там же. С. 15.
 - 31 Там же. С. 20, 21–22.
 - 32 Там же. С. 85.
 - 33 Подробнее см.: *Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны.*
 - 34 Член Украинской партии социалистов-революционеров (боротьбистов).

- 35 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 22–23.
- 36 Член Украинской коммунистической партии.
- 37 *Єфремов С. О.* Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997. С. 155.
- 38 *Марчуков А. В.* Маленький мир с маленькими людьми. Советский политический анекдот в дневниках украинского литератора // Родина. 2002. № 2. С. 85.
- 39 *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? // Хвильовий М. Твори. У 2 т. Київ, 1990. Т. 2. С. 582–583.
- 40 Там же. С. 593.
- 41 *Хвильовий М.* Про демагогічну водичку, або справжня адреса української ворончини, вільна конкуренція, ВУАН і т.д. (Третій лист до літературної молоді) // Микола Хвильовий. Твори в п'ятьох томах. Нью-Йорк; Балтімор; Торонто, 1983. Т. 4. С. 131–132.
- 42 *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? С. 615.
- 43 *Куліш М. Г.* Мина Мазайло // Твори. В 2 т. Київ, 1990. Т. 2. П'єси, статті, виступи, документи, листи, спогади. С. 3–83.
- 44 *Хвыля А.* Национальный вопрос на Украине. Харьков, 1926. С. 24.
- 45 Там же. С. 34.
- 46 Ковалев В. Н. «Огненное лицо» Украины и «запах русской земли». Общерусские и украинские акценты в советской пропаганде периода Отечественной войны // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы: Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 253.
- 47 *Бухарин Н.* Наш Союз // Известия. 1935, 28 января.
- 48 Малорос(с) // Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938. Т. 2. Л – Ояловеть. Стб. 130.
- 49 Малороссы // *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* (изд.). Энциклопедический словарь. В 86 т. / Под ред. Е. И. Андреевского. СПб., 1896. Т. 18а. Малолетство–Мейшагола. Стб. 484.

Borisenok E. Yu.

From Little-Russians into Ukrainians: the Bolshevik Strategy
of Identification of the National Affiliation

The article analyses the use of the notions «Ukrainian» and «Little-Russian» by the Bolshevik leadership in official documents and political writings in the first third of the twentieth century.

Keywords: *Ukrainian Soviet Socialist Republic, korenization, nationality, Ukrainian, Little-Russian.*

Т. В. Волокитина
(Москва)

Болгария во внешней политике СССР в годы Второй мировой войны

Статья, основанная на документах российских архивов, посвящена некоторым аспектам советской внешней политики во время Второй мировой войны и месту Болгарии в планах Москвы.

Ключевые слова: *Болгария, Балканы, внешняя политика СССР, болгарский вопрос в отношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции.*

В сложной дипломатической игре, начинавшейся на международной арене накануне Второй мировой войны, одним из главных приоритетов становилось разграничение сфер интересов ведущих держав в Европе и на Ближнем Востоке. Будущее военное противостояние советское руководство рассматривало как неизбежное столкновение «двух групп капиталистических стран», которое приобретет затяжной характер¹. Исследования по истории внешней политики СССР и международных отношений, публикации документов, осуществленные в последние годы отечественными и зарубежными учеными, убедительно раскрывают существенное значение балканских проблем. Признано, что они быстро выдвинулись на авансцену мировой политики, а Болгария в силу своего исключительного геополитического положения «в сердце» Балкан оказалась в центре событий.

Заметный хронологический рубеж – зима 1940 г., когда развернулась подготовка визита народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова в Берлин. Сталин в беседе с ним обозначил те ключевые вопросы, которые следовало обсудить в ходе переговоров с немцами. Обратив внимание на «серьезные интересы» СССР в Турции, Румынии и Венгрии, он подчеркнул: «Болгария – главный вопрос переговоров. Она должна быть отнесена к сфере интересов СССР...»²

Руководствуясь этими указаниями, Молотов предпринял серьезный зондаж позиции германского партнера. Намерение включить Болгарию в сферу советских интересов он объяснил необходимостью обеспечить безопасность Черноморского побережья СССР.

С этой целью Москва рассчитывала оказать давление на Турцию путем введения советского воинского контингента в Болгарию³. Взамен советская сторона была готова предоставить Болгарии гарантии неприкосновенности территории, используя в качестве прецедента факт предоставления подобных гарантий Германией и Италией Румынии после Венского арбитража 30 августа 1940 г. «Советский Союз ни при каких обстоятельствах не намерен вмешиваться во внутренние дела этой страны, ни “на волосок” не отойдет от этого обещания и готов гарантировать Болгарии выход в Эгейское море», – заверил Молотов⁴.

В исторической литературе дан убедительный ответ на вопрос о причинах столь острого интереса советского руководства к Болгарии, и причины эти фокусируются в одном слове – Проливы. Их «закрытие» и связанное с ним установление советского контроля над морским побережьем Болгарии позволило бы, как считали в Москве, минимизировать потенциальную угрозу совместных действий Германии и Великобритании против СССР в Черноморском бассейне. Вплоть до нападения Германии на Советский Союз, указывает израильский историк Г. Городецкий, Сталин считал такой неблагоприятный для советской стороны вариант развития событий возможным⁵.

Возвращаясь к переговорам в Берлине, заметим, что Молотов прилагал немалые усилия для обеспечения успеха, вопреки отчетливо проявившемуся нежеланию Берлина идти навстречу. Гитлер не дал конкретного ответа на вопрос о советских гарантиях Болгарии, заявив о необходимости проконсультироваться с итальянским союзником. В очередном донесении в Москву Молотов был вынужден признать весьма ограниченный результат переговоров: «Похвастаться нечем, но, по крайней мере, выяснил теперешнее настроение Гитлера, с которым придется считаться»⁶. Последующие события, однако, показали, что данная оценка преувеличивала возможности советской стороны, которая, будучи не в состоянии действовать «на равных» с германским союзником, все время оказывалась в положении догоняющего.

Что касается намерений самой Болгарии, то официальная София, как отмечает российская исследовательница Е. Л. Валева, «придерживалась линии на сдержанное и дозированное улучшение отношений с СССР, избегая при этом тесного сближения на политической основе»⁷. Миссия заместителя наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Софии в конце апреля 1939 г. не увенчалась успехом: болгарская сторона сочла нереальной перспективу присоединения страны к «общему фронту миролюбивых сил против германской

агрессии», в том числе и путем вхождения Болгарии в Балканскую Антанту* (камнем преткновения становился территориальный спор с Румынией из-за Южной Добруджи).

Документы свидетельствуют о том, что замысел создания блока балканских стран вынашивало летом 1940 г. и руководство Великобритании. Об этом свидетельствовали беседы В. М. Молотова (11 июня) и Сталина (1 июля) с послом С. Криппсом, во время которых британский дипломат, предприняв зондаж советской позиции, открыто поставил вопрос об организации такого блока «под эгидой СССР». Это, по мысли Криппса, помогло бы стабилизировать обстановку в регионе и избежать «нежелательного переkreшивания» там интересов СССР и Англии. Однако если Молотов ограничился констатацией, что Москва «имеет определенные интересы на Балканах» и «позиция СССР в значительной степени будет зависеть от той обстановки, которая сложится»⁸, то Сталин категорически отверг стремление Советского Союза установить порядок на Балканах. «Тов. Сталин, – говорилось в записи беседы, – считает долгом сказать, что СССР не имеет такого намерения. Господствовать на Балканах СССР не стремится, и такое стремление считает опрометчивым и опасным». Явно лукавя, советский руководитель заметил, что и у Германии он «не замечал такого стремления – господствовать в мире». Идее «господства» Сталин противопоставил понятие «равновесие сил», подчеркнув, что «старое равновесие мы хотим изменить, оно было против СССР». Криппс был вынужден уточнять свою позицию: установление подобного «равновесия» невозможно «без какой-либо большой соседней державы, дающей руководство в определенном направлении к стабилизации отношений на Балканах». И здесь особую роль Лондон отводил СССР и Турции⁹.

Болгарское правительство по-прежнему придерживалось тактики балансирования. Оно отказывалась в тот момент от вступления в Тройственный пакт, отдав предпочтение традиционному с межвоенных лет нейтралитету¹⁰. Вместе с тем на рубеже 1939–1940 гг. значительно расширились торговые отношения и культурное сотрудничество с СССР.

Советская сторона, как свидетельствуют документы, с настойчивостью встретила информацию об обещанной болгарам Гер-

* Балканская Антанта – созданный в 1934 г. блок государств в составе Турции, Греции, Румынии и Югославии для сохранения status quo на Балканах.

манией поддержке их территориальных претензий и усилила в связи с этим политико-дипломатическую активность, направленную на проникновение в район Проливов. В это время второе дыхание обретает замысел заключения пакта о взаимопомощи с Болгарией (впервые такое предложение прозвучало в беседе В. М. Молотова с посланником Болгарии в СССР Н. Антоновым 20 сентября 1939 г.)¹¹, нейтрализации, как следствие этого, Турции и организации сухопутной и военно-морской базы СССР на Босфоре и в Дарданеллах на условиях долгосрочной аренды.

Настойчивость Москвы возросла после решения проблемы Южной Добруджи в пользу Софии (сентябрь 1940 г.) и усиления дрейфа болгарского руководства в сторону сближения с Берлином. В условиях очевидного «прогерманского нейтралитета» Болгарии¹² вопрос о том, последует ли страна примеру Венгрии, Румынии и Словакии, примкнувших в ноябре 1940 г. к Тройственному пакту, крайне беспокоил советскую сторону. На огромное желание Москвы добиться заключения с Болгарией пакта о взаимопомощи указывает, в частности, выраженная Сталиным и Молотовым в беседе с Г. Димитровым 25 ноября 1940 г. готовность не только снять возражения о присоединении Болгарии к тройственному союзу Германии, Италии и Японии, но и превратить последний в четверной при участии СССР, если советско-болгарский пакт станет реальностью.

Проект Пакта четырех был озвучен немцами на переговорах в Берлине и, по всей вероятности, преследовал единственную цель – дезинформировать советскую сторону. Не будем забывать, что еще 30 июля 1940 г. Гитлер сообщил высшему военному руководству Германии о решении начать весной 1941 г. войну против СССР¹³. И не случайно, как показывает анализ документов, проект пакта 4-х держав вовсе не был принят в Москве за чистую монету. Советская сторона попыталась воспользоваться этим, по оценке Молотова, «схематично изложенным» предложением немцев¹⁴, чтобы еще раз четко обозначить свою позицию по вопросу сфер влияния. В конце ноября 1940 г. в германский МИД поступило сообщение посла в Москве В. фон Шуленбурга, что советское руководство предлагает признать зону «к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива... центром территориальных устремлений Советского Союза», а также «согласовать секретный протокол между Германией, Советским Союзом и Италией с признанием того факта, что Болгария географически расположена внутри зоны безопасности черноморских границ СССР...». В связи с этим, по мнению Москвы,

«заключение советско-болгарского договора о взаимопомощи... является политической необходимостью»¹⁵.

Для привлечения Болгарии на свою сторону советское руководство было готово поддержать болгарские территориальные претензии к Греции и Турции (Западная Фракия, Дедеагач*, Драма и Кавала), обеспечить поставки в страну зерна, хлопка и пр., направить к болгарскому побережью советский флот. Об этом говорил Сталин в беседе с Г. Димитровым 25 ноября 1940 г. Хотя советский руководитель не был склонен переоценивать «внешне вежливые», по его словам, отношения с немцами, заметив, что «между нами существуют серьезные трения»¹⁶, он, тем не менее, был настроен решительно, добиваясь заключения пакта с Болгарией. Это подтверждает известная «Соболевская акция»**, начатая в те же дни. Закончилась она, как известно, провалом: болгарское правительство отклонило советские предложения. Более того, миссия Соболева сыграла на руку болгарским «верхам». Опасаясь создания на территории страны советских военных баз и, в результате, повторения прибалтийского сценария, они приняли решение о присоединении к Тройственному пакту.

Вскоре началась переброска немецких войск на Балканы. Ее размах (по донесениям югославской разведки, в начале января 1941 г. ежедневно через территорию Венгрии в Румынию следовали по 18–20 эшелонов с войсками и военной техникой) ясно указывал на формирование там мощной ударной группировки, численность которой определялась в 400–500 тыс. человек¹⁷.

Обеспокоенное этим советское руководство ответило специальным заявлением ТАСС от 13 января 1941 г.¹⁸, а 17 января Молотов, пригласив к себе Шуленбурга, заявил о сосредоточении германских войск в Румынии «в огромном количестве», об их готовности оккупировать Болгарию, Грецию и Проливы, о возможной реакции Англии по упреждению Германии и, как следствие, о реальной возможности превращения Болгарии в театр военных действий. Молотов

* Дедеагач – турецкое название греческого города Александруполиса на берегу Эгейского моря.

** «Соболевская акция» – движение в поддержку пакта с СССР, развернутое на основе советских предложений по инициативе и на средства Москвы. Названо по имени советского дипломата А. А. Соболева, специально прибывшего в Софию, чтобы довести позицию советского руководства до сведения царя Бориса и премьер-министра Б. Филова.

подчеркнул, что в создавшейся обстановке советское правительство «будет считать появление каких-либо иностранных войск на территории Болгарии или в Проливах нарушением интересов безопасности СССР»¹⁹. На фоне реальных событий несколько странно выглядело выраженное Молотовым удивление тем, что советское правительство все еще не знает реакции Берлина на условия присоединения СССР к Тройственному пакту, хотя и «рассчитывало на скорое получение германского ответа»²⁰. Как известно, ответа Москва так и не дождалась...

С уверенностью можно считать, что Берлину на этой стадии удалось переиграть Москву в болгарском вопросе, успешно использовать в качестве дезинформации предложение о превращении Тройственного пакта в четверной союз, не лишая до поры до времени советское руководство иллюзорных надежд на возможность связать Болгарию с СССР гарантийным пактом в целях прорыва к Проливам. Очевидно при этом, что Гитлер, как образно заметил В. К. Волков, «уже давно выбросил в корзину» соглашение 1939 г., в то время как Сталин продолжал придерживаться договоренности с Берлином²¹. Попытки Москвы сохранить советско-германский «альянс врагов» (определение Л. Я. Гибианского), не совместимый с налаживанием одновременного противодействия СССР Германии и западным державам²², неизбежно загоняли советскую дипломатию в тупик.

28 февраля 1941 г. Шуленбург, выполняя поступившую из Берлина директиву, сообщил Молотову о завершении переговоров с Софией о вхождении Болгарии в Тройственный пакт и дате подписания соответствующего протокола – 1 марта²³. Присоединение Болгарии к странам «оси» и последовавшее за ним вступление в пределы страны 680-тысячной германской армии под командованием фельдмаршала В. Листа были встречены в Москве с тревогой. В телеграмме в МИД Германии от 1 марта по этому поводу присутствие вермахта на болгарской территории было охарактеризовано как «военная оккупация»; указывалось, что это наносит ущерб интересам безопасности СССР²⁴. Однако реально противодействовать Германии и Италии на Балканах советское руководство не могло.

Дальнейшие события весны 1941 г. (капитуляция Югославии, наступление Германии на Грецию с болгарской территории, захват немцами Крита) существенно изменили политическую и военно-стратегическую обстановку в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье. Но, несмотря на очевидное нарастание военной опасности, советское руководство вовсе не стремилось к денонсации

пакта с Германией. Разъясняя позицию СССР Г. Димитрову в апреле 1941 г., секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов подчеркивал: «Германскую экспансию на Балканах мы не одобряем. Но это не означает, что мы отступаем от пакта с Германией и поворачиваем в сторону Англии. Те наши люди, которые так думают, недооценивают самостоятельной роли и мощи Сов[етского] Союза. Глубоко неверно ориентироваться на какую-либо одну империалистическую группировку»²⁵. Заметим, что эта установка имела реальное «наполнение», так как была озвучена после подписания 5 апреля 1941 г., вопреки ясно выраженному недовольству Берлина, советско-югославского договора о дружбе, объективно означавшего солидарность СССР с англо-югославо-греческим фронтом против Германии. В историографии отмечено, что советская сторона срочно приступила к организации крупных поставок оружия в ответ на просьбу югославской стороны²⁶. Однако уже через несколько часов после подписания договора началось вторжение войск вермахта в Югославию. Советская сторона, не имевшая возможности противостоять германской экспансии на Балканах, что называется, «проглотила» эту акцию союзника. Более того, под нажимом Германии 8 мая 1941 г. была прекращена деятельность в СССР югославской дипломатической миссии²⁷. Правда, это не помешало Шуленбургу на аудиенции у Молотова 21 июня 1941 г. в качестве примера антигерманской направленности политики СССР назвать не только требования Москвы предоставить ей гарантии в Болгарии и базы в Проливах, но и советско-югославский договор²⁸.

Нападение фашистской Германии на СССР скорректировало задачи советской внешней политики, активизировало дипломатические усилия Москвы, в первую очередь на английском и американском направлениях. Внутри этой доминанты существовали и сменяли друг друга различные приоритеты. Так, наряду с вопросами военной и экономической поддержки Советского Союза со стороны Запада довольно быстро на повестку дня выдвинулись задачи достижения договоренностей о послевоенном мирном устройстве. Неотъемлемой частью их становилось прогнозирование будущего «малых стран».

Инициаторами здесь выступили западные союзники. Однако некоторые особенности их «поведения» обусловили резкие перемены в советской позиции, причем в короткий срок. Еще в июле 1941 г. в беседе с С. Криппсом Сталин счел тему послевоенного урегулирования неактуальной, что в принципе было понятным. Однако попытка лидеров Англии и США монополизировать обсуждение вопросов бу-

душего миропорядка, выразившаяся в подготовке и принятии в августе 1941 г. без ведома союзников, в том числе и СССР, Атлантической хартии*, насторожила Москву, стала, по всей вероятности, дополнительным и важным стимулом к разработке собственных проектов.

Усилия советской стороны в этом плане впечатлили министра иностранных дел Великобритании А. Идена, прибывшего в СССР в декабре 1941 г. для обсуждения и подписания союзного договора. На первой же встрече с советскими руководителями 16 декабря он заметил, что «британское правительство всерьез не занималось проблемой будущего Германии, как и вообще проблемами послевоенной Европы. Здесь оно далеко отстало от Советского правительства»²⁹.

Действительно, к этому времени уже сложилась в общих чертах советская внешнеполитическая концепция системы послевоенной европейской безопасности на основе двух региональных подсистем пактов о взаимопомощи. Для Великобритании предусматривались пакты с Бельгией и Голландией, для Советского Союза – с Финляндией и Румынией³⁰. Внешне советские намерения уходили корнями в 1920–30-е гг. – к концепции гарантийных пактов и предложениям европейской дипломатии дополнить «Западное Локарно»** «восточным». Представляется, что советская сторона была готова вновь

* Указанный документ фиксировал следующие принципы послевоенного устройства: непризнание территориальных изменений, осуществляемых вопреки желаниям заинтересованных народов; права народов самостоятельно избирать форму правления; восстановление суверенитета стран, лишенных его насильственным путем; разоружение государств – потенциальных агрессоров; уничтожение «нацистской тирании»; свобода мореплавания; равенство стран в торговле и доступе к источникам сырья.

** «Западное Локарно», или западноевропейский гарантийный пакт, – договоры, подготовленные на конференции в Локарно в 1925 г. министрами иностранных дел Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Польши и Чехословакии. Основной документ – так называемый Рейнский гарантийный пакт – декларировал территориальный status quo, оформленный Версальским мирным договором 1919 г.: неприкосновенность германо-бельгийской и германо-французской границ, демилитаризация Рейнской области. Хотя франко-польский и франко-чехословацкий договоры, парафированные в Локарно, предполагали оказание помощи Польше и Чехословакии в случае нападения на них Германии, государства, подписавшие Рейнский пакт, не гарантировали восточные границы Германии.

взять на вооружение идею «Восточного пакта»*, частично реализованную осенью 1939 г. заключением пактов СССР о взаимопомощи с Эстонией, Литвой и Латвией. Тогда расчет Москвы имел сугубо геополитический характер и преследовал цель включить Прибалтику в советскую орбиту влияния, отодвигая «советизацию» региона на далекую перспективу³¹. Но нам важно констатировать, что в сформировавшейся в условиях войны советской концепции безопасности на перспективу приоритет, безусловно, был отдан антигерманской компоненте.

В этом контексте следует рассматривать и согласие советского руководства с возможным созданием в будущей реконструированной Европе, в интересах поддержания мира и порядка, «военного союза демократических государств», руководимого каким-либо центральным органом и располагающего «международной военной силой». Не возражала советская сторона на том этапе и против создания в Европе, в том числе и на Балканах, «тех или иных государственных федераций»³². Их разнообразные варианты, возможный состав и параметры, прежде всего экономические, тщательно анализировались в НКВД СССР с учетом интересов союзников. В Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, созданной в наркомате под руководством М. М. Литвинова, изучались такие объединения, как Адриатическая, Скандинавская, Дунайская монархическая, Польско-Чехословацкая и Центрально-Восточноевропейская федерации, Северный и Южный славянские союзы и пр. По меньшей мере три варианта федераций предусматривали участие в них Болгарии: Дунайская (Австрия, Румыния, Болгария, Венгрия, Югославия), Балканская (Югославия, Румыния, Болгария, Греция) и Федерация стран Центральной и Юго-Восточной Европы (Австрия, Чехословакия, Польша, Венгрия, Румыния, Югославия, Болгария, Греция)³³. Однако к середине 1943 г. советская сторона определила свое в целом негативное отношение к идее федерирования, поскольку с созданием наднациональных объединений в Москве ассоциировались возможности возрождения «санитарного кордона» на западных границах СССР.

* «Восточный пакт» – проект договора о взаимопомощи между СССР, Чехословакией, Польшей, Финляндией, Латвией, Эстонией и Литвой против возможной агрессии Германии. Идея пакта принадлежала министру иностранных дел Франции Л. Барту и была сформулирована в начале 1934 г.

Намерение заблокировать в будущем германский фактор произошло и на Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сталин выдвинул идею создания «важных стратегических пунктов» в Европе и на Дальнем Востоке с целью недопущения новой агрессии со стороны Германии и Японии. Эту идею с жаром (по его словам, «на сто процентов») поддержал Ф. Рузвельт, поскольку она отвечала размышлениям американского президента о «мировых полицейских». Обсуждение данного предложения В. М. Молотовым, А. Иденом и помощником американского президента Г. Гопкинсом по ходу конференции показало, что речь шла прежде всего о переходе под совместный контроль союзников немецких и японских военных баз. Впоследствии, однако, предполагалось поставить вопрос и о контроле над теми базами, которые предстояло разместить в странах, настроенных к Объединенным Нациям традиционно дружественно³⁴. К сожалению, данная важная инициатива советской стороны, свидетельствующая о ее готовности отойти от позиции жесткого деления мира на сферы влияния, не получила развития, а впоследствии, в условиях начинавшихся «заморозков» в отношениях между союзниками, окончательно сошла на нет.

В Тегеране важное место занял вопрос о Болгарии. Инициировали его уже на первом заседании 28 ноября англичане, проявив крайнюю озабоченность «поведением» Болгарии и позицией России в случае вступления нейтральной Турции в войну. Советская делегация четко констатировала: как только Турция объявит войну Германии, а Болгария как член Тройственного пакта нападет на Турцию, то СССР будет считать себя в состоянии войны с Болгарией. Англичане, как указывалось в записи встречи, были удовлетворены «столь открытым заявлением о Болгарии». Их, говоря современным языком, «симметричным ответом» стало признание справедливости желания России иметь выход «в теплые моря». И еще один штрих: намекая на деликатность положения советской стороны в отношении болгар, Черчилль заметил, что те «все еще помнят, что Россия освободила их от турок». На это последовала характерная реплика Сталина: «Это уже давно забыто»³⁵. Прагматик Сталин явно был далек от желания руководствоваться в большой политике эмоциями, как, впрочем, и от идеализации отношений между «братушками». (Заметим, что при публикации материалов Тегеранской конференции эта реплика Сталина была опущена.)

Развитие событий на фронтах Второй мировой войны в 1944 г.

вызывало у западных союзников двойственные чувства. Отмечая «глубокий интерес и растущую надежду», с которыми Запад наблюдал за «гигантским наступлением» Красной Армии, У. Черчилль отмечал позднее в мемуарах охватившее его тогда чувство тревоги: «Поскольку победа Великого союза становилась лишь делом времени, естественно, что устремления русских возрастали. Коммунизм поднимал голову за победоносным русским фронтом. Россия была спасительницей, а коммунизм – евангелием, которое она с собой несла»³⁶. Неизбежным полем столкновений геополитических интересов союзников становилась Восточная Европа. И если, по словам британского руководителя, отношения Великобритании в прошлом с Румынией и Болгарией не требовали от Лондона «каких-то особых жертв», то «судьба Польши и Греции нас касалась непосредственно»³⁷. Однако в начале осени 1944 г. беспокойство Черчилля все отчетливее распространяется и на Балканское направление*. В полной мере это нашло выражение во время встречи в Москве в октябре 1944 г., на которой Черчилль и Сталин обсудили вопрос о сферах интересов своих стран в послевоенном мире. «Реалист» Сталин и «не отличающийся сентиментальностью» британский премьер-министр (это определения самого Черчилля) рассмотрели «процентное соглашение», устанавливавшее «доли» влияния СССР и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии и Болгарии.

На московской встрече отчетливо выявилась достаточно жесткая позиция британской стороны в отношении Болгарии. Заметив, что «англичан болгары сильно оскорбили» и в Первой мировой войне (вели себя по отношению к англичанам «очень плохо», напав на Румынию), и теперь, творя жестокости в Югославии и Греции, Черчилль категорически воспротивился перспективе, чтобы «болгары сидели с союзниками за одним столом»³⁸. Кроме того, премьер-министр заметил, что в Болгарии англичане «хотели бы быть немного больше чем зрителями», каковыми являются в Румынии. (По предложению Черчилля, в Румынии соотношение в пользу СССР могло составить 90:10, а в Болгарии 75:25).

* Личный врач Черчилля лорд Ч. Мак-Моран записал 4 сентября 1944 г. следующее высказывание премьер-министра: «Боже милосердный! Неужели Ты не видишь, что русские разливаются по Европе, как море. Захватили Польшу, и ничто их не сдерживает от вступления в Турцию и Грецию» (цит. по: *Cytowska-Siegrist E. Stany Zjednoczona a Polska. 1939–1945. Warszawa, 2013. S. 305*).

Обращает на себя внимание тот факт, что союзники включили болгарский вопрос в более широкий международный контекст, и обстановку в стране Сталин, кратко, но предельно откровенно, сравнил с ситуацией в Северной Италии, где находились войска западных союзников. В ответ на просьбу Черчилля повлиять на итальянских коммунистов и «затормозить» их деятельность, Сталин заметил: «В Италии нет советских войск, в противоположность Болгарии, где они имеются и где *мы можем приказать коммунистам не делать того-то и того-то* (здесь и далее курсив мой. – Т. В.). Но если он, тов. Сталин, будет давать какие-либо советы Эрколи (Тольятти. – Т. В.), то Эрколи может послать его к черту, ибо он, товарищ Сталин, совсем не знает обстановки в Италии. Он, товарищ Сталин, может лишь сказать, что Эрколи – умный человек и что он *не пойдет на какую-либо авантюру*»³⁹. Понятно, что оговорки Сталина о плохом знании им внутривнутриполитической ситуации в Италии, как и указание на самостоятельность П. Тольятти, не могли обмануть собеседника: было ясно, что Москва сохраняла рычаги влияния на итальянских коммунистов. Однако Сталин ясно дал понять Черчиллю, что «авантюра» не состоится, так как советское руководство не даст на нее «добро». Фактически было условлено, что итальянские коммунисты не станут «будоражить» страну. Но в контексте заявленной темы статьи нельзя не отметить, что, судя по записи беседы, Сталин, пойдя навстречу пожеланию Черчилля, сразу же, без какого-либо перехода, выразил желание «*поправить цифру по Болгарии*». Расчет на взаимность собеседника оправдался: Черчилль, заявив, что «вообще говоря, ему на Болгарию наплевать», предложил обсудить этот вопрос Идену и Молотову⁴⁰. Руководители внешнеполитических ведомств согласились скорректировать первоначальный «процентаж» Черчилля применительно к Болгарии: установленное соотношение по обоюдной договоренности составило 80:20 в пользу Советского Союза.

Судя по материалам НКВД СССР, в советском внешнеполитическом ведомстве продолжали размышлять над вопросами сфер влияния. В датированном 15 ноября 1944 г. одним из важных документов «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества», вышедшем из-под пера М. М. Литвинова, к «максимальной сфере интересов Советского Союза» были отнесены Финляндия, Швеция, Польша, Венгрия, Чехословакия, славянские страны Балканского полуострова и Турция. Ключевой для СССР вопрос о Провислах Литвинов рассматривал через призму возможной интернацио-

нализации режима их использования, причем четко обозначив, *какая* интернационализация была бы приемлема для советской стороны. Единственно возможным вариантом он считал «передачу контроля над Проливами исключительно черноморским державам при наличии условий, обеспечивающих дружественные отношения к нам со стороны Румынии и Болгарии»⁴¹. Согласно официальным заявлениям советских руководителей, первичным фактором для Москвы становилась доказанная лояльность новых режимов в этих странах в отношении СССР, «не заинтересованного» во введении там социалистических порядков. На обеде в честь Э. Бенеша 28 марта 1945 г. Сталин заметил: «Мы могли бы в Болгарии установить советский строй, там этого хотели. Но мы не пошли на это. В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства»⁴². Понятно, что представления о демократии у советского лидера отличались, мягко говоря, своеобразием. Однако конкретные материалы свидетельствуют, что на том этапе Москва рассматривала в качестве адекватной сложившимся в Восточной Европе реалиям коалиционную систему осуществления власти, а вовсе не монополию коммунистических партий.

Особого внимания потребовал от советского руководства вопрос о Болгарии в контексте реорганизации европейских границ после войны. Так, согласовывая с Иденом в декабре 1941 г. соответствующую «схему», Сталин предлагал «наказать Болгарию за ее поведение во время войны», отторгнув у нее район Бургаса («По мнению тов. Сталина, для Болгарии совершенно достаточно иметь один морской порт в виде Варны», – указывалось в записи беседы⁴³). Однако впоследствии, по мере приближения окончания войны и появления первых признаков будущего охлаждения в отношениях между союзниками, позиция Москвы постепенно меняется. В октябре 1944 г. на встрече с Черчиллем, о которой шла речь выше, Сталин ограничился кратким общим замечанием, что «Болгарию, конечно, нужно наказать»⁴⁴. (Позднее, на Берлинской (Потсдамской) конференции в июле 1945 г., Сталин, говоря о «грехах» сателлитов по отношению к России, вопрос о наказании Болгарии свел к уплате ею репараций и демобилизации армии по окончании войны. При этом он напомнил об отсутствии болгарских частей на Восточном фронте и участии болгарской армии в войне на стороне союзников в соответствии с Соглашением о перемирии⁴⁵.) Представляется, что объяснение этой весьма показательной динамики советской позиции следует искать в понимании Москвой стратегического значения Болгарии (близость

к Турции и Греции) для западных союзников, прежде всего США, в случае нового глобального конфликта.

Договорившись на рубеже войны и мира о доминации Советского Союза в Болгарии, великие державы, как свидетельствуют конкретные факты, не упускали возможности «утяжелить» свой собственный вес и влияние в стране, отступая подчас от согласованных ранее позиций и прибегая к двойным стандартам⁴⁶. Не случайно впоследствии, в период действия Соглашения о перемирии (октябрь 1944 – февраль 1947 гг.), Болгария явилась ареной достаточно жесткого противостояния союзников по антигитлеровской коалиции, реальной пробы их сил и установления допустимых пределов как наступления, так и отступления в вопросах внутривосточной жизни страны и перспектив ее развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробнее см.: *Наринский М.* Европа: проблемы границ и сфер влияния (1939–1947 годы) // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 82–93.
- 2 Мировые войны XX века: в 4-х кн. М., 2002. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 175–176.
- 3 СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 по июль 1941 г. Вильнюс, 1989. Т. 2. С. 119.
- 4 Цит. по: *Безыменский Л., Горлов С.* Накануне (Переговоры В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // Международная жизнь. 1991. № 8. С. 120.
- 5 См., например, выступление Г. Городецкого в дискуссии на международной научной конференции «Болгария и Россия в XX веке» (София, Институт истории БАН, 1995 г.): България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 221.
- 6 *Безыменский Л., Горлов С.* Накануне... С. 117.
- 7 *Валева Е. Л.* «Болгарская карта» в геополитической игре Москвы и Берлина (1939–1941 гг.) // България и Русия между признателността и прагматизма. Доклади. София, 2008. С. 391.
- 8 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1142. Л. 74–75.
- 9 Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 247. Л. 2–5.
- 10 Подробнее см.: *Николов Р.* Присъединяването на България към Трестранния пакт: военностратегически аспекти на политиче-

- ския ангажимент // 100 години независима България: стълбове на държавността. Сборник доклади и научни съобщения, изнесени на международна научна конференция в София, 14–15 октомври 2008 г. София, 2009. С. 136–144.
- 11 Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы: В 3 т. / Отв. ред. Л. Б. Валеев, В. Хаджиниколов. М., 1976. Т. I. Ноябрь 1917 – сентябрь 1939. С. 465.
 - 12 Подробнее см.: *Валева Е. Л.* «Болгарская карта» в геополитической игре... С. 392.
 - 13 *Наринский М. М., Филитов А. М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.). М., 1999. С. 51.
 - 14 СССР – Германия... С. 132.
 - 15 Там же. С. 132–133.
 - 16 *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 203.
 - 17 СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941. Дискусии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 295.
 - 18 СССР – Германия... С. 143.
 - 19 Там же. С. 144.
 - 20 Там же. С. 143.
 - 21 СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. С. 295.
 - 22 Там же. С. 293.
 - 23 СССР – Германия... С. 149, 150–151.
 - 24 Там же. С. 152.
 - 25 Георги Димитров. Дневник. С. 225–226.
 - 26 СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. С. 300.
 - 27 Подробнее см.: *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 158–159.
 - 28 СССР – Германия... С. 169.
 - 29 Первая беседа с А. Иденом 16 декабря [1941 г.] в 19 часов 00 минут // *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. Док. № 4. С. 19.
 - 30 Подробнее см.: *Наринский М. М., Филитов А. М.* Советская внешняя политика... С. 74–75.
 - 31 *Димитров Г.* Дневник. С. 184–185.
 - 32 Первая беседа с А. Иденом... С. 18, 20.
 - 33 Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 0512. Оп. 4. П. 12. Д. 20. Л. 1–17; *Волокитина Т.* Перспективы развития Болгарии после Второй мировой войны. Взгляд из Москвы (Новые докумен-

- ты российских архивов) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 240.
- 34 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1978. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сборник документов С. 117–118, 144–145.
- 35 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 45, 62, 16.
- 36 *Черчилль У.* Триумф и трагедия. М., 2004. С. 117, 118.
- 37 Там же. С. 118.
- 38 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 283. Л. 9.
- 39 Там же. Л. 12.
- 40 Там же. Л. 13.
- 41 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143. Л. 52.
- 42 *Сталин И. В.* Сочинения. Тверь, 2006. Т. 18. С. 361.
- 43 Первая беседа с А. Иденом. С. 16.
- 44 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 283. Л. 9.
- 45 Там же. Д. 236. Л. 11.
- 46 *Волокитина Т. В.* Великите сили и примирието с България // Великите сили и България. 1944–1947 г. Т. 1. Примирието между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари – октомври 1944). Документи. София, 2015. С. 46.

Volokitina T. V.

Bulgaria in the Foreign Policy of the USSR During World War Two

The article based on the documents of Russian archives is devoted to some aspects of the Soviet foreign policy during World War Two and the place of Bulgaria in the plans of Moscow.

Keywords: *Bulgaria, the Balkans, the USSR foreign policy, Bulgarian question in the relations between the Allies.*

*К. Кимура (Токио – Будапешт),
А. С. Стыкалин (Москва)*

Венгерско-югославские отношения в 1945 – весной 1948 г.: от примирения к началу нового конфликта

Советско-югославский конфликт 1948 г. нанес сильный удар по поступательно развивавшимся венгерско-югославским отношениям. Венгерские коммунисты предпринимают кардинальный поворот в своей политике, подключившись к анти-югославской кампании.

Ключевые слова: *Венгрия, Югославия, Сталин, Тито, Ракоши, советско-югославский конфликт 1948 г., дунайское сотрудничество.*

По окончании Второй мировой войны страны Центральной и Юго-Восточной Европы вступили в новый этап своего развития. Соседние Венгрия и Югославия находились в разном положении: Югославия – в лагере победителей, с резко возросшим международным престижем и немалыми внешнеполитическими амбициями, тогда как Венгрия – в ряду побежденных государств, ожидавших своей незавидной участи на Парижской мирной конференции. Тяжелое наследие кровопролитной войны сильно сказывалось на взаимоотношениях соседних народов. Издавна присутствовавшие в сознании сербов, исторически сложившиеся антивенгерские настроения не могли не усилиться вследствие действий хортистской армии и администрации в период оккупации Воеводины с апреля 1941 г. Не менее жестокими были акции возмездия, предпринятые партизанами Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) против мирного венгерского населения при освобождении Воеводины в 1944 г. Душевные травмы, полученные в годы вооруженных столкновений и массовых расправ (зачастую по этническому признаку), трудно было изжить за короткий период, они сохранялись в исторической памяти соседних народов, питая взаимные предубеждения. Вместе с тем амбициозный маршал Тито и его окружение стремились к расширению влияния новой Югославии на соседнюю страну, а в качестве проводников такого влияния (или, во всяком случае, потенциальных партнеров) рассматривали венгерских коммунистов, с которыми у компартии Югославии уже с 1945 г. налаживаются межпартийные связи. Поскольку венгерская компартия играла немалую роль в пра-

вающей коалиции, эти связи сказывались и на развитии межгосударственных контактов. Для Венгрии налаживание взаимопонимания с новой Югославией, завоевавшей немалый авторитет своим смелым и масштабным сопротивлением нацистским оккупантам, имело еще большее значение, способствуя выходу из политико-дипломатической изоляции. В вопросе о необходимости расширения контактов с Югославией фактически не было разногласий внутри правящей антифашистской коалиции.

В первых же декларациях временного национального правительства, сформированного в Дебрецене в декабре 1944 г., много говорилось о необходимости порвать с прежней «манией величия», реакционными химерами, доведшими страну до национальной катастрофы, выражалась готовность к установлению добрососедских отношений и налаживанию искреннего диалога со всеми соседями¹. Во время визита венгерской делегации в Москву в январе 1945 г. для подписания соглашения о перемирии было заявлено, что территориальных претензий к Югославии у Венгрии нет, не актуален для нее и вопрос о венгерском нацменьшинстве. Подобные декларации были с удовлетворением восприняты в Белграде. Инициатива в развитии контактов принадлежала, как правило, Югославии, ибо Венгрия как побежденная страна, ожидавшая подписания мирного договора, была не в том положении, чтобы диктовать свои условия; вместе с тем она с готовностью откликалась на предложения о сотрудничестве. И делала это с тем большей охотой, что Югославия первой из стран, в которых проживало венгерское меньшинство, к большому удовлетворению венгерской антифашистской элиты приняла ряд мер в целях обеспечения его демократических прав, в том числе на получение доступа к культуре (создание венгероязычной прессы в Нови-Саде и Суботице, культурного общества, расширение сети венгерских школ в Воеводине)².

Ситуация осложнялась тем, что Югославией были поначалу заявлены претензии на некоторые территории, принадлежавшие до Второй мировой войны соседним странам, в том числе и Венгрии. 9 января 1945 г. Сталин принял югославскую делегацию во главе с членом руководства Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) А. Хебрангом. В ходе беседы речь зашла не только о «восстановлении справедливости» в отношении Воеводины, оккупированной венгерской армией в 1941 г., но и о притязаниях Белграда на окрестности городов Печа и Байя. Эти претензии обосновывались как присутствием там южнославянского сельского населения, так

и экономическими соображениями, суть которых сводилась к привлекательности природных ресурсов (залежи угля в районе г. Печ и т. д.). Как явствует из записи, Сталин уклонился от прямой поддержки позиции своих собеседников, заметив лишь, что югославянское население этих районов должно само проявить инициативу, поставив вопрос о присоединении к Югославии³. Только в этом случае вопрос о спорных территориях можно было вынести на рассмотрение будущей мирной конференции.

Истолковав это замечание Сталина как руководство к действию, югославская сторона через своих эмиссаров весной 1945 г. приняла участие в организации в Венгрии (как и в соседней Румынии) «славянских антифашистских фронтов», от которых ждали выступления с инициативой присоединения соответствующих территорий к Югославии. Однако в Москве заботились об укреплении прокоммунистических сил в этих странах; поскольку аннексия новой Югославией некоторых территорий соседних государств, несомненно, подрывала бы в них позиции компартий (а значит, и советское влияние), Сталин и его окружение не были склонны всецело потакать амбициям Тито. Через Союзные контрольные комиссии (СКК) в Венгрии и Румынии югославам дали понять, что славянским общественным движениям в этих странах следовало бы ограничиться культурно-просветительской деятельностью⁴.

Тем не менее вопрос о югославских территориальных притязаниях не был в 1945 г. окончательно снят с повестки дня. 13 апреля 1946 г., в период работы Парижской мирной конференции, где обсуждались будущие границы Венгрии, посол ФНРЮ в СССР В. Попович сообщил в Наркоминделе о том, что югославское правительство в скором времени официально предъявит территориальные претензии северному соседу, а также потребует права на использование в течение ряда лет нефтяных полей, находящихся на венгерской территории. 22 апреля 1946 г. Й. Б. Тито в Белграде в присутствии советского посла А. И. Лаврентьева изложил дипломатам Венгрии суть претензий ФНРЮ на некоторые приграничные территории. Он понимал, что в силу незначительности югославянского населения в границах Венгрии, установленных по Трианонскому мирному договору 1920 г., при обосновании югославских притязаний имеет смысл сделать акцент на соображениях экономической целесообразности⁵. В конце апреля 1946 г. территориальные проблемы, возникшие между Югославией и Венгрией, стали предметом двустороннего обсуждения в Белграде. Венгерскую делегацию возглавлял влиятельней-

ший лидер коммунистов М. Ракоши, выступавший в роли вице-преьера коалиционного правительства. По итогам переговоров Тито, знавший о том, что едва ли заручится поддержкой Москвы в данном конкретном деле, согласился не поднимать на мирной конференции вопроса о пересмотре границ при условии, что Венгрия передаст Югославии право на использование нефтедобывающих полей близ границы. Поскольку венгерская сторона не возражала, 27 апреля 1946 г. Тито официально информировал Москву о том, что у ФНРЮ нет территориальных претензий к Венгрии⁶. В конце мая югославский лидер побывал в Москве, где состоялась его, как оказалось, последняя встреча со Сталиным. Рассказав о состоянии отношений с Венгрией, он заявил, что правительство ФНРЮ не намеревается ставить в Совете министров иностранных дел держав-победительниц вопрос о территориальных требованиях⁷. Отказ Югославии (если не под прямым давлением Москвы, то, во всяком случае, с учетом ее позиции) от притязаний на территории Венгрии избавил отношения двух стран от существенного груза.

Другая не сразу урегулированная проблема, осложнявшая двусторонние отношения, была связана с выплатой репараций. Вопрос об объеме репараций, налагаемых на Венгрию, как и на другие побежденные страны, относился к компетенции больших держав-победительниц – США, Великобритании и СССР, предварительно установивших для Венгрии общую сумму в 300 млн долларов США. В Белграде эту сумму считали заниженной⁸, что, впрочем, не привело к ее изменению. 16 марта 1945 г. югославская делегация при СКК в Венгрии была принята председателем СКК маршалом К. Е. Ворошиловым⁹, который подтвердил, что из намеченной суммы в 300 млн долларов США Венгрии 200 млн долларов предстояло выплатить СССР, оставшиеся же 100 млн – разделить поровну между Югославией и Чехословакией.

В Белграде осознавали, что вследствие венгерской оккупации Югославии был нанесен куда больший материальный ущерб, чем при оккупации венгерской армией части чехословацкой территории (в частности, Южной Словакии), ведь масштабы сопротивления и боевых действий были в случае с Югославией совсем иными. Поэтому было решено прозондировать почву в Москве относительно возможности увеличить сумму репараций для Югославии хотя бы до 65 млн долларов¹⁰. Эта инициатива, однако, не получила поддержки, в мирном договоре нашел отражение вышеуказанный расклад в выплате Венгрией репараций в пользу СССР, Югославии и Чехос-

ловакии¹¹. Но еще до подписания договора, в ноябре 1945 г., югославское правительство напрямую договорилось с чехословацким о том, что из суммы в 100 млн долларов, причитающейся этим двум государствам, Югославия «по справедливости» как более пострадавшая от Венгрии сторона получит львиную долю в 70 млн¹². Что же касается порядка выплаты репараций, то он оказался довольно благоприятным, щадящим для Венгрии, поскольку в Белграде не хотели создавать лишних трудностей приемлемому для Югославии коалиционному левоцентристскому правительству, с самых первых своих деклараций отмежевавшемуся от ирредентистской политики режима Хорти. Стороны договорились о том, что срок выплаты репараций продлится 8 лет начиная с 20 января 1946 г.¹³ Важное место в структуре выплаты репараций должны были составить поставки в Югославию венгерского угля, добываемого в районе г. Печ.

В первые послевоенные годы на повестке дня двусторонних отношений стояли также вопросы о необходимости возврата имущества, вывезенного в Венгрию с оккупированной югославской территории начиная с апреля 1941 г.¹⁴, а также возвращения на родину перемещенных за годы войны в Венгрию югославских граждан (как военных, так и гражданских лиц)¹⁵. Процесс репатриации завершился в основном в течение 1945 г., желающие вернуться на родину вернулись, пройдя через фильтрационный лагерь в Суботице. Решение об освобождении военнопленных венгерских солдат и офицеров было принято югославским правительством в начале сентября 1945 г.¹⁶ Еще быстрее была решена проблема эвакуации венгерской оккупационной администрации Воеводины, а также аннулирования законодательных и административных положений, относящихся к аннексии Венгрией югославской территории. Вместе с тем югославская сторона пыталась использовать некоторые прописанные в соглашении о перемирии с Венгрией положения для того, чтобы добиться депортации из страны не только бывших хортистских чиновников, приехавших в Воеводину начиная с апреля 1941 г., или местных венгров, находившихся в 1941–1944 гг. на службе оккупационной администрации, но более широкого контингента венгерского населения. Сложности, возникавшие между двумя соседними государствами¹⁷, удавалось преодолевать благодаря доброй воле, проявленной с обеих сторон. В знак готовности к уступкам Югославии были переданы хортистские военачальники, отдававшие приказы о расправе над мирным сербским населением, в том числе бывший начальник генерального штаба генерал Я. Сомбатхейи, казненный в 1946 г.¹⁸ С

югославской стороны была занята, как известно, жесткая позиция относительно депортации из страны воеводинских немцев, отношение же к венгерскому меньшинству (особенно в сравнении с Чехословакией 1945–1946 гг.) было более толерантным. Проблемы же, связанные с попытками выселения венгров, не несших ответственности за действия хортистского правительства в Воеводине в годы Второй мировой войны, как правило, решались дипломатическим путем¹⁹.

Исследователям известно, насколько негативно сказывались на венгерско-чехословацких отношениях планы правительства ЧСР осуществить массовое выселение с территории республики не только немцев, но и венгров, рассматривавшихся на основе пережитого опыта в качестве центробежной силы, угрожающей территориальной целостности государства²⁰. Когда с подачи Сталина официальной Праге было указано решать проблему на основе достижения договоренности с Будапештом об обмене населением, Югославия согласилась взять на себя посредническую роль. Правда, в Белграде в общем не были склонны занимать в венгерско-чехословацком споре равноудаленную, беспристрастную позицию, югославскому руководству в этом вопросе была ближе (пусть это и не афишировалось) точка зрения недавнего союзника по антивенгерской Малой Антанте – Чехословакии. Можно даже предполагать, что в руководстве ФНРЮ сознательно решили взяться (хотя и не очень активно) за посредническую миссию в стремлении поддержать, насколько это было возможно, традиционного союзника, не допустив в то же время обострения отношений с Венгрией. Как бы то ни было, в сентябре 1946 г. при участии Белграда было достигнуто компромиссное чехословацко-венгерское соглашение о добровольном обмене населением (что должно было затронуть около 40 тыс. человек)²¹. Хотя до его реализации дело так и не дошло, посреднические усилия Венгрии способствовали некоторому, пусть относительно, снижению остроты в затянувшемся споре.

В 1946–1947 гг. югославско-венгерские отношения находились на подъеме, сотрудничество развивалось в разных областях. При этом в обеих столицах рассматривали национальные меньшинства (венгерское в Воеводине и югославянские в Венгрии) в качестве важного инструмента налаживания взаимоотношений. Это предполагало принятие действенных мер по обеспечению прав нацменьшинств в каждой из стран. В 1945–1947 гг. в Воеводине создается довольно развитая система венгерских культурных институций (включая спонсируемый государством театр), прессы, значительно расширя-

ется сеть школ (не только начальных, но и средних, а также высших педагогических учебных заведений), активизируются культурные связи между Югославией и Венгрией²². Создание в Югославии венгерской культурной инфраструктуры не было жестом, адресованным Будапешту (международное положение побежденной страны не делало это необходимым), оно было направлено на повышение международного имиджа белградского коммунистического режима, но и на то, чтобы заручиться внутривластной поддержкой венгерского меньшинства, составлявшего в Воеводине до четверти населения. Как бы то ни было, политика югославских властей в отношении собственных венгров была позитивно воспринята в Венгрии, и не только на левом фланге политической жизни, – об этом свидетельствуют и отклики прессы, и выступления в парламенте. Деятели разных ориентаций противопоставляли курс Тито менее толерантной политике правительства Румынии в отношении еще более значительного венгерского меньшинства²³, но в особенности восторжествовавшей в Чехословакии линии на создание чисто славянского государства²⁴.

Поскольку отношения двух компартий были стабильными, титовские власти в своем стремлении укрепить коммунистическое влияние на венгров Югославии не возражали против поддержания их связей с венгерской компартией. В июне 1947 г. Воеводину посетила делегация ВКП во главе с ее видным деятелем З. Санто. В ее отчете отмечалось, что права венгров в Югославии гарантированы, есть условия для развития культуры, отмечаются национальные праздники²⁵, а кроме того среди венгров в Воеводине были широко распространены коммунистические идеи.

Венгерская компартия в деле налаживания отношений с соседними государствами считала особенно важным сближение (наряду с СССР) именно с Югославией, надеясь как на внутривластную поддержку с ее стороны (в приемлемых для этого формах), так и на определенное понимание Белградом венгерской позиции в случае дальнейшего обострения противоречий с Чехословакией и Румынией по спорным национально-территориальным проблемам. В эти годы в Венгрии и в левых кругах получают распространение идеи далеко идущего сотрудничества дунайских государств, что нашло отражение в прессе разных партий. В качестве одной из форм рассматривалось создание югославо-венгерско-румынского таможенного союза. Соответствующий тезис был включен осенью 1945 г. и в предвыборную программу ВКП. Здравницы в поддержку дунайского

сотрудничества в устах венгерских политиков разных партий сопровождались заверениями в отказе Венгрии от шовинистической политики, ставшей одним из источников напряженности в регионе, от пропаганды своего особого положения в Дунайском бассейне²⁶.

Планы тесного сотрудничества (особенно экономического) дунайских государств прорабатывались и в Белграде, где хотя и негласно, но отводили Югославии главную роль в любого рода дунайских проектах. Желая укрепления в соседней стране левых сил, создания дружественного прокоммунистического правительства, югославская компартия периодически направляла в Будапешт своих эмиссаров для оказания помощи венгерским коммунистам (впоследствии, после разрыва отношений в 1948–1949 гг., это облегчило задачу поиска компрометирующих югославских связей тех или иных функционеров, оказавшихся в опале). Применительно же к 1945–1947 гг. отчасти и стремлением коммунистической Югославии к усилению своего влияния на Венгрию можно объяснить тот факт, что коммунистические власти этой страны относились к венгерскому меньшинству в Воеводине лучше, нежели левоцентристские власти Чехословакии или Румынии к своему венгерскому населению.

Большой отклик в Венгрии вызвало выступление маршала Тито в апреле 1946 г., в котором он заявил, что питает братские чувства к соседней стране, – оно широко комментировалось в венгерской печати. Заявление Тито вписывалось в стратегию, направленную на укрепление позиций ФНРЮ как региональной державы – не только балканской, но и дунайской. Как бы то ни было, перспектива усиления югославского доминирования в регионе не была воспринята в Будапеште настороженно. Для Венгрии с ее незавидным статусом побежденной страны и репутацией последнего, наиболее верного сателлита нацистской Германии, в силу бесперспективности каких-либо собственных региональных амбиций, важнее была дружба с более влиятельной внешнеполитической силой – титовской Югославией. Венгерская пресса разных ориентаций не уставала заниматься вопросами венгерско-югославского сближения, пропагандировала необходимость расширения связей.

На уровне правительств предпринимались все и новые и новые меры, направленные как на политическое сближение и экономическое сотрудничество в рамках Дунайского региона, так и на активизацию культурных связей. Соглашение о культурном сотрудничестве сроком на 5 лет было подписано в Белграде 15 октября 1947 г. и торжественно ратифицировано венгерским Госсобранием в декабре

в дни пребывания в Будапеште самого маршала Тито. К этому времени уже состоялось совещание компартий в Шклярской-Порембе, был образован Коминформ, в этих условиях культурные соглашения, заключающиеся между странами советской сферы влияния, уже несли на себе отпечаток доминировавшей идеологии, в них подчеркивалось идейно-политическое единство стран «народной демократии» на антизападной платформе. Венгерско-югославское соглашение, разработанное еще до сентябрьского совещания Коминформа, составляло некоторое исключение. Это было менее идеологизированное, более традиционное соглашение в области культурных связей, писавшееся не под диктовку из единого для всех центра, а основанное на реально достигнутых результатах в деле взаимного сближения соседних стран, чьи культурные элиты проявляли интерес к дальнейшему развитию контактов. Соответственно главное место в нем занимало изложение реальных задач культурного сотрудничества, а не политико-пропагандистская риторика. Не только чиновники, но представители общественных организаций и деятели культуры вошли в образованную смешанную комиссию, призванную разработать поистине грандиозную программу разносторонних культурных контактов²⁷.

В декабре 1947 г. Й. Броз Тито, наконец, посетил с долгожданным визитом Будапешт. Его приезд стал настоящей демонстрацией союзнических отношений двух стран, тем более что в эти дни было подписано большое двустороннее соглашение о дружбе и сотрудничестве. Коммунисты с каждым месяцем укрепляли в Венгрии позиции, оттесняя своих оппонентов на обочину внутривнутриполитической жизни. Если представители компартии делали все больший акцент на идейно-политическом единстве двух стран, приступивших (хотя и в разных условиях) к строительству социализма, то венгерские некоммунистические политики, выступая в парламенте при ратификации подписанных соглашений с Югославией, по-прежнему делали акцент на тесном региональном сотрудничестве дунайских народов.

Таким образом, к 1948 г. югославско-венгерские отношения переживали настоящий подъем, их уже не осложняли ни взаимные территориальные претензии, ни проблемы переселений и национальных меньшинств, тем более что в обеих странах немало делалось для обеспечения прав миноритарных этносов. Обсуждались перспективы дальнейшего экономического сотрудничества в рамках более широкого проекта – союза Дунайских государств. При всем при этом, историческую память народов продолжал отягощать груз

недавнего, еще совсем живого прошлого (вероломство хорватского правительства, напавшего на Югославию в апреле 1941 г. вскоре после заключения договора между странами; кровопролитные карательные акции с обеих сторон в годы войны). Активизация неблагоприятных внешних факторов могла возродить старые обиды и привести к заметному откату в двусторонних отношениях. Именно это произошло в апреле 1948 г.

Незадолго до этого, 15 марта, в Будапеште в присутствии почетных иностранных гостей (советскую делегацию возглавлял член Политбюро маршал К. Е. Ворошилов²⁸) проходило крупномасштабное празднование 100-летней годовщины начала революции 1848 г. Для подготовки торжеств была создана комиссия с участием политиков разных партий, занимавшаяся, среди прочего, проведением широкой пропагандистской кампании²⁹. Еще 28 ноября 1947 г. на ее заседании президент страны З. Тилди сформулировал программную установку: проводившиеся в стране после 1945 г. демократические реформы следовало представить отечественному и зарубежному общественному мнению (особенно в дунайских странах) как осуществление демократических идеалов революции 1848 г. При этом он ссылался на великого поэта Ш. Петёфи, его призывы к венграм поддержать всех, кто борется за свободу своих народов. Были актуализированы и идеи лидера венгерской революции Л. Кошута о Дунайской конфедерации, развитые им уже в эмиграции после поражения революции. По мнению З. Тилди, именно 100-летний юбилей венгерской революции должен ознаменовать собой начало нового этапа в единении дунайских народов³⁰.

Как известно, во время венгерской революции 1848–1849 гг. имели место серьезные противоречия между венгерским и южнославянскими национальными движениями, но об этом в дни юбилейных торжеств старались не вспоминать. Й. Броз Тито был приглашен принять непосредственное участие в праздновании 100-летия венгерской революции, которое (исходя, не в последнюю очередь, именно из перспективы дальнейшего венгерско-югославского сближения) предполагалось провести под лозунгом дальнейшего укрепления взаимосвязей между народами Дунайского бассейна, вступившими на новый путь в своем развитии. Он принял приглашение, предложив в свою очередь разработать совместный план проведения празднеств³¹. Это означало, что амбициозный югославский лидер, придавая немалое значение югославо-венгерскому союзу при главенстве Югославии, не прочь был использовать венгерский национальный

праздник в интересах формирования такого союза и укрепления позиций ФНРЮ в Венгрии.

Приезд самого Тито в марте 1948 г. в Будапешт не смог, впрочем, состояться, поскольку в эти самые недели уже назревал конфликт между КПСС и КПЮ, так что югославскому лидеру было не до юбилея венгерской революции. Тем не менее Югославия была представлена внушительной по составу делегацией. Возглавлял ее входивший в то время в узкое руководство партии М. Джилас, за выступлениями и поведением которого (как и всей делегации) в венгерской столице внимательно следили советские эмиссары, отметившие стремление югославы уклониться от каких-либо не предусмотренных протоколом встреч с советской делегацией. Выступая в венгерском парламенте, Джилас назвал революцию 1848 г., потрясшую основы феодальной Европы, красивой страницей в истории освободительной борьбы человечества, и то обстоятельство, что вожди венгерского национального движения во главе с Л. Кошутом не проявили достаточного понимания сербских и хорватских интересов, совсем не давало, по его мнению, оснований пересматривать реакционную роль бана Елачича, подавлявшего венгерскую революцию в угоду венскому двору. Как говорил далее Джилас, венгерский народ, решительно вступивший на новый путь, верен тем же идеалам свободы и прогресса, которые вдохновляли революционеров 1848–1849 гг. В свою очередь, «новая Югославия сделала и сделает все, на что способна, чтобы содействовать развитию демократии в Венгрии, чтобы помочь венгерскому народу подняться из развалин и унижения, стать свободной и независимой»³².

В это время не только в Венгрии и в Югославии придавали значение идее регионального сотрудничества. Так, несмотря на недавние межгосударственные трения, связанные с проблемой венгерского меньшинства, в юбилейных торжествах участвовали, выступив в духе солидарности с новой Венгрией, делегации Румынии и Чехословакии³³. Таким образом, несмотря на исторический факт противостояния сербов, хорватов, словаков и румын венгерскому национальному движению во время революции 1848 г., организаторам празднеств удалось использовать столетие великой венгерской революции в интересах налаживания взаимопонимания, утверждения единства народов Дунайского бассейна на основе общих интересов и регионального сотрудничества.

Конфликт между Москвой и Белградом хотя и был за кулисами, но уже разгорался. Ракоши, насколько можно судить по имеющимся

источникам, еще не был информирован о ситуации в советско-югославских отношениях, но как опытный политик он не мог не обратить внимание на возникшую в ходе торжеств напряженность в отношениях делегаций СССР и ФНРЮ. В руководстве венгерской компартии хорошо осознавали, что проекты единения дунайских стран с участием амбициозного маршала Тито могут вызвать подозрения в Москве, где всегда с подозрением смотрели на любого рода горизонтальные связи между странами советской сферы влияния (они, как правило, плохо контролировались из центра мирового коммунистического движения, расширяя для каждой страны поле независимых от Москвы внешнеполитических маневров). Организаторы юбилейных празднеств действовали предельно осторожно, оказав большие почести маршалу Ворошилову и всей советской делегации.

В Москве хорошо знали не только о многосторонних, с каждым годом активизировавшихся венгерско-югославских межгосударственных связях, но и о близости партийных элит, что проявилось и во время приезда Тито в Будапешт в декабре 1947 г. Как отмечалось в более позднем документе аппарата ЦК ВКП(б), «до резолюции Информбюро³⁴, у венгров с югославами была трогательная дружба, настолько трогательная, что министр внутренних дел Венгрии Л. Райк “ухитрился” утвердить явно в угоду югославам устав Демократического союза южных славян Венгрии, в котором был пункт, что этот союз является объединением по национальному признаку и членство в нем ставится выше партийной принадлежности. По сути говоря, национальные интересы тут были поставлены над интересами партии»³⁵. В Будапеште не питали иллюзий относительно того, насколько были в Москве информированы о тесных венгеро-югославских связях, ведь из этого не делалось никакого секрета. Как и о бытовавших в среде венгерских коммунистов настроениях брать пример с югославов. Так, 29 апреля 1947 г. в беседе с В. М. Молотовым в Москве М. Ракоши не скрывал, что новая Венгрия хотела бы следовать югославскому примеру, особенно там, где дело касается силовых структур. Более того, на вопрос, «популярна ли в Венгрии Югославия», он ответил утвердительно: «Надо сказать, что [она] даже популярнее, чем Советский Союз. [Ведь] венгерский народ не боится югославов, а вот традиционную боязнь к русским не удалось еще изжить»³⁶. В свою очередь Й. Реваи, выступавший от имени венгерской компартии на первом Совещании Коминформа в сентябре 1947 г., подчеркнул, что «венгерская демократия» для решения стоящих перед ней задач нуждается в поддержке соседних стран,

и привел как пример выгодного для своей страны сотрудничества договор об экономических связях с Югославией³⁷. Подобные весьма откровенные высказывания, находившие немало подтверждений в реальной практике югославско-венгерских отношений, в Москве, конечно, не были склонны забывать и в условиях начавшегося конфликта с Югославией.

Проведя под знаком единства дунайских народов и с активным югославским участием юбилей революции 1848 г., венгерские лидеры дали Сталину и его окружению не только новые подтверждения венгеро-югославской близости, но и дополнительный повод для недовольств и подозрений в отношении выбивавшегося из-под советского контроля маршала Тито, стремившегося обеспечить себе нежелательное для Москвы региональное лидерство уже не только на Балканах, но и в дунайском регионе. Равно как и в отношении венгерских коммунистов, склонных потакать югославскому лидеру (и едва ли даже не играть по югославскому сценарию в вопросах дунайского сотрудничества). Как культивирование венгерских патриотических традиций, так и актуализация идей Дунайской федерации (не говоря уже об активном участии в юбилейных торжествах делегации ФНРЮ, открыто дистанцировавшейся при этом от Москвы) дали новый материал советским партаппаратчикам, готовившим как раз в эти дни для руководства ЦК ВКП(б) справку «О националистических ошибках руководства Венгерской компартии и буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати» (датирована 24 марта)³⁸. Похожие справки готовились весной 1948 г. и по другим странам, националистические ошибки и «буржуазное влияние» выискивали во всех компартиях. Однако применительно к Венгрии в условиях начавшегося резкого ухудшения отношений с Югославией у советских лидеров существовали подозрения особого рода – не только в националистическом уклонизме, но и в сознательном соучастии в неприемлемых для СССР федералистских проектах. Ракоши едва ли мог знать об этом документе, предназначенном для внутреннего пользования, однако первый же поступивший в Будапешт сигнал об ухудшении советско-югославских отношений он воспринял не только как новую директиву, но и как угрозу лично для себя, скомпрометированного в глазах Москвы чрезмерной близостью к Югославии и ее вождю. Он не мог не понимать, что рассерженный на Тито Сталин может нанести удар и по руководству венгерской компартии как слишком «протитовскому». Именно этим и может быть объяснен головокружительный кульбит, предпринятый в апре-

ле 1948 г., когда Ракоши первым (!) из лидеров компартий стран советской сферы влияния выступил (пока еще в негласной переписке) с критикой КПЮ за проявления национализма, полностью солидаризовавшись с позицией Москвы³⁹. Интенсивное многостороннее сотрудничество, наладившееся к весне 1948 г., в течение считанных месяцев уступило место с обеих сторон крупномасштабным идеологическим акциям разоблачительной направленности, осуществлявшимся в соответствии с актуальным политическим заказом.

Венгрия не просто вынужденно подключилась к антиюгославской кампании, инициированной Сталиным, лидер венгерской компартии (позже Венгерской партии трудящихся) Ракоши претендовал на то, чтобы играть роль первой скрипки в оркестре. Организованный под его руководством фальсифицированный судебный процесс антиюгославской направленности по делу Ласло Райка (сентябрь 1949 г.) дал новый толчок этой кампании, способствовал эскалации обвинений против лидеров КПЮ, которых Москва в соответствии с резолюцией нового совещания Коминформа (ноябрь 1949 г.) квалифицировала теперь уже не просто как ревизионистов и националистов, но как шпионов и убийц. Однако это уже предмет другого исследования⁴⁰.

После суда над Райком дипломатические отношения между Белградом и Будапештом фактически были разорваны. Предельной остроты достигает ситуация на границе двух стран. Нанесенные при этом Югославии психологические травмы оказались настолько сильными, что весьма затруднили новый процесс взаимного сближения, начавшийся в середине 1950-х годов, после смерти Сталина⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Работа выполнена в рамках проекта «Советско-югославский конфликт и страны «народной демократии». 1948–1953», поддержанного РГНФ. Грант 12-01-00125 (руководитель А. С. Аникеев).
См.: Освобождение Венгрии. 1944–1945. Сборник документов. Будапешт, 1976. С. 56–61, 92–96.
- 2 См.: Кимура К. Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // Славяноведение. 2010. № 5.
- 3 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1. 1944–1948 / Отв. ред. Г. П. Мурашко. С. 126.

- 4 См.: *Гибианский Л. Я.* Советский Союз и территориальные проблемы южнославянских государств после Второй мировой войны // *Acta contemporanea. K pĕtašedesátunám Viléma Prečana.* Praha, 1998. С. 38.
- 5 *Gibianski L.* The Hungarian-Yugoslav territorial problem in Soviet-Yugoslav political contacts 1945–1946 // *History & Politics. III. Bratislava Symposium November 12–15. 1992.* Bratislava, 1993. P. 113.
- 6 *Ibid.* P. 114. См. также: Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 15. Л. 63–65.
- 7 См.: Последний визит Й. Броза Тито к И. В. Сталину / Подгот. Л. Я. Гибианский и др. // *Исторический архив.* 1993. № 2. С. 29.
- 8 *Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953.* Т. 1. С. 119.
- 9 *Diplomatski arhiv Ministarstva inostranih poslova Republike Srbije* (далее DA MIP RS). fond. pol. Arhiv.1945 godine. fasc. 23. Mađarska. l. 338.
- 10 *DA MIP RS. fond. pol. Arhiv. 1945 godine. fasc. 23. Mađarska. l. 346.*
- 11 Мирный договор с Венгрией. М., 1947. С. 21–22.
- 12 В Праге пошли на это, будучи заинтересованными в восстановлении традиционно близких отношений с недавним партнером по межвоенной Малой Антанте.
- 13 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 1. Д. 1377. Л. 102.
- 14 Он был в конечном итоге решен в соответствии с установлениями Парижского мирного договора 1947 г. См.: Мирный договор с Венгрией. С. 13–15.
- 15 По данным на начало апреля 1945 г., их было не менее 7 тыс. человек.
- 16 АВП РФ. Ф. 077. Г. 1945. Оп. 19. Папка 12а. Д. 11. Л. 93.
- 17 О некотором усилении напряженности в двусторонних отношениях можно говорить применительно к концу 1945 – началу 1946 г. Югославские коммунисты, очевидно, с немалым разочарованием восприняли победу на выборах в ноябре 1945 г. партии мелких хозяев, что проявилось и в тональности югославской прессы. Впрочем, неизменность внешнеполитической линии новой Венгрии в отношении Югославии (независимо от партийной принадлежности тех или иных политиков) способствовала улучшению отношений.
- 18 Участь генерала не смягчило и то обстоятельство, что после оккупации Венгрии вермахтом в марте 1944 г. он был отстранен по настоянию Берлина за содействие попыткам премьер-министра М. Каллаи найти пути разрыва Венгрией союза с Германией, а в октябре 1944 г. арестован пришедшими к власти нилашистами во

- главе с Ф. Салаши за саботаж военных действий против Красной Армии. В 1994 г. Сомбатхейи был реабилитирован венгерским (но не югославским) судом.
- 19 См. фонды МИД Венгрии в Венгерском государственном архиве, например: Magyar Országos Levéltár (MOL) KÜM. Jugoszlavia TÜK 1945–1964. XIX-J-1-j-Jun-29/ h-5/ pol.-1945. 38 doboz.
 - 20 См.: Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944–1948. М., 2004. С. 211–309.
 - 21 См.: *Buda И.* Международное положение Венгрии после Второй мировой войны // Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945–1989 годы. СПб., 2010; *Föglein G.* Magyar-jugoszláv népcseré egyezmény tervezet. 1946 // *Századok*. Budapest, 1996. 6. Sz. 153–157. о.
 - 22 См. подробно: *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества... См. также: *Szabó J.* Magyar-jugoszláv kulturális kapcsolatok a második világháború után (1945–1947) // *Világtörténet*, Budapest, 1999, tavasznyár. В Сегеде местное общество венгерско-югославской дружбы было создано еще в июне 1945 г. В октябре того же года было образовано общество, действовавшее в масштабах всей страны, получавшее серьезную правительственную поддержку.
 - 23 В Румынии всерьез опасались усиления позиций венгров, традиционно доминировавших в Трансильвании в политическом и культурном отношении. Вопрос о послевоенной венгеро-румынской границе обсуждался на Парижской мирной конференции 1946 г. и продолжал оставаться открытым вплоть до подписания мирных договоров, заключенных в 1947 г. Югославия в тех условиях не могла иметь аналогичных опасений в отношении как Венгрии, так и собственных венгров.
 - 24 Сильно ухудшились даже отношения компартий Венгрии и Чехословакии. С трибуны венгерского временного нацсобраниа осенью 1945 г. все выступавшие партийные лидеры, включая коммуниста М. Ракоши, касаясь положения венгров в Чехословакии, противопоставляли политике правительства этой страны более терпимое отношение к ним в Югославии.
 - 25 В том числе день начала революции 1848 г., 15 марта (и это несмотря на острые венгерско-югославянские межэтнические столкновения в период той великой революции). Венгерские делегации при посещении Воеводины видели на улицах городов флаги Венгрии на венгерских национальных праздниках, чего нельзя было себе представить в то время ни в Румынии, ни в Чехословакии. См.: Magyar Országos Levéltár (MOL). XIX-1-j-Jugoszlavia-16/ 6-2891/ pol-1947. 25. doboz.

- 26 Новая культурная политика своей открытостью культурам других народов региона противопоставлялась прежней, хортистской, связанной с именем графа К. Клебельсберга, в течение 10 лет занимавшего пост министра культуры, и исходившей из превосходства венгерской культуры над культурами соседних славянских народов (а также румын), из аксиомы о выполнении венграми своего рода цивилизующей миссии в Дунайском бассейне.
- 27 См.: Szabó J. Magyar-jugoszláv kulturális kapcsolatok a második világháború után (1945–1947) // Világtörténet, 1999 tavasz-nyár.
- 28 См. дневник пребывания советской делегации в Венгрии в фонде Ворошилова в РГАСПИ: Ф. 74. Оп. 2. Д. 59.
- 29 К подготовке юбилея приобщилось и министерство внутренних дел. Министр Л. Райк издал распоряжение, согласно которому органы местного самоуправления городов и сел к 15 марта 1948 г. были обязаны переименовать улицы и площади, названия которых имели какую-либо связь с реакционным режимом прошлого. Кроме того, 15 января 1948 г. был принят закон о всеобщей амнистии, что также было увязано с предстоящим юбилеем. См.: АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. Папка 24. Д. 41.
- 30 См.: Там же. Л. 2.
- 31 Там же. Л. 3.
- 32 РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 59. Л. 39–40. Посол СССР в Венгрии Г. М. Пушкин, передав в МИД СССР текст речи М. Джиласа, обратил внимание на следующие моменты: полное отсутствие упоминаний СССР и его роли в освободительной борьбе с германским фашизмом; тезис о том, что именно «освободительная война югославских народов показала новые пути и новые формы борьбы за свободу и независимость народов, борьбы трудящихся масс за свержение эксплуататоров»; выпячивание роли Югославии также и в послевоенном развитии венгерской демократии» (Там же. Л. 37).
- 33 Организаторы торжеств установили связи с румынскими городами Шегешвар и Арад, где происходили важные события венгерской революции 1848 г., – в Араде, в частности, австрийскими властями после ее подавления был расстрелян ряд военачальников венгерской революционной армии (так называемые «арадские мученики»). Арадский музей 1948 г. направил свои экспонаты в Будапешт для организации выставки.
- 34 Речь идет о принятой в конце июня 1948 г. на втором совещании Коминформа резолюции «О положении в компартии Югославии» с резкой критикой в адрес КПЮ.

- 35 Запись совещания в МИД СССР 11 июня 1949 г. См.: Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. Документы. М.; Новосибирск, 1999. Т. 2. 1949–1953 гг. С. 150.
- 36 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1151. Л. 81.
- 37 Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 150.
- 38 Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. Т. 1. С. 802–806.
- 39 См.: Кимура К. «Дело Райка» в контексте венгерско-югославских отношений // Славяноведение. 2012. № 1.
- 40 Там же.
- 41 См.: Стыкалин А. С. Советско-югославское сближение (1954 – лето 1956 гг.) и внутривосточная ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002. С. 323–345.

Kimura K., Stykalin A. S.

Hungary-Yugoslavia Relations from 1945 to the Spring of 1948:
from Pacification to the Burst of a New Conflict

The conflict of 1948 between the USSR and Yugoslavia interrupted the progressive tendency in the relations between Yugoslavia and Hungary. Hungarian Communist leaders, suspected by Moscow of their closeness to Tito and his team, changed radically their line and joined without reservations to the anti-Yugoslavian campaign initiated by Stalin.

Keywords: *Hungary, Yugoslavia, Stalin Tito, Rákosi, Soviet-Yugoslav conflict of 1948, Danube cooperation.*

А. С. Гладышева
(Москва)

Румыния в Организации Варшавского договора: от солидарности к конфронтации (1955–1965)

В статье анализируется формирование особой позиции Румынии в оборонной политике стран Центральной и Юго-Восточной Европы в процессе создания и функционирования ОВД.

Ключевые слова: *Румыния, ОВД, Георгиу-Деж, Восточная Европа, холодная война.*

Вторая мировая война коренным образом изменила расстановку сил в Европе. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений предопределила биполярность мира, ознаменованную формированием военно-политических блоков вокруг США и СССР. Румыния, воевавшая на стороне нацистской Германии и вышедшая из войны с Советским Союзом в августе 1944 г., по окончании боевых действий была занята Красной Армией и оказалась в стане стран, вошедших в советскую зону влияния. По Парижскому мирному договору 1947 г. румынские вооруженные силы были сокращены до 138 тыс. чел. с учетом сухопутных, зенитных войск, личного состава ВМФ и ВВС. СССР обязывался вывести свои воинские подразделения с территории Румынии через 90 дней при сохранении права держать войска, необходимые для снабжения советской зоны оккупации в Австрии¹.

В первое послевоенное десятилетие Советский Союз активно развивал сотрудничество со странами Центральной и Юго-Восточной Европы в политической, военной, экономической и идеологической сферах с целью закрепления своего господства в регионе и его последующей консолидации². С 1948 г. в Румынии, провозглашенной 30 декабря 1947 г. республикой, начинаются социально-политические и экономические преобразования по советскому образцу. Реформы затронули и румынскую армию, начавшись фактически нелегально еще в годы войны после переворота 23 августа 1944 г. С этого момента румынское государство прекратило осуществлять оперативное командование своими войсками, они перешли под юрисдикцию Красной Армии. В ведении румынских государственных институтов осталось лишь обеспечение материально-технической

базы. Позднее, в октябре 1948 г., были осуществлены первые официальные преобразования в системе национальной безопасности. На смену Главной инспекции по делам образования, культуры и пропаганды в армии пришло Главное политическое управление армией, под контролем которого оказалась вся политико-просветительская и агитационная работа среди войск. Для осуществления соответствующих реформ были привлечены советские советники из Главного политуправления Вооруженных сил СССР. В целях ликвидации старой военной элиты Министерство обороны нового режима во главе с генералом армии Э. Боднэрашом провело соответствующие чистки в армии, вслед за которыми последовало обновление кадрового состава. Летом 1949 г. в Советский Союз была направлена на обучение первая группа румынских офицеров³. Позднее, осенью 1954 г., 6 генералов и 2 офицера румынской армии впервые участвовали в маневрах, организованных советской стороной, для обмена военным опытом⁴. Помимо обновления кадрового состава по инициативе И. В. Сталина в начале 1950-х гг. были приняты меры по укреплению военно-технического комплекса европейских стран советской зоны влияния. Им было навязано увеличение расходов на содержание армии и развитие тяжелой промышленности⁵.

Союзники по антигитлеровской коалиции недолго жили в мире после окончания крупномасштабного военного конфликта. Противоречия, существовавшие между ними еще во время войны и, по большей части, замалчивавшиеся в силу необходимости решения общих военно-стратегических задач, всплыли наружу сразу после разгрома Японии 2 сентября 1945 г. Идеологические разногласия спровоцировали начало холодной войны. Вероятность угрозы со стороны СССР и его союзников по социалистическому лагерю повлекла за собой создание военно-политического блока НАТО в 1949 г. Советский Союз не сразу отреагировал на эту ситуацию, лишь спустя шесть лет окончательно оформилась биполярная система международных отношений.

Образованию ОВД предшествовала целая серия мероприятий. С ратификацией Парижских соглашений 1954 г. и вступлением ФРГ в НАТО в 1955 г. завершилось образование западного военно-политического блока⁶. К этому моменту созданный в 1951 г. в ходе московского совещания стран «народной демократии» Военно-организационный комитет в качестве координирующего центра перестал отвечать задачам новой ситуации. Перед Советским Союзом встала проблема создания собственных структур военного сотрудничества со стра-

нами социалистического лагеря. Предложение СССР созвать 29 ноября – 2 декабря 1954 г. Конференцию по безопасности и сохранению мира в Европе для обсуждения вопросов коллективной безопасности в регионе приняли лишь страны советской зоны влияния и КНР. На Московской конференции критиковалась ремилитаризация ФРГ, которая, по мнению СССР, могла привести к новой войне⁷. В этой связи обсуждался вопрос создания военно-политического блока, близкого по своей форме к НАТО. По окончании конференции началась подготовка к подписанию соглашения. Румыния, как и другие советизированные европейские страны, принимала в ней активное участие.

В январе–марте 1955 г. она подписала с СССР ряд военных протоколов о разработке плана снабжения румынской армии в 1955–1959 гг., о размещении советских кораблей и подводок в Черном море, формировании системы ПВО на румынском побережье и т. д.⁸ Помимо этого, накануне подписания Варшавского пакта Политбюро ЦК РРП по предложению Э. Боднэраша осуществило кадровые перестановки в румынской армии: пост первого заместителя министра обороны занял генерал-лейтенант Л. Сэлэжан, главой Генштаба был назначен генерал-лейтенант И. Тутовяну, Управление армейских кадров возглавил генерал-майор К. Мэнеску, главой Главного политического управления армии стал полковник И. Георге⁹.

14 мая 1955 г. в Варшаве главы Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии и СССР подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, ознаменовавший собой создание военно-политического блока в противовес НАТО. Согласно Декларации, целью союза социалистических стран было укрепление безопасности и обеспечение надежной обороны от угрозы извне¹⁰. Тем самым подчеркивалось, что он будет иметь оборонительный характер и поспособствует сохранению мира в Европе. Н. С. Хрущев, в этих условиях, рассматривал мирное сосуществование как «специфическую форму классово-борьбы на мировой арене», исходя из принципа баланса сил в мире, а не руководствуясь интересами тех или иных стран¹¹. Договор основывался на равенстве участников, принципе невмешательства одних государств во внутренние дела других, в разрешении международных споров мирными средствами, воздерживаясь от угрозы силой.

В соответствии с дополнительным секретным протоколом были закреплены военные обязательства стран путем создания Объединенных вооруженных сил (ОВС). В структуры ОВД были вовлечены все силы тогдашней румынской армии, а именно 8 сухо-

путных, 3 истребительных авиационных дивизии, 1 дивизия истребительно-бомбардировочной авиации, весь военно-морской флот¹². После обсуждения итогов Варшавской конференции по безопасности и сохранению мира в Европе на заседаниях Политбюро ЦК РРП и Совета министров вступление Румынии в ОВД было одобрено в конце мая Великим национальным собранием. В октябре 1955 г. новым министром обороны будет назначен Л. Сэлэжан, который продержится на этом посту до 1966 г.

ОВД имела как военное, так и политическое руководство. Ее высшим политическим органом был Политический консультативный комитет (ПКК), состоявший из глав правительств государств – участников договора. Раз в 2–3 года они собирались на совещания в одной из столиц этих стран. Военные функции организации принадлежали ОВС, сформированным из контингентов сухопутных войск, ВВС и сил ВМФ каждой страны. Возглавлял военные структуры организации Главнокомандующий ОВС, орган управления которого (Штаб ОВС) находился в Москве. В числе его заместителей были министры обороны и крупные военачальники стран-участниц. Штаб ОВС состоял из постоянных представителей генеральных штабов союзнических армий и занимался вопросами деятельности войск, организацией маневров. В связи с важнейшими внешнеполитическими событиями проходили встречи министров обороны стран – членов ОВД. В качестве постоянного органа в 1969 г. был сформирован Комитет министров обороны (КМО). Кроме того, постоянно действовали Военный совет и Технический комитет. Последний занимался научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами. В союзных армиях были аккредитованы представители Главнокомандующего ОВС¹³.

Созданная в Варшаве организация обеспечивала политическое, военное, экономическое, внешнеполитическое сотрудничество стран-участниц. Существовало несколько направлений военного сотрудничества: координирование действий по вопросам укрепления обороны, военно-техническое сотрудничество, совместные мероприятия по изучению оперативной обстановки, а также боевой и партийно-политической подготовки личного состава армий стран – участниц ОВД¹⁴. Среди ключевых внешнеполитических задач организации были борьба за мир; предотвращение новой мировой войны, борьба за коллективную безопасность в Европе и справедливое решение проблем; защита завоеваний социализма; укрепление единства и сплоченности социалистических стран; оказание

интернациональной помощи народам, борющимся за свою свободу и независимость.

Емкая структура ОВД не предотвратила возникновение первых противоречий. Главным организатором его создания выступал только Советский Союз. Кроме того, в его руках было сосредоточено управление военно-политическими структурами организации. Должность Главнокомандующего ОВС на протяжении всего периода действия договора занимали исключительно советские военачальники. В рассматриваемый нами период военные структуры ОВД возглавляли маршалы СССР И. С. Конев (1955–1960) и А. А. Гречко (1960–1967). Начальниками Штаба ОВС также были советские военнослужащие: генерал армии А. И. Антонов (1955–1962) и генерал армии П. И. Батов (1962–1965). Такая ситуация провоцировала недовольство со стороны других стран, которые не могли участвовать в принятии стратегически важных решений и координации совместных действий. Второй стороной противоречий было то, что интересы стран-участниц зачастую не совпадали. Как показала практика, уже в 1956 г. принципы равноправия и невмешательства во внутренние дела государств – участников ОВД, закрепленные в ее уставе, не соблюдались советской стороной. Это спровоцировало противоречия внутри самой организации, в отношениях СССР с союзниками. Кроме того, несмотря на авторитет первого социалистического государства и его помощь странам Европы в укреплении народно-демократического строя, члены Варшавского договора всячески стремились добиться права на активное участие в деятельности ОВД.

Военно-политический блок социалистических государств проводил постоянное перевооружение своих войск, осуществлялось переобучение офицерского состава и широкий обмен воинским опытом. В целях реализации военных обязательств перед ОВД Румыния с середины 1950-х гг. начинает модернизацию оборонной промышленности по советскому образцу, а также проводит закупки некоторых видов вооружения в СССР. Кроме этого, румынские власти формируют в стране народное ополчение. Так называемые рабочие гвардии, созданные в 1956 г. и насчитывавшие 37 тыс. чел., выполняли функции, сходные с народной милицией. Оснащенные необходимым вооружением, они должны были обеспечивать оборону предприятий в случае начала войны, а также оказывали помощь государственным органам в сохранении общественного правопорядка и борьбе с контрреволюционными заговорами. Рабочие гвардии состояли из взводов, рот и батальонов, которые централизованно

подчинялись единому командованию. Однако просуществовали они недолго. В 1961 г. численность патриотических гвардий была сокращена с 46,6 тыс. чел. до 23 тыс. чел., а в 1962 г. с общим снижением военных расходов государства они были ликвидированы окончательно¹⁵. Несмотря на развитие активного сотрудничества в рамках ОВД, Румыния уже в 1955 г. предпринимает первые попытки добиться вывода советских войск со своей территории. Соответствующее предложение, выдвинутое Э. Боднэрашом в августе, Н. С. Хрущев не одобрил¹⁶. Процедура переговоров затянулась на долгие три года.

Ни одна страна – участница ОВД не предполагала, что ОВС будут направлены против членов блока для борьбы с инакомыслием в социалистическом лагере. Неизбежность такой перспективы стала очевидна уже осенью 1956 г., когда войска ОВС были введены на территорию Венгрии для подавления антиправительственного восстания. Румыния в ходе этой операции активно проводила просоветскую политику, несмотря на положительную реакцию внутри страны на события в Будапеште среди венгерского населения Трансильвании и самих румын¹⁷. В Венгрию были направлены войска с территории Советского Союза и советская механизированная дивизия из Румынии. В ответ на эти события венгерское правительство во главе с И. Надем 1 ноября заявило о выходе Венгрии из ОВД и своем нейтральном статусе¹⁸. Жесткое подавление венгерской революции в совокупности с единой позицией членов военно-политического блока предотвратили утрату контроля над Венгрией. Руководство Румынии, столкнувшись с одобрительными откликами населения на венгерские события, сумело своевременно отреагировать на них осуществлением ряда карательных мер. Тем самым Г. Георгиу-Деж доказал Советскому Союзу, что события, подобные венгерским, в Румынии произойти не могут. После подавления волнений в Будапеште Румыния заручилась поддержкой СССР, что послужило одним из поводов к выводу советских войск с ее территории.

В 1955 г. территорию оккупированной после Второй мировой войны Австрии покинули советские войска, а это автоматически означало обязательство вывода регулярных частей Красной Армии из Румынии и Венгрии, в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. После длительных двусторонних переговоров румынская сторона сумела добиться вывода советских войск со своей территории¹⁹. Последнее обсуждение этого вопроса состоялось в апреле 1958 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. В мае 1958 г. на совещании ПКК стран – участниц ОВД предложение СССР о выводе

советских войск с территории Румынии было окончательно одобрено. Советские власти преподнесли это решение в качестве акта миролюбивой политики соцстран²⁰. В действительности же вывод войск должен был послужить повышению оперативных возможностей вооруженных сил и увеличению степени их взаимодействия²¹.

Вывод советских войск из Румынии стал отправной точкой для формирования доктрины о независимом внешне- и внутривосточном курсе развития. Ранее только намечавшиеся тенденции к «кособой позиции» начинают приобретать четкие очертания и получать дальнейшее развитие в структурах СЭВ и ОВД. Формально сохраняя приверженность политике СССР, Румыния решает делать упор на внеблоковые принципы сотрудничества в Европе. Национальные интересы начинают превалировать над интересами социалистического лагеря. В сентябре 1957 г. и в июне 1959 г. страна по собственной инициативе выступила за создание системы коллективной безопасности на Балканах и установление безъядерной и безракетной зоны на полуострове для превращения его в зону мира и добрососедства²². Под прикрытием этой идеи Румыния стремилась к созданию сферы регионального сотрудничества под своим покровительством. И здесь она неизбежно сталкивалась с Югославией, Турцией и Грецией²³.

По мнению румынского историка Д. Кэтэнуша, в начале 1960-х гг. Румыния стояла на перепутье двух дорог. С одной стороны, существовали все предпосылки для дальнейшего сближения и сотрудничества в рамках социалистического лагеря, с другой – новые интересы в развитии страны вступали в противоречие с перспективами глобализации, исходившими от Москвы²⁴. В начале 1960-х гг. намечаются первые разногласия в отношениях с СССР. Несмотря на это, на XXII съезде ЦК КПСС в октябре 1961 г. румынские коммунисты присоединились к позиции Н. С. Хрущева в отношении АПР, руководство которой было обвинено в фракционной деятельности²⁵. Разногласия Румынии и СССР усугубились в 1962 г., когда Н. С. Хрущев предложил добиться максимальной интеграции социалистических стран в СЭВ. На волне этих противоречий Г. Георгиудеж высказывает свое недовольство практикой направления проектов разных материалов и вопросов, подлежащих коллективному обсуждению, непосредственно накануне совещаний органов ОВД²⁶. Эта ситуация не позволяла изучить и обсудить подобные документы компетентным органам ЦК РРП и правительству и, соответственно, снижала возможность Румынии и других стран повлиять на принятие ключевых решений.

Непростые отношения внутри ОВД складывались в силу того, что СССР не согласовывал с союзниками свои действия по вопросам международного сотрудничества и отношения с НАТО. Страны советского блока не имели возможности участвовать в обсуждениях стратегических вопросов внешней политики, а значит, не могли повлиять на решения Кремля. Если позицию СССР в Суэцком кризисе 1956 г. Румыния поддержала, то иначе она отреагировала на Берлинский (1961 г.) и Карибский (1962 г.) кризисы.

Решение германского вопроса в 1961 г. осуществлялось не от имени СССР, а от имени ОВД, а значит, и всех стран – участниц военно-политического блока. Румыния, как и другие члены, была вынуждена согласиться с предложениями Москвы, сформулированными в ходе Берлинского кризиса, хотя и имела свое мнение на этот счет. Не посоветовавшись с румынской стороной, Штаб ОВС потребовал от нее повышения боевой готовности армии путем мобилизации и перемещения войск. Несмотря на то, что Румыния была не согласна с позицией Москвы, она все же не преминула подчиниться ей. При угрозе перехода холодной войны в Европе в горячую фазу в контексте Берлинского кризиса Румынии не имело никакого смысла протестовать против действий ОВД²⁷.

В ходе Карибского кризиса румынская дипломатия вела двойную игру, выразив лояльность Москве и предприняв, в то же время, меры по укреплению национальной безопасности. СССР не осведомлял страны ОВД о планах размещения советских ракет на Кубе. Информация об этом была доведена до сведения Румынии 23 октября 1962 г. в ходе встречи Г. Георгиу-Дежа с Н. С. Хрущевым уже после ультиматума, предъявленного американцами Советскому Союзу днем ранее. Отсутствие договоренности между странами ОВД по вопросу о размещении ракет вызвало недовольство у румынского руководства. Несмотря на это, 25 октября было опубликовано заявление правительства Румынии, осудившее американскую агрессию против Кубы и призывавшее разрешить кризис путем переговоров. При этом в сложившейся ситуации министерство обороны во главе с Л. Сэлэжаном не спешило приводить румынские войска в боевую готовность в соответствии с существовавшими договоренностями по линии ОВД. После мирного урегулирования кризиса Румыния начинает открыто критиковать действия СССР по размещению ракет на Кубе после X съезда КПИ в декабре 1962 г.²⁸ и на заседании Политбюро ЦК РРП в феврале 1963 г., но в то же время благосклонно относится к мирному урегулированию конфликта. В условиях

высокой вероятности повторения сценария, подобного кубинскому, румынская дипломатия вступает в переговоры с США. 4 октября 1963 г. состоялась встреча госсекретаря США Д. Раска и министра иностранных дел Румынии К. Мэнеску, на которой последний заверил американскую сторону, что Румыния не была уведомлена СССР о размещении ракет на Кубе. В этой связи Мэнеску заявил, что при возникновении в будущем схожей ситуации Бухарест будет сохранять нейтралитет, не имея на своей территории ядерного оружия. Тем самым румынская сторона попыталась заблаговременно дистанцироваться от новых военных операций ОВД²⁹. В последующие годы, занимая особую позицию в ОВД путем дистанцирования от советской опеки и ограничения внутривблокового военного сотрудничества, румынское руководство будет не раз напоминать Москве, что она в свое время не обсуждала с союзниками планы размещения своих ракет на Кубе. На этой волне в первой половине 1960-х гг. Румыния не перестала принимать участие в командно-масштабных и войсковых учениях ОВС, носивших по большей части показательный характер³⁰. Г. Георгиу-Деж, кроме того, выступил против проведения учений на территории Румынии.

Напряженность в отношениях РНР и СССР спровоцировала эволюцию позиции Бухареста по вопросу об Албании в ОВД. В январе 1965 г. на переговорах в Варшаве с В. Гомулкой Г. Георгиу-Деж высказал свои опасения об угрозе отстранения любой из стран, подписавших Варшавский договор, от участия в заседаниях ПКК, как это произошло в августе 1961 г. с Албанией. Румынская сторона считала незаконными действия Н. С. Хрущева в отношении албанской делегации, которой было отказано в праве принять участие в заседании ПКК в силу того, что Тирану представляли тогда не высокопоставленные чиновники, а член Политбюро ЦК АПР. В 1965 г. накануне предстоящего заседания ПКК Г. Георгиу-Деж в беседе с польскими коллегами обвинил Москву в самоуправстве, отметив, что Варшавский договор не предусматривал обязательство участия в работе ППК первых секретарей партии и глав Совета министров³¹.

Стремление Румынии во всем противостоять советской гегемонии привело к ее сближению с Китаем в начале 1960-х гг. В контексте советско-китайского конфликта Румыния воспользовалась тактикой лавирования, не принимая полностью позицию ни одной из сторон. Эту тенденцию хорошо отражает июльское заседание Политбюро ЦК РРП 1963 г., на котором обсуждался вопрос, следует ли публиковать заявления, сделанные КПК и КПСС, в румын-

ской прессе, не усилит ли это напряженность в отношениях между двумя странами. Глава отдела пропаганды и культуры ЦК РРП Л. Рэуту отметил, что Румыния пока не стремится быть вовлеченной в полемику, так как еще рано занимать определенную позицию, а ее главная задача заключается в достижении взаимопонимания между СССР и КНР³².

Став на путь сближения с КНР, Г. Георгиу-Деж выступил против вступления в ОВД Монголии, которая обратилась с такой просьбой в июле 1963 г. к советской стороне³³. Политбюро ЦК МНП обосновывало это решение угрозой со стороны США и Японии, заключившими в 1960 г. договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности, который мог повлиять на сохранение безопасности МНР³⁴. Румынский лидер узрел в просьбе Монголии преступление против соседнего Китая, который не являлся, по его мнению, угрозой для социалистического лагеря. Позиция Румынии сыграла свою роль в том, что Монголия не была принята в ОВД³⁵.

Кульминацией формирования особой линии внешней политики Румынии стала «Декларация о позиции РРП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения» (далее – Декларация), принятая на расширенном Пленуме ЦК РРП в апреле 1964 г.³⁶ Ситуация вокруг советско-китайского конфликта, в котором Бухарест выступил в качестве посредника³⁷, создала питательную среду для оформления новых принципов внешней политики Румынии, таких как суверенитет, равноправие, невмешательство во внутренние дела, взаимовыгодное сотрудничество³⁸. Принципы, закрепленные в Декларации, не противоречили уставу ОВД, но, как было выше сказано, устав на практике не соблюдался. В этой связи Румыния также провозгласила курс на равноправие всех социалистических стран, в частности, равноправие в вопросах национальной и наднациональной оборонной политики участников Варшавского договора.

На первое десятилетие существования ОВД пришлось формирование особой позиции Румынии по вопросам идеологии, сотрудничества в рамках международного коммунистического движения и СЭВ. Дистанцирование Бухареста в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в оборонной политике было обусловлено противоречиями, существовавшими внутри Варшавского военно-политического блока с момента его создания. Советский Союз стремился подчинить себе национальные армии европейских стран своей зоны влияния, в результате чего нередко нарушал их интересы. Можно констатировать, что оформление

особой позиции Румынии в ОВД определялось как субъективными, так и объективными факторами. Неверно выстраиваемые партийным и государственным руководством Советского Союза отношения с союзниками накладывались на внутреннее стремление Румынии к сохранению национального суверенитета и возможности быть полноправным участником мировой политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Мирный договор с Румынией. М., 1947. С. 11, 16–17.
- 2 См. подробнее: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М., 2008.
- 3 *Opriş P.* România în organizația tratatului de la Varşovia (1955–1991). Bucureşti, 2008. P. 28–30. Румынские офицеры проходили обучение в Советском Союзе только до событий в Чехословакии 1968 г. После этого они обучались только в Румынии. За период с 1949 г. по 1968 г. военное образование в СССР получили 2966 чел., из них 81 генерал и офицер обогащались новыми знаниями в Военной академии Генштаба. См.: *Грибков А. И.* Судьба Варшавского договора. Воспоминания, документы, факты. М., 1998. С. 62–63.
- 4 *Organizația Tratatului de la Varşovia (1954–1968). Documente / Ed. G. Preda, P. Opriş.* Bucureşti, 2008. V. I. P. 93, 96–97.
- 5 *Стыкалин А. С.* Восточная Европа в системе отношений Восток–Запад (1953 – начало 1960-х гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 487.
- 6 См. подробнее: *Егорова Н. И.* Европейская безопасность 1954–1955 гг.: поиски новых подходов // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 455–486.
- 7 *Organizația Tratatului de la Varşovia...* P. 35–39.
- 8 *Opriş P.* România în organizația ... P. 61–62.
- 9 Ibid. P. 67.
- 10 Организация Варшавского договора 1955–1985. Документы и материалы. М., 1986. С. 10. Об истории изучения ОВД в СССР – России см.: *Бруз В. В.* Деятельность Организации Варшавского договора по обеспечению европейской безопасности (историографическое исследование). М., 2009.
- 11 *Нежинский Л. И., Чельшев И. А.* О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» // Советская

- внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 34.
- 12 *Oprîș P. România în organizația...* P. 72–73.
 - 13 Организация Варшавского договора... С. 14–15; подробнее о политических и военных структурах ОВД см. также мемуары начальника Штаба ОВС в 1976–1991 гг. А. И. Грибкова: *Грибков А. И. Судьба Варшавского договора...* С. 22–53.
 - 14 Подробнее об изучении военного сотрудничества стран – участниц ОВД см.: *Бруз В. В. Военное сотрудничество стран Варшавского договора и европейская безопасность (историографический аспект) // Безопасность Евразии. М., 2006. № 1. С. 496–517.*
 - 15 В 1968 г. Румыния выступила против ввода войск ОВД на территорию Чехословакии. Опасаясь последствий своего шага, Н. Чаушеску воссоздал патриотические гвардии из рабочих, крестьян и интеллигенции под лозунгами сохранения мира и национального суверенитета. См. подробнее: *Oprîș P. România în organizația...* P. 99–100.
 - 16 *Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului roman. București, 1998. P. 482–483.*
 - 17 Подробнее о ситуации в Румынии и позиции РПП в 1956 г. в свете венгерских событий см.: *Voca I. 1956, un an de ruptură. România între internaționalismul proletar și stalinismul antisovietic. București, 2001; Eadem. 1956 în România // Ungaria 1956: revolta minților și sfârșitul mitului comunist / Coord. de D. Jela și V. Tismăneanu. București, 2006. P. 169–195; Стыкалин А. С. Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь–декабрь 1956 года) // *Славяноведение. 2000. № 1. С. 70–81.* Также см. ряд статей по этой тематике в: *Anii 1973–1989: Cronica unui sfârșit de sistem. Analele Sighet 10. București, 2003. P. 598–741, 764–767, 790–820.**
 - 18 Советский союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 498.
 - 19 Подробнее см.: *Scurtu I. România. Retragerea trupelor sovietice – 1958. București, 1996.*
 - 20 Организация Варшавского договора 1955–1985. Документы и материалы. М., 1986. С. 38; Letter addressed by N. S. Khrushchev, First Secretary of the CC the CPSU to the CC of the RWP concerning the withdrawal of soviet troops from the Romanian territory // *Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/110460>* (дата обращения: 24.08.2014).

- 21 Улуян Ар. А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). М., 2013. С. 44.
- 22 Moraru C. Politică externă a României: 1958–1964. București, 2008. P. 120.
- 23 См. подробнее: Улуян Ар. А. Балканский «щит социализма»... С. 32–33.
- 24 Cătănuș D. Tot mai departe de la Moscova... politica externă a României în contextul conflictului soviet-chinez: 1956–1965. București, 2011. P. 212.
- 25 Ibid. P. 214.
- 26 Memorandum of discussions between Romanian Workers's Party leadership and Polish United Workers's Party leadership // Wilson Center Digital Archive. URL: <<http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112977>> (дата обращения: 24.08.2014).
- 27 О позиции Румынии в Берлинском кризисе 1961 г. см.: Serediu M., Opriș P. Criza Berlinului (1961) // Omagiu istoricului Florin Constantiniu. Focșani, 2003. P. 695–704.
- 28 Советская сторона использовала съезд Компартии Италии в конце 1962 г., чтобы представить свою версию событий в Карибском море и одновременно раскритиковать реакцию Китая, который, одобрив размещение советских ракет на Кубе, после установления договоренности между США и СССР обвинил советскую сторону в трусости и охарактеризовал политику Кремля не иначе как новый Мюнхенский сговор. О позиции Китая см.: Кулик Б. Т. Советско-китайский конфликт в контексте мировой политики // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 392.
- 29 Cătănuș D. Tot mai departe de la Moscova... P. 324.
- 30 При Н. Чаушеску румынская армия принимала участие в учениях «Родопы» в 1967 г., проведенных после военного переворота в Греции; «Братство по оружию» в 1970 г., в ряде учений ВМФ. Интересно, что в 1970-е гг. командно-масштабные учения проводились в Румынии только на картах. См.: Варшавский договор – союз во имя мира и социализма / Под ред. В. Г. Куликова. М., 1980. С. 206.
- 31 Memorandum of discussions between Romanian Worker's Party leadership and Polish United Workers's Party leadership // Wilson Center Digital Archive. URL: <<http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112977>> (дата обращения: 24.08.2014).
- 32 Transcript of meeting of the Political Bureau of the CC of Romanian Worker's Party // Wilson Center Digital Archive. URL: <<http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112976>> (дата обращения: 24.08.2014).

- 33 Resolution of the Mongolian People's Revolutionary party Central Committee [MPRP CC] Politburo on joining the Warsaw pact // Wilson Center Digital Archive. URL: <<http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117698>> (дата обращения: 24.08.2014).
- 34 Согласно условиям договора 1960 г. США получили право размещать на территории Японии свои войска и военные базы.
- 35 *Apostol G.* Declarația de independență // *Scânteia* As. 2012. № 18. P. 5.
- 36 Declarație cu privire la pozitia Partidului Muncitoresc Român in problemele mișcării comuniste și muncitorești internaționale adoptată de Plenara lărgită a C.C. al P.M.R. din aprilie 1964. București, 1964.
- 37 *Yong L.* Sino-romanian relations 1950's – 1960's. Bucharest, 2006.
- 38 Declarație cu privire la pozitia... P. 36–37, 41, 45–46.

Gladysheva A. S.

Romania in the Warsaw Treaty Organisation: from Solidarity to
Confrontation (1955–1965)

The article considers the working-out of a special position of Romania in the defence policies of the countries of Central and South-Eastern Europe in the process of foundation and functioning of the Warsaw Treaty Organisation.

Keywords: *Romania, Warsaw Treaty Organisation, Gheorghe Gheorghiu-Dej, Eastern Europe, Cold War.*

М. В. Лескинен
(Москва)

**Записки поляков сарматской эпохи в контексте
современных исследований путешествия/травелога
в нарративном аспекте**

Рассмотрены основные направления современных исследований и классификация дневниковых описаний путешествий/травелогов. На примере польских эго-текстов эпохи сарматизма проанализирована своеобразная позиция авторов нарративов в отношении к описываемым перемещениям в пространстве.

Ключевые слова: *травелог как жанр, сарматизм, записки о путешествиях, образ «другого», польская культура эпохи барокко, silva rerum.*

Описания путешествий можно классифицировать по-разному. Принято выделять литературные, виртуальные и научные (географические, этнографические и др.) их виды, различающиеся авторской стратегией и жанровыми средствами. В XVIII–XXI вв. путевые заметки и травелоги становятся излюбленной формой изложения взглядов, убеждений и впечатлений; в них отражались художественные концепции и велись поиски новых форм повествования, воплощались политические и научные идеи. Они воздействовали на структуру и стиль сугубо научных текстов (таких как полевые или экспедиционные дневники этнографов, археологов, лингвистов и др.). Рассказы о путешествии активно использовались в дидактических и морализаторских целях, выступали инструментом пропаганды, манипуляции, рекламы. Травелог как жанр обладает размытыми границами, он легко встраивается в любые виды нелитературного текста – от романа до справочника-путеводителя, от этнографического литературного очерка до дневника и т. д., так как позволяет эффективно решать несколько задач одновременно, и кроме того, мало зависит от изменчивости моды и вкусов читательской аудитории. Это полифункциональный жанр с отчетливыми признаками гибридности и диалогизма.

Популярность травелогов в литературе начиная с эпохи Просвещения обусловлена многими факторами, среди которых: а) интерес к Другому, актуализированный идеей противопоставления европейской цивилизации – варварству/дикости; б) мода на публикацию дневников и путевых заметок наряду с формированием литературного

жанра дневника-путешествия; в) выбор его в качестве наиболее адекватной формы для воплощения морализаторских интенций автора и его политических (философских) взглядов. Не случайно Просвещение создало термин «философическая география». Повествование о путешествии – а иногда лишь о подготовке к нему – становится поводом для рассуждений об образце и антиобразце, используется в качестве структурообразующего стандарта паренетических произведений, в XVI–XVII вв. воплощавшихся в различных «Зерцалах», «Образе истинного дворянина», «Придворном» и т. д. Теперь на смену прямому назиданию индивидуализированной направленности приходит путешествие, которое позволяет рассуждать о социальных идеалах, национальном этосе, нравах народов, формах политического устройства – в сравнении с Другими. Причем все эти рассуждения отличает господство европо- и этноцентристских культурных парадигм.

Вопрос о травелогах особого рода – литературных путешествиях виртуального характера (повествования о религиозных видениях и визионерском опыте, утопические романы) – нуждается в отдельном рассмотрении, так как их нельзя однозначно причислить к путешествиям-нарративам или путешествиям в метафорическом смысле. Другой «особый» случай – путешествия и паломничества к святыням, сакральным локусам, особенно в Святую землю. Паломничество в религиозной среде понимается как вполне возможное в реальной действительности перемещение в райское место, в край святости при жизни человека. Хорошо известны слова Ю. М. Лотмана о специфике изображения географического пространства в русских средневековых текстах: «Географическое путешествие рассматривается как перемещение по карте религиозно-моральных систем, а... всякое путешествие приобретало характер паломничества»¹.

«Физиономия» иного мира неизбежно конструировалась как набор противоположных привычному («своему») примет и свойств. Образы Других – стран, политических систем, народов – воплощались в путешествиях и в географических описаниях (хорографиях и космографиях), подчиняясь обобщению и типологизации; они нивелировали индивидуальные особенности, усматривая в них лишь типичное. Внешние черты Других казались очевидным отражением склонностей, способностей, добродетелей и пороков. Поэтому оценочность суждений в текстах наблюдателей оказывалась неизбежной.

Центральным элементом любых реальных описаний-путешествий остается описательная часть, фиксация чужеземных и соб-

ственных нравов и обычаев. Поэтому для выяснения степени репрезентативности следует учитывать высокую степень стереотипности и клишированности данной области кажущихся «объективными» наблюдений. Для их выявления весьма продуктивен сравнительный анализ, позволяющий определить типичность и оригинальность авторских суждений в синхронии и диахронии.

В современной историографии путешествий ученых привлекает несколько аспектов. Историки гораздо больше внимания уделяют проблеме источниковой репрезентативности записей о путешествиях². Для историков-позитивистов данный вид нарратива всегда представлял прежде всего фактографический интерес, имея исключительно информативную ценность. Поэтому большую значимость приобретает для них детальная и трудная работа, во-первых, по деконструкции, истинных интенций автора, и, во-вторых, по выявлению степени оригинальности произведения – иначе говоря, степени вымысла и реальности³. Самым важным вопросом, задаваемым автору источника, остается вопрос о степени достоверности информации. На наш взгляд, точный ответ попросту невозможен при использовании одного лишь исторического инструментария. Даже текстологический анализ разных списков рукописей не всегда дает возможность верно оценить сведения путешественников, так как эти тексты многослойны (на сложность этой проблемы на примере сочинений эпохи романтизма обратила внимание еще Т. А. Роболи⁴). Кроме того, путевые дневники всегда опираются на существующие традиции описания, сочинения предшественников, а также отражают стандарты изображения, стереотипы и предубеждения наблюдателя и его эпохи. А еще каждый пишущий в этом жанре редко не прибегает к игре с читателем. Такая игра – скрытая или явная, неотрелесированная или являющаяся установкой автора – представляется качественным признаком литературного путешествия.

В качестве особого теоретического направления исследований литературы о путешествиях в 1970-е гг. выделяется *ars apodemica* (искусство путешествий), инициатором которого стал австрийский историк Ю. Штагль⁵. Ученый выделил корпус западноевропейских источников XVI–XVII вв., в которых была осуществлена попытка упорядочить структуру описания путешествия посредством разработки инструкции, картографирования, вопросника для готовящихся к поездке. В *ars apodemica* – в соответствии с духом времени, стремящимся к аналитической систематизации природных и неприродных объектов, – была предпринята классификация путешествий

по цели, формам, географическому региону и т. п. Эти же сочинения выполняли еще одну важную задачу: они включали и анкету-вопросник для сбора новой информации; так задавались основы теории научно-этнографического знания.

Примером «классического» (по Штаглю) и одним из наиболее известных сочинений жанра Grand Tour может служить рассуждение «О путешествиях» из «Опытов» Ф. Бэкона (1597)⁶. В нем говорится: «...в юности путешествия служат пополнению образования, в зрелые годы – пополнению опыта. Кто отправляется в страну, не освоившись прежде с ее языком, отправляется в учение, а не в путешествие»⁷. Бэкон подробно рассказывает, как должен готовиться к путешествию юноша, отправляющийся в поездку для пополнения образования с наставником; что именно он должен увидеть, как вести себя; что будет ему полезно и от чего стоит воздержаться и т. п. Он советует непременно вести журнал путешествия. К непременным предметам, сопровождающим путешественника, Бэкон относит карту или книгу с описанием страны. Однако он предостерегает туриста от измены «обычаям родины ради чужеземных», если только тот не хочет «украсить их лучшим из того, чему научился в чужих краях»⁸. Обязательным является для него и владение языком страны.

В 1990-е гг. теория и термин *ars apodemica* были введены в оборот в европейских национальных исторических школах⁹. Однако если Ю. Штагль рассматривал в качестве отправной точки данного «искусства» стремление к упорядочиванию массива знаний путешественников, то другие ученые толкуют данное направление очень широко, причисляя к нему любые рефлексии о феномене путешествия. Австрийский историк настаивал на том, что данная традиция ограничивается эпохой барокко, став позже фундаментом науки о путешествиях в «перцептивном и эпистемологическом смыслах». Исследователи *ars apodemica* занимаются проблемой соотношения канона и оригинальности в содержании и структуре нарративов с целью реконструировать, но главным образом отделить пространственные и временные образы объектов от их вербальной формульности, с одной стороны, и «реальной действительности» – с другой.

Литературоведов и лингвистов в текстах путешествий интересуют совершенно иные аспекты: это прежде всего специфика данных нарративов как разновидностей эго-текстов, реконструкция концептов движения и пути, речевая стратегия в характеристиках «другого», «иноного» – в последнее время и в связи с архаическими социолектами.

Интересно отметить, что на многочисленных в последнее десятилетие конференциях¹⁰ непременно – правда, на наш взгляд, безуспешно – обсуждался вопрос о дефинициях путешествий, жанровых формах травелогов и об их классификации¹¹. В самом общем виде наиболее распространенным определением является «перемещение в пространстве». Однако такая трактовка не отражает общих свойств всех типов путешествий. Их специфика определяется менталитетом и имеющимися в арсенале культуры типами нарративов. Они могут быть исторически-универсальными (описания паломничеств; путешествия в иной мир / на тот свет; географические путешествия, поездки правящих особ и т. п.), а также принципиально различающимися в разные исторические периоды. Так, описания и путевые заметки – реальные или мнимые – оказываются в Новое время путешествием не в пространстве, а прежде всего и главным образом во времени. Предметом внимания путешественников оказываются свидетельства прошлого в двух аспектах: когда объектом наблюдателя становятся народы «нецивилизованные» – они в свете идей эволюции естественного мира рассматриваются как своеобразные предки европейцев, уже преодолевших данный этап развития, то есть являют живое прошлое человечества. Путешествие к ним оказывается путешествием в историю. Второй тип восприятия формируется в эпоху романтизма и начал археологии: тогда и в своей, и в других странах стремятся увидеть материальные артефакты, соотносимые с письменными источниками, а нравы и обычаи «простолюдов» (и своего собственного крестьянства в том числе) трактуются как реально существующие остатки (используется характерный термин с негативными коннотациями – «пережитки») былой старины. Путешествие, таким образом, связано не с перемещением в физическом и географическом пространстве, оно ассоциировано со временем и человеческой общностью на разных стадиях неизбежного и универсального прогресса человечества.

Распространенным заблуждением является стремление типологизировать путешествия, игнорируя историко-хронологический фактор, что отрицает принципиальное несходство описаний путешествий до и после эпохи Просвещения. Эпоха господства религиозного сознания и даже Возрождение исходили из тезиса о том, что неизвестное похоже на известное – и «это было не столько явно выраженным утверждением, сколько установкой ума»¹². В христианской культуре все явления созданного Богом мира воспринимаются как известные, так как задана цикличность времени и потому вечное

обновление. Слова Экклесиаста о том, что все уже было и нет ничего нового под Солнцем, имеют особое, сакрализирующее значение, ставя под сомнение саму возможность неизвестного вообще и непознаваемого в частности¹³. Это объясняет факт, что зачастую сведения о природном мире и образе жизни обитателей неизвестных путешественнику или вообще новых земель (как это было с Новым Светом) не соответствовали действительности, ибо установка определяла взгляд вовне, а не наоборот.

Некоторые современные исследователи – и российские в том числе – оказываются во власти источников, веря им «на слово»¹⁴. Между тем ранним травелогам или описаниям паломничеств и т. п. присущи формы и способы коммуникации с читателем, определяемые принципиально разными целями написания и типами взаимодействия с адресатом.

Рассмотрим некоторые особенности дневниковых описаний путешествий, включенных в источники личного происхождения – в эго-тексты, на примере мемуаров, записок и «*silva rerum*» польских шляхтичей сарматской эпохи (XVI–XVII вв.). *Silva rerum* (пол. *silwa rerum*, *sylwy* букв. «лес вещей», исп. *olla potrida*) – рукописные сборники, представлявшие собой популярную в кругах грамотной части общества разновидность рукописей, содержащих неоднородные (по стилю, жанрам и видам) тексты и материалы, соединенные без определенного порядка и какой-либо последовательности одним человеком или несколькими представителями семьи (книга семьи): мемуары, дневники, письма, послания, стихи, завещания и т. п.¹⁵ Однако польская мемуаристика и диариуши (дневники) (XVI–XVII вв.) мало информативны в отношении повседневности. Сарматский нарратив редко содержал прямые и «объективные» сведения о быте, обрядности, повседневных занятиях – то есть о повседневности в ее вещном, материальном выражении; даже поэтические и паренетические тексты предоставляют более ценный материал. Причина в том, что данная сфера представителями всякого, в том числе и традиционно, общества считается малоинтересной для описания – она самоочевидна и принадлежит самой культуре. Эта сфера, как правило, не выражена в нарративной рефлексии¹⁶.

Эго-документы эпохи польского барокко демонстрируют переходный характер в изображении путешествий: паломничество по-прежнему остается главным и особым жанром¹⁷, в иных случаях авторы игнорируют детальное описание других стран и народов, ограничиваясь лишь эпизодами, оставившими наиболее сильные эмоци-

ональные впечатления. Часто встречается описание бури на море¹⁸, экзотического ландшафта и его примет¹⁹, способ выражения которых также подчиняется барочной поэтике. Эти фрагменты на первый взгляд очень эмоциональны, они отражают сильные впечатления авторов. Однако изображение морского шторма, грозящего жизни, следует прочитывать не как рефлексии реального события, сопряженного не столько с личным потрясением, сколько со значимостью метафоры жизни, судьбы – одной из центральных и излюбленных в эпоху барокко. Она соотносится с представлениями о бренности жизни (*memento mori*), с одной стороны, и с идеей о власти Бога над людьми и представлениями о фортуне – с другой. Морская и водная стихия вообще – то явление природы, которое неподвластно человеку, аллегорией фортуны выступают стихии – море, ветер, ураган²⁰. «Море – привычный символ коварства, бедствий, опасная стихия, перед которой человек бессилён», – отмечает современный исследователь²¹.

Специфическое описание путешествия воплощено в тексте о паломничестве в Святую землю М. Радзивилла-Сиротки. В дневниковом повествовании легко выделить два ракурса и два типа рефлексии и фиксации путевых событий: в дороге до Святой земли и в сакральном локусе (пространстве). В сущности, перед читателем разворачивается два параллельных рассказа: обывателя-туриста и благочестивого пилигрима. Стилистика и языковые средства, используемые автором в этих двух ипостасях, разнятся. Священный ландшафт вполне реалистичен, отдельные его детали индивидуализированы с предельной точностью (размеры, расположение, количество и т. п.), они единственны в своем роде. Этот ландшафт и символизирует священную историю, и одновременно являет ее. Представления о цикличности истории, о повторяемости минувшего, типичные для христианского мировоззрения, находят свое воплощение в том, что паломник видит перед собой *те самые* горы, реки, дворцы и деревья (например, ливанские кедры), которые фигурируют в священной истории, поскольку изменениям не подвержены: «пейзажи святых мест – запечатленная вечность». Вопрос о том, что изменилось с тех времен, неправомерен. Элементы пространства интересуют авторов лишь потому, что являются частью этой вечности. Даже природа существует вне времени, иллюстрируя священную историю. Автор знает, что это не просто реки, горы и долины, а особенные, о них говорится в ветхо- или новозаветной истории; и ссылки на Библию заменяют конкретные черты и особенности описываемого объек-

та – ибо они уже описаны в ней. Характерной приметой ландшафта является отсутствие в нем людей. Неизменность святынь вступает в сложные отношения с другим, как бы параллельным миром, который существует в едином с путешественником времени, о котором рассказывается совсем по-другому. Этот реальный мир – мир несвященной истории – включает в себя людей, быт и происшествия, взаимоотношения монахов-христиан с турками, чудеса и исцеления и т. п. Особенно явственно заметно это отличие в переходе от описания мирского мира к христианским святыням: меняется стилистика изложения – первое более динамично, но в той или иной степени несет на себе отпечаток сакральности пространства, отчасти выпадая из него, но подчиняясь его законам изображения. Таким образом, сакральность объекта изображения изменяет временную систему координат: автор пребывает в двухвременном измерении – в сакральном и земном. Эта черта – дань средневековой традиции в описании паломничества²².

Обращаясь к текстам записок и мемуарам сарматской эпохи, не относящимся строго к жанру путешествий, мы сталкиваемся с интересной особенностью: польские шляхтичи конца XVI – начала XVII в. в силу социального долга и исторических обстоятельств довольно часто совершали, так сказать, физические перемещения по своей стране и нередко по сравнению с прежней и последующими эпохами – дальние. Прежде всего они связаны с участием в военных походах, география которых довольно обширна – это почти вся Европа и Россия, Турция, Ближний Восток и т. д.

Я. Д. Тушиньский в своих записках описывает многочисленные военные походы и битвы; он сражался со шведами, казаками, татарами, итальянцами, турками; бывал в Венгрии. Он подробно повествует о маршруте передвижения войск, приметах ландшафта, значимых для военной тактики, и др. Но не знаменитая битва под Хотином (1673) поразила его воображение, а Дикое поле – самые яркие страницы записей посвящены ему²³. Гетман Ст. Жулкевский в своих записках также, несмотря на отдельные фрагменты сведений о русских царях (информация скорее всего была почерпнута им из польских историко-географических сочинений о Московии и Сарматии) и быте москвичей, более занят военными распоряжениями, нежели анализом восприятия русских как объекта для наблюдений и рефлексии. Хотя в его записках встречаются упоминания отдельных важных деталей их быта и менталитета, в целом они выступают главным образом как военные противники, не более того²⁴.

Однако появляются и более индивидуализированные «народоописательные» тексты²⁵, авторы которых стремятся не только информировать, но и проанализировать причины складывания иных обычаев и нравов, причем не только в этноцентрическом ключе. С. Маскевич, участвовавший в осаде Смоленска в 1608 г., в Клушинском сражении, оказался в Москве в период интервенции. Он, как можно судить по современным исследованиям²⁶, был одним из тех немногих, кто оставил подробные описания – этнографические и аналитические одновременно, в центре которых находится не польская рефлексия, а сам объект наблюдения – русские. Его записки, несмотря на обилие военных деталей и конкретных обстоятельств перемещений, в определенном смысле содержат в себе основные элементы путешествия. Его интересуют Другие не как враги или объект завоевания, а как новые, незнакомые обитатели иных земель. Их образ жизни и обычаи интересны ему. Но только потому, что передвижение в пространстве для него – это перемещение в пространство иной цивилизации и культуры. Главным признаком травелога оказывается в его записках образ автора-наблюдателя – любопытного, активного, рефлексирующего.

В целом можно констатировать: обычного (типичного) поляка-шляхтича той эпохи не очень интересовала внешняя сторона путешествий: они за редким исключением (М. Радзивилл, С. Маскевич, Я. Х. Пасек²⁷) не проявляли любопытства, не оценивали чужие нравы, не склонны были описывать впечатления. Иначе говоря, если автор не рассматривал себя в статусе путешественника, не брал на себя эту роль, само по себе преодоление физического пространства для него не было достойно упоминания.

Польские исследователи давно отмечали данный феномен сарматского самосознания и объясняли его польской ксенофобией и этноцентризмом²⁸. Польского шляхтича не интересовало чужое, так как свое виделось ему в категориях реализованной социальной утопии и богоизбранности польского народа-шляхты. Но не только в социально-исторической сфере следует искать причину столь странного на первый взгляд равнодушия к другому, а, во-первых, в установке, позиции наблюдателя, в его навыках рефлексии и способе видения мира и, во-вторых, в принятых в его социально-культурной среде принципах классификации описываемых объектов. Следует более осторожно трактовать вопрос об этнических или конфессиональных отличиях и сходствах европейских травелогов – ведь сравнительный анализ показывает, что они чаще всего оперируют универсальными

категориями в процессе процедуры сопоставления своего и чужого, пользуются стандартными схемами и определениями, а также и бытующими литературными канонами. Определяемая иногда как конфессиональная, позиция автора зачастую определяется внеконфессиональными основаниями.

В уже упомянутой статье Ю. М. Лотман замечает, что в средневековых текстах о путешествиях «нравственным понятиям присущ локальный признак, а локальным – нравственный. География выступает как разновидность этического знания»²⁹. Это последнее замечание в полной мере можно отнести к описаниям путешествий XVIII–XX вв. – они остаются областью семиотического моделирования, которое проявляется в аксиологическом подходе наблюдателя, только номинально «свободного» в своих впечатлениях и оценках. В сущности, позиция любого описателя-путешественника, как профессионала-этнографа, так и «обывателя» (это обосновали впервые теоретики американской антропологии так называемой «этнографии опыта» в 1930-е гг.), – не столько субъективный взгляд на Других – пространство, культуру, человека, – сколько этноцентрически (точнее, цивилизационно-центрически) ориентированный комплекс коллективных представлений и предубеждений. Главный принцип восприятия в нем – каузальная атрибуция; ракурс взгляда определяют прежде всего не впечатление и опыт, а знания и представления наблюдателя. Начиная с 1960-х гг. эта важная методологическая установка преобразуется в интерпретационно-культурную теорию (К. Гирц) и концепцию «культурного колониализма» (Э. Саид). В этом антропологическом контексте очевидно, что схема описания Другого отчасти остается неизменной: в ее основе лежит так наз. псевдо-etic подход к иной культуре, когда она оказывается объектом сравнения с собственной и не интересует наблюдателя сама по себе, изнутри.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. Символические пространства // Лотман Ю. М. Сочинения. Семиосфера. М.; СПб, 2000. С. 298.
- 2 Левинсон К. А. «Искренность» и «неискренность» как источниковедческая проблема в изучении эго-документов // Человек XVII столетия. М., 2005. Ч. 2; Ретина Л. П. «Персональная история»: биогра-

- фия как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1995; *Она же*. Историческое сознание и историописание. К 90-летию со дня рождения М. Барга // «Цепь времен». Проблема исторического сознания. М., 2005; *Она же*. Личность и общество, или история в биографиях (Вместо предисловия) // История через личность: Историческая биография сегодня. М., 2005.
- 3 См., в частности, статьи сборника: *Homo viator*. Путешествие как феномен культуры. М., 2010.
- 4 *Роботи Т.* Литература «путешествий» // Русская проза / Сборник под ред. Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова. Л., 1926. С. 42–73.
- 5 *Stagl A. S.* A history of curiosity. The Theory of Travel. 1550–1800. Amsterdam, 1995. P. 47–94. О нем см., в частности, в статье: *Лазарев В. В.* Путешествия иностранцев эпохи *ars apodemica* (1570–1640) // *Одиссей. Человек в истории*. Путешествие как историко-культурный феномен. 2009. М., 2010. С. 148–150.
- 6 *Бэкон Ф.* Опыты или наставления нравственные и политические // *Бэкон Ф.* Соч. в 2-х т. М., 1978. Т. 2. С. 389–391.
- 7 Там же. С. 389.
- 8 Там же. С. 391.
- 9 *Лазарев В. В.* Путешествия иностранцев... С. 150–152.
- 10 Из наиболее крупных конференций последних лет следует упомянуть: Культурное пространство путешествий (Санкт-Петербург, 2003). Материалы опубликованы в: *Культурное пространство путешествий*. Тезисы форума 8–10 апреля 2003. СПб., 2003; Путешествие как историко-культурный феномен. Конференция в Институте всеобщей истории РАН (Москва, 2008). Материалы опубликованы в: *Путешествие как историко-культурный феномен* // *Одиссей*. 2009. М., 2010. С. 5–266 и в: *Homo viator...*; *Власть Маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа*. Конференция РГГУ и Крымского геополитического клуба (Москва, 2012). Материалы конференции выложены по адресу: http://kogni.ru/news/annotacii_k_konferencii_vlast_marshruta/2012-11-10-1573 (дата последнего обращения – 30.10.2014). О ней см.: *Сид И.* «Власть маршрута». Постановка проблемы (<http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Vlast-Marshruta.-Postanovka-problemy> – дата последнего обращения – 30.10.2014); X Конгресс этнологов и антропологов России (Москва, 2013). Материалы опубликованы в: X Конгресс этнологов и антропологов России. Москва, 2–5 июля 2013. Тезисы. Секция «Феномен путешествий». М., 2013;

- Конференция «Литература путешествий в свете компаративности. РГГУ, «Белые чтения». 17–19 октября 2013 г. Программу см.: ruthenia.ru/konf/belye_chtenija_2013docx. См. также: Золотой век grand tour. Путешествие как феномен культуры / Сост. и общ. ред. В. П. Шестакова. СПб., 2012.
- 11 Толстиков А. В., Кошелева О. Е. Homo viator... С. 5–10; Шестаков В. П. Предисловие // Золотой век grand tour. С. 5–7.
 - 12 Харитонович Д. Э. Mundus Novus. Первозданная природа глазами человека эпохи Возрождения // Природа в культуре Возрождения. М., 1992. С. 109.
 - 13 Там же.
 - 14 Подробнее разбор тенденции современных ученых к экстраполяции представлений наблюдателя-описателя на объект его исследования см., в частности: Куприянов П. С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 21–26.
 - 15 Gloger Z. Silva rerum // Gloger Z. Encyklopedia staropolska. Warszawa, 1903. Т. IV. S. 231–232; Pelc J. Człowiek polskiego Baroku. Warszawa, 1991; Zachara M. Sylwy – dokument szlacheckiej kultury umysłowej // Z dziejów życia literackiego w Polsce XVI i XVII ww. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1980. S. 198–199.
 - 16 Лескинен М. В. Событийность и повседневность в сарматских эго-документах // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008. С. 234–251; Софронова Л. А. Записки Я. Х. Пасека. Дневник. Роман. Энциклопедия // Славяноведение. 2012. № 4. С. 22–31.
 - 17 Например, паломничество М. Радзивилла-Сиротки в Святую землю: Radziwiłł «Sierotka» М. К. Podróż do ziemi Świętej, Syrii i Egiptu. 1582–1584 / Oprac. L. Kukulski. Warszawa, 1962.
 - 18 Cedrowski J. [Pamiętnik] // Два памітніку з XVII wieku Jana Cedrowskiego i Jana Florianiana Drobysza Tuszyńskiego / Oprac. i wyd. A. Przyboś. Wrocław; Kraków, 1954. S. 1–20.
 - 19 Tuszyński J. D. Informacja lub konotacja // Два памітніку з XVII wieku... S. 21–108.
 - 20 Vincenz A. Wątki i tematy polskiej poezji barokowej // Helicon Sarmacki, wątki i tematy polskiej poezji barokowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1989; Софронова Л. А. Записки Яна Хризостома Пасека. Дневник. Роман. Энциклопедия. М., 2014. Ч. II. Гл. 2.
 - 21 Елина Н. Г. Пейзаж в итальянской лирике Возрождения // Природа в культуре Возрождения. М., 1992. С. 82.
 - 22 Подробнее об этом: Лескинен М. В. Ландшафт Святой земли в опи-

- саниях христианских паломников XVI в. // Ландшафты культуры. Славянский мир. М., 2007. С. 72–94.
- 23 *Tuszycki J. D.* Informacyja lub konotacyja. S. 40.
- 24 Записки Станислава Немоевского. Рукопись Жолкевского. Рязань, 2007. С. 335–462.
- 25 Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитриии Самозванце. Изд. Н. Устрялова. 3-е изд. СПб., 1859. Ч. II.
- 26 *Sucharski T.* «Rosja wchodzi w polskie wiersze» – obraz Rosjanina w literaturze polskiej // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / Red. A de Lazari. Warszawa, 2006. S. 92–93; *Мочалова В. В.* Представления о России и их верификация в Польше XVI–XVII вв. // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 44–64.
- 27 *Софронова Л. А.* Записки Яна Хризостома Пасека...
- 28 *Tazbir J.* Stosunek do obcych w dobie baroku // Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej. Warszawa, 1973. S. 80–112.
- 29 *Лотман Ю. М.* О понятии географического пространства. С. 240.

Leskinen M. V.

Travel-Notes of Poles in the Age of Sarmatism in the Context of Modern studies on Travels/Travelogs in their Narrative Aspect

The article treats main trends in recent studies and classifications of diary-notes on travels/travelogs. A number of Polish ego-texts of the age of Sarmatism are analysed to demonstrate peculiar attitude of the narratives' authors to their movements in space.

Keywords: *travelog as a genre, Sarmatism, travel notes, image of «the other», Polish culture of the baroque age, silva rerum.*

А. Г. Машкова
(Москва)

Человек и история в словацкой прозе 2000-х годов (на примере романов Павла Ранкова)

В последнее десятилетие в словацкой литературе прослеживается возросший интерес писателей к событиям исторической значимости и их влиянию на судьбы людей. Проблема «человек и история» исследуется в статье на материале романов «Это случилось первого сентября (или в другое время)» и «Матери» словацкого писателя П. Ранкова, которые можно отнести к одной из модификаций реализма – к постреализму.

Ключевые слова: *история, многолинейный архетипический сюжет, хронологическая объемность произведения, метод «oral history», архетип матери, прием ретардации, повествовательные притоки, постмодернизм, постреализм.*

«Чем я старше, тем больше меня интересует история и ее выкрутасы. Если уж мне суждено жить во времена, когда история буквально пляшет перед моими глазами, то это и в самом деле привлекает».

Яна Юранёва

«Роман “Дом глухого” рассказывает о том, как в жизнь словаков вторглось страшное двадцатое столетие».

Петер Криштуфек

В истории словацкой литературы XX столетия, как и в других славянских литературах, было немало спадов и подъемов, которые обусловлены спецификой общественно-политической и культурной жизни страны. При этом выйти из кризисного состояния ей, как правило, помогало обращение писателей к историческим событиям, осмысление ими их значимости для настоящего. Подобную ситуацию можно было наблюдать на рубеже 1950–1960-х гг., когда с началом процесса демократизации общества писатели попытались по-новому взглянуть на опыт военного прошлого. Аналогичная ситуация сложилась в литературе и во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг.,

когда после шокового состояния, связанного с оккупацией Чехословакии в 1968 г., писатели, осмыслив происшедшее, стремились почерпнуть творческие силы и мудрость в истории. Это было время расцвета словацкого романа. История пришла на помощь писателям и в 2000-е гг. Если литература первых лет после образования Словацкой республики (1993) была преимущественно литературой поиска, продиктованного стремлением писателей к свободе авторского самовыражения, не всегда удачного эксперимента, претензий на оригинальность ради популярности у читателей, то уже к середине 2000-х гг. пришло осознание необходимости более глубокого и всестороннего осмысления жизни. Отсюда и интерес к истории и к ее воздействию на человеческие судьбы. В поле зрения писателей оказываются события, самые разные по времени и масштабу. Их временной охват весьма широк: от начала XX в. до посткоммунистического периода. Иначе говоря, практически все столетие. При этом обращение к истории не является для литераторов самоцелью: главное для них – показать, как история играет с человеческими судьбами, как испытывает героев. Неважно, что это за события: мировая война, клерофашистский или коммунистический режим, оккупация страны, период «нормализации» или «нежная» революция. Подобное стремление осмыслить человеческие судьбы сквозь призму истории характерно для писателей, представляющих разные поколения, разные эстетические школы и поэтики. Среди них – Павел Виликовский (роман «Автобиография зла», 2009), Станислав Ракус (романы «Темпоральные записки», 1993, «Ненаписанный роман», 2004, «Эксцентричный университет», 2008, образующие трилогию), Душан Шимко (роман «Губбио», 2009), Яна Юранева (роман «Заступницы», 2006), В. Климачек (романы «Площадь космонавтов. Поколение Ю.», 2007, «Водка и хром», 2013, «Горячее лето 68», 2011), П. Криштуфек (роман «Дом глухого», 2013) и многие другие.

Заметной фигурой в ряду других романистов, отдавших дань обозначенной тенденции, является Павол Ранков (р. 1964). Его писательский дебют состоялся в 1995 г., когда в свет вышел сборник рассказов «С течением времени» (*S odstupom času*), удостоенный премии Ивана Краско и международной премии Джона Монне. Затем были опубликованы сборники «Мы и они // Они и мы» (*My a oni // Oni a my*, 2001) и «В непосредственной близости» (*V tesnej blízkosti*, 2004). Критики, в частности, Д. Гучкова, Я. Ленчо, П. Даровец, А. Бжох, М. Касарда, В. Барборик и др., сразу же обратили внимание на эти книги, отметив привлекательную манеру письма, мастерство

построения сюжета. В связи с его произведениями даже говорилось о ренессансе сюжета в словацкой литературе.

Значительное внимание читателей и критики привлек первый роман писателя «Это случилось первого сентября (или в другое время)» (*Stalo sa prvého septembra /alebo inokedy/*). Первое издание вышло в 2008, второе – в 2011 г. Общий тираж обоих изданий достиг 5.000 экземпляров, что для небольшой читательской аудитории Словакии очень много. Роман получил несколько премий: премию Евросоюза, Татра-Банка, читателей газеты «Смэ». Он переведен на многие языки мира. В 2010 г. была осуществлена его драматизация на сцене словацкого Национального театра (режиссер К. Жишка).

В подзаголовке романа мы читаем: «Исторический роман, охватывающий события 1938–1968 годов». Действительно, автор последовательно, год за годом, описывает исторические события, начиная с Венского арбитража, в результате которого южные области Словакии отошли к Венгрии, образования Словацкого государства, и заканчивая оккупацией страны войсками стран Варшавского договора. Ранков включает в текст эпизоды, в которых фигурируют конкретные исторические личности: Хорти, Тисо, Гусак, Новотный, Хрущев, Конев, Дубчек и др. При этом большинство историй, связанных с ними, написано в ироническом ключе, образует самостоятельный тематический и стилистический пласт романа.

Всего в романе тридцать одна глава. Автор обозначил их как «эпизоды»: «Эпизод 1938», «Эпизод 1939» и т. п. То есть уже сами названия глав указывают на то, что повествовательная структура романа носит фрагментарный характер. Практически в каждой главе-«эпизоде» описываются или просто упоминаются исторические события, так или иначе затрагивающие Словакию и одновременно определяющие поступки, судьбы героев, их жизненные траектории. Отсутствие сквозной романной композиции компенсируется обращением к историческому времени, которое как бы раздвигает сюжетные рамки произведения. При этом события истории не разрушают его структуру, наоборот, укрепляют ее, позволяя широко охватить действительность. Иначе говоря, роман не распадается на отдельные эпизоды, фрагменты, а обретает целостный, монолитный характер.

Каждый из героев по-своему проходит через горнило истории, у каждого – свой жизненный путь, своя правда. Именно на этом и сосредоточено основное внимание автора. Поэтому начиная уже с первых страниц книги представление автором жанровой формы произведения как исторического романа кажется сомнительным. В

отличие от исторического романа, повествование в котором обычно носит объективный характер, здесь рассказ о судьбах героев волнует читателей, они ощущают эти события как сиюминутные, животрепещущие. Таким образом, авторское уточнение воспринимается нами как провокация (точно так же, как уточнение в заглавии книги, где в скобках говорится: *«или в другое время»*). Тем более что далее он пишет: *«Все герои романа... – выдуманы... Все выдуманно. Никогда ничего не было, никогда никто не жил. И даже первого сентября никогда не было»*¹. Зачем понадобилась автору подобная провокация? Объяснение этому мы находим в сквозном мотиве книги, который как бы «цементирует» все «эпизоды»-главы и который относится к разряду «вечных»: это любовь. Речь идет о любви трех юношей – чеха Яна, венгра Петера и еврея Габриэля – к одной девушке – словачке Марии. Все они представляют *«потерянное поколение»*, которому автор и посвящает свою книгу.

Фактически перед нами – многолинейный архетипический сюжет, в котором параллельно развертывающиеся событийные линии, воссоздающие судьбы героев, определены историей. Жизненные пути персонажей время от времени соприкасаются или даже пересекаются. В основе этих пересечений чаще всего оказываются отношения с Марией, образу которой автор придает романтическую окраску: хотя в силу различных обстоятельств она по очереди и сближается с каждым из персонажей, однако в итоге остается одна.

В соответствии с архетипическим типом сюжета действие начинается с завязки (глава «Эпизод 1938»), когда все герои, влюбленные в Марию, собираются вместе и устраивают состязание на купальне. По договоренности победитель получит право начать борьбу за сердце девушки. Однако состязание заканчивается ничем: один из них, Габриэль, едва не утонул. Далее, втянутые в водоворот истории, герои продолжают это состязание на протяжении всего романа. Поразному складываются их судьбы, которые воссоздаются с помощью хронотопической объемности произведения, ибо не только временные, но и пространственные рамки романа весьма широки. Здесь и местечко Левице в Словакии, где родились и провели свои юношеские годы герои, и Чехия, где в начале войны скрывается семья Яна, и Палестина, куда переселяется семья Габриэля и куда затем попадает Ян, и Америка, где Ян в итоге находит свое пристанище, и Австрия, куда уезжает Петр. Самые невероятные события, перипетии, стечения обстоятельств сменяют друг друга. Для того чтобы выжить, герои пытаются приспособиться (например, в зависимости

от поворотов истории меняют имена и фамилии – то на венгерский, то на чешский, то на словацкий лад; Петр часто идет на сделку со своими убеждениями и совестью и т. д.).

Проехавшая своим колесом по жизням героев, история, в конце концов, ставит их перед выбором: остаться на родине или эмигрировать. В финальной сцене романа (глава «Эпизод 1968»), когда все они, как и в начале, собираются вместе, Ян и Петр спрашивают Марию, почему та не хочет покинуть Словакию. Как и подобает романтическому герою, девушка отвечает: «*Это моя родина*», чем вызывает гнев друзей: «*Это родина?*», – восклицает один из них. «*Это то Чехословакия, потом Венгрия, Словакия, опять Чехословакия. Сначала ее оккупируют немцы, потом русские... Это не может быть родиной!*»². В итоге все трое мужчин эмигрируют. Состязание закончилось, как и в первый раз, без победителей. Все они – это, как говорит Мария, «*три мои не осуществленные жизни*». А мы бы добавили к этому: три жертвы истории.

Именно Марии писатель предоставляет последнее слово в романе: глава «Эпизод 1968» в отличие от всех предыдущих глав написана от ее имени, в «Я-форме». Во всех главах, кроме последней, автор-повествователь занимает активную позицию: он в гуще событий, он – своеобразный участник происходящего, свидетель, а порой и судья. Передав функции рассказчика Марии, он делает попытку взглянуть на все как бы со стороны, с женской точки зрения, глазами человека, которого, по словам героини, «*политика никогда не интересовала*». Отчасти это можно истолковать как противостояние «мужского» и «женского» начал. Вывод, к которому приходит Мария, таков: политика – это «*мужские игры и выкрутасы с правдой*»³. Здесь же присутствует мысль об извечном противостоянии добра и зла. Во время войны границы между добром и злом были очевидны. А все, что пришло потом, – не что иное, как политиканство.

Первому роману Ранкова, в целом написанному в традиционной реалистической манере, на уровне повествовательной структуры присущи и некоторые черты постмодернистской поэтики.

Словацкий критик А. Гальвоник в своей рецензии назвал первый роман Ранкова «*вызовом времени*». И если писатель сумеет принять этот вызов, отмечает А. Гальвоник, то «*словацкой литературе есть чего с нетерпением ожидать*»⁴. И Ранков принял этот вызов: в 2011 г. был опубликован новый роман писателя, который называется «Матери». На сей раз действие охватывает период с середины 1940-х гг., когда в Словакии уже ширилось партизанское движение,

до наших дней. В отличие от первого романа, где история порой заслоняла собой человека, здесь упоминания об исторических событиях подчинены основной идее произведения: раскрытию темы материнства в экстремальных или просто сложных жизненных ситуациях. Начинается действие в северо-восточной части Словакии, в местечке Залесна Паруба, где живет главная героиня, словацкая девушка Зузана Лаукова. Во время ее последнего свидания с возлюбленным – русским партизаном Алешей в дом врываются немецкие солдаты и убивают его. Позже, заподозренная в предательстве, героиня оказывается в русском ГУЛАГе. Там у нее рождается ребенок, названный в честь погибшего отца Алешей. Чтобы спасти малыша и иметь возможность общаться с ним, Зузана идет навстречу пожеланию русской надзирательницы по имени Ирина и отказывается от него. После смерти Сталина иностранные подданные, содержащиеся в ГУЛАГе, получают возможность вернуться на родину. Возвращается в Чехословакию и Зузана. Однако мальчик остается с Ириной, ибо он – гражданин СССР. Борьба Зузаны за возвращение Алешу в Словакию завершается успешно: мальчик приезжает к ней, но... с красным галстуком на шее, который как бы символизирует пропасть, образовавшуюся между матерью и ребенком, уже успевшим полюбить свою новую мать. Алеша тяжело переносит разлуку с ней. Насильственный разрыв Зузаны с сыном приводит к нарушению гармонии в отношениях между ней и Алешей. Одновременно она узнает, что ее возлюбленный был предан собственной матерью, написавшей донос в немецкую комендатуру. Она сообщает об этом властям, мать арестована. Оказавшись в тюрьме, мать заканчивает жизнь самоубийством, что становится поводом для страданий Зузаны. Когда наступает 1968 г., Алеша, как он сам потом признается, среди советских солдат, оккупировавших страну, искал глазами фигуру Ирины, которая его воспитала. Зузана, при всей своей любви к сыну, ради его спасения в условиях оккупации вторично отказывается от него: она настаивает на его эмиграции из страны. Алеша уезжает в Швецию.

Итак, в центре внимания автора находится образ словацкой женщины-матери. Хотелось бы напомнить, что образ матери в мировой литературе является одним из основных архетипов, который уходит своими корнями в глубины истории и не утрачивает своей актуальности и в наше время. Этот архетип олицетворяет собой связь с природой, землей, Вселенной. Его звучание, поведенческий стереотип в разных литературах существенно разнятся и зависят от целого ряда

факторов, в том числе фольклорных и христианских традиций, природных, социальных, исторических условий и т. п. Гендерный стереотип матери двойкий: он может иметь как положительные коннотации, олицетворять собой светлые стороны материнского начала, так и отрицательные, деструктивные (дарующая жизнь, защитница детей и наряду с этим – страдальца, преступница, карающая врага во имя спасения своего ребенка). И то, и другое порой может сочетаться в одном человеке, что обусловлено биологической природой материнства.

Именно об этом идет речь в романе Ранкова.

С большой силой эмоционального воздействия писатель раскрывает психологию Зузаны Лауковой. Ее образ олицетворяет собой модель поведения «жертвенной матери», которая в самых нечеловеческих условиях жертвует всем, даже правом называться матерью, во имя спасения своего ребенка. Ради него она готова пойти на преступление и на смерть. Это относится не только к Зузане, вся жизнь которой подчинена борьбе за сына, но и к ее матери, вставшей на защиту дочери и не остановившейся ради этого перед предательством. Отчасти это относится и к другой героине романа – студентке-дипломнице Люции (события, связанные с ней, происходят в наши дни). Девушка, вопреки настойчивому требованию собственной матери, отказывается убить своего еще не родившегося ребенка и покидает родной дом. Природная, биологическая сила материнского инстинкта раскрыта и в эпизодах-вставках, повествующих о волчицах и усиливающих эмоциональный накал восприятия темы материнства (первый эпизод – встреча в лесу беременной Зузаны с волчицей, которая охотится, чтобы накормить потомство, и которая, поняв, что перед ней – «человеческая самка... полная решимости защищать свой живот», отступает, так и не накормив своего волчонка; второй эпизод – гибель волчицы, вышедшей на охоту вместе со своим детенышем и погибшей от рук человека).

Таким образом, тема материнства получает в романе весьма широкое осмысление. Это стало возможно благодаря сложной повествовательной структуре произведения, в частности, использованию композиционного приема ретардации. Данный прием реализуется путем включения в текст как дополнительных, на первый взгляд не имеющих непосредственного отношения к главному действию, персонажей, так и вставных эпизодов, сцен и даже глав (в тексте романа они имеют иное графическое оформление). Эти персонажи и вставные эпизоды, как бы замедляя развитие основного действия, не на-

рушают его, а лишь задерживают кульминационный момент и развязку, способствуя более глубокому осмыслению темы.

Рассказ о судьбе главной героини писатель начинает с описания любовной сцены Зузаны и русского партизана, за которой следует рассказ о его гибели и аресте девушки. Эти главы написаны в форме повествования от лица автора. Затем следует графически измененный текст, повествующий о встрече студентки-дипломницы Люции Герлианской с научным руководителем Вокнаром. Выясняется, что целью дипломного сочинения девушки является изучение проблемы материнства в экстремальных жизненных условиях, в том числе в концлагерях, с помощью метода «oral history». Описание встречи прерывается включением в текст теоретической части работы, проясняющей сущность данного метода. Далее следует дискуссия Люции и Вокнара о целесообразности и обоснованности его использования, в частности, применительно к указанной теме. То есть писатель как бы подготавливает нас к дальнейшему повествованию от лица главной героини, обосновывая использование «Я-формы», которая чревата нарушением некоторой объективности в изображении событий исторической значимости. Этот способ повествования придает рассказу большую эмоциональную насыщенность. Таким образом, весь дальнейший рассказ о судьбе Зузаны, положенный в основу дипломного сочинения Люции, носит ретроспективный характер и ведется от ее лица.

Однако использование приема ретардации этим эпизодом не ограничивается. Время от времени в основной повествовательный план вплетаются новые вставные эпизоды, побочные действия, которые так или иначе спроецированы на судьбу главной героини. Иначе говоря, отступая от основной сюжетной линии, автор переключает внимание читателя на иные повествовательные «притоки». Такую повествовательную структуру романа можно сравнить с рекой, в которую по ходу ее течения впадают притоки, делающие основное русло более полноводным и глубоким. Поначалу бывает трудно определить взаимосвязь между основным повествованием и побочным. Примером тому может служить переписка Люции и Вокнара, в которой проясняются некоторые подробности работы девушки над дипломным сочинением, с научной и политической точки зрения комментируется история Зузаны, воссозданная дипломницей от ее лица, а также сообщается о том, что Люция беременна. К одному из писем Люции прилагается рассказ о встрече беременной Зузаны с волчицей, который является своего рода метафорой поведения женщины в

ГУЛАГе. Функция этого рассказа весьма значительна и имеет самое непосредственное отношение к истории главной героини, ибо и то, и другое подчинено раскрытию темы материнства в пограничной жизненной ситуации.

Вместе с тем здесь же вырисовывается дополнительный аспект данной темы: Волнар ставит Люцию перед выбором – либо беременность, либо продолжение обучения. Эта позиция поддерживается матерью Люции. Таким образом, и Люция, будучи глубоко убеждена в том, что *«если матери перестанут бороться за своих детей, то будут нарушены законы природы и ценности цивилизации»*⁵, также оказывается если не в экстремальной, то, по крайней мере, в сложной жизненной ситуации.

Следующий повествовательный «приток», который также спроецирован на историю главной героини, – это встреча на вечеринке Люции с молодым человеком. Как выясняется, тот пишет работу по проблеме материнства и детства – важнейшей составляющей темы материнства. В дальнейшем данный повествовательный «приток» проясняется историей взаимоотношений Зузаны и ее сына, а также Зузаны и ее матери. Описывая беседу Зузаны и Люции, а затем встречу Люции с сыном Зузаны, автор проводит мысль о том, что человек не выбирает свою мать, он должен принимать ее такой, какая она есть, должен научиться прощать, ибо ненависть к матери способна передаваться из поколения в поколение. И если Зузане остается лишь раскаяние, ибо ее мать умерла, так и не получив прощения дочери, то ее сын, как бы исправляя ошибку матери, возвращается к ней. Таким образом, использование сложной повествовательной структуры романа вполне оправданно. Писатель подчиняет ее одной главной цели: более полному, многоаспектному раскрытию темы материнства в различных исторических ситуациях, созданию архетипа матери, *«Матери с большой матери»*, как пишет автор.

С поэтологической точки зрения романы Ранкова можно отнести к одной из наиболее продуктивных тенденций развития словацкой прозы последних десятилетий, которую некоторые исследователи обозначают термином «постреализм». (Кстати, признаки постреалистической парадигмы художественности можно обнаружить еще в словацкой прозе 1960–1980-х гг., в творчестве писателей так называемого «поколения “Младой творбы”» – Я. Йоганидеса, П. Ярша, Р. Слободы, Л. Баллека и др.). Однако отличие сегодняшнего словацкого постреализма от постреализма предшествующих десятилетий состоит в том, что он уже вобрал в себя опыт постмодер-

низма и, восприняв его художественную логику, активно пользуется постмодернистским эстетическим арсеналом, «подпитывается» его открытиями. Вместе с тем концепция современного постреализма в корне отличается от постмодернистской. Так, в романах Ранкова, где присутствуют типичные для постмодернизма приемы (интертекстуальность, стилевое многообразие, игровые отношения между автором и героем, «открытость» текста для интерпретаций и вариантов и др.), конкретный живой человек не потерялся в хаосе бытия, как это случалось у постмодернистов, а компромиссы между различными жизненными философиями реализованы в четко локализованных хронотопах героев и освобожденных от элемента вымысла сюжетах. Писатель поставил во главу угла человеческую личность, постижение всего спектра отношений между человеком и миром, человеком и историей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Stalo sa prvého septembra (alebo inokedy). Bratislava, 2008. S. 7.
- 2 Ibid. S. 326.
- 3 Ibid. S. 316.
- 4 *Halvoník A.* Pavol Rankov. Stalo sa prvého septembra (alebo inokedy) // Knižná revue. XVIII. R. 24. Č. 20. S. 1.
- 5 *Rankov P.* Matky. Bratislava, 2011. S. 112.

Mashkova A. G.

Man and History in the Slovak Prose of the 2000s
(exemplified by Pavol Rankov's Novels)

In the recent decade, the Slovak literature shows growing interest to the events of historic significance and their influence on people's destinies. The problem of «man and history» is dealt in the article on the material of the novels of the Slovak writer Pavol Rankov, which could be described as a modification of Post-realism.

Keywords: *history, mulilineal archetypical plot, chronotopic dimensions of a literary work, method of oral history, mother archetype, method of retardation, narrative infows, Post-modernism, Post-realism.*

Ю. А. Созина
(Москва)

История словенской литературы в России – фундаментальные исследования конца XX – XXI в.

Статья посвящена рецепции словенской литературы в России на современном этапе. Краткий экскурс в прошлое подчеркивает достижения российского литературоведения в области изучения и продвижения знания о литературе Словении. Рассматриваются книги, которые являются результатом сотрудничества ученых Словении и России.

Ключевые слова: *словенская литература, российское литературоведение, фундаментальные славистические литературоведческие труды, научное сотрудничество.*

Рецепция словенской литературы в России имеет уже достаточно долгую историю. От первых упоминаний в фундаментальных трудах по истории славянских литератур А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, т. е. с 1865 г.¹ и далее, вплоть до настоящего времени российскими литературоведами проведена огромная работа, благодаря которой русскоязычным читателям не только стали доступны самые яркие жемчужины национального Парнаса, но получил освещение и весь путь развития литературы Словении. В настоящее время мы можем констатировать стабильный рост интереса к словенской литературе в России, который постепенно распространяется и на все русскоязычное пространство – в том числе на республики бывшего Советского Союза. Расцвет литературного восприятия и научного осмысления стал возможен в первую очередь благодаря объединению усилий и энтузиазму профессионального сообщества российских словенистов и, конечно, поддержке со словенской стороны. Такая констатация основана на результатах научного мониторинга словенистических исследований рубежа XX–XXI вв., который был предпринят нами совместно с Т. И. Чепелевской для определения, каков русский взгляд на современную Словению, ее культуру и науку. Результатом явилась публикация в 2011 г. «Библиографии российской словенистики», насчитывающей более трех сотен работ по словенской истории, языку, литературе и культуре, опубликованных в России, и включающей перечень переводов художественных произведений словенских писателей на русский язык, вышедших с 1990

по 2011 г. Зафиксированное количество научно-исследовательских работ, посвященных Словении, в сравнении с предшествующими периодами истории российской словенистики является действительным достижением. В сопроводительной статье подробно расписаны предпосылки, выявлены основные направления восприятия словенской культуры и основные результаты роста научного интереса к Словении со стороны российских ученых – филологов, историков и культурологов – и делается вывод о том, что «словенистика в России представлена весьма разносторонне, достигнуты существенные результаты, и можно отметить большой потенциал для дальнейшего развития»².

Только в конце XX в. появляется полноценное, претендующее на всеохватность представление словенской литературы в фундаментальном научном труде, подготовленном в Институте славяноведения Российской академии наук, – трехтомной «Истории литератур западных и южных славян». Этот коллективный труд (созданный по инициативе и под руководством Л. Н. Будаговой), номинант Государственной премии России, является важным итогом работы российских литературоведов и своеобразным рубежом в развитии отечественной славистики. Для его создания был собран коллектив, объединивший ведущих ученых-славистов Москвы и Санкт-Петербурга. В создании семи глав, посвященных истории словенской литературы начиная со Средневековья вплоть до окончания Второй мировой войны участвовали М. Л. Бершадская³, Л. К. Гаврюшина⁴, М. И. Рыжова⁵, В. В. Сонькин⁶, Т. И. Чепелевская⁷. В первом томе, охватывающем период становления славянской письменности и ее развития до середины XVIII в., словенская литература представлена еще весьма скромно. Однако начиная с главы Т. И. Чепелевской во втором томе (т. е. со второй половины XVIII в.) и далее это уже полноценные глубокие обзоры словенской литературы на разных этапах ее развития, в общей сложности 180 страниц, которые вполне могли бы лечь в основу самостоятельного издания.

Фундаментальную «Историю литератур западных и южных славян», ядро авторского коллектива которой составили литературоведы Института славяноведения из отдела, занимающегося историей славянских литератур условно до 1945 г., зачастую объединяют с подготовленным в Институте славяноведения двухтомником «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны» (Москва, 1995, 2001). Он является логичным продолжением истории славянских литератур, но выполнен другим научным коллективом,

занимающимся современным этапом развития литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. В первом томе (1945–1960-е гг.) процессы, происходившие в словенской литературе, переплетены с процессами других национальных литератур бывшей Югославии; во втором томе (1970–1980-е гг.) словенская литература выделена в отдельную главу в разделе, посвященном литературе общего федеративного государственного образования. Автором данной главы является Н. Н. Старикова⁸. Благодаря ее усилиям спустя десятилетие был осуществлен проект публикации истории словенской литературы на русском языке как отдельного издания, вернее, двух книг под общим названием «Словенская литература», но с разными подзаголовками: первая охватывает период «от истоков до рубежа XIX–XX веков», вторая посвящена целиком многотрудному XX веку. Обе книги вышли в издательстве «Индрик» (Москва) соответственно в 2010 и 2014 гг. В их создании принимали участие исследователи двух стран – России и Словении. Подобные межнациональные проекты в сравнении с работами, выполненными внутри одной устоявшейся национальной традиции, имеют свои ярко выраженные плюсы (например, многосторонний взгляд на объект исследования; плюрализм мнений и, как следствие, непредвзятость оценок; возможность более широкого охвата материала), и минусы (в частности, сложнейшую редактуру по сведению в единое целое результатов работы столь разных авторов, необходимость, так сказать, «гармонизации многоголосия» суждений; зависимость от качества перевода; необходимость учитывать личностное начало каждого из авторов, работавших над книгой).

В обеих книгах видна сложная и весьма важная работа ответственного редактора, Н. Н. Стариковой, которая выступила также и в роли автора двух введений, соавтора двух и переводчика трех глав первого тома, была автором семи (включая «Вместо заключения») глав, переводчиком четырех глав и составителем сопроводительных материалов во втором томе. Обе книги открываются введением, написанным ответственным редактором, где наряду с кратким представлением проекта и структуры каждого тома дается небольшой историко-литературный обзор, и кратким историческим очерком, в первом случае автором выступил словенский, во втором – российский историк: Стане Гранда и Н. С. Пилько. Появление таких глав – самих по себе весьма достойных и высокопрофессиональных – в литературоведческой работе представляется не совсем обычным, тем более что занимают они шестую и седьмую часть от объема основ-

ного текста, соответственно. В связи с этим возникли неизбежные повторения в главах, они присутствуют уже и в самом начале – во введении. Таким образом, доля информации по истории словенского народа в труде кажется чрезмерной и в определенном смысле уводит в сторону от его общей литературной (литературоведческой) направленности, тем более что параллельно с первой книгой «Словенской литературы» уже готовилась к выходу отдельная «История Словении», подготовленная сотрудниками Института славяноведения⁹.

В первой книге – «Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков)» – в качестве сопроводительной выступает еще одна глава: «Народное поэтическое и эпическое творчество», – написанная Марьеткой Голеж-Каучич, возглавляющей Музыкально-этнографический институт Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств. На наш взгляд, появление такой работы на русском языке имеет весьма важное значение, выходящее за рамки конкретного проекта. Это не просто обзорная работа по словенскому фольклору; благодаря ей открывается богатый мир народных песен и легенд, ставших источником позднейшего литературного творчества, прослеживается традиция, ведь некоторые из древних сюжетов используются и современными авторами, а следовательно, живы до сих пор. Глава проиллюстрирована памятниками народного творчества, приводимыми как оригинале, так и в прекрасном переводе Г. И. Замятиной.

Далее в книге следует обращение непосредственно к книжной традиции. Основной корпус разделен на три части: «От Средневековья к Новому времени: X в. – середина XVIII в.», «Литература Нового времени. Вторая половина XVIII в. – 80-е гг. XIX в.» и «Литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918)». Фактически такое деление повторяет периодизацию трехтомной «Истории литератур западных и южных славян».

Первая часть состоит из трех глав, посвященных древним памятникам и периодам Реформации и барокко. Все эти главы принадлежат Йозе Фаганелу в соавторстве с Н. Н. Стариковой (первые две) и Лукой Видмаром (третья). Словенская литература здесь представлена объемнее, чем в соответствующих главах первого тома «Истории литератур западных и южных славян». Положительной оценки заслуживает и наличие сведений о произведениях, созданных словенскими деятелями на немецком и латинском языках (в частности, в период барокко), что в российском литературоведении случается редко, поскольку чаще всего славянские литературы традиционно

рассматриваются «независимо» от своего естественного литературного окружения. Вместе с тем неоспоримым фактом является то, что все это оказывало непосредственное влияние на развитие национальной культуры.

Вторая и третья части книги, авторами глав которой явились Т. И. Чепелевская («Литература эпохи Просвещения и романтизма (вторая половина XVIII в. – первая половина XIX в.)»), М. Л. Бершадская («Литература между романтизмом и реализмом (50–80-е гг. XIX в.)») и М. И. Рыжова («Реализм, натурализм, модерн»), по сути, являются повторением – естественно, в определенной степени заново проработанным – написанных ими же глав «Истории литератур западных и южных славян», соответственно, второго и третьего томов. Отраднo, что текст дополнен многими примерами, проиллюстрирован поэтическими цитатами. На наш взгляд, в труде такого рода цитат может быть еще больше. Особое эстетическое удовольствие доставляет чтение главы М. Л. Бершадской, что, впрочем, ничуть не умаляет заслуг двух других авторов. Глава Т. И. Чепелевской существенно расширена и доработана.

Следует особо подчеркнуть, что связь рассматриваемой нами «Словенской литературы (от истоков до рубежа XIX–XX веков)» с вышеназванным трехтомником гораздо глубже, чем это обозначено в самой книге. Последний упомянут в ней лишь в «Избранной библиографии» в общем перечне и в сноске во введении¹⁰: здесь он обозначен как одно из двух фундаментальных исследований – наряду с «Историей славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича¹¹, – где словенская литература рассматривалась в ряду других славянских литератур. Мы считаем, что это не вполне справедливо. Известно, что в «Истории славянских литератур», созданной в XIX в., вернее, только в первом ее томе, написанном А. Н. Пыпиным, действительно есть глава «Хорутане» (т. 1, с. 283–303). По сравнению с другими национальными литературами словенская литература здесь представлена скудно – по объективным причинам. Поэтому ставить словенскую главу из этого издания в один ряд с главами из современной во всех отношениях «Истории литератур западных и южных славян» представляется некорректным.

Все главы второй и третьей частей монографии «Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков)» максимально выверены, имеют общую структуру и с точки зрения общей концепции приведены к общему знаменателю – все это не в последнюю очередь оказалось возможным и благодаря серьезной работе редколлегии

предшествующего издания: Л. Н. Будаговой (ответственный редактор III тома), С. В. Никольскому (ответственный редактор II тома), Р. Ф. Дорониной (работавшей над главами, посвященными литературам югославянских народов). Однако некоторые моменты, которые были хороши для общей истории литератур западных и южных славян, в новом издании следовало бы еще более скорректировать в соответствии с новой задачей: создание труда, посвященного истории одной конкретной литературы. Имеются досадные повторы. Так, например, в начале своей главы М. И. Рыжова касается ряда вопросов, о которых только что говорила М. Л. Бершадская. Каждая из основных глав начинается с краткого исторического введения. При этом пафос подачи одного и того же фактического материала не всегда совпадает (например, с точки зрения идей клерикализма и либерализма). Впрочем, не прибегая к «переписыванию», ответственному редактору самостоятельно исправить эти досадные недочеты не представлялось возможным.

На наш взгляд, следовало бы также учесть некоторые не названные работы, созданные в 2000-е гг. Поскольку книга предназначена и для студентов, было бы целесообразным приложить список основных произведений словенских классиков, переведенных на русский язык. Отрадно, что это было сделано во второй книге проекта – «Словенская литература XX века»¹².

При общей схожести концепции вторая книга имеет ряд отличий, позволивших не просто заявить ее как самостоятельное издание, но и дополнительно обособить, включив в специальную книжную серию – «Литература XX века». Том стал первым в этой серии; в ближайшем будущем предполагается выход книги, посвященной литературному процессу в Хорватии.

Монография «Словенская литература XX века» разделена на две основные части: первая и вторая половины XX в. По сути дела, повествование начинается с 1918 г., т. е. там, где завершился предыдущий том. Нововведением можно считать формальную разбивку материала на подразделы не только по времени создания, но и по родам литературы: лирика, эпос, драма – соответственно, поэзия, проза, драматургия. Причем их порядок в различные периоды меняется в зависимости от доминирования то одного, то другого над остальными. Так, в межвоенный период первой оказывается поэзия, за ней следует проза, а замыкает их драматургия. В 1950–1960-е гг. поэзия и проза меняются местами. Такое положение дел сохраняется и в 1970–1980-е гг. А вот в литературе 1990-х гг. за прозой уже следу-

ет драматургия, а в замыкающих оказывается поэзия. Подобного деления избежала только литература периода Второй мировой войны и первых послевоенных лет (1941–1950).

В первой части главным образом были вновь использованы материалы из «Истории литератур западных и южных славян» (главы В. В. Сонькина и Т. И. Чепелевской). Вместе с тем их дополнил подраздел о межвоенной словенской драматургии, написанный специально для этого издания Криштофом-Яцеком Козаком (он же явился автором соответствующего подраздела для 1990-х гг.).

В основу главы о литературе 1970–1980-х гг. частично лег материал из второго тома «Истории литератур Восточной Европы после Второй мировой войны»¹³. Остальные главы, предоставленные как словенской, так и российской стороной, написаны специально для монографии. Наряду с уже упомянутыми авторами (К.-Я. Козак и Н. Н. Старикова) над их созданием трудились словенские литературоведы, специализирующиеся в соответствующих областях: Денис Пониж (поэзия 1950–60-х), Матея Пездриц-Бартол и Томаж Топоришич (драма 1950–60-х), Матевж Кос (поэзия 1990-х) и Томо Вирк (проза 1990-х).

Особняком (вне двух основных частей) стоит глава «Литература эмиграции», написанная Яней Житник-Серафин, являющейся одним из крупнейших специалистов по вопросам культурной миграции в Словении, под ее редакцией вышел в свет трехтомный труд «Словенская эмигрантская литература»¹⁴. Появление этой главы в книге является событием для российского читателя, поскольку это первый систематический обзор словенской литературы за пределами Словении, на русском языке.

Следует отметить, что вторая книга еще в большей степени, чем предыдущая, снабжена поэтическим иллюстративным материалом, что, без сомнения, придает ей особую ценность.

Явным достоинством обоих изданий являются приложения – основные факты словенской литературы представлены наглядно в виде таблиц (в первой книге) и списков (во второй). Здесь быстро можно найти источники, сведения о том, где они хранятся, что содержат; важнейшие периодические издания с годами их существования; основную информацию о национальных литературных премиях и их лауреатах. Особую ценность обоим коллективным трудам добавляют избранная библиография, являющаяся подспорьем для будущих исследователей словенской литературы, и именной указатель. Заключает обе книги краткая, но весьма

важная информация об их авторах, дающая представление о профессиональном уровне участников и масштабности настоящего российско-словенского проекта.

Обобщая все вышесказанное, еще раз особо подчеркнем, что издания «Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков)» и «Словенская литература XX века», созданные в результате совместной работы ученых Словении и России под руководством Н. Н. Стариковой, представляют существенный вклад в развитие российской словенистики в сфере постижения словенской литературы и дальнейшего продвижения ее как в российском культурном пространстве, так и шире – во всем русскоязычном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 137.
- 2 *Созина Ю. А., Чепелевская Т. И.* Библиография российской словенистики (1990–2010). М., 2011. С. 19.
- 3 *Бершадская М. Л.* Словенская литература. Ч. II. Литература 50-х – 80-х годов XIX века // История литератур западных и южных славян. В 3-х т. Т. 2: Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М., 1997. С. 491–535.
- 4 *Гаврюшина Л. К.* Словенская литература / Ч. II. Средневековье (IX век – начало XV века) // История литератур западных и южных славян. Т. 1: От истоков до середины XVIII века. М., 1997. С. 255–256; *Она же.* Словенская литература / Ч. III. От Средневековья к Новому времени (XV век – середина XVIII века) // Там же. С. 775–780.
- 5 *Рыжова М. И.* Словенская литература / Ч. I. Литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918) // История литератур западных и южных славян. Т. 3: Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год). М., 2001. С. 281–309.
- 6 *Сонькин В. В.* Словенская литература / Ч. II. Литература межвоенного двадцатилетия (1920–1930-е гг.) // История литератур западных и южных славян. Т. 3. С. 637–665.
- 7 *Чепелевская Т. И.* Словенская литература / Ч. I. Литература второй половины XVIII – первой половины XIX века // История литератур западных и южных славян. Т. 2. С. 299–332; *Она же.* Словенская литература / Ч. III. Литература периода Второй мировой войны (1939–1945) // Там же. Т. 3. С. 881–905.

- 8 *Старикова Н. Н.*: Словенская литература // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: В 2-х т. Т. 2: 1970–1980-е гг. М., 2001. С. 388–431.
- 9 *Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В.* История Словении. СПб., 2011.
- 10 Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков) / Отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2010. С. 7.
- 11 *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур: В 2-х т. / Изд. 2-е, вновь переработанное и дополненное. СПб., 1879–1881.
- 12 Словенская литература XX века // Отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2014.
- 13 *Старикова Н. Н.* Словенская литература // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. Т. 2. С. 388–431.
- 14 Slovenska izseljenska književnost 1–3 / Ur. J. Žitnik. Ljubljana: Založba ZRC: Rokus, 1999.

Sozina Yu. A.

Fundamental Studies on the Slovenian Literature in Modern Russia

The article treats the reception of the Slovenian literature in the present-day Russia. A short digression into the past underlines achievements of the Russian literature studies in the sphere of exploration and dissemination of the knowledge about Slovenian literature.

Keywords: *Slovenian literature, Russian literature studies, fundamental studies on Slavic literatures, academic cooperation.*

М. С. Федорова
(Москва)

**К вопросу о типологии женских образов в литературе
первой половины XVIII в.
(на примере «Повести о царице Персике»)**

Статья посвящена анализу и типологии женских образов в памятнике русской литературы XVIII в. – «Повести о царице Персике». Данный аспект исследования позволяет проследить эволюцию женских образов в русской литературе, выявить закономерности устойчивых связей повести XVIII в. с агиографической традицией древнерусской книжности, а также понять причины появления художественных типов, отвечающих культурным запросам нового времени.

Ключевые слова: *русская литература, XVIII век, типология, женские образы, «Повесть о царице Персике».*

«Повесть о царице Персике» была популярна в читательской среде на протяжении XVIII–XIX вв., доказательством чего является наличие двенадцати списков произведения.

Некоторые ученые, в числе которых исследователь В. И. Малышев, считают, что повесть является переводным художественным текстом. Н. И. Петров, С. П. Розанов¹ предполагали южнославянское, а именно болгарское, происхождение данного произведения. В. Д. Кузьмина приходит к выводу, что «Чудо пресвятыя Богородицы о царице Персике...» не может быть переводом с латинского первоисточника, а является “творческой переделкой легенды”, сделанной в начале XVIII в.»².

Сюжет повести отдаленно восходит к чуду Иоанна Дамаскина, произошедшему в VIII в., когда по его молитве к Богородице отсеченная кисть снова приросла к руке. Также можно говорить о том, что сюжетобразующим стержнем повести служит ее тесная связь с фольклором. Волшебная сказка «Безручка» достаточно популярна как в западноевропейском, так и в восточнославянском фольклоре.

Повесть является сложным единством, сочетающим в себе основные элементы агиографического произведения и типичные черты авантюрной повести начала XVIII в. Произведение носит скорее житейный, агиографический характер, тем невероятнее его появление и бытование в среде, подвергшейся секуляризации сознания.

Типичные черты повести Петровской эпохи легко просматриваются в тексте произведения: это отношение к просвещению и вос-

питанию молодых людей, география событий, перенесенных в «за-морские страны», психологизм, отображенный в описании чувств главных героев. Затрагивая тему просвещения, автор отмечает, что Евгения, одного из главных героев повести, отец «посла его ради всякаго свободного учения в Рим, да тамо обучается всяких благо-разумных нравов»³. Он же украшен не только красотой, но «и учени-ем, аки лучами украшена...» (с. 257).

Интересным является сопоставление учености Евгения и его невесты, а затем супруги, Персики. Автор даже в столь незначи-тельных подробностях противопоставляет современную ему эпоху и Древнюю Русь. Из текста повести известно, что царевна Персика не обучалась за границей, но воспитывалась в традиции христиан-ского благочестия, изучала Святое Писание, и «егда же начинаше кралевиц, что от учения своего, иже в Риме изучилса, глаголати с нею – она же вся реченная от него яснее разумеваше и предлагаше ему» (с. 261).

В повести несколько женских персонажей: царевна Персика, ее мачеха царица Люция, царица Александра, королева Гликерия. Пер-вые два главных персонажа описаны автором достаточно подробно, два остальных всего несколько раз появляются на страницах пове-сти. Также следует отметить, что образ Пресвятой Богородицы яв-ляется ключевым на протяжении всего произведения, а в одном из эпизодов Богоматерь предстает как действующий персонаж повести.

Имя главной героини «заимствовано, вероятно, из сочинения Николая Спафария о сивиллах, где говорится, что первая сивилла Персика (“Персидская”) “ходила во золотых ризах, зраку была мла-дообразна, красотою зело добра”»⁴. Не случайно Персика скрывает свое настоящее имя от будущего супруга, и не случаен ее выбор но-вого имени (имя Елизавета имеет древнееврейское происхождение и в переводе значит «обет Богу», «почитающая Бога»). Отходя от сказочного имени, Персика называет себя именем реальным и этим именем подчеркивает свое истинное стремление к вере, принадлеж-ность своей души Богу.

Образ царевны Персики во многом строится по модели житийно-го образа. В повести наличествуют такие типичные для агиографи-ческого произведения сюжетообразующие мотивы, как происхождение от благочестивых родителей, воспитание в вере, мученичество.

Детство царевна Персика проводила в чтении книг Священно-го Писания: «Егдаже бысть царевна Персика шести лет от рождения своего, нача ю мати ея царица Александра сама поучати книгам бо-

жественного писания... Девица бо сущи остроумна вся глаголемая ей добре разумеваше и в скорее времени изучися всякаго любомудрия, яко духовнаго, тако и внешняго...» (с. 255). Через все произведение проходит лейтмотивом воспринятое с детства осознание близости и заступничества Божьей Матери, необходимости молитвы к Ней: «а наипаче поучаше ю мати ея, да непрестанно во уме своем имеет ангельская словеса, еже есть: “радуйся, обрадованная, Господь с тобою!”», еже она, яко остроумна сущи, добре восприят реченное; и бысть зело премудра, в меру пришедши совершенных философов» (там же). Автор отмечает не только ум героини, но и ее мудрость, сравнивая с философами и поясняя, что в ней сочетается органично духовное и телесное начало. Он наделяет главный женский персонаж такими положительными качествами, как любомудрие, премудрость, искренняя вера в Бога, почитание родителей. Не скрывается от внимания читателя внешняя красота царевны Персики. Неоднократно разные персонажи описывают красоту царевны: «яко зеница красна – ей же подобной ни во всем крузе земном бысть» (там же); «прекрасну сущу, и в златом одеянии; аще бо и кровию истощися, обаче красота ея не увяде» (с. 260); «Егда же кравевич узре ю, воззревшую на него, паче уязвися сердечною любовию к ней и часто взирая на красоту лица ея...» (там же). Описание красоты внешней постоянно дополняется упоминанием о внутреннем богатстве царевны, ее разуме. «Да вижду тя добродетельми украшену, аки прекрасную маргариту» (с. 255), – говорит о ней царица Александра. «Егда же начинаше кравевич, что от учения своего, иже в Риме изучился, глаголати с нею – она же вся реченная от него яснее разумеваше и предлагаше ему» (с. 261). Король Кир также обращает внимание на красоту и премудрость царевны: «слушая таковых словес премудрых и, зря на красоту ея, зело удивляшеся, и возлюби ю, яко истую дочь свою» (там же). «И бысть любима ради премудрости своя» (там же). Царевна Персика настолько расположила к себе короля Кира, что «и всякия великия дела краль Кир без ея совету не творяше; и всеми любима и почитаема бе» (там же).

К житийной традиции можно отнести эпизоды «родительских наставлений»: «по умертви моем, потщися вся глаголанная мною добре исправити» (с. 255), «а наипаче не удаляй от себе всещедрую заступницу Богородицу, яже тебе великая мати бысть, и будет во всяких случаях, сохраняя и спасая тя! Поминай же и мене, мать свою, по умертви моем, яко добре трудившуюся о воспитании твоём и возвращении!» (там же).

Автор неоднократно подчеркивает невероятное смирение царевны Персики – сначала по отношению к родителям, божьему Промыслу, а затем даже к ненавидящей ее мачехе: «аки незлобивая агница, по наущению возлюбленная своя матери царицы Александры, яко матери, повиновашеся» (с. 258). Она старается не нарушать родительской воли, несмотря на уговоры мачехи: «Отец бо мой, аще увести мя исходящу, всячески гнев на мя воздвигнет!» (с. 259).

Художественные приемы, в частности, яркие, красочные сравнения, встречающиеся на страницах повести, являются тем истоком, из которого разовьются более изощренные художественные техники литературы позднего периода. Автор часто сравнивает Персику с «неповинной агницей»: «Не возложи рук на неповинную сию агницу, с незлобивыми птенцы – чады ея...» (с. 264); «красотою лица, яко солнце, сияющую...» (с. 266); «...яко благаго корене благая ветвь!» (с. 255). Неоднократное сравнение царевны с агницей носит библейский оттенок, отсылающий к именованию безвинной жертвы Иисуса Христа, часто встречающемуся в житиях святых.

Мучения царевны Персики, отсылающие нас к древнерусской традиции жанра жития, являются одним из ключевых моментов повествования. Она подвергается серьезным испытаниям по воле мачехи, которая не может простить ей превосходства по красоте и уму: «Царевна же по приятии великаго мучения бысть аки изумлена: воста от земли, нача бегати по непроходимому лесу, и лице свое, красотою сияющее, о дресева одравши» (с. 259).

В повести есть художественные детали, служащие для лучшего понимания замысла произведения. Например, икона, образ Пресвятой Богородицы, имеет важное значение. Перед смертью царица Александра благословляет им Персику, вновь и вновь давая наставление в первую очередь заботиться о своей душе и непрестанно молиться Пресвятой Богородице: «И давша ей образ Пресвятыя Богородицы и рече ей: “сию имей непрестанно помощницу себе!”» (с. 256). Таким образом, духовные наставления не только передаются на словах, но имеют реально воплощенный символический образ.

Как во многих произведениях Древней Руси, в данной повести мы находим противопоставление двух персонажей, олицетворяющих своими характерами, поступками доброе и злое начало. Тем самым автор возвращается к словесности более раннего периода, когда любой персонаж мог восприниматься только однозначно: положительно или отрицательно. Смешение в вымышленных героях различных качеств, ориентированность их на реальных людей по-

является с секуляризацией сознания. Вот почему для повести начала XVIII в. данный способ раскрытия художественных образов достаточно нетипичен.

Явление Пресвятой Богородицы, Ее заступничество и чудо, которое произошло, также отсылает нас к древнерусской традиции: «И приложи принесенныя с собою руки к рукам ея отсеченным; и абие сотвори ю, якобы никогда руце ея отсечены были» (там же). Небольшой эпизод, рассказывающий о чуде, вынесен и в название повести, тем самым автор подчеркивает его значимость. Пресвятая Богоматерь обращается к царевне Персике со словами: «Дщи моя возлюбленная! Что тако скорбно стужаеши Ми? Или уже мниши, яко Тя оставих? Поистине убо непрестанно с тобою пребывах. Не скорби убо! Се имашаи руце!» (там же). Через всю повесть проходит светлый образ Божьей Матери, оберегающей царевну Персику. На страницах произведения Божья Матерь появляется не только непосредственно в момент чуда, но и через молитвы, обращаемые к ней, через родительские наставления царевне Персике, через художественную деталь – икону, которую передает умирающая царица Александра своей дочери.

Интересным для исследования представляется также персонаж, являющийся противоположностью царевны Персики, – ее мачеха Люция. Автор строит противопоставление образов на основании положительных/отрицательных качеств героинь. Таким образом, персонажи олицетворяют собою борьбу добра и зла, которую можно отнести как с житейной, так и со сказочной традицией.

Аналогии также можно провести с образом царицы Александры. Поддавшись уговорам министров, царь Михаил ищет себе новую жену, «в красоте подобну бывшей царице Александре» (с. 257). Если первая жена царя Михаила была найдена в пределах государства, вторую для него находят в иноземной стране «в некоем государстве от африкийских стран» (там же). В описании выбора невесты автор использует прием повтора (с. 254–255, 257). Внешне обладая яркой красотой («обретоша некую великую княжню, зело прекрасну» (с. 257)), царица Люция является злым, лицемерным человеком. Автор повести неоднократно подчеркивает ее пороки и противопоставляет их добродетелям царевны Персики. Ненависть Люции противопоставляется любви Персики к Богу, к окружающим: «Егда же узре ю мачеха ея Люция и абие подивися красоте ея; и от того часа вложи в ню диавол ненависть на царевну Персику» (с. 258). Читатель понимает, что за Персикой стоит Пресвятая Богородица, за Люцией – дьявол. Антитеза образов переносится на про-

тивоборство добра и зла. Царица Люция не может смириться с тем, что Персика красивее ее: «Нача Люция завистию на царевну снедаться, аки ехидна, зрящи себе красотою хуждши ея бытии» (там же). Зависть Люции неоднократно подчеркивается автором произведения: «И, яко змия, скрываше яд свой, аки бы любяше ю; внутрь же, аки копием, завистию хотяше ю збости» (там же), «Завистию же мачехи моя Люции сицевая злая пострадах» (с. 266), «ты завистию змииною поощряема» (с. 267).

Автор повести использует яркие художественные средства в создании образа Люции. Например, сравнивает Люцию с ехидной, змеей: «абие бестудная та ехидна» (с. 258), «На незлобивую же царевну Персику уже явно яд свой завистливый изливаше» (там же), «потаенная змия» (с. 259), «яко лукавая та змия» (с. 263). Создается впечатление, что он наделил Люцию всевозможными грехами, создав однозначно отрицательный персонаж. Люция, будучи неверной своему супругу, пытается оклеветать в грехе блуда Персику: «абие бестудная та ехидна не сохраниши ложа мужа своего, но оскверни е: обретши некоего от раб своих, нача с ним блудно жити» (с. 258), «нача бо к царю Михаилу лжесоставныя грамоты писати на царевну» (там же). Она не только дважды пыталась погубить царевну Персику, но стремилась разрушить ее брак, соблазняя королевича Евгения: «видевши Евгения, зело распалися похотию плотскою на него» (с. 263), «нача льстити его, яко да сотворит с нею блуд» (там же). Символична кончина Люции: «И тако Люция смертию безобразною погибе, еюже хоте и иных ногубити» (с. 267). Стремясь погубить невинную Персику, она сама погибает несправедливой смертью.

Таким образом, перед нами предстает некий собирательный образ отрицательного героя, наделенный качествами, противоположными добродетелям положительной царевны Персики. Образ, соотносимый со сказочным персонажем «злая мачеха» и людьми, действующими по наущению дьявола, из житийной литературы.

Отдельного внимания заслуживает образ царицы Александры. Александра – дочь князя, которую министры отыскивали в «некоем граде» как достойную супругу царю Михаилу. Автор подчеркивает буквально в одной фразе совокупность многих христианских добродетелей, говоря о жене царя Михаила: «добрая жена его» (с. 255). Приводя в повествовании примеры поучения царевны Персики, показывая, как Александра любит свою дочь и прививает ей христианскую веру, он косвенно раскрывает новые черты в характере данного персонажа: «Мати ея царица Александра сама поучати книгам божественнаго пи-

сания...» (там же), «а наипаче поучаше ю мати ея, да непрестанно во уме своем имеет ангельская словеса, еже есть: “радуйся, обрадованная, Господь с тобою!”» (там же). «Премудрая царица Александра» (с. 256) смогла передать свою мудрость дочери, тщательно занимаясь ее воспитанием. Царица Александра чувствует свою заслугу в воспитании дочери и перед смертью говорит ей: «...поминай же и мене, матерь свою... яко добре трудившуюся о воспитании твоём и возвращении!» (с. 255). Царица Александра, воплощая собой положительный женский образ, своим примером учит дочь вере и любви. Без Александры не появился бы тот идеальный образ царевны Персике, который в итоге предстает перед читателем повести.

Гликерия – еще один женский образ, созданный автором повести. Этот персонаж дается автором пунктирно, однако в немногочисленных своих появлениях в повести показан достаточно емко. Милосердие, жертвенность, любовь к ближним Гликерии проявляются в ее словах и поступках. Королева Гликерия любит и уважает своего сына, доверяет его здравым суждениям: «якоже хочещи, чадо, тако и твори; иди невозбранно!» (с. 259). Царевна Персика стала для Гликерии настолько любимым и близким человеком, что при виде опасности «королева же паче себе хотяше смерти предати, нежели неповинной Персике, что зло сотворити» (с. 264).

Как большинство повестей Петровской эпохи, «Повесть о царевне Персике» показывает разные человеческие характеры. В отличие от произведений предшествующего периода, автор склонен ярко изображать человеческие чувства, их многообразие, зачастую преувеличивать их. В повести встречаются примеры психологизма, разворачиваются сцены, переполненные эмоциями, героини не скрывают чувств, они плачут, рыдают, рвут на себе волосы: «Королева же, сия слышавши, нача рыдати о нем неутешно» (с. 260), «остави неутешный плач дщери своей Персике, и царю Михаилу» (с. 256), «И нача горько и болезненно рыдати и власы главы своя терзати» (с. 264).

Конец повести: «Евгения же, утвердив на царстве болгарском пребывати и с Персикою, дщерию своюю, во вся дни живота своего о Христе Иисусе Господе нашем, Емуже слава ныне и присно и во веки веков. Аминь» (с. 267) помещен в контекст агиографической традиции, согласно которой автор начинает и заканчивает повествование молитвой, воздавая хвалу Господу.

Таким образом, мы находим в данной повести многие житийные приемы, которые характерны для древнерусской словесности: рождение героини от благочестивых родителей, ее мученические ис-

пытания, художественные сравнения, изображение благочестивого брака, моральных качеств главной героини, ее веры, верности, любви к Богу, смирения, христианских добродетелей, послушания, ума, премудрости и красоты. В повести можно выделить положительные и отрицательные женские образы. К первому типу относится царица Персика, царица Александра и королева Гликерия. Ко второму – царица Люция. В повести неизменно присутствует образ Пресвятой Богородицы, являющийся в житийной традиции несомненным образцом для подражания православного человека.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 *Петров Н. И.* О влиянии западноевропейской литературы на русскую // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1872. Кн. 8. С. 758; *Розанов С. П.* Рецензия // *Сиповский В. В.* Русские повести XVII–XVIII вв. СПб., 1904. Т. 9. Кн. 4. С. 377.
- 2 *Кузьмина В. Д.* Источник повести о царевне Персике // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 452.
- 3 *Сиповский В. В.* Русские повести XVII–XVIII вв. СПб., 1905. Т. 1. С. 256–257. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте статьи.
- 4 *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 229.

Fedorova M. S.

To the Typology of Female Characters in the Literature of the First Half of the Eighteenth Century (on the Example of «The Story of Tsarevna Persik»)

The article is devoted to the analysis and typology of female characters in the Russian literature oeuvre of the eighteenth century – «The Story of Tsarevna Persik». This aspect of research allows tracing the evolution of female characters in the Russian literature, exemplifying regularities of lasting links between the eighteenth-century novel and hagiographic tradition of the Old-Russian book-learning and understanding of appearance of new artistic types, satisfying cultural needs of new times.

Keywords: *Russian literature, eighteenth century, typology, female characters, «The Story of Tsarevna Persik».*

И. Н. Смирнова
(Москва)

**Женские образы в новейших работах
болгарских литературоведов
(обзор содержания, тематика, направленность)**

В статье анализируются новейшие разработки болгарских литературоведов, посвященные специфике и бытованию женских образов в болгарской литературе XIX–XX вв., рассматривается их содержание, разнообразие подходов к теме.

Ключевые слова: *болгарская литература, женские образы, XIX–XX вв., новейшие разработки болгарских литературоведов.*

Женский образ занимает одно из главных мест в болгарской литературе, присутствуя не только в любовной лирике, но и в произведениях иных жанров¹. Несмотря на это, вопросам возникновения и развития женских образов в романтическом или реалистическом ключе, их существования в литературном и историческом контексте, равно как и классификации, уделено мало внимания. Чаще всего данная тема рассматривается в связи с анализом какого-либо конкретного художественного произведения. Этот процесс начался в конце XIX в. и продолжается до наших дней. В нашей небольшой статье мы попытались кратко проанализировать новейшие работы болгарских литературоведов по указанной проблематике.

К исследованиям такого рода относится статья Аны Алексиевой об эротической поэзии Петко Р. Славейкова (1827–1895), в которой подчеркивается, что творчество этого поэта эпохи болгарского Национального возрождения находилось под сильным влиянием патриархальной традиции². В то время эротическое чувство было позволительно лишь в браке, Славейков первым вышел за рамки сложившейся традиции. (Как пишет Алексиева, «Славейков был первым, кто активизировал языковой прорыв, обозначив болгарское эротическое пространство»³.) Поэт в своих произведениях преодолел негласный запрет на уровне содержания и формы, используя, по мнению Алексиевой, разнообразные средства родного языка. Женское начало у него мыслится в категориях «природного» и «естественного». Исследовательница отмечает, что Славейков конструирует женский образ как физический объект, лишенный психологических характеристик, и рассматривает его сквозь призму мужского взгляда. Она также пишет, что болгарские любовные песни находились

под влиянием турецкой поэзии, вследствие чего внешний облик изображаемых в них женщин был своего рода клишированным, мало похожим на реальных болгарок. Эта клишированность в контексте подъема в стране национально-освободительного движения против турок и патриотических устремлений стала причиной того, что болгары считали любовную лирику «несерьезным жанром». Интерес к «женской» проблематике возрос в болгарском литературоведении сравнительно недавно. Он был связан, по мнению исследовательницы, с эротической трактовкой женского образа в национальной литературе середины XIX в., разрушившей прежнюю литературную традицию изображения болгарской женщины.

Упомянутая работа – не единственная в череде подобных. Ваня Колева, например, в статье «Поэма Пенчо Славейкова “Ралица”» подробно анализирует это произведение Пенчо Славейкова (1866–1912), написанное в 1927 г.⁴ Предметами ее исследования служат форма и содержание текста, а также система образов в нем. Образ главной героини рассматривается ею с точки зрения фольклорной традиции, Колева фиксирует те изобразительные средства, которые были позаимствованы поэтом из народного творчества.

Еще одно исследование, посвященное изучению женского образа в творчестве определенного поэта, принадлежит Софии Ангеловой-Дамяновой. В ее статье «Цикл “Царицы ночи” П. К. Яворова и болгарский модернизм»⁵ затрагиваются проблемы номинативности в творчестве одного из основоположников болгарского символизма Пейо К. Яворова (1878–1914) и интерпретация женского образа в стихотворном цикле поэта «Царицы ночи». Автор статьи считает, что данный цикл неизбежно возвращает нас к ранним произведениям Яворова, в частности, к поэме «Каллиопа» (1910). Используя последние достижения болгарского символизма, Яворов, по ее словам, низводит женский образ до «стилистически маркированного объекта»⁶. Ко времени создания данного цикла образ женщины-ангела в поэзии Яворова себя исчерпал, его место заняла женщина хтоническая, символизирующая раздвоение души лирического героя. В лирике Яворова, как пишет исследовательница, эта хтоническая женщина «остается самой большой неразрешенной и неразрешимой загадкой»⁷. Три поэмы цикла («Мессалина», «Клеопатра» и «Сапфо») являются своеобразным суммированием опыта изображения поэтом «хтонической» женщины и задают дальнейшие пути развития ее образа в его творчестве. Из трех поэм к драме больше всего тяготеет «Сапфо» – не в последнюю очередь за счет стилизации под древ-

негреческую трагедию благодаря введению реплик хора. Ангелова-Дамянова смело проводит параллели между стихотворным «модернизмом» Яворова и приемами европейского модерна в живописи Густава Климта. Общим, по ее словам, является у них изображение ночи, обнаженного женского тела, декоративные детали в виде змей, волн, кос, цветочного орнамента и т. п. Женский образ является здесь универсальным, историческим, мотивированным библейской, древнегреческой или древнеримской историей. Отсюда ведут свое начало соответствующие имена героинь: Саффо, Клеопатра. Автор статьи приходит к выводу, что каждая из поэм представляет собой определенную грань образа женщины, присутствующую в творчестве позднего Яворова: мечтающая Мессалина, убивающая себя Клеопатра и Саффо с драматически раздвоенной душой. Данной интерпретацией Яворов поднимает болгарскую литературу до современного ему европейского уровня.

В следующей статье «Имя женщины в поэзии П. К. Яворова»⁸, посвященной женскому образу, Ангелова рассматривает конкретные имена яворовских героинь. Не отклоняясь от принятого в болгарском литературоведении разделения яворовских женских образов на «ангельские» и «демонические», она отмечает, что имена в его поэзии встречаются сравнительно редко, и если имя присутствует, то оно, как правило, вводится специально для стилизации – будь то имя царицы Клеопатры или нарочито откровенно народные имена (Росица или Аглика). Вводя в стилизованный под национальный фольклор текст чуждое болгарской культурной традиции имя Каллиопа, Яворов подчеркивает абстрактность своей героини. Из этой идеи абстрактной женщины в дальнейшем возникло противопоставление ангела и демона. Отсутствие имени, по мнению Ангеловой, свидетельствует о максимальной обобщенности в изображении двух упомянутых крайностей женской души. Реальной женщины для поэта не существует, а женщина-тень, женщина в маске неуловима для познания и осмысления и потому остается для него пугающей. Исследовательница приходит к выводу, что даже при наличии у лирической героини имени у Яворова она остается фактически безымянной и амбивалентной. Лирический герой, как правило, это тяжело переживает, что характерно для поздней лирики поэта.

Яворов два раза испытывал страстную любовь, завершавшуюся трагически. Первая его возлюбленная – девушка-подросток Мина Тодорова – была разлучена с поэтом близкими родственниками, отслана в Париж для учебы, где умерла от туберкулеза. Вторая боль-

шая любовь Яворова, поэтесса Лора Каравелова, стала его женой, но покончила жизнь самоубийством. Письмам Лоры посвящено исследование Бисеры Даковой – статья «Лора, Яворов и метафизика/диалектика любви»⁹. Анализируя их, Дакова реконструирует то, как образ реальной женщины, жены поэта находил отражение в яворовской поэзии. Она анализирует душевное состояние Лоры, ее отношение к стихотворениям мужа, в которых она узнавала себя. Любовные роли, распределенные Яворовым-поэтом, предполагают активность лирического героя, чувствующего себя собственником-соблазнителем, причиняющим боль своей возлюбленной. Женский образ, напротив, характеризуется как пассивный, как трагическое сочетание плоти и духа, в котором сливаются Эрос и Танатос. Подобное распределение ролей Дакова оценивает как насильственное и отмечает, что даже в литературных взаимоотношениях Лора находила свидетельства своей подчиненности и стремилась избежать давления Яворова, добиться равноправия, стать для него не мечтой, а живым человеком. Самоубийство Лоры исследовательница объясняет ее экзистенциальным стремлением стать «настоящей», так как «истина простирается за пределы действительности»¹⁰.

В статье «Яворов – между Миной и Милой»¹¹ Петр Стефанов не только обращается к биографии Яворова и его роману с Миной Тодоровой, но и изучает влияние этого романа на дальнейшее творчество поэта. Юная невинная Мина является источником появления в яворовской поэзии образа женщины-ангела, который, как уже было отмечено другими исследователями, себя впоследствии исчерпал. Исследователь делает вывод, что драма «У подножия Витоши» – это попытка Яворова преодолеть горе после безвременной смерти Мины и что действующие лица пьесы, Мила и Христофоров, фактически являются олитературенными образами Мины и самого поэта.

Другая исследовательница, Лора Шумкова, изучает в своей статье женские образы на материале творчества болгарских прозаиков Яны Язовой (1912–1974), Димитра Димова (1909–1966) и Йордана Йовкова (1880–1937)¹². У каждой из трех героинь этих авторов есть собственная жизненная стратегия, приводящая к несхожим финалам. Ана Дюлгерова, героиня одноименного романа Язовой (1936), умирает, не в силах остаться среди своих призрачных мечтаний или сделать решительный шаг навстречу действительности. Елена Петрашева из повести Димова «Поручик Бенц» (1938) являет собой полную противоположность патриархальному идеалу жены и матери. Ее потребительское отношение к мужчинам и равнодуш-

ный отказ от материнства Шумкова расценивает как аморальные. Противоположный тип женщины воплощен в героине романа Йовкова «Обыкновенный человек» (1936) Аничке Боровой. Несмотря на окончание университета и намерение самостоятельно устроить свою судьбу в столице, не уповая на появление столичного жениха, она по своим жизненным установкам патриархальна. В отличие от двух первых героинь, которые не смогли обуздать свои внутренние демонические силы, Аничка сумела достичь гармонии: она стала матерью и направила свои силы в созидательное русло. Автор статьи пишет о том, что романы демонстрируют непохожие друг на друга женские образы, их различное развитие и различные конфликты. Граница между патриархальным и новым, по ее мнению, пролегает между селом и городом и накладывает заметный отпечаток на личность героинь.

Интерес к женским образам, созданным женщиной, в болгарском литературоведении усиливается по мере выдвижения на первый план женской поэзии и прозы. Посвященные им исследования публикуются сегодня довольно регулярно. Так, Иван Христов сравнивает сборники стихотворений Элисаветы Багряны (1893–1991) «Вечная и святая» и Магды Петкановой (1900–1970) «Македонские песни» (оба сборника – 1927), обнаруживая в них не только много сходного, но и принципиальные различия¹³. В обоих сборниках присутствует тема патриархального, трактуемая по-разному. У Багряны жестокость старшей женщины в семье оправдывается тем, что она мачеха, а Петканова рисует образ родной матери, привнося в свои стихотворения атмосферу глубоко патриархального быта. В ее творчестве изображены изломанные, перевернутые семейные отношения, когда в доме нет любви, господствует деспотизм, а различия в мировоззрении могут довести до смертоубийства. Патриархальность выражается в том, что над всем доминирует фигура мужа. Героиня умоляет его спасти ее от свекрови (чей образ по функции равнозначен здесь образу мачехи) и от его братьев, третирующих молодую невестку. Героиня Петкановой не помышляет о самоубийстве, а обращается за спасением к мужу, чего героиня Багряны никогда бы не сделала. В свою очередь, ее героиня иронизирует над пережитками прошлого (стихотворение «Сглаз»), что для Петкановой недопустимо. Автор приходит к выводу, что поэзия Багряны более прогрессивна в своем обосновании женской субъектности в контексте фольклорной стилизации, творчество же Петкановой из-за отсутствия субъектности мало соотносится с современными реалиями.

Интересным исследованием является статья Антоанеты Алипиевой «Женщина»¹⁴, в которой она анализирует женский образ в болгарской литературе начиная со времен Национального возрождения. Главное значение женщины в патриархальном мире – быть женой и матерью. Вне этих функций женщина проявляет себя редко. Она может, например, встать на защиту национальных устоев. Такова, например, красавица Гергана из поэмы Славейкова «Источник белоногой» (1873), сопротивлявшаяся посягательствам бея-турка, собиравшегося взять ее в свой гарем. Она предпочитает свое, родное, болгарское роскоши, неге и комфорту в бейских покоях. В целом Алипиева отмечает сильную идеализацию женского образа в болгарской литературе на протяжении длительного периода времени. В том случае, когда реальное поведение героини вступает в противоречие с этим идеалом, она приобретает демонические черты. При этом, по мнению Алипиевой, образ женщины оценивается сквозь призму образа мужчины. Она заключает свою статью мыслью о том, что патриархальный образ всегда будет значим и востребован в литературе, поскольку именно он лежит в ее основе. Характер его изменений исключает возможность появления сегодня каких-либо значимых произведений с сугубо феминистической направленностью.

Представленный краткий обзор свидетельствует о возрастании интереса современных болгарских литературоведов к проблеме эволюции женских образов в национальной словесности XIX–XX вв. Статьи на эту тему появляются с завидной регулярностью и отличаются разнообразием подходов и точек зрения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Если говорить о древней литературе, то эти образы актуальны только для народного творчества, но не для духовной литературы, имевшей совершенно отличные от фольклорного каноны изображения женщины, которая в этом роде литературы была представлена слабо. В качестве примера можно привести следующие произведения: Слово за жената християнка, която обърна своя мъж езичник в християнска вярa // Българската литература и книжнина през XIII век. София, 1987. С. 148; Слово на Настасия Черноризица за това, как бе възведена на небето // Там же. С. 163; Служба за Филотея Темнишка // Там же. С. 85; Проложно житие на Петка Търновска // Там же. С. 53. Сюда также относятся жития Петки Търновской

- и Филофеи Темницкой, написанные патриархом Евфимием Тырновским, и некоторые другие произведения.
- 2 *Алексиева А.* Еротичната поезия на П. Р. Славейков и българското канономоделиране // *Електронно списание LiterNet*, 02.01.2007, № 1 (86). [Электронный ресурс] (31.03.2013). – http://litenet.bg/publish14/a_aleksieva/erotichnata.htm
 - 3 Там же.
 - 4 *Колева В.* Поемата «Ралица» на Пенчо Славейков // *Електронно списание LiterNet*, 02.06.2005, № 6 (67). [Электронный ресурс] (31.03.2013). – <http://litenet.bg/publish/vkoleva/galica.htm>
 - 5 *Ангелова-Дамянова С.* Цикълът «Царици на ноща» от П. К. Яворов и българският модернизъм // *Електронно списание LiterNet*, 11.09.2011. № 9 (142). [Электронный ресурс] (31.03.2013). – <http://litenet.bg/publish8/sangelova-damianova/javorov.htm>
 - 6 Там же.
 - 7 Там же.
 - 8 *Ангелова С.* Името на жената в поезията на П. К. Яворов // *Електронно списание LiterNet* 21.03.2013, № 3 (160). [Электронный ресурс] (31.03.2013). – <http://litenet.bg/publish8/sangelova-damianova/javorov-zhenata.htm>
 - 9 *Дакова Б.* «Лора, Яворов и метафизика/диалектиката на любовта» // *Електронно списание LiterNet*, 10.11.2010, № 11 (132). [Электронный ресурс] (31.03.2013). – http://litenet.bg/publish/bdakova/lora_iaavorov.htm
 - 10 Там же.
 - 11 *Стефанов П.* Яворов – между Мина и Мила // *Електронно списание LiterNet*, 09.03.2009, № 3 (112). [Электронный ресурс] (31.03.2013). – <http://litenet.bg/publish2/pstefanov/iaavorov.htm>
 - 12 *Шумкова Л.* Невъзможни жени // *Електронно списание LiterNet*, 20.02.2006, № 2 (75). [Электронный ресурс] (31.03.2013). – http://litenet.bg/publish14/l_shumkova/nevyzmozhni.htm
 - 13 *Христов И.* Българският литературен модернизъм – родно и женско // *Електронно списание LiterNet*, 24.03.2012, № 3 (148). [Электронный ресурс] (31.03.2013). – http://litenet.bg/publish14/i_hristov/rodno-zhensko.htm
 - 14 *Алипиева А.* Жената // *Електронно списание LiterNet*, 11.04.2006. [Электронный ресурс] (31.03.2013). – <http://litenet.bg/publish/aalipieva/nacionalna/zhenata.htm>

Smirnova I. N.

Female Characters in Recent Works of the Bulgarian Literary Historians
(an Overview of the Content, Themes, and Orientation)

The article considers recent works of Bulgarian literary historians, dealing with specific features and existing of female characters in the Bulgarian literature of the nineteenth and twentieth centuries, reflects on their content and variability of approaches to the theme.

Keywords: *Bulgarian literature, female characters, nineteenth and twentieth centuries, recent works of Bulgarian literary historians.*

Т. А. Агапкина
(Москва)

Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракита (род *Salix*)

В статье рассматривается мифопоэтический концепт вербы, который представлен целым блоком значений, разнонаправленных и даже противоречащих друг другу. С одной стороны, верба как символ воплощает представление о быстром росте, витальной силе и используется в том числе в продуцирующей магии. С другой – всё это, однако, приписывается дереву, которое было наказано бесплодием за прегрешения против Христа, и поэтому «плодоносящая верба» становится образом чудесного и одновременно воплощением обмана, формулой проклятия и несбыточных желаний.

Ключевые слова: символика, фольклор, традиционная культура, мифопоэтика, верба.

В восточно- и западнославянской этнолингвистике и фольклористике так много и разнообразно, как об иве/вербе, не писали, наверное, ни об одном другом дереве (не считая, конечно, дуба). Подобное внимание объясняется, на наш взгляд, не только распространенностью ботанического рода *Salix*, весьма многочисленного и разнообразного в видовом отношении, но и тем, что ветки вербы являются обязательным атрибутом одного из самых притягательных и отмечаемых христианских праздников – Вербного воскресенья.

Основные работы по теме относятся к восточнославянским и польской научным школам, что соответствует роли вербы в соответствующих этнокультурных традициях. Из работ XIX в. выделяется очерк А. А. Потетбни «Вербовая дощечка» (вошедший в 1-й том «Объяснения малорусских и сродных народных песен», 1883), где рассматриваются многочисленные обрядовые, игровые и фольклорные контексты с участием вербы. В начале XX в. внимание к вербе привлекли работы М. Дикарева (1903), поскольку именно в украинской этноботанике верба занимает, пожалуй, самое заметное место (ср. известную поговорку «Без верби і калини нема України»). В 1931 г. появилась статья Х. Жултовской о вербе в польской народной традиции (Żółtowska 1931). О символике вербы писал Н. И. Толстой (1982), о ее мифологии – М. Менцей (1996); в 1990–2000 гг. вышло

несколько работ об относящихся к вербе паремиях и фразеологизмах (Nowakowska 2005; Барактова 2006). В 1-м томе этнолингвистического словаря «Славянские древности» была опубликована статья «Верба», в которой впервые собран и обобщен разнообразный в жанровом отношении материал из разных славянских традиций (Толстой, Усачева 1995; по возможности мы не будем повторять приводимые там примеры). В 2010 г. в журнале «Традиционная культура» напечатана специальная подборка статей – о вербе и Вербном воскресенье (на материалах ранее проведенного круглого стола) в разных европейских традициях («Верба хлѣс» 2010).

В 2003 г. увидела свет монография А. В. Часовниковой – о христианских образах растительного мира в народной традиции, одна из глав которой посвящена вербе. Автор поставила своей задачей выявить религиозно-символические значения вербы, выяснить, какие идеи христианского праздника она воплощает, случайно или закономерно верба заняла место ваий и пальмовых ветвей и вообще стала основным атрибутом Вербного воскресенья. Проанализировав большое количество источников (религиозная и богослужбная литература, поучения, этнографические описания, фольклорные источники, записки путешественников и мн. др.), исследовательница пришла к выводу о «консолидированности» религиозной семантики освященной вербы церковного обряда и обряда народного (Часовникова 2003: 169). Вербный первоцвет, первое процветшее весной растение является естественным природным символом возродившейся жизни и одновременно – природным аналогом чуда воскресения: верба – «Лазарь растительного мира», провозвестник Воскресения Христова и растительный символ жертвенного агнца (Там же: 171, 182). Сразу же уточним, что задача нашей работы совершенно иная: выявить символику и функции вербы как собственно природного объекта, по возможности оставив в стороне освященные вербовые ветки, которым, как нам кажется, уделено уже достаточное внимания.

На наш взгляд, самой заметной работой о вербе является специальная глава в монографии М. Марчевской (2002), где верба (наряду с несколькими другими деревьями) рассматривается системно-аналитически, с применением исследовательских методов и приемов польской этнолингвистики, когда в основе описания объектов определенного класса (в данном случае – дерева) лежит разработанная схема/тезаурус, а само это описание представляет собой корпус материалов (созданный на основе сплошной выборки из источников) и суммирующих наработок и обобщений к ним. Результатом такого описания

стал целостный культурно-языковой образ этого дерева в польской традиции (Marczewska 2002: 188–218).

В частности, М. Марчевска обобщила данные, касающиеся названий вербы в славянских языках и диалектах, и отметила, что их широкая вариативность соответствует ее видовому разнообразию. Смешение и неразличение разных видов вербы и функционирование одного названия для разных видов является характернейшей чертой народной ботанической классификации. По наблюдениям исследовательницы, в основе целой группы названий вербы в славянских диалектах лежит такая особенность дерева, как гибкость, эластичность ее ветвей, способных гнуться, сплетаться и т. п. (Там же: 190–191).

Впрочем, не только названиями, но также своими культурными значениями и функциями верба (пожалуй, более чем какое бы то ни было другое дерево в славянском дендрарии) обязана присущим ей природным свойствам. Верба раньше других деревьев и кустарников пробуждается весной, растет практически везде, неприхотлива, обладает необыкновенной живучестью, легко принимается и приживается, в том числе пуская корни из посаженных в землю веток и прутьев, растет очень быстро и т. д., что делает ее своего рода символом витальности. Благодаря этому верба ассоциируется с продуцирующей силой, умножением, воспроизводством и т. п. понятиями и связывается с комплексом таких значений, как «плодовитость», «рождаемость», «рост» и «произрастание», на что в свое время обращали внимание все, кто писал о символике этого дерева, и прежде всего Н. И. Толстой (см. статью: Толстой 1982, где приведено немало славянских примеров, раскрывающих продуцирующую символику молодой вербы, в том числе в обрядах битья ею, с помощью которых людям передавалась свойственная вербе сила роста и буйного развития).

Придавая вербе значение плодовитости, народная традиция тем самым принимает собственно вегетативную силу вербы за производящее начало, которое может быть передано от вербы – земле, скотине, домашней птице и даже женщине, или, точнее говоря, подменяет одно понятие другим, а то и даже уравнивает их. Это тем более примечательно, что значение плодовитости приписывается дереву, которое в других случаях характеризуется именно как бесплодное, и это бесплодие является основой целого ряда фольклорных сюжетов, в основном легендарных. На известную противоречивость образа вербы мы еще не раз будем обращать внимание.

Разумеется, особую силу традиционно усматривали не только в самой вербе, но также в ее освященных на Вербное воскресенье ветках, однако освященную вербу как предмет, культурные свойства которого обусловлены, по нашему мнению, прежде всего его сакральностью, мы в дальнейшем рассматривать не предполагаем.

В этом значении источника плодородия и вегетативной силы верба нашла применение в семейных и хозяйственных обрядах и магии. Мораване привязывали к вербовым прутьям свивальник, чтобы в семье было много детей (Pernica 1951: 48), а сербские девушки в Боснии в Юрьев день опоясывались веткой вербы, чтобы через год быть «с пузом», т. е. забеременеть (Толстой, Усачева 1995: 334). По сообщениям Т. Нарбута (1805 г.), крестьянки на берегу Немана под Юрборгом (ранее город Виленской, затем Ковенской губ.) приходили к вербе просить о ниспослании им детей (Ziółkowska 1988: 255). В Малопольше и некоторых других регионах ветками вербы украшали свадебный коровай, а также плели из них специальный головной убор, который после оцепин надевали на невесту (Marczewska 2002: 207).

В основном же к продуцирующим свойствам вербы и ее витальным силам символически приобщали хлеб, зерновые культуры и скот. На Волыни при засеивании жита трубили в трубы, сделанные из вербы, «чтобы жито хорошо трубило» (ПА, Щедрогор Ратновского р-на). В Малопольше перед севом проса разводили огонь из вербовых прутьев, кидали в него свадебное деревце и перебрасывали через огонь посевное зерно, чтобы просо лучше уродило (Siarkowski 1885: 36). Болгары в Банате делали из вербы ночвы для замешивания теста (Телбизови 1963: 188). В Малопольше хозяйка слегка ударяла коров вербовой веткой с почками, взятой из пальмы, чтобы они *się poganiały* (чтобы погуляли) (Gustawicz 1882: 288, Малопольша). Там же считалось, что коровы, которых погоняют вербовой веткой, дают больше молока (Там же: 290). Влияние вербы на молочность скота усматривали и болгары с сербами, когда помещали венки из вербовых прутьев на или под сосуд для первого ритуального доения овец в Юрьев день, а также вешали такие венки на шею овцам (Колева 1981: 43). В западной Болгарии (Чипоровци) в Юрьев день пекли оброчного ягненка, которого перед тем насаживали на вербовый кол, чтобы в хозяйстве овцы плодились так же, как растет верба (СБНУ 1900/16–17/2: 49).

Украинцы Воронежской губ. ставили стволы вербы в прорубь, которую вырубали во льду на Крещение, а затем приносили их домой

и клали в голубятни, чтобы у них водились голуби (Зеленин 1914/1: 322). В восточной Чехии, чтобы иметь хороших голубей, хозяин выкапывал с корнем куст вербы и втыкал его в крышу; чтобы пчелы роились и не разлетались из улья, хозяин втыкал в ульи ветки вербы (Adamek 1900: 260). То же делали пасечники и на Украине в день Алексея теплого – с тем, чтобы после Вербного воскресенья (если оно еще не прошло) поменять обычные ветки вербы на освященные (Mogawski 1884: 31). Там же, на Украине, пчел принято было подкуривать дымом от сожженной вербы (Rokossowska 1889: 189).

Тот факт, что вербе приписывается благотворное влияние на плодovitость людей и скота, плодородие земли и культурных растений, приводит к любопытной подмене, когда в ритуалах и магических практиках верба начинает играть ту роль, которая обычно приписывается плодовым деревьям. Так, на Волыни в рождественских гаданиях по расцветшим к празднику веткам вместо яблони или вишни могли использовать ветки вербы: «Ставылы вэрбу в Рыздвянии свята. Чья вэрба запúчыть, то замуж пйдэ» (ПА, Забужье Любомльского р-на Волынской обл.). У еров Баната на Рождество хозяин брал прут яблони, насаживал на него кусок солонины, слегка ударял им домочадцев и скотину, но при этом желал им расти не как яблоня, а как верба («...да порастете као врбица»), после чего клал эту ветку около каждого обрядового калача, а по завершении праздников относил ее в сад (Банатске Хере 1958: 299). У болгар ветки вербы использовали в новогоднем обряде «сурва» (когда людей, скотину и плодовые деревья стегали свежими ветками ради здоровья, плодородия) – притом что в большинстве случаев в этом обряде фигурируют ветки плодовых деревьев (Спасов 1900: 8). Обратим также внимание на то, что для кашубского *veřba* словарь Сыхты дает значение ‘любое дерево, особенно плодовое’ и приводит такой, например, контекст: «У нашей вербы столько яблок, мы трясали и трясали» (Sychna 6: 134).

Вместе с тем понятно, что доминантной особенностью вербы, более всего востребованной в магии и выраженной в языке и фольклоре, является ее способность к быстрому росту, ср. укр. *Вибуяв (вигнав) як верба* (Баракатова 2006: 130) или пожелание «расти, как верба», составляющее основной мотив приговоров, которыми у восточных славян обычно сопровождалось битье вербой в Вербное воскресенье. Эта же особенность вербы была усвоена даже сказкой. В русской небылице человек забирается на небо по неожиданно быстро растущему березовому пруту, но затем называет его

вербой: «Смотрю, а березовый-то прут вырос высоко-высоко, так за облако и задевает верхушкою. Вот я полез на небо; все там выглядел, все там высмотрел. Пора и назад спускаться; на мою беду лошаденка с места дернула и свалила вербу» (Афанасьев НПС 3, № 427).

Это свойство вербы активно проецировалось на все, что требовало такого роста (в параметрах длины, высоты и размера вообще). Прежде всего это касалось детей. Так, на Украине на похрестинах (злывках) повитуха настаивала на наломанных ветках вербы воду и этой водой обмывала роженицу, особенно руки (пуская ее по локтю), и давала ей немного выпить; потом роженица обмывала повитухе руки той же водой. При этом повитуха желала: «Як верба росте швидко, щоб так и дытына росла швиденько!» (Савченко 1926: 81).

Аналогичные пожелания касались также скотины, культурных растений, теста и мн. др. Бойки при закладке дома втыкали в землю крестики из вербы или лещины (показателен комментарий к этой рекомендации – «робили з того дерева, що родило»), что вновь возвращает нас к параллелизму вербы и плодовых деревьев), вербовую ветку, украшенную ленточками из цветной бумаги, «щоб все у тій хаті так скоро росло і цвіло як верба». Так же поступали и при строительстве хлева, мотивируя это тем, что «верба добре сі приймає і аби худоба так росла, як верба росте» (Радович 2008: 262). Поляки втыкали ветки вербы по углам капустных грядок, чтобы капуста росла так же быстро, как верба (Marczewska 2002: 207). Показателен, наконец, карпатский обычай: когда замешивали пасхальный хлеб, сверху на опару обязательно клали веточки вербы, чтобы тесто хорошо подходило (КА, Ярок Ужгородского р-на Закарпатской обл.).

Вербу отличает и связанная с ее вегетативной силой способность к восстановлению, что также используется в магии: в Харьковской губ. «сердце» (сердцевину) вербы вынимали и прикладывали к больному зубу, а затем возвращали на место, чтобы оно там приросло и тем самым оставило, заперло боль в нутро дерева (Харьковский сб. 1894/8: 314). А. В. Часовникова связывала широкое вхождение вербы в обрядность Вербного (Пальмового) воскресенья в том числе с «воскресительными» свойствами вербы и через их посредство – с идеей Воскресения (Часовникова 2003: 172).

Не осталась не востребованной в обрядах и фольклоре неприхотливость вербы. Напомним широко распространенный, во всяком случае у восточных славян, обычай втыкать ветки освященной вербы у дома или в огороде – в уверенности, что они примутся, или зачин популярной баллады «Вдова и братья-корабельщики»: «Што

то, што то за вярба, што без кораня расла?» (Балады 1, № 232 и др.).

Эта способность вербы приживаться на любом месте («примется, только в землю воткни») становится метафорой высокой адаптивности, приживаемости чего бы то ни было. У сербов в Шумадии знахарка, чтобы ее лечение было успешным, шла в Юрьев день к красной вербе, где, схватив рукой девять ее веточек, говорила: «Да се прими басма, као црвена врбица» [Пусть примется/возьмется заговор, как красная верба], и проводила рукой вниз по веткам (Раденковић 1996а: 17), ср. аналогичную метафору в польской и русской паремиях: «Dziewka jak wierzba, gdzie ją posadzisz, tam się przyjmie» [Девка как верба, где ее посадишь, там и примется] (Marczewska 2002: 201); «Немец что верба: куда ни ткни, тут и принялся!» (Даль 1862).

Вместе с тем бесплодие вербы провоцировало и прямо противоположные рекомендации. Они касались в основном Вербной недели, которую считали временем, едва ли не наиболее неудачным для сева и посадки культурных растений. Украинцы Полтавщины стремились начать сеять зерновые до Вербной недели, так как верба растет, но не плодоносит (Милорадович 1991: 257, полтав.), а коноплю сеяли на 5-й и 7-й неделях Великого поста, минуя Вербную (Там же: 249). На Ровенщине на Вербной не сажали картошку, «бо як вэрба будэ та бульба», то есть мелкая (ПА, Чудель Сарненского р-на), ср. также серб. *врбоваче јабуке* ‘яблоки худшего качества, получаемые путем прививания яблони к вербе’.

Вообще, тема бесплодия вербы разработана в языке и фольклоре ничуть не меньше, чем тема ее быстрого роста и неприхотливости – в магии и ритуалах. В языке прорастание вербы часто становится метафорой женского бесплодия, см. чеш. *už ji roste z prdele vrba* [у нее уже растет из ж... верба] ‘о старой деве, которая уже не может иметь детей’ (Гура 2012: 34), а в фольклоре ассоциируется с неурожаем и бесплодием земли, см. в украинской песне: «Ох поля, вы поля, вы широкие поля, Шо на ваших полях да урожаю нема, Тільки выросла кучерява верба, А под этой вербой солдат битый лежит...» (ПА, Копачи Чернобыльского р-на Киевской обл.).

Постоянные колебания культурно-языкового образа вербы между этими двумя полюсами: бесплодием, с одной стороны, и буйным ростом и витальностью – с другой, стремление снять это видимое противоречие, возможно, объясняют появление целой группы паремий (или формул невозможного) – о плодах, вырастающих на бесплодной вербе.

Мы имеем в виду паремии типа «когда на вербе груши растут». Бывает, что в отдельных контекстах такие формулы пере-

дают значение чудесного и желанного, способствуют повышению аксиологического статуса описываемого объекта, места или времени – как, например, в украинских свадебных песнях, зазывающих невесту в новую семью: «До нас, Марусю, до нас, Буде тобі добре у нас! У нас верби оріхи родять, У нас дівки у сріблі ходять» (Весільні пісні 1988, № 1224); в балладе, где казак посулами заманивает девушку уехать с ним из дома: «Мы, козаки молодіи, У нас горы золотіи, У нас воды медовіи, А травоньки шовковіи, У нас вербы грушки родять, У нас девки в злоте ходять» (Головацкий 1: 117), или в болгарской паремии *И нашата върба ще роди круши* [И наша верба уродит груши, то есть наступят лучшие времена] (Marczewska 2002: 194).

Однако в целом традиция явно воспринимает подобные чудеса и обещания как заведомо или часто несбыточные, обнажает их нереальность и лживость, см. соответствующие пословицы, поговорки и фразеологизмы в разных славянских языках: русском – «Он сказывает на вербе грушу», то есть врет, «Дождешься, как от вербы яблук» (Даль); украинском – «Як виросте гарбуз на вербі» ‘никогда’ (Баракатова 2006: 130); белорусском – *шукать шышак на вярбе* ‘желать чего-то несбыточного’; см. с теми же значениями в польском – «Gdybyż, ach gdyby na wierzbie rosły grzyby», «Obiecać gruszki na wierzbie» (Nowakowska 2005: 221); *obiecywać gruszki na wierzbie, taka prawda jak na wierzbie gruszki*; болгарском – *когато върба роди дренки* [когда верба уродит кизил, то есть никогда] (Marczewska 2002: 194); сербском – *кад на врби роди грожђе* [когда на вербе виноград вырастет] (Стефановић 2013: 91) и т. п. Этот прием обнажения правды ложится в основу тех же свадебных песен, в которых вслед за картинами райской жизни в замужестве рисуются прямо противоположные, развенчивающие эту иллюзию: «Вэчэра на стил стала, Зозуля в викно впала, И стала куваты – Галюню намовляты, Поиди, Галюню, з намы, В нас горы золотіи, А рики мэдянійи, В нас върбы грушки родять, А дивкы в сриблах ходять. Вэчэра на стил стала, Зозуля в викно впала, И стала куваты, Галюню одбываты: Нэ слухай, Галюню, Я вэсь свит облитала, И того нэ видала, Скризь горы пишчанийи, А рики водяныи, Вэръбы грушок нэ родять, Дивкы в сриблах нэ ходять...» (ПА, Грабово Любомльского р-на Волынской обл.).

Как формула невозможного мотив вербы, приносящей плоды, используется в проклятиях, см. болгарское «Рожба да родиш, кога върба цвѣне» [Пусть ты родишь ребенка, когда верба зацветет] (Илиев 1919: 123); так же в балладе «Будинска Рада»: Рада перед смертью просит Турчина развязать ей глаза и дать увидеть своих родных, на

что он отвечает: «Ти щеш, Радо, да си видиш, Твой-га, Радо, клета рода, Кога роди върба грозде, А ракета жълти дюли» [Ты, Рада, тогда увидишь свой проклятый род, когда верба родит виноград, а ракета желтую айву] (Миладинови 1981, № 107, болг., Панагюриште).

В ритуалах Вербного воскресенья у восточных славян верба также «стремится» к преодолению бесплодия, что выражается в том числе в обычае съедать почки освященной вербы (часто прямо в церкви или непосредственно по возвращении домой), запекать их в хлебцы и скармливать их скотине, готовить так называемую вербную кашу и т. д., а в праздничном действе Хождения на ослиати в Вербное воскресенье – украшать вносимое или ввозимое дерево вербы разного рода плодами (см. подробнее: Часовникова 2003: 167).

Мы уже упоминали о том, что как поэтический символ и мифопоэтический концепт верба наиболее широко и разнообразно представлена в украинской традиции, где ее аксиологический статус необычайно высок, а сама она контекстно связана с ценностями исключительного порядка. Именно в украинской традиции широкое распространение получили легенды, песни, пословицы, паремии и другие фольклорные тексты, прямо соотносящие вербу с образом мирового древа, см. загадку: «Стоит верба на серед села, розпустила голье на все Подолье» (с отгадкой «солнце»; Головацкій 1847: 281, Галиция; ср. ниже ту же загадку с другими разгадками); с «верхним миром», в том числе с небом и солнцем: «Вербовеє колесо, колесо Коло гостинця стояло, Троє диво видало» (Чубинский 1872/3: 32 – где вербовое, т. е. золотое, колесо разгадывается и как хоровод девушек, и одновременно как солнце). В украинских весенних песенках на вербе помещается решето как символ солнца: «Спивалы дивочки, спивалы, В решыто писиньки складалы, Поставылы на верби, Як налынулы лыбыди И звалылы решыто до долу. Час вам, дивочки, до дому» (Иванов 1907: 119, харьков.).

Верба и ее части получают в фольклоре постоянный эпитет *золотая*: «Пасерод двара стаить верба. На той вербе залатая кара...» (ПА, Золотуха Калиновичского р-на Гомельской обл., заговор от порчи). *Золотая верба* воспринимается как символ высшего начала и становится знаком высокого статуса (*золотая верба* – жена хозяина): «А в пана Івана золота верба, А на тій вербі золота кора, А на тій вербі рожеві квіти. Ой то же не верба – Йванова жона; Ой то ж не кора – то ньєнка стара; Ой то не квіти – то Йванові діти» (Гринченко 1899/3: 3, чернигов., колядка); символизирует молодость и красоту: «Братец – тоненька тониночка, Золота, братец, вербиночка» (Причитания 1960:

383, свадебное причитание; о брате невесты); «На Василье выростало кипарично дерево, А Софее выростала золота верба. Они вместе вершечками свивалися, И вместе листочками слипалися» (Соболевский 1, № 83, олонец, баллада).

Кроме того, верба последовательно связывается с сакральными ценностями: «Brzózka, wierzba i dana są w służbie u niebieskiego Pana» (Nowakowska 2005: 221, пословица); «Ест под святым под каменем стар матер человек, выходит стар матер человек из моря из окяна, ис под белаг(о) камени, ис под пуа ис под морскаго, выносит в руках чуден крест Господен и вербу золотую. Чудными крестами ограждает, раб Божий вербою золотую отбивает нутрянной мимохот и сердечной...» (Топорков 2010: 501, № 3, XVIII в., заговор); «Стоить верба по-сэрэдь двора, спустила гилья на всякий двор» (Церковь) (ПА, Нобель Заречнянского р-на Ровенской обл., загадка) и т. д.

В русских свадебных песнях на золотой вербе показывается икона Спасителя: «На горе высокой... Выросла верба золотая... По середке золотой вербы Списана Спаса Пречистая Божья Матерь Богородица» (Колпакова 1928: 136, пинежская свадебная); на ее вершине находится храм с этой иконой: «Что по край моря синяго Тут стояла верба золотая. По корень вербы золотой Оббегали черны соболи, По середь вербы золотой Стояла бело-ярова пшена, Круг пшены да бело-яровы Облетали ясны соколы. Что поверх вербы золотой Что стоял тут белый храм: Как во том, во белом храму Стоит Спас да со милостью И Пречистая со участью» (Песни Киреевского 1911/1, № 75).

Для понимания того, почему верба связана с целым рядом положительных значений и контекстов (в том числе с мотивами «спасения»), имеет смысл еще раз напомнить о ее участии в сюжете Вербного воскресенья, или Входа Господня в Иерусалим. Согласно Евангелиям от Матфея и Марка, Христос въехал в Иерусалим на осле, при этом приветствовавшие его постилали на землю свои одежды, а другие резали ветви с деревьев и постилали их (Мф 21: 8; Мк 11: 8); в Евангелии же от Иоанна упоминаются пальмовые ветви, которыми встречающие приветствовали Христа (Ин 12: 12–13).

В разных славянских традициях известны легенды о вербе, получившей свое благословение в связи с этим событием, которые с теми или иными дополнениями, уточнениями и мотивациями фактически пересказывают соответствующий евангельский эпизод. В полесском нарративе вербу называют святой за то, что в Вербное воскресенье, когда Иисус Христос ехал на ослиах, бедные люди кидали ему под ноги ветки вербы, в то время как богатые стелили сукно; в

связи с этим даже утверждается, что «за то вербу не бье гром», хотя это верование скорее является исключением, см. ниже (ПА, Замощье Лельчицкого р-на Гомельской обл.) (обзор основных версий этих восточнославянских легенд см.: Парфило 2010: 101–103).

Верба фигурирует в имеющих самое широкое распространение поверьях о переходе души через огонь или воду при путешествии на тот свет, к которым присоединяются легенды о спасшемся Христе. По рассказам банатских болгар, верба получила Божие благословение благодаря тому, что Христос въехал в Иерусалим с вербовыми ветками в руках; именно поэтому их освящают в Вербное воскресенье и впоследствии используют с самыми разными целями, а потом кладут в гроб, чтобы умерший «мог перейти по ним через воду» («за да мой да менé през удата») (Телбизови 1963: 180), ср. украинско-полесскую легенду – о проросших вербовых ветках: из них был сделан мост, по которому прошел Христос, спасавшийся от преследователей («Народная Библия» 2004, № 736). Мотив спасения посредством освященной вербы встречается и в поверьях. Так, согласно украинскому поверью, «хто посвячину вирбу їміє, собствинно ним посажину, той при конці віку може на її спастися. Ото як стануть за ним ганяцьця різні демони, шоб привирнуть його під свою власть, так він на її злізе і сидітеме і його ніхто ни може тронуть» (Дикарев 1903: 58).

Для культурно-языкового и фольклорного образа вербы, помимо ее соотносительности с производительным началом и энергией роста, а также с комплексом положительных значений, важна также ее женская символика, основанная на грамматическом роде названий вербы в славянских языках.

Наиболее последовательно женская символика вербы выражена у восточных славян в поэтических контекстах, где верба чаще всего становится иносказательной заменой женщины, см. хотя бы: «Та вийду я у садочок Та там стоїть вербиця, Я думаю, що то моя сестриця» (Голосинія 2012: 395, Сумск. обл., причитание по сестре), «Схилилась верба Зверху до коріння, Звінчалась Оксана Зрання до обіда» (Пісні Поділля 1976: 176, свадебная), «Была у мене, мати, свекруха лихая... На нивочку ивой меня й посадила» (ПА, Челхов Климовского р-на Брестской обл., баллада), «В чистом поле вербу ветром раздувает, Ветром раздувает, к сырой земле приклоняет. Что, наша невестка, что, наша голубка, Не весело ходишь, не смело ступаешь?» (Соболевский 2, № 554, владимир., семейная) и т. д. Однако не только.

В нарративах (сказках, преданиях) верба выступает в роли покровительницы женщины, ее двойника, то есть в сюжетах, в целом

нетипичных для славянской мифологии и обнаруживающих глубокую связь женщины и дерева, в каком-то смысле даже их родство друг с другом, см. белорусское поверье о том, что наклонившиеся над водой вербы – это матери, потерявшие своих детей (Сержпутьоўскі 1930: 30). Чешская сказка (Биджов, округ Градец Кралове) повествует о женщине, у которой была одна жизнь и душа напополам с вербой. Днем она пребывала в своем доме, с сыном и мужем, а ночью душа покидала тело и уходила в вербу, растущую у реки. Муж ее в конце концов заметил, что ночью она подобна мертвой, и отправился за советом к бабе-вештице. Та пояснила ему, что происходит, и посоветовала пойти ночью к реке и найти там вербу с белой корой, в которой и пребывает душа его жены. Муж пошел к реке с топором и срубил вербу, но в тот же миг умерла и его жена. Из срубленной вербы сделали колыбель, которая качала сына, а когда он подрос, то сделал себе свирель из вербы, выросшей из веток той самой срубленной отцом вербы, и посредством этой свирели мать разговаривала с ним (Sobotka 1879: 130–131).

В рассказе из Закарпатья обращение к вербе за помощью помогает девочке избавиться от посягательств злого духа: «Очень хорошее дерево верба. Когда я была маленькая, лет восьми, мне снилось, что ночью ко мне приходит мужчина и лезет на меня. Я от него отбиваюсь; мать заметила, что я сплю беспокойно, и стала у меня допытываться, почему я дергаюсь во сне. Я не хотела ей ничего говорить, но потом рассказала. Тогда она велела подойти к вербе и сказать: “Вербица-сестрица, смилуйся”, обходить вокруг вербы за солнцем, три раза, и, обойдя полный круг, плюнуть на землю, а потом, когда пойду домой, что бы ни слышала сзади, не оборачиваться. Я так и сделала, и с тех пор он ко мне никогда больше не приходил. А то был злой дух и являлся он в виде моего родного отца, и поэтому я матери ничего не хотела сначала говорить» (КА, Новоселица Межгорского р-на Закарпатской обл.).

Женская символика вербы подпитывается также созвучием названия одного из ее видов (*ива*) и имени *Ева*, что получает обоснование и развитие в этиологических легендах о происхождении первой женщины из дерева ивы и ивы – из женщины, ср. украинскую легенду о происхождении Евы из ветки ивы: «Раз льиг Адам спати. Бог узвив галузку іви та й поклав коло него, а занім Адам проспавси, стала вже з тої галузки жінка Йіва» (Сокіл 1995: 36), или русскую поволжскую – о превращении Богом кудрявой ивы в Еву – жену Адама (Белова, Кабакова 2014, № 13). Известна и обратная легенда – о

превращении Евы в дерево – иву (Сокіл 1995: 36; см. подр.: Парфило 2010: 99). В белорусских заговорах верба становится местом обитания царя или царицы змей, по имени *Їва, Ева, Ев, Явгиня*, см.: «На моры, на лукамор’і стаіць вярба, на той вярбе семсот галля, а ў том галлі звіта лапухова гняздо, у тым гняздзе ляжыць Ева-царыца» (Замовы 1992, № 410).

Совершенно иной и в некотором смысле противоположный аспект мифопоэтического концепта вербы представляет ее устойчивая связь, соположенность с водой, локализация у воды, которая в той или иной степени отрефлексирована в разных славянских традициях, см. рус., укр. «Где вода, там верба, где верба, там и вода». По наблюдениям М. Марчевской, в польских народных песнях верба очень часто локализуется около воды – над водой, над Дунаем, над озером, над прудом, при ручье, над берегами рек, в мокрых местах и т. д. (Marczewska 2002: 196). В болгарских заговорах болезнь отсылают туда, где есть вода и растет верба, то есть, возможно, в потустороннее пространство и нижний «золотой» мир: «Ночнице-майчице... идете у реку поди златен мост и златна врба. Тамо има златни панице, тамо има златни лъжице...» [Ночницы-матушки, идите в реку под золотой мост и золотую вербу. Там золотые миски, там золотые ложки...] (Тодорова-Пиргова 2003, № 410). По мнению Л. Раденковича, тот факт, что отдельные виды вербы очень часто растут вблизи воды, возможно, объясняет статус вербы как дерева-медиатора, дерева, растущего на границе «того» и «этого» миров (Раденковић 1996: 205). В этом смысле показательна словенская сказка о двух друзьях, обещавших прийти друг к другу на свадьбу, даже если один из них умрет. Так и случилось. Покойник, посетивший свадьбу своего живого друга, позвал последнего с собой. Спустившись под землю, они подошли к реке, около которой росла верба; покойный легко перепрыгнул через воду, а второго едва не унесла вода, и он ухватился за ветки этой вербы, стряхнув при этом в воду черных птиц, сидевших на ее ветвях. Его умерший друг объяснил, что в виде черных птиц на этой вербе сидят души некрещеных младенцев, и, стряхнув их в воду, он тем самым окрестил и спас их (Менцеј 1996: 32). Ср. зафиксированное в Воеводине представление о том, что под вербами собираются несчастные души тех людей, кто, подобно нищим и поденщикам, умер в дороге (ГЕМБ 2008/72: 132).

Кажется уместным отметить здесь и тот факт, что верба широко использовалась в обрядах вызывания дождя (вспомним в этой связи лозоходство, использующее преимущественно развилку ивовой и

виноградной лозы). Так, например, южнославянских «додол» часто украшали с ног до головы именно вербовыми ветками, из вербы же были сделаны их венки, а также букетики, которыми они кропили людей и скот во время обходов дворов (Антонијевић 1971: 194; Грбић 1909: 335). Для восточнославянской традиции можно с уверенностью констатировать аналогичную связь: в детских закличках дождя горшок с борщом, который должен пролиться на землю подобно дождю, устанавливают на вершине вербы (или дуба): «Идзи, идзи, дошчыку, Звару тоби боршчыку. Да ў новэньком горшчыку, Да поставлю на вербэ, Нехай выпьют воробье, Вербá курнэцца, а дошчык линецца» (ПА, Перга Олевского р-на Житомирской обл.) и мн. под. Эта связь вербы с вызыванием дождя может объясняться как естественной локализацией многих видов ивы/вербы у воды, так и тем, что в славянской мифологии, как известно, небесная влага тесно связана с «нижним» миром, а верба, как мы только что отметили, имеет к нему некоторое отношение.

Связь вербы с водой отразилась также в восточнославянских запретах, приметах, рекомендациях и т. д. Русские на Смоленщине примечали: «Когда ива плацеть – тады дождь будеть» (то есть стоит, склонив ветви вниз) (РАМ, 1988, Духовщинский р-н). Украинцы говорили, что если много купаться в реке, то на человеке «вырастет верба», см.: «Пугали детей: купайтесь, купайтесь, верба на голове вырасте; верба на заднице вырасте» (ПА, Макишин Городнянского р-на Черниговской обл.). Чаще же эта паремия относилась к дню Николы Вешнего: «До весняного Миколи не можна купать ся, бо з чоловіка верба виросте» (Дикарев 1903: 4). Соположенность вербы и воды, в том числе и вполне реальная, учитывая тяготение вербы к влажности и сырым местам, объясняет поверья о пребывании на ней водных демонов и духов. Вообще верба, как и большинство других деревьев и кустарников славянского дендрария, не избежала участи быть местом обитания демонов, хотя одно отличие здесь все же есть, и заключается оно в том, что чаще всего верба оказывается в одних контекстах именно с чертом (дьяволом) (см.: Виноградова 1996).

И, наконец, последняя группа сюжетов, существенных для воссоздания мифопоэтического концепта вербы, имеет преимущественно легендарный характер и, в частности, связана с событиями Священной истории. В западноукраинских религиозных колядках, этиологических легендах, народных молитвах, верованиях и других текстах верба (а чаще один ее вид – ива) получает статус проклятого или грешного дерева, поскольку та якобы «пошла», то

есть была использована для изготовления предметов, которыми мучили Христа на Кресте (гвозди, которыми прибивали руки и ноги, гвозди, которыми сколачивали Крест, колья, которые загоняли под ногти, и т. д.), см. гуцульскую колядку: «Wsiekie derewce – za nichki pchały. Wsiekie derewce – za nichki ny jszło, Za nichki ny jszło – bo si bojało, Bo si bojało, – taj si łomało. Proklata-ż ywa, – sim sot zhriszyla, Sim sot zhriszyla, – za nichki piszła...» (Kolberg 29: 96) и украинское поверье: «Йик Сус Христос си породив на цес сьвіт, мучили его жиди; вони хотіли его стратити, аби его не було. Вони прибили его до дерева; але йинче дерево Суса Христа не ймило [взяло], лишень имила его червива ива» (Шухевич 1908/5: 257). За эти прегрешения вербу/иву и точат черви, и она получает постоянный эпитет «червивая»: «Гива тим червива, що килками з' неји Христа мучили» (Номис 1864: 6; Чубинский 1872/1/1: 76, Подолия), и по той же причине, вероятно, вербу не рекомендуют сажать около домов: «Ну, взрбу нэ садять – на ей всякая чэрва гэта плодицца» (ПА, Ласицк Пинского р-на Брестской обл.). О мотиве «грешной ивы» у восточных славян см. (Белова 1983). Тема грешной, а точнее проклятой, ивы разработана также в южнославянской традиции.

Таким образом, в фольклоре, языке и в целом традиционной культуре мифопоэтический концепт вербы представлен целым блоком значений, причем разнонаправленных и даже противоречащих друг другу.

Верба воплощает представление о быстром росте, витальной силе, высоких восстановительных свойствах и используется в том числе в продуцирующей магии. Все это, однако, приписывается дереву, которое было наказано бесплодием за прегрешения против Христа. А потому «плодоносящая верба», верба, «родящая груши», становится образом чудесного и одновременно воплощением обмана, формулой проклятия и несбыточных желаний.

Верба прямо соотносится с верхним миром и сакральными ценностями, символизирует солнце, небо, церковь, а также ассоциируется с образом мирового дерева (см. мотивы спасения на выросшей из освященной ветки вербе, вырастания вербы до неба и др.). И в то же время это растущее у воды дерево является местом обитания черта, под ним хоронят нечистых покойников и на него «переносят» болезни.

Верба получает эпитеты, связывающие ее с комплексом положительных значений, молодостью, свежестью, красотой и др. ценностями: *зеленая, золотая, пушистая, кудрявая, кучерявая*, – но также

и с негативными эмоциями: *жалосна, плакучая*, старением, порчей, «нечистойой»: *сухая, трухлявая, дуплистая, кривая, червивая, бесплодная, грешная* и др.

Подобный разброс значений может указывать на то, что верба как представитель класса «дерево» является, хотя бы до некоторой степени во всяком случае, «пустой формой», символом в тернеровском смысле, конкретное заполнение (содержание, оценка, эмоциональная нагруженность) которого во многом зависит от контекста (жанрового, сюжетного, локального), от придаваемых ему эпитетов, от сопутствующих образов и т. д. Так традиция создает многогранный и мерцающий образ, органично входящий в разные, порой противоположные контексты.

ЛИТЕРАТУРА

Антонијевић 1971 – *Антонијевић Д.* Алексиначко Поморавље // СЕЗб. 1971. Књ. 83.

Афанасьев 1–3 – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1984–1985. Т. 1–3.

Банатске Хере 1958 – Банатске Хере / Ред. М. Филиповић. Нови Сад, 1958.

Баракатова 2006 – *Баракатова Н.* «Без верби і калини нема України»: Флороніми як компоненти українських фразеологізмів // *Flora і fitonimy na roganiczu polsko-ukraińskim*. Lublin, 2006. S. 127–132.

Белова 1983 – *Белова О. В.* Мотив «грешной ивы» в одной локальной традиции // *Полесье и этногенез славян*. М., 1983. С. 147–148.

Белова, Кабакова 2014 – У истоков мира. Русские этиологические сказки и легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой, Г. И. Кабаковой. М., 2014.

«Верба хлѣс» 2010 – «Верба хлѣс бѣт до слѣз» // *Традиционная культура*. 2010. № 4. С. 97–130.

Весільні пісні 1988 – *Весільні пісні*. Київ, 1988.

Виноградова 1996 – *Виноградова Л. Н.* Календарные переходы нечистой силы во времени и пространстве // *Концепт движения в языке и культуре*. М., 1996. С. 166–184.

ГЕМБ – Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд.

Головацкій 1847 – *Головацкій И.* Загадки рускіи и сербскіи // *Венок русинам на обжинки* / Выд. И. Головацкого. Вѣдень, 1847. Ч. 2. С. 273–314.

Головацкий 1, 2 – *Головацкий Я. Ф.* Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878. Ч. 1, 2.

- Голосіння 2012 – Голосіння / Упор. І. Коваль-Фучило. Київ, 2012.
- Грбић 1909 – *Грбић С.* Српски народни обичаји из среза Бољевачког. Београд, 1909 (СЕЗб, књ. 14).
- Гринченко – *Гринченко Б. Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895. Т. 1; 1896. Т. 2; 1899. Т. 3.
- Гура 2012 – *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной традиции. М., 2012.
- Даль 1862 – *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1862.
- Дикарев 1903 – *Дикарев П. П.* Знадоби до української народної ботаніки // Посмертні писання Митрофана Дикарева з поля фольклору й мітології. Львів, 1903.
- Замовы 1992 – *Замовы /* Уклад., сістэмаг. тэжстаў, камент. Г. А. Барташэвіч. Мінск, 1992.
- Зеленин 1914 – *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива Имп. Русского географического общества. Петроград, 1914. Т. 1.
- Иванов 1907 – *Иванов П. В.* Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1907. Кн. 17.
- Илиев 1919 – *Илиев А.* Растенията от българско фолклорно гледище // Списания на БАН. 1919. Кн. 18. С. 93–180.
- КА – Карпатский архив Института славяноведения РАН.
- Колева 1981 – *Колева Т.* Гергьовден у южните славяни. София, 1981.
- Колпакова 1928 – *Колпакова Н.* Свадебный обряд на р. Пинеге // Крестьянское искусство СССР. Л., 1928. Т. 2.
- Менцеј 1996 – *Менцеј М.* Врба – посредник између овог и оног света // Кодови словенских култура. 1996. Бр. 1. С. 31–35.
- Миладинови 1981 – Български народни песни събрани от братя Миладинови. София, 1981.
- Милорадович 1991 – *Милорадович В. П.* Житъе-бытъе лубенского крестьянина // Українці: Народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 170–341.
- «Народная Библия» 2004 – «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004.
- Номис 1864 – *Номис М.* Українські приказки, прислів'я и таке инше. СПб., 1864.
- ПА – Полесский архив Института славяноведения РАН. Москва.
- Парфило 2010 – *Парфило Т.* Образ вербы в восточнославянских легендах библейской тематики // Традиционная культура. 2010. № 4. С. 97–108.

Песни Киреевского – Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1911. Вып. 1.

Пісні Поділля 1976 – Пісні Поділля: Записи Насті Присяжнюк в селі Погребище. 1920–1970 рр. Київ, 1976.

Причитания 1960 – Причитания / Вступ. стаття К. В. Чистова. Л., 1960. (Библиотека поэта.)

Раденковић 1996 – *Раденковић Љ*. Символика света у народној магији Јужних Словена. Београд, 1996.

Раденковић 1996а – *Раденковић Љ*. Народна бајања код Јужних Словена. Београд, 1996.

Радович 2008 – *Радович Р*. Звичаї та обряди, пов'язані із спорудженням житла на заході Галицької Бойківщини // Народознавчі зошити. 2008. № 3–4. С. 253–271.

РАМ – Российская академия музыки им. Гнесиных. Фольклорный архив кабинета народной музыки.

Савченко 1926 – *Савченко Ф*. Родини, хрестини, похрестини (невидан запис 1854 р. Опанаса Марковича) // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. Київ, 1926. Вип. 1–2. С. 76–82.

СБНУ – Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София. СЕЗб – Српски етнографски зборник. Београд.

Сержпутоўскі 1930 – *Сержпутоўскі А*. Прымхі і забабоны беларусаў-паляшучоў. Менск, 1930.

Соболевский 1–7 – *Соболевский А. И*. Великорусские народные песни. СПб., 1895–1902. Т. 1–7.

Сокіл 1995 – *Сокіл В*. Народні легенди та перекази українців Карпат. Київ, 1995.

Спасов 1900 – *Спасов Д*. Обичаи периодически. От село Бариево (Софийско) // СБНУ. 1900. Кн. 16/17. Ч. 2. С. 3–9.

Стефановић 2013 – *Стефановић М*. Јавор у српској култури // Биље у традиционалној култури Срба. Нови Сад, 2013. С. 89–98.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг и др. Л., 1979.

Телбизови 1963 – *Телбизови К., Векова-Телбизова М*. Традиционен бит и култура на банатските българи // СБНУ. 1963. Кн. 51.

Тодорова-Пиргова 2003 – *Тодорова-Пиргова И*. Баяния и магия. София, 2003.

Толстой 1982 – *Толстой Н. И*. Из «грамматики» славянских обрядов // Типология культуры. Взаимное воздействие культур. [Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 576. (Труды по знаковым системам. Т. 15)]. Тарту, 1982. С. 57–71.

Толстой, Усачева 1995 – *Толстой Н. И., Усачева В. В.* Верба // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 333–336.

Топорков 2010 – Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М., 2010.

Часовникова 2003 – *Часовникова А. В.* Христианские образы растительного мира в народной культуре. Петров крест. Адамова голова. Святая верба. М., 2003.

Чубинский 1872 – *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Юго-западный край. Материалы и исследования. СПб., 1872. Т. 1. Вып. 1; 1872. Т. 3.

Шухевич 2008/5 – *Шухевич В.* Гуцульщина // Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів, 1908. Ч. 5.

Adámek 1900 – *Adámek K.* Lid na Hlinecku. Praha, 1900.

Gustawicz 1–2 – *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody. Cz. 2 // ZWAK. 1882. Т. 6. S. 201–317.

Kolberg 29 – *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1962. Т. 29: Pokucie. Cz. 1.

Marczewska 2002 – *Marczewska M.* Drzewa w języku i w kulturze. Kielce, 2002.

Morawski 1884 – *Morawski Z.* Myt roślinny w Polsce i na Rusi. Tarnów, 1884.

Nowakowska 2005 – *Nowakowska A.* Świat roślin w polskiej frazeologii. Wrocław, 2005.

Pernica 1951 – *Pernica B.* Rok na Moravském Horácku a Podgorácku. Havlíčkův Brod, 1951.

Rokossowska 1889 – *Rokossowska Z.* O świecie roślinnym // ZWAK. 1889. Т. 13. S. 163–199.

Siarkowski 1885 – *Siarkowski W.* Materyjały do etnografii ludu polskiego z okolic Pinczowa. Cz. 1 // ZWAK. 1885. Т. 9. S. 3–72.

Sobotka 1879 – *Sobotka P.* Rostlinstvo a jeho význam v národních písniích, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Praha, 1879.

Sychta 6 – *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1973. Т. 6.

Ziółkowska 1988 – *Ziółkowska M.* Gawędy o drzewach. Warszawa, 1988.

ZWAK – Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków.

Żółtowska 1931 – *Żółtowska H.* Wierzba w praktykach i obrzędowości ludu polskiego // Ziemia. 1931. Т. 16. S. 127–133.

Agapkina T. A.

Symbolism of Trees in the Traditional Culture of Slavs: Willow,
Pussy-Willow, and Brittle-Willow (the Salix Genus)

The article treats a mythopoetic concept of willow, which is represented by a complex of different, often contradictory meanings. On the one hand, willow as a symbol embodies the concept of quick growths, viral strength, and high regeneration qualities and is used among others in the productive magic. On the other hand, all these qualities are ascribed to the tree, which had been punished by infertility for its sins against Christ, and for this reason the «fructiferous willow» is an image of a wonder and at the same time an embodiment of fake, a formula of damnation and fond hopes.

Keywords: *symbolism, folklore, traditional culture, mythopoetics, willow.*

М. М. Валенцова
(Москва)

Поверья о змеях и змееподобных демонах в словацкой традиции

В статье на основании опубликованных, архивных и полевых материалов собраны словацкие поверья о змеях и других мифологических персонажах словацкой демонологии, генетически или фенотипически восходящих к змею. Сделана попытка проанализировать отдельные группы персонажей и показать их единство в традиционной картине мира словаков.

Ключевые слова: *словацкий язык, демонология, картина мира, традиционная культура, фольклор, змей.*

Поверья о животных, в том числе о змеях, в славянских традициях полно описаны в монографии А. В. Гуры (Гура 1997). В книгу вошли также представления о мифологических ипостасях змеи (домашняя змея, король змей) и отчасти о змее как демонологическом персонаже, поскольку они тесно связаны с змеей-животным и обладают ее символикой. Как отмечал автор, все эти змеиные персонажи объединяют названия и родственные мифологические представления, а «символика змея в огромной степени вырастает из змеиной» (Гура 1997: 278). Несмотря на внушительный объем (911 страниц), монография не могла вместить весь материал о животных из всех славянских традиций. Можно расширить, например, словацкие представления о змеях и связанных с ними мифологических персонажах, что, с одной стороны, даст возможность сформировать цельный взгляд на змеиную тематику в словацкой народной культуре, а с другой – станет основанием для сравнения и сопоставления словацкой традиции с другими славянскими.

У словаков представлены почти все известные змеиные мотивы: поверья о полевой змее, о короле змей, о змеином камне; о домашней змее, о демоне-обогатителе в виде летающего змея (и в других ипостасях); о змее-любовнике; о погодном драконе *шаркане*. Почти все эти сюжеты имеют общеславянские параллели (кроме *шаркана*, поверья о котором распространены преимущественно на Карпатах). Не фиксируются в Словакии только поверья о змее – хранителе полей и угодий и о человеке-змее (*змай*), защищающем село от града, бытующие у южных славян.

Поверья о полевой/лесной змее. Змеи выходят из земли к дню св. Юрия (23.IV) и уходят в землю на зимовку на св. Варфоломея (24.VIII). Человеку не позволено без причины убивать змею, но и змея не должна кусать человека, иначе земля не примет ее на зиму, и она будет скитаться, пока не замерзнет (Стара Тура, окр. Н.М. над Вагом, з.-словац. – Turá 1983: 176); *ked' niekoho uhryzne had, zem toho hada už viac neprijme do seba, ale sa musí túlať, kým nezamrzne* (Детва, ср.-словац. – Detva 1905: 204). Но если человек убьет такую змею, то возьмет ее грех на свою душу (Encyklopédia 1995: 158). В этих поверьях можно видеть осознание единства всего сущего (земля наказывает змею, укусившую человека), включая общую мораль, приписываемую, кроме человека, и животным (змея, кусая человека, совершает грех), что отражает антропоцентрический взгляд на природу.

Бытовало также убеждение, что человеку будет отпущено столько грехов, сколько змей он убьет. В первую очередь предписывалось убивать змей, появившихся «до срока»: если кто-нибудь увидит первую змею до Юрия и не убьет ее, змея отберет у человека счастье. С змеей, появившейся до Юрьева дня, связаны и гадания: если перед Юрием найдешь уже убитую змею, то весь год будешь нерасторопный, как неживой, а если найдешь полуживую змею, то ее надо убить, чтобы получить лекарство для глаз (Детва, ср.-словац. – Detva 1905: 204). Кожа, жир и другие части змеи использовались для лечения. Если убитой до Юрия змее отрезать голову монетой, то такая монета будет всегда возвращаться к хозяину (Encyklopédia 1995: 158).

Еще одним проявлением антропоцентризма в представлениях о мире являются **поверья о короле змей** (*kráľ hadov*)¹, на голове которого видели корону или гребешок. Змеиному царству приписывалась социальная иерархия. Если у волков, например, главным считался вожак, предводитель стаи, то по отношению к змеям употребляется термин *король* – по сходству гребешка или особой окраски на голове некоторых змей с короной, а также по цвету и величине змеи – обычно королем считалась большая белая змея². В западно-словацких диалектах короля змей называли «змеей с короной»: *had s korunkou*³. По поверью, если увидишь на дороге змею, у которой золотой гребень или крест на голове, следует его отстрелить или отрезать и носить при себе, тогда в любом деле будешь самым счастливым. При этом змея будет бить хвостом о землю, и от этого поднимется такой сильный ветер, что деревья будут вырывать с корнем, поэтому надо остерегаться, чтобы не погибнуть на том же месте (Dobšinský 1880: 105).

Змеиный король повелевает всеми змеями, открывает и закрывает пещеру, в которой зимуют все змеи (Encyklopédia 1995: 158). В Замагурье (сев.-вост. Словакия) королю змей приписывались сверхъестественные способности, умение говорить человеческим языком, обладание огромной силой. Выползок короля змей, по поверьям, обладает магической силой, его используют прежде всего пастухи-бачи, в том числе для поиска кладов (Blagoeva-Neumanová 1976: 67). Также верили, что у змеиноного короля есть трава, которая открывает любые запоры и тушит пожар (Encyklopédia 1995: 158), а на Ораве (север средней Словакии) думали, что король змей мог помочь людям вылечиться (Бобров, окр. Наместово, соб. зап. 2009 г.). В восточной Словакии *kruľ goduv* является хранителем кладов: он живет в скалах, под пнями, выделяется белым цветом, особым блеском глаз и красным гребнем или золотой короной. Во время опасности он издает резкий, пронзительный свист, который призывает на помощь всех змей в округе (Замагурье, окр. Кежмарок – Blagoeva-Neumanová 1976: 67).

Причинять вред королю змей нельзя – например, тому, кто уничтожит змеиное яйцо, он подожжет дом (Encyklopédia 1995: 158), того, кто убьет царя змей или его семью, ждет несчастье (Blagoeva-Neumanová 1976: 67).

Король змей мог и отомстить за обиду, и наградить за дружбу или за услугу. В одной быличке он оставил свою корону девочке за то, что она поила его молоком (Blagoeva-Neumanová 1976: 68)⁴.

Король змей громким свистом сзывает 13 300 (или другое количество) змей, и они вместе «выдувают камень» (*nafukujú kameňok*), называемый *hadí kameň* (Encyklopédia 1995: 158). Соединившись вместе головами, змеи «выдувают» камень (*kameň dujú*), называемый «змеиным» (*hadiaci kameň, hadí kameň*), который имел большую лечебную силу (Dobšinský 1880: 114). Когда много змей собиралось в одном месте под камнем, на Верхнем Погронье говорили, что они «выдувают камень» (*dmuchajú kameň*). Рассказывали также, что среди полевых змей есть одна главная, у которой корона на голове (Гельпа, окр. Брезно, ср.-словац. – зап. М. М. Валенцова, Е. С. Узенева, 2009 г.). Когда змеи *kameň dujú*, не советуют к ним приближаться, они могут напасть на человека. Камень этот (*had'áci kameň*), похожий на птичье яйцо, приносит счастье в суде, им также «глядят» скот, чтобы он был гладкий и круглый, а также используют для лечения (Детва, ср.-словац. – Detva 1905: 204). В быличках также рассказывается о живительном змеином камне, лизание которого утоляло голод

в течение года – и змеям, и случайно оказавшемуся в одной пещере с ними человеку (Прилепы, окр. Злате Моравце, з.-словац.)⁵.

Некоторые мифологические черты образа короля змей присущи и образу **домовой змеи**, например: способность приносить счастье, богатство; запрет убивать змею под угрозой несчастья и смерти; белый/серый цвет, иногда – гребень на голове⁶.

Практически по всей территории Словакии распространено убеждение, что в каждом доме есть своя «домовая» змея (*domáci had, hospodár, starý gazda, starý dedo*), белая, как молоко. В доме, где нет такой змеи, нет и счастья. Также широко распространена быличка о том, что домовая змея ела вместе с ребенком (с детьми) из одной миски молоко (чаще кашу с молоком), а ребенок, стукнув ее ложкой по голове, выговаривал: «Ешь и кашку, не только молочко пей». Когда хозяин убил эту змею, в течение недели умерли и его дети (см., напр., Detva 1905: 205).

Постоянное присутствие домовой змеи в доме (а также практическая польза от нее – уничтожение мышей и лягушек) способствовали отождествлению ее с хранительницей дома и семьи. Во многих славянских языках, в том числе в словацком, домовую змею называли также «хозяин»: словац. *hospodár, gazda, starý gazda*; карп.-укр. *газдовник* (Гура 1997: 45), пол. *gospodarz-wąż, gospodarczyk* (Санникова 1990: 251), чеш. *hospodář, hospodářík, had hospodář* (Климова 2000: 164), н.-луж. *góspodar u gósपोza* (Černý 1898: 24), болг. *стопанка* (Георгиева 1993: 63). Кроме того, змея эта чаще всего была белого или серого цвета, что вызвало ассоциацию с сединой, стариком и с предком⁷.

В разных частях Словакии поверья о домовой змее варьируют лишь незначительно. В Западной Словакии ее называли (*domoví gazda*, считали, что она охраняет дом и его обитателей (Брестованы, окр. Трнава – Slovník 1994: 484), *gazda* (Завада, окр. Топольчаны – АТ ÚEt, č. 805). Присутствие ее в доме и на дворе, о котором она сообщала шипением, стуком о порог и т. п., было гарантией процветания дома и хозяйства. Ее уход означал распад семьи, а ее гибель предвещала смерть самого старого члена семьи или детей (Encyklopédia 1995: 157–158). Убивать домашнюю змею (*domáci had*) нельзя, иначе счастья в жизни не увидишь (Тренчанска Турна, окр. Тренчин – АТ ÚEt, č. 227). Это хозяин (*gazda*), хранитель дома, и его убийство привело бы к несчастьям для семьи (Омшена, окр. Тренчин – АТ ÚEt, č. 227). Змея жила в углу или под порогом; если она вылезала оттуда, то это предвещало смерть хозяину дома (Крайне, окр. Мыява, з.-словац. – АТ ÚEt, č. 205). Во многих семьях верят, что в их домах живет *biely had*, его называют *domácim hadom*. Если эта змея заболела

ет, то заболит вся семья. Там, где змея не водится, люди вымрут, не смогут там жить. Змея живет в дыре в стене и там стучит, а ночью и вечером свистит (*pišti*). По мнению некоторых, белая змея живет только в тех домах, где люди религиозные (Шинтава, окр. Трнава, з.-словац. – АТ ЎЕт, ч. 228).

В Средней Словакии рассказывали, что домовая змея жила под первым камнем, на месте которого закладывали дом. Она оберегала дом от нечистой силы, несчастий. Убийство змеи означало бы смерть кого-либо из обитателей дома, пожар (Бобров, окр. Наместово, ср.-словац. – соб. зап., 2009 г.). В усадьбе, в амбаре, жила серая змея, говорили, что это *gazda*. Если ее убьешь, в доме пропадет весь скот (Поломка, окр. Б. Быстрица, ср.-словац. – АТ ЎЕт, ч. 763). Змея живет около хлева; если ее убить, не будет вестись скот; для змеи специально оставляли в хлеву миску молока (Завадка, окр. Б. Быстрица, ср.-словац. – АТ ЎЕт, ч. 763). Есть змеи, которые сосут молоко у коровы, – такая корова потом уже не приносит человеку пользы (Детва, ср.-словац. – Detva 1905: 204), но если змею убить, то падет и корова (Encyklopédia 1995: 158). Змея выходила из-под очага. Ее нельзя убивать, иначе умрет хозяин; детям она не вредит, ест с ними молоко из миски (Шумьяц, окр. Б. Быстрица, ср.-словац. – АТ ЎЕт, ч. 763). *Bieli had* есть в каждом доме, но показывается только тому, кто должен в течение года умереть; если ее убьют, то умрет хозяин (Ладзаны, окр. Крупина, ср.-словац. – АТ ЎЕт, ч. 803). В каждом доме в стене живет хранитель дома – *biely had*. Кто его убьет, в течение года умрет. Если змею убьют, умрет хозяин дома и будет гибнуть скот (Лишов, окр. Крупина, Гонт, ср.-словац.). «Один раз во дворе нашли обычную небольшую змею, убили ее, а в течение года сдохла корова» (Ломна, окр. Банска Штьавница, ср.-словац. – АТ ЎЕт, ч. 799А). Змея жила в каждом доме, под порогом, в хлеву, во дворе, на навозной куче, была как хозяин (*domáci gazda*). По одним представлениям, она ничем не отличалась от других змей, по другим – была рябая, пестрая или *серая* (седая), как старый человек. Убийство змеи приводило к смерти хозяина дома (Гемер-Малогонт – Gemer-Malohont 2011: 370). Домашнюю змею нельзя убивать, иначе все хозяйство пойдет за нею (пропадет), это хозяин дома (*gazda*) (Дачов Лом, окр. Вельки Кртиш, ср.-словац. – АТ ЎЕт, ч. 800А).

В Восточной Словакии домовую змею тоже называли *gazda* (Замагурье – Blagoeva-Neumanová 1976: 70), ее нельзя убивать, иначе погибнет корова (Велька Лесна, окр. Стара Любовня, в.-словац. – АТ ЎЕт, ч. 790). *Domovi god* – домашняя змея, дух первого хозяина дома.

Появляется только после его смерти. Живет в каждом доме под порогом, под печью (Езерско), под столом (Остурня, В. Франкова), под порогом хлева. Всегда черная и с характерным неприятным запахом. Если запах от нее становится невыносимым, старались выгнать ее с помощью листьев ясеня, который змея не любит. Этот запах и стук, время от времени доносящийся из-под порога или из-за печи, служили доказательством ее существования в доме. Повсеместно считалось, что шипение, которое она издает, является предсказанием долгой жизни хозяина. Молчание и слабое шипение – знак близкой смерти кого-либо из домашних. Если убить домашнюю змею, хозяйство придет в упадок, будетдохнуть скот, умрет хозяин или хозяйка. Змея считается и охранительницей дома, и чем-то недобрым, но трогать ее нельзя. Поэтому запрещалось рубить дрова на пороге дома, хлева и в др. местах, где она может находиться (Замагурье, в.-словац. – Vlagoeva-Neumanova 1974: 89–90).

Благодаря тому, что в домашней змее видели олицетворение души умершего предка, она трактовалась положительно, наделялась свойствами хозяина и хранителя⁸.

Этот в целом положительный образ развивался и трансформировался, подвергался рациональному осмыслению и этическим оценкам. Видимо, общая идея обеспечения богатства и благополучия дома конкретизировалась в идее о реальном приносе змееподобным помощником зерна, молока, денег; следующим этапом было рассуждение об источнике этих приносимых благ и утверждение в мысли, что они украдены у других (в духе народного понимания того, что ничто не появляется ниоткуда и не исчезает в никуда). При однозначно отрицательной оценке кражи как способа обогащения домового дух неминуемо должен был превратиться в демона, черта. На другом полюсе подобных размышлений – магия получения такого демона-обогапителя, целенаправленного «выведения», «вынашивания» его при соблюдении целого ряда условий. Из попыток «оправдать» наличие демона-помощника отметим поверья о том, что последнего не обязательно выводить из яйца, его можно купить, найти во дворе, взять в дом из жалости, демона могут и подбросить.

Вместе с тем, для возникновения образа **змея-обогапителя** имелись и глубокие мифологические основания. Связь змеи с богатством, зарытыми кладами и другими благами проистекает из ее способности проникать в щели и норы, зимовать в земле, в целом из ее принадлежности к хтоническому миру. У словаков, как и у других

славянских народов, достаточно распространен мотив клада, пещеры, наполненной богатствами, которые охраняет змея.

Архаические славянские имена демона-обогаителя указывают на его змеиную природу: словац. *zmok, zmak, čmoch*, чеш. *zmek*, ген. ст.-чеш. *zemka*, морав. *smok, cmok, tmok, zmok*, пол. *smok, čmok, čmuk*, бел. *cmok*, болг. *smok*, рус. *smok* ‘змея’; из славянского – и лит. *smākas* ‘дракон’ (Machek 2010: 717).

В Словакии демон имеет много имен: ср.-словац. *zmok, škriatok, zbôžik, kosper*; з.-словац. *bôžik, rarášik, škriatok, kosper*, в.-словац. *džmil, džmij, džmil, čort* (Encyklopédia 1995: 350–351; Slovensko: 1028). Это гетероморфное существо, чаще всего имеющее вид мокрого черного цыпленка (народно-этимологическое сближение *zmok* со словом *zmoknutý* ‘мокрый’). Его присутствие в доме было гарантией процветания. Хозяину он носил деньги, зерно и другие богатства, выполнял любое желание хозяина. Получить его мог человек, который носил под левой подмышкой 7 (9, 13, 40 дней, 6 месяцев) первое (или последнее) яйцо от черной курицы (черного или 7-летнего петуха), при этом ему запрещалось спать, разговаривать, ходить в костел, молиться и умываться, пока цыпленок не выведется. Некоторые считали, что это было воплощение самого черта, которому хозяин должен был кровью подписать договор, что его душа после смерти попадет в ад.

Zmok и *zmak* – черный мокрый цыпленок, который много ест и таскает много денег. Пока он сам от работы не надорвется и не лопнет, избавиться от него невозможно. Иногда появляется в виде огненной цепи, спускается в дом через трубу и приносит деньги (Dobšinský 1880: 117).

Однажды хозяйка нашла на улице *zmoka* – цыпленка с длинными ногами, длинной шеей и светлыми выпученными глазами, он лежал в луже и отчаянно пищал. Она отогрела его на печи. Змок носил ей деньги, зерно, скот. Избавилась она от него тем, что задала ему тяжелую работу – наносить целый чердак пшеницы (которая через отверстие ссыпалась в подвал), отчего он лопнул (окр. Бановце-над-Бебравой, з.-словац. – Horváth 1968: 117).

По поверьям из Кленовца и Кокавы над Римавицей, змок вылупляется из последнего яйца старой курицы, в других селах – из любого яйца черной курицы, если его носить три недели под мышкой. В Гемерской Полеме считалось, что змок выскакивает из яйца, случайно найденного на дороге, если его ударили ногой. Он выглядел как черный всклокоченный цыпленок, ночью спал со своим хозяином, а днем хозяин должен был носить змока за пазухой. Змок носил

ему деньги и все, что тот ни прикажет. В Гемерской Полеме, чтобы избавиться от демона, освящали дом. В Нижней Сланой советовали купить на ярмарке, не торгуясь, платок, завернуть в него змока и положить на дороге. Кто поднимет платок, тот возьмет и змока. В Гочове советовали отнести змока к кресту на кладбище (Гемер – Малогонт – *Gemer-Malohont* 2011: 372).

У одной женщины был змок. Она дала ему наперник, чтобы он наносил в него зерна, потом дала мешок, чтобы он заполнил его деньгами. Змок не смог подняться с мешком на чердак и разлился дегтем (Шумьяц, окр. Брезно, ср.-словац. – *AT ÚEt*, §. 168). Из маленького куриного яйца вылупился змок, который носил своим хозяевам деньги и все, что они ни желали (Погорела, окр. Б. Быстрица – ср.-словац.). Первое снесенное курицей яйцо надо 24 часа носить под мышкой, и вылупится змок (Гельпа, окр. Б. Быстрица, ср.-словац. – *AT ÚEt*, §. 763). «*Zmok* – это какая-то курица, у одного нашего была такая – все яйца ему несла, и все, что он хотел, все этот змок ему приносил. Дочь у него уже третий дом собирается строить, и все у них хорошо, так говорят, что это змок им носит; а молока – и по два ведра от одной коровы таскала – откуда же иначе взять?. Змок носит зерно и все время пицит, хочет только под мышкой ночевать. Змок приходил к тем, кто был богатый и счастливый; выглядел как черный цыпленок, но только ночью» (Завадка, окр. Б. Быстрица, ср.-словац.). Змока вынашивают 9 дней под мышкой, он живет под очагом, носит деньги хозяину (Шумьяц, окр. Б. Быстрица, ср.-словац.).

Один извозчик нашел на улице черного цыпленка, отогрел в доме, а тот человеческим голосом спросил, что ему надо и что принести. Но все боялись принимать от него дары и решили избавиться от него: по совету старого фурмана хозяин змока купил меру пшена, высыпал ее в самое быстрое место реки Ваг и приказал собрать все до зернышка (*Ondrejka* 1972: 148–149).

Žmak (В. Франкова), *žmok* (М. Франкова), *zmak* (Остурня), *zli duch, zvodžijos* (Сп. Ганушовце, В. Франкова) – маленький черный цыпленок, с которого капает вода. Выводится из яйца черной курицы, которое 4 недели (В. Франкова) или 9 дней носили под левой подмышкой, не крестясь, не молясь, а в Остурне и Езерске – не произнося ни слова. Вылупившийся змок ни на минуту не отходил от хозяина, с ним и ел, и спал (Езерско, В. Франкова). Он помогал в хозяйстве, выполнял желания, заботился о конях и скоте, носил деньги – работал за пятерых. Но после смерти он забирал душу хозяина себе, так как он злой дух, искунитель (*pokušičel*). Избавиться от него обычным способом

(выгнать, выбросить, утопить, сжечь, даже вместе с домом) невозможно, для этого применяли магию: надо было 9 дней не умываться, ни с кем не разговаривать, ходить на перекресток, а на 9-й день вскочить в костел двумя ногами сразу. Хозяин выполнил все это, и змок провалился в ад. Но после смерти хозяина и его туда утащил (Замагурье, в.-словац. – Blagoeva-Neumanová 1976: 95–96).

Zmok иногда показывался на дороге в виде черного мокрого цыпленка. Кто его возьмет домой, у того коровы будут давать много молока, *змок* будет носить в дом зерно или деньги. «Тут у одной из Шунявы был такой цыпленок маленький за печью, он не рос, оставался цыпленком, но денег у них было – как сорной травы» (долина Горнада, окр. Попрад, в.-словац. – Michálek 1989: 283).

В доме, где был *zmak*, было богатство, потому что он приносил все что захочешь. Выглядел как ободранный мокрый черный цыпленок, который постоянно пищал. Находили змоков на болотах, в топях, мокрых местах (Ямник, окр. Липтовский Микулаш, ср.-словац. – Zprávy 1932: 27).

*Zmiňa*⁹ – существо, появляющееся из первого яйца черной курицы, которое 9 дней носят под мышкой, при этом говорят, что хотя бы вывести его, – тогда дьявол входит в это яйцо, приносит своему хозяину все, что он ни пожелает. Для избавления от него советовали купить на ярмарке, не торгуясь, платок, завернуть в него *зминю* (два конца завязать, а третий перекинуть), пойти на мост, бросить его в реку и бежать, не оглядываясь, домой. *Змия* потом выскочит на того, кто первым пойдет через мост (Галиговце, окр. Стара Любовня, в.-словац. – Horváthová 1972: 501).

Если у кого-то быстро начинает улучшаться и процветать хозяйство, говорят: *to preto, lebo na dvore im zmok sedí* [Это потому, что на дворе у них змок сидит] (Machal 1891: 156). Выражение «змок ему носит (богатство)» вошло в литературный словацкий язык: о том, кто, хоть и честно работая, очень заметно богатеет, говорят: *zmok mu nosí* (Mičátek 1900: 285).

Словацкий змок в виде цыпленка-обогапителя практически не имеет змеиных признаков, кроме имени. Его змеиная природа раскрывается через ипостась **змея-любовника** – хоть этот персонаж в целом для словацкой традиции не характерен.

В нарративах из Восточной Словакии о змоке рассказывали, что днем он сушился за печью, а ночью превращался в существо противоположного пола по отношению к своему хозяину, который должен был с ним спать (села долины Горнада, окр. Попрад, в.-словац. – Michálek 1989: 283).

В Западной Словакии дух-обогадетель *rarášek*, или *zmok*, посещал сельских ведьм в виде огненной цепи (*žiarivá reťaz*), шара (*ohnivá guľa*) или огненного змея (*ohnivý had*), он влетал в трубу для сексуального общения с ними и носил деньги; ведьмы должны были во всем его слушаться, потому что он давал им сверхъестественную силу (обл. Белых Карпат, з.-словац. – Bužeková 2009: 38).

В Средней Словакии верили, что змок может превратиться в мужчину или в женщину; если превратится в женщину, с ним должен спать мужчина, а если в мужчину – то женщина (Шумьяц, окр. Брезно, ср.-словац. – АТ ЁEt, č. 168). Змок, приносящий богатство, мог выглядеть как огненная цепь, как курица и как черт. Рассказывали, что он летал к одной женщине и мучил ее, отчего она очень похудела; спас ее муж, поймавший демона и закрывший его в бочке (Ладзаны, окр. Зволен, ср.-словац. – АТ ЁEt, č. 803).

В змееподобном черте одного повествования из области Замагурье угадывается змей-любовник, доводящий женщину до смерти: одна женщина страшно ругалась и прелюбодействовала. Когда муж узнал о ее поведении, она поклялась: *Že bi me d'abli vžali, kec to pravda* [Чтоб меня черти взяли, если это правда]. С тех пор каждую ночь ее посещал черт в виде змеи, вылезавшей из-под печи (Остурня), или в виде огненного шара (Езерско), потом он показался ей с рогами, копытами и хвостом. Женщина стала таять, худеть и попросила священника освятить ее дом. Однако когда она умерла, дьявол прилетел за ней в виде большой черной птицы и забрал ее душу в ад (в Остурне вообще дьявола представляли себе в виде змея) (Blagoeva-Neumanová 1976: 102–104).

Образ летающего змея-любовника сохранился в семантике слова *šarkaň* ‘летающий змей’, которое в современных в.-словац. говорах Шариша и Земплина обозначает серьезного ухажера, любовника (www.stofanak.sk).

Рассказы об **атмосферных демонах-змеях** в Словакии¹⁰ известны преимущественно в горных районах – на севере страны, в области Белых Карпат (з.-словац.), Западных и Центральных Бескидов (регионах Орава, Липтов, Верхнее Погронье (ср.-словац.), Подгуольно-Магурской гряды (Восточные Бескиды) в регионах Спиш и Шариш, спорадически в южных областях страны.

В большинстве случаев летающий змей¹¹ упоминается в связи с чернокнижником (*černoknažník*, *čiernokňažník*, *čarnoknižník*, *černokrižník*, также *chmurník*, *planetník*, *veterník*), ученым монахом, повелителем туч, грома и молнии. *Černoknažník* летает на драконе

(*šarkan*), питается только молоком от черной коровы и яйцами от черной курицы, которые просит у людей (Стара Тура, окр. Нове Место над Вагом, з.-словац. – Turá 1983: 175).

Слово *šarkan*¹² – заимствование из венгерского языка (венг. *sárkány* 1. дракон (в сказке); 2. змей (бумажный) – Венгерско 1987: 654), которое заменило исконное славянское *smok* (предположительно реконструируемое как **sъmъkъ* от **s-mykati se* ‘ползать’ – Machek 2010: 717).

Šarkan – олицетворение бури, его представляли в виде змея; о буре говорили, что это *šarkan preletel* [шаркан пролетел] (Dobšinský 1880: 116). В словаре Калалов *šarkan* (в.-словац., из венг.) – ‘сказочное существо, которое приносит летом бурю и гром, крылатый дракон’: *šarkan preletel*; ‘домовой хозяин (*hospodáriček*)’; *šarkanie mlieko* [молоко шарканя] (окр. Банска Быстрица, ср.-словац.) ‘самогон’, *šarkanový* = драконий (Kálal 1923: 669). О полегшей пшенице говорили, что ее змей хвостом прибил (*šarkan chvostom ušluhau*) (Вышний Кубин, окр. Дольный Кубин, ср.-словац. – Nabovštiak 2006: 269). Согласно быличке, на Белианском [поле] в Дубраве [между городами Попрад и Прешов, в.-словац. – М. В.] тоже появлялся *had-šarkan*; потом пришел за ним чернокнижник и отвел его прочь. И в то лето все поле около Дубравы померзло, говорят, от этого шаркана. Когда он взмывает в воздух, все мерзнет. Старики рассказывают, что чернокнижник вызывает змея-шаркана по своей книге, а когда змей выйдет из пещеры, накидывает на него узду и правит в воздух, в жаркие страны, где люди кладут мясо шаркана по кусочку под язык, чтобы охладиться (Krásy 1928: 169). По рассказам из Оравы, люди видели чернокнижника, несущегося на драконе, и сразу начался град, и вода начала прибывать (Ломна, Орава – Nabovštiak 2006: 268). У шаркана (*šarkan*) широкий сильный хвост, которым он ломает верхушки деревьев. Когда он летит над деревней и звонят колокола, чернокнижник должен сказать, что это псы лают, иначе он бы уничтожил деревню (Гельпа, Погорела, окр. Брезно, ср.-словац. – AT ÚEt, č. 763). В буре, сопровождаемой вихрем, *letí šarkan*, который звон колоколов считает лаем псов, и от страха обращается в другую сторону. Но в Бетлиаре, говорят, шаркан ударил огненным хвостом в звонницу, потому что, мол, использовали колокол, которым прежде звонили по самоубийце (Раковница, Гочов, Бетлиар, окр. Рожнява, в.-словац. – Gemer-Malohont 2011: 366). Один звонарь, когда звонил против бури, видел, как возле колокольни пролетает чернокнижник на шаркане (*čiernoknažník na šarkanovi*) (Брестованы, окр. Трнава – Slovník 1994: 250).

Чернокнижник повелевает бурей и молнией, там, где он ударит своим бичом, бьет гром, и на этом месте потом уже ничего не растет. Он летает на змее (*šarkaň*) с широким мощным хвостом, которым он сбивает верхушки елок. Пролетая над деревней, чернокнижник говорит шаркану, что это не колокола звонят, а собаки брешут, иначе бы змей все село уничтожил. Согласно одной быличке, однажды чернокнижник предупредил крестьян о надвигающейся буре; спрятавшиеся люди видели, как он щелкал своим бичом, и туда, где упал удар, бил гром. До сих пор на этом месте ничего не растет (Гельпа, Погорела, окр. Брезно, ср.-словац. – *Nohronie* 1974: 334; АТ ЁEt, č. 763). О шаркане вспоминали: «...такая тучка образовалась, маленькая, и мы четко видели, будто там был хвост, в том облаке. Ой, что потом началось! Град, все ломало <...> И это было так, будто этот змей (*had*) стегал своим хвостом. Ну, говорили, это вроде те старые змеи или что» (Ломна, окр. Б. Штъявница, ср.-словац. – АТ ЁEt, č. 799А).

В чернокнижнике как погодном демоне, образе, несомненно, позднем, у западных славян редулицирован в антропоморфном виде образ летающего дракона – повелителя туч, а порой он даже заменяет собой змея: например, рассказывали, что чернокнижник и сам мог *летать в черных облаках*, но чаще летал *на драконе*, жившем в пещере и выглядевшем как змей (*Slovensko* 1975: 1029). Есть сведения, что чернокнижник ходит по земле в виде черной коровы или черной курицы (ср. образ змея-обогатителя в виде черного цыпленка; мотив питания чернокнижника исключительно молоком от черной коровы и яйцами от черной курицы; мотив «тучи – говяды», рассмотренный Н. И. Толстым¹³), и если ему что-то не по нраву, он мстит, вызывая сильную бурю (Кисуцка долина, з.-словац. – *Sborník* 1923: 177).

Образ змея-шаркана включал в себя также мифологические мотивы, свойственные другим змееподобным существам. Несмотря на заимствованное имя, словацкий «погодный змей» сохранил в своем образе исконные славянские представления о змеях вообще. Например, у в.-сл. шарканов (*šarkaň*, *šarkaň*, *žarkaň*) отмечено также значение 'домовой' (Зайцева 1975: 125, 267), а *žarkaň* – народно-этимологическое изменение имени в связи с *žara* 'блеск, зарево, сияние', что отсылает к образу змея, летающего в дома в виде огненной цепи или шара.

Интересные данные приводятся в рукописном словаре А. Лацного, предположительно составленного в последней трети XVIII в. (Király 1957): это имена змея и связанные с ним словосочетания: *Šarkan*,

m, *Sárkany*, *Ssarkan*, *Draco* – *Senényes Sárkany*, Hriwaty *Šarkan*; *Sarkany fü*, *Šarkanowa Zelina*, *Draconitum*; *Sarkány kö*, *Šarkanowy kamen*, *Draconites*, *Kál.*, *Palk. sl.*, *Bern*, *Jg. sl.* < мад. *sárkány* ‘ч. drak’ *Jg.* (Király 1957: 102), среди которых *Hriwaty Šarkan* ‘шаркан с гребнем’ заставляет вспомнить поверья о короле змей; *Šarkanowa Zelina* ‘шарканова трава’ – об особой «живой траве», которую король змей держит в пасти и с помощью которой можно оживить убитого (мотив, популярный в словацких народных сказках); *Šarkanowy kamen* ‘шарканов камень’ – о змеином камне, который «выдувают» змеи и который обладает лечебными и питательными свойствами.

Анализируя изложенный и не вошедший в статью материал, можно говорить о том, что народные верования видят в образах змей и змеев воплощение душ умерших, как «чистых» (домовая змея), так и «нечистых», «заложных» покойников – колдунов, самоубийц и т. п. Если душа предка обуславливает положительное значение мифологического персонажа, то грешная душа – вредоносный характер персонажей и, соответственно, их отрицательную оценку (змеи-любовник, змей – предводитель непогоды), амбивалентный характер имеет змей-обогатитель (приносит богатство, но забирает после смерти душу в ад). Конечно, оценочный компонент при формировании мифологического образа стал возможным только с появлением морали и понятия греха.

На основе прослеживаемой общности мифических обликов змей и змея, их полифункциональности, отсутствия четких признаков, разграничивающих представления о разных персонажах, пересекающейся терминологии, представляется, что для словацкой, в целом для славянской культуры можно говорить об известном синкретизме всех змеиных образов, а возможно, и о вариантах единого мифологического образа, получающего «специализацию» в определенных национальных, временных и ареальных проекциях. Не последнюю роль здесь играют, помимо климатических и орографических, черты национального характера, иноэтнические влияния и заимствования.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

AT ÚEt – Archív textov Ústavu etnológie SAV, Bratislava.

Blagoeva-Neumanová 1976 – *Blagoeva-Neumanová T.* Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a v koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózná práca (Univerzita Komenského). Bratislava, 1976.

- Bužeková 2009 – *Bužeková T.* Nepriateľ zvnútra. Bratislava, 2009.
- Černý 1898 – *Černý A.* Mythiske bytosce lužiskich Serbow. Budyšin, 1898.
- Dobšinský 1880 – *Dobšinský P.* Prostonárodníe obyčaje, povery a hry slovenské. Martin, 1880.
- Encyklopédia 1995 – Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. [Bratislava], 1995. T. 1.
- Gemer–Malohont 2011 – Gemer–Malohont. Národopisná monografia. Ján Michálek a kol. [Martin, 2011].
- Habovštiak 2006 – *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin, 2006.
- Horehronie 1974 – Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Bratislava, 1974. Diel II.: Duchovná kultúra (*E. Horváthová*). S. 245–340.
- Horváth 1968 – *Horváth P.* Zbierka ľudových povíer a zvykov z okolia Uhrovcu z roku 1825 // Slovenský národopis. 1968. № 1. S. 102–118.
- Horváthová 1972 – *Horváthová E.* Zo zvykoslovných a poverových reálií na hornom Spiši // Slovenský národopis. 1972. № 3. S. 484–503.
- Káral 1923 – Slovenský slovník z literatúry aj nárečí (slovensko-český diferenciálny) na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali Kar. Káral a Mir. Káral. Banská Bystrica, 1923.
- Király 1957 – *Király P.* Latsny Adamus: Dictionarium saec. XVIII // Studia Slavica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1957. T. III. № 1–4. S. 59–111.
- Kott 1878 – *Kott F. Št.* Česko-německý slovník. Praha, 1878. D. 1.
- Kováč 1998 – *Kováč M.* Ostrá hora plná mora a iné príbehy ľudovej viedy a mágie zo severu Bielych Karpát // Hieron. Religionistická ročenka. III. 1998. S. 144 – 183.
- Krásy 1928 – Krásy Slovenska. Roč. VII, 1928.
- Kropej 2008 – *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja. Celovec; Ljubljana, 2008.
- Máchal 1891 – *Máchal H.* Nákres slovanského bájesloví. Praha, 1891.
- Machek 2010 – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Foto-reprint podle 3. vydání z roku 1971. Praha, 2010. S. 717.
- Medvecký 1905 – *Medvecký K. A.* Detva. Monografia. Detva, 1905.
- Mičátek 1900 – *Mičátek L. A.* Diferenciálny Slovensko-Ruský slovník s troma prílohami a skrátene mluvnica slovenského jazyka s krátkym úvodom / Sost. L. F. Mičátek. Turč. Sv. Martin, 1900.
- Michálek 1989 – *Michálek J. a kol.* Ľud hornádskej doliny (na území Popradského okresu). Košice, 1989.
- Ondrejka 1972 – *Ondrejka K.* Rozprávnia spod Slatína. [Bratislava, 1972.]
- Slovník 1994 – Slovník slovenských nárečí. Bratislava, 1994. D. 1.

Sborník 1927 – Sborník Matice Slovenskej pre jazykozpyt, národopis, dejepis a literárnu históriu. Roč. V. Martin, 1927. Sošit 3–4. S. 61.

Turá 1983 – Stará Turá. Štúdie o histórii, ľudovej kultúre a nárečí / Zost. Ján Michálek. Bratislava, 1983.

Zprávy 1932 – Zprávy Liptovského múzea / Zodp. red. I. Houdek. Ružomberok, 1932. № 3.

Валенцова 2012 – Валенцова М. М. Словацкие поверья о шарканах – крылатых змеях // Живая старина. 2012. № 1. С. 32–33.

Венгерско 1987 – Венгерско-русский словарь. Magyar-orosz szótár. Москва; Будапешт, 1987.

Власова 1995 – Власова М. Новая абевега русских суеверий. Иллюстрированный словарь. СПб., 1995.

Георгиева 1993 – Георгиева И. Българска народна митология. Второ переработено и допълнено издание. София, 1993.

Гура 1997 – Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Демич 1912 – Демич В. Ф. О змее в русской народной медицине // Живая старина. СПб., 1912. С. 39–60.

Зайцева 1975 – Зайцева Н. И. Мифологическая лексика в чешском и словацком языках. Дисс. канд. филол. наук. Минск, 1975.

Климова 2000 – Климова Д. *Hospodářik* в поверьях чешского народа // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 162–176.

Санникова 1990 – Санникова О. В. Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Дисс. канд. филол. наук. Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990.

Черепанова 1983 – Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Названия «король» или «царь» известны и др. славянским языкам: бел. гомел. *царь-вуж*, *кароль вужоў*, пол. *król węzów*, карп.-укр. *гадячий цар*, словен. *kačja kraljica*, болг. *змијски цар*.
- 2 Белым царя змей считают также арх. поморы (Гура 1997: 293) и словенцы: *bela kača* (*kačja kraljica*). Рус. белая змея – старшая над змеями, хранительница кладов. Убивший такую змею получает возможность видеть клады и сокровища (арханг. – Власова 1995:

- 53) повелевает всеми змеями и владеет всеми подземными кладами. Ключом от клада является ее корона, золотое яблоко, бриллиант или змеиный камень (*kačji kamen*), который также называется *žilštajn, žilštan* (< нем. Silstein ‘алеоврит’) (Кропеч 2008: 167).
- 3 То же название находим и у чехов и мораван: *had s korunkou* (Kott 1878: 402; Зайцева 1975: 227; Kováč 1998: 267).
- 4 [Раз девочку, которая ходила за молоком на *salaš* (горные пастбища), встретил белый король змей с короной на голове и попросил молока. Девочка напоила его. Потом он стал появляться каждый день, и девочка приносила домой менее половины кувшина. Тогда бача (главный пастух овец) решил проследить за ней. Увидев змею, он хотел убить ее, но та скрылась в норе, оставив девочке свою корону, которая дома превратилась в золото. А бача потом сломал ноги и остался на всю жизнь хромым. Это была месть змеиного короля] (Мала Франкова, Остурня, окр. Кежмарок, в.-словац.). Поверья о царе змей бытовали и у русских: «И у нашего народа сохранились следы почитания змей, имеется сказание о змее-царице с золотой короной на голове, приносящей человеку счастье и богатство» (Демич 1912: 41).
- 5 См. в собрании мифологических рассказов С. Цамбела: «Жил один бедный человек и были у него малые детки. <...> Когда он пришел в лес, упал в расщелину, в которой были две большие змеи. <...> Когда змеи проснулись, пошли камень лизать. И он уже был очень голоден, поэтому и он пошел и тоже лизал тот камень. И так он наелся, как будто все на свете ел. Когда нализался, опять пошел на свое место. И был он в той пещере целый год. Когда прошел год, пришел к скале чернокнижник и говорит тому человеку: «Первую змею пропусти, когда она вон пойдет, а когда вторую буду “вычитывать“, обкрути ее хвост вокруг руки, чтобы ты не упал назад, иначе ты пропадешь от голода, потому что то, что ты лизал, пропадет». Когда чернокнижник вытянул наверх того человека, ударил этих змей уздой, и они превратились в коней. На одного сел чернокнижник, на другого тот бедняк, и полетели они под облаками, а когда пролетали над деревней, бедняк сказал, что это лес, – чтобы чернокнижник ее не уничтожил, потому что он на села гневается, а на лес нет. Чернокнижник принес бедняка прямо к его дому... (Мара Мала, 60 лет, родом из Прилеп, почти 45 лет прожила в Немчинянах в Текове, 16.05.1903. Polívka V, 184 – 185) (http://zlatyfond.sme.sk/dielo/903/Czambel_Slovenske-ludove-rozpravky-/15#ixzz2xZmhsNgd). Мотив встречается в польских, украинских и белорусских сказках,

- а также в хорватских поверьях; былички о змеином камне рассказывают гуцулы – см.: Гура 1997: 321, 340.
- 6 На Верхнем Погронье (ср.-словац.) домашнюю змею считали душой первого хозяина, умершего в новом доме; она появлялась из-под очага, где жила, в виде седой (белой) змеи, по мнению некоторых – с гребешком на голове, а за нею тянулось голубое пламя (Horehronie 1974: 334).
 - 7 Ср. аналогичные представления о ласке: «горноста́й как особая белая ласка (серб.-хорв. *бијела ласица, бијелоласица*), ставшая в старости белой или седой...» (Гура 1997: 47).
 - 8 У словенцев, например, душа могла вселяться не только в домашнюю, но и в полевую змею, ср. запрет убивать большую черную змею (фурл. *incjesine*, рез. *linčeža*), которая встретится на дороге, который мотивировался тем, что в ней – дух умершего (*Ne ubijajte kač, to so dušice*) (Резия и Фурландия – Крореј 2008: 171–172).
 - 9 Ср. словен. названия змаја: *zmin, zmij...* (Крореј 2008: 176).
 - 10 См. подробнее: Валенцова 2012.
 - 11 По словацким поверьям, крылья вырастают у змеи, которую никто не видел семь или девять лет (Encyklopédia 1995: 158). Это свойство приписывается и другим животным: мышь, которая проживет семь лет, превратится в летучую мышь; через семь лет у муравьев появляются крылья (Стара Гура, окр. Нове Место над Вагом, з.-словац. – Turá 1983: 176). Об этом мотиве у славян см. подробнее: Гура 1997: 298–300.
 - 12 Термин известен также в карп.-укр. *шаркань*, лемк. *шаркан* (Гура 1997: 286, 289, 291–293), пол. *siarkań, szargan* (Санникова 1990: 265, 267), болг. банат. *шаркане*, рл. (Гура 1997: 289). В чеш. и морав. *šarkan* ‘дракон’ – заимствование из словацкого (Зайцева 1975: 266).
 - 13 Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М., 2003. С. 253–266.

Valentsova M. M.

Popular Beliefs about Snakes and Ophidian Demons in the Slovak Tradition

In the article based on published, archival and field-research sources, Slovak popular beliefs about snakes and other mythological characters of the Slovak demonology, which genetically or phenotypically go back to the serpent, are collected. An attempt is made, to analyse certain groups of characters and show their unity in the traditional world picture of the Slovaks

Keywords: *Slovak language, demonology, world picture, traditional culture, folklore, serpent.*

И. М. Коваль-Фучило
(Киев)

Погребальное голошение: магия и экспрессия обряда (восточнославянская традиция)

Магическая функция оплакивания, прежде всего его апотропеическая направленность, прослеживается на разных уровнях обряда: мировоззренческом, манипуляционном, символическом. Обряд оплакивания синонимичен многочисленным и активно бытующим обычаям, цель которых – уберечь живых от пагубного влияния умершего.

Ключевые слова: *украинские причитания, магическая функция, апотропеические обряды.*

В исследовании функциональной направленности погребального голошения ученые обращали внимание прежде всего на его обрядовое значение (регламентации и запреты на исполнение, связь с обрядом и внеобрядовые ассоциации – Т. А. Бернштам¹, В. Сысов²); на функцию индивидуализации обряда (свойство оплакивания изменять статус погребения от типичного явления до индивидуального события – А. К. Байбурин³); на коммуникативную сторону причитания (причитание как способ общения с потусторонним миром – С. М. Толстая⁴); на функцию изменения социального статуса (посвящение в новый для вопленицы статус «сиротства» – С. Б. Адоньева⁵); на психотерапевтическую функцию исполнения (оплакивание – это универсальная форма поведения в ситуации перехода, ритуализация естественного состояния печали, регулятор экспрессии, который с помощью музыкальной формы и традиционных клишированных вербальных мотивов блокирует импульсивные эмоциональные порывы, – Е. Мурзина⁶, Т. А. Бернштам⁷, С. Мишанич⁸).

Психотерапевтическая направленность причитаний лучше других функций осмыслена и разработана в самой народной традиции. Так, в ситуации тяжелой потери в традиционной деревенской среде сегодня, как и столетие назад, советуют «выкричать» свою боль, чтобы стало легче: «Як є родина, а не голосить, тоді чужі поучують їх, як треба голосити, і що голосити треба, бо може си туск під серцем сперти, то не дай Боже мож заслабнути»⁹. Главной причиной возникновения плача носители традиции называют чувство горя, тоски по умершему, которое заставляет плакать и даже, можно сказать,

вдохновляет причитальщицу¹⁰: «А жіноцтво з найближшої родини голосить: то одна за другою, то всі разом поголосять, тай знов перестануть, а як котра “дуже жаль великий маєт”, то така не перестеє голосити»¹¹; «Домашні плачуть з жалю і з розпуки, голосеять за вмерлим, цілують його і приповідають: “Прощай мені, бо вже не будем ся видіти!”»¹².

Горе, печаль по умершему в народе считают главной, но не единственной причиной плача. Так, среди мотивов, которые побуждают к оплакиванию, часто называют и обычай, согласно которому причитать необходимо, чтобы люди не осудили; и желание оказать последнюю услугу умершему; и даже банальное желание получить хорошее угощение и особое место за столом на поминках: «Чужі плачуть тіко з-за того, щоб на поминках посадили їх на перве місце і лучче вгощали»¹³. Все же на современном этапе бытования причетной традиции в Украине повсеместно наиболее распространенной причиной плача носители традиции считают скорбь об умершем, а плач – естественным выражением горя и способом преодоления этого чувства: «**Воно ж тоді під жаль, як придумається воно**»¹⁴; «Тоді така була жаль, що... воно само плачється»¹⁵; «зробиться жаль та й плачу»¹⁶; «Коли вже челядник вмере – не за каждым [причитают]. За ким жаль»¹⁷. То есть главное внимание носителей традиции обращено на экспрессивную сторону оплакивания и на его психотерапевтическую направленность.

При этом информанты сегодня, как и столетие назад, все же помнят о магических свойствах причети, прежде всего о запрете долго причитать и плакать, поскольку это вредит и живому, и умершему: «Плачуть женщины більше всього з жалю, а інші плачуть хоч і ни жаль, а так по заведеному споконвіку порядку /.../ Плакати часто і дуже довго, кажуть, виликий гріх, особливо по своїх малих дітях. Хто дуже плаче по дітях, то на тім світі душичці бува тяжко»¹⁸; «Мати мені моя казала, як оце брат помер, а мати жива була, то казала: “Не плач, бо він там буде лежать у мокрому”»¹⁹; «Може присниться і сказати: “Там мені мокро”. Чула. “Я в мокрій сорочці”. Тоді вона йде купляє сорочку чисту, нову, і як когось хоронять, вона кладе туди – передає: “Передай моему Іванові (чи Петрові) оце, там він в мокрій сорочці”. Їй кажуть: “То ж ти винувата, не плач так дуже за ним!”»²⁰. Эти и многие другие регламентации исполнения причети, которые функционируют на разных уровнях обряда, например, персонажном (нельзя голосить помолвленным девушкам²¹, беременным женщинам; обязательно надо голосить родным, особенно детям

по родителям), объектном (запрет голосить по первому ребенку), временном (запрет голосить во время агонии, ночью), свидетельствующ о сакральности причети, вере в ее магические возможности.

Вследствие длительного времени бытования причетной традиции произошло многократное переосмысление природы оплакивания, его функциональной направленности и значимости в обряде, возникли вторичные формы причитаний. Эти вторичные формы, то есть пародийные, срамные, метафорические разновидности жанра²², свидетельствуют о популярности и развитости причетной традиции. Процессу метафоризации подверглись не только тексты плачей, но и само ритуальное действие оплакивания, которое приобрело самостоятельное символическое значение, а потом и магические свойства.

Толчком для написания этой статьи стало зафиксированное нами в 2010 г., а потом вторично в 2011 г. в Черниговском Полесье верование: если на похоронах причитать по умершему и сохранить ложку, которой он ел, то будет хорошо вестись хозяйство, в хозяйстве не будет урона. Нужно, чтобы кто-то хотя бы немного попрочитал («Ну, треба щоб одна людина якась хоть трохи поголосила, щоб була, у нас кажуть, негласна ложка. А про що, я не знаю /.../ А баби ще придумають, що щось вона, мо², помагає в хазяйстві, так ото держуть в хаті од чогось. А хто його зна, ми не знаєм»²³). Важно, что появилось даже специальное название для такого сакрального предмета – *негласна ложка*. Во время повторных записей от Людмилы Новак через год мы узнали, что она специально причитала на похоронах своей дальней родственницы, которая умерла в весьма преклонном возрасте, и сохранила ложку покойницы. То есть это верование не только «живет» в памяти носителей традиции, но и реализуется до наших дней, правда, среди людей старшего поколения.

В описанном случае ритуальный акт оплакивания является условием сохранения хозяйства. При таком понимании он синонимичен многочисленным и активно исполняющимся обычаям, цель которых – уберечь живых от пагубного влияния умершего. Главная функция такого голошения совсем не психотерапевтическая, а магическая.

В украинской причетной традиции в селах Дубровицкого района Ровенской области до нашего времени сохранились календарные оплакивания на Троицу. Их исполняют утром после литургии над могилами родственников. Есть женщины, которые не хотят, чтобы их плач слышали посторонние люди (журналисты, музыковеды и фольклористы, которых здесь немало каждый год), поэтому они

идут на кладбище рано утром, перед посещением церкви. Главная задача этого поминального голошения – «разбудить» («возбудіті», «возбуджати») умерших родственников. Правда, сегодня сами жители села Сварицевычи, где мы фиксировали этот обычай в 2011 г., иногда объясняют свой визит силой обычая, хотя верят, что умершие их слышат: «Гето одна моя сестра, гето друга моя сестра, гето сестри син, гето сестри чоловік, а гето етой сестри чоловік, а то мій брат – вся моя рідня! Брацкая могила. А чоловік там далей... Нашо мені, шоб вони вставали? – /А сьогодні треба будити?! – Я не хочу будити. Не схотіли жити, то нехай лежуг... не схотіли мене гледіти (целует фотографию на надмогильной плите). Ой!

Парасонько!

Ганночко!

Всі мої племяннички!

Чоловіче!

Батьку!

Мати!

Хто поміг? – Ніхто не хоче помагати!

Не хочу я їх!

Я цілу ніч плачу,

Чи я хоть на їдну минутину стихла за вечор?

Ой! А то закон, шо треба прийти сюди.

Не хотів мене глядіти,

Чого він сюди пішов [о муже]²⁴.

Здесь уместно вспомнить еще один случай из нашей полевой работы. Летом 2010 г. в селе Козацком Нежинского р-на Черниговской обл. мне указали на информантку, от которой раньше записывали причитания. Однако эта женщина отказалась причитать, ссылаясь на болезнь сына. Видимо, причеть, по мнению информантки, могла каким-то образом повредить больному. В этом случае мы имеем дело с верой в магическую силу оплакивания как такового, исполненного вне обрядового контекста.

Такое понимание причети согласуется с трактовкой этого обрядового действия, зафиксированного столетие назад в западной части Украины: услышанное в неположенное время *голосіння* предвещало смерть: «Вішов я малим хлопаком одної ночі во самі опівночі, місяць красно світит, мороз страшний /.../ а я віхопився лиш у самі сорочці. Але я лиш шьо вішов тай став на порозі і чую, а то шос іде дорогов і голосит. Так я зачубув, шьо то тоненьтїм жіночим голосом кажи: “Неньтьо моя, неньтьо!...” Отак во. А я шье собі погадав, шьо то ікоіс

нені умерла. А то іде і голосит, а шьє-м собі погадав: удуріла ікас, ци шьо, шьо уночі так голосит. І я так, ек стояв, і так до плота /.../ Але-м однако нікого ни вигів, лиш чую, шьо наперед мене шос голосит. І так зайшло в оден закуток – зайшло і пропало. А мені тоги дало льяк [испуг] – тай я забіг до хати. На другу ніч повторилоси то само систри і гьидиви [отцу] і у тім чьісі умерла жінка у сусіцтві, нидилеко того кутика, шьо голосила»²⁵.

В народной традиции вера в магическую силу причети находит выражение в разных культурных кодах: в обрядности, в фольклорных текстах, на символическом уровне. Так, в обрядовом тексте голошения эта вера проявляется в строгой регламентации оплакивания: темпоральной (когда голосить), субъектной (кому следует, а кому нельзя голосить), сирконстантной (сколько голосить, чтобы соблюсти меру, не навредить ни живым, ни мертвому). В вербальном тексте самих голошений находим свидетельства веры в магические свойства этого ритуального акта, в частности в возможность коммуникации с умершим, которого оплакивают, и с умершими раньше родственниками. Кроме того, в традиции оплакивание приобретает черты предметности, становится символом, знаком, который имеет магическую силу и используется независимо от похоронного обряда.

Рассмотренные случаи символического бытования причети в традиционной культуре имеют апотропеическую направленность (оплакивание защищает хозяйство от возможного урона после смерти члена семьи), коммуникативную задачу (причитание есть способ общения с умершим и с умершими раньше родственниками) и прогностический характер (внеурочное звучание причети предвещает смерть).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Бернштам Т. А.* Плач в его отношении к жизни и смерти (восточнославянская традиция и балтийские параллели) // Конференция «Восточнославянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд»: Тезисы докладов. М., 1985. С. 12–14.
- 2 *Сисов В.* Голосіння (Структура жанру. Система різновидів) // Народна творчість та етнографія. 1990. № 5. С. 48–52.
- 3 *Байбурин А.* Причитания: текст и контекст // *Artes populares*. 14. Budapest, 1985. С. 59–77.

- 4 *Толстая С. М.* Обрядовое голошение: семантика, лексика, прагматика // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.
- 5 *Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора. СПб., 2004.
- 6 *Мурзина О.* Українські голосіння – афект і формотворення // Проблеми етномузикології. Київ, 1998. С. 79–103.
- 7 *Бернштам Т. А.* Плач... С. 12–14.
- 8 *Мишанич С.* Українські народні голосіння // Актуальні проблеми української літератури і фольклору. Донецьк, 1999. С. 3–51.
- 9 *Гнатюк В.* Похоронні звичаї й обряди // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 32. С. 343.
- 10 Подробнее об этом: *Коваль-Фучило И. М.* Восточнославянские причитания: особенности передачи (взгляд изнутри традиции) // Заједничко у словенском фолклору. Зборник радова. Београд, 2012. С. 321–334.
- 11 *Гнатюк В.* Похоронні звичаї й обряди. С. 341.
- 12 Там же. С. 365.
- 13 *Свєнціцький І.* Похоронні голосіння // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 31. С. 29.
- 14 Записано от Снитко Катерины Ивановны, 1935 г. р., в пос. Засулье Лубенского р-на Полтавской обл., 3 июня 2010 г.
- 15 Записано от Петровской Анны Ивановны, 1940 г. р., в с. Козацкое Нежинского р-на Черниговской обл., 16 августа 2010 г.
- 16 Голосіння / Упоряд. І. Коваль-Фучило. Київ, 2012. С. 540.
- 17 Записано от Ивашко Марии Юрьевны, 1933 г. р., в с. Голятин Межгорского р-на Закарпатской обл., 28 декабря 2008 г.
- 18 *Свєнціцький І.* Похоронні голосіння. С. 30.
- 19 Записано от Светличной Галины Николаевны, 1947 г. р., в с. Каменка Апостоловского р-на Днепропетровской обл., 15 сентября 2011 г.
- 20 Записано от Швядкой Катерины Ивановны, 1951 г. р., в г. Градиск Глобинского р-на Полтавской обл., 3 июня 2010 г.
- 21 *Гнатюк В.* Похоронні звичаї й обряди. С. 301.
- 22 Речь идет о метафорических причитаниях в разных сферах календарной и окказиональной обрядности славян, в частности, в обрядах вызывания дождя, бытующих в Полесье (см.: *Толстая С. М.* Лягушка, уж и другие животные в обрядах вызывания и остановки дождя // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 22–27) и на украинско-молдавском пограничье (см.: *Пастух Н.* Обряд «похорон ляльки» та супровідні голосіння на теренах українсько-молдавського

- пограниччя // Локальна та регіональна специфіка традиційної культури. Одеса, 2013. С. 404–415).
- 23 Записано от Новак Людмилы, 1936 г. р., и Падалка Лукерии, 1911 г. р., в с. Велика Кошелевка Нежинского р-на Черниговской обл., 1 июля 2011 г.
 - 24 Записано от Ефимец Марии Андреевны, 1941 г. р., в с. Сварицевычи Дубровицкого р-на Ровенской обл., 12 июня 2008 г.
 - 25 *Гнатюк В.* Похоронні звичаї й обряди. С. 317.

Koval-Fuchylo I.

Burial Laments: Magic and Expression of the Ritual
(Eastern Slavic Tradition)

The article deals with the magic function of lamentation, and especially its apotropaic (protective) dimension, at different levels of the rite: worldview, manipulative, and symbolic. In the region of Chernihiv (Chernigov), a ritual lamentation act is believed to be an indispensable condition of farm maintenance. That's why it is synonymous to numerous and active current customs, aimed at protecting the living human beings from the harmful effects of deceased ones.

Keywords: *Ukrainian lamentations, magic function, apotropaic (protective) rites.*

Я. Ю. Скалкина
(Москва)

Семантическая классификация неологизмов в болгарском, польском и русском языках

В статье рассматриваются семантические группы неологизмов в болгарском, польском и русском языках, анализируются некоторые их стилистические и словообразовательные особенности.

Ключевые слова: *неологизмы, семантическая классификация, болгарский язык, польский язык, русский язык.*

С конца XX в. в лексике всех славянских языков произошли серьезные изменения, отражающие как новые общественные и политические процессы, связанные с переходом к демократии и рыночной экономике, так и изменения в других областях жизни: не только в науке и технике, но и в быту. Неологизмы появляются в языке «лавинаобразно», процесс называют также «номинационным бумом»¹.

Для максимально полного описания новой лексики, на наш взгляд, необходимо исследовать и классифицировать семантические группы неологизмов (они в данной статье рассматриваются на материале болгарского, польского и русского языков); мы также дадим краткую характеристику каждой из этих групп и оценим их величину. Актуальность исследования обусловлена тем, что именно в сфере неологизмов наиболее отчетливо проявляются тенденции развития языков.

В качестве материала для исследования мы использовали статьи и форумы в сети Интернет, словари неологизмов². Поскольку неологизмы – часть языка, которая постоянно обновляется, использование исключительно словарей нам представляется недостаточным; но чтобы избежать тех слов, которые употребляются однократно или по неграмотности, мы проверяли частотность их употребления в корпусах и поисковых системах. Однако сложно предсказать, насколько долго «проживет» слово в языке, поэтому при подборе примеров мы не ставили перед собой задачу прогнозировать, войдет ли определенное слово в следующие издания словарей, а анализировали только частотность его употребления.

Исследованию неологизмов, механизмам их создания, взаимодействия и приспособления к принимающему языку, словообразо-

вательным, морфологическим и стилистическим особенностям посвящено множество статей болгарских, польских и российских ученых. Несмотря на большую практическую значимость описания и анализа лексических групп неологизмов для составителей словарей неологизмов, зачастую в работах только упоминаются различные лексические группы, не проводится их анализ и не дается их классификация. В статье «Неологизмы в современном болгарском языке»³ Д. Благоева выделяет семантические группы неологизмов, но не дает им характеристику. Мы ставим своей задачей не только привести примеры, но и оценить размер группы, указать основные способы образования неологизмов, выявить тенденции и стилистические особенности. В некоторых работах, например, в книге К. Вашаковой «Проявления интернационализации в словообразовании современного польского языка»⁴ и в статье М. Парзуловой «Интернационализмы в болгарском языке в период демократических изменений»⁵, данный вопрос рассматривается только на материале интернационализмов. Безусловно, интернационализмы составляют большую часть неологизмов, однако ими наш материал не исчерпывается. К. Вашакова в своей книге «Проявления интернационализации в словообразовании современного польского языка» пишет о следующих четырех «сферах жизни, к которым относятся новые языковые явления»:

- 1) государственные изменения, политика и идеология;
- 2) экономика, финансы, банковское дело;
- 3) новые технические открытия и изобретения;
- 4) здоровье, спорт, стиль жизни, отдых, одежда, красота и др.

Классификация получается достаточно общей, хотя и исчерпывающей, группы, несмотря на то, что последняя является разнородной, более или менее равновеликие, но, на наш взгляд, интересно привести более подробную классификацию.

Болгарская исследовательница М. Парзулова в своей статье «Интернационализмы в болгарском языке в период демократических изменений», так же как и К. Вашакова, оставляет за рамками исследования пласт неинтернациональной лексики и выделяет следующие семантические группы интернационализмов: политика и общественная жизнь, экономика и финансы, банковское дело, наука, техника, образование, искусство, спорт и туризм, средства массовой информации, реклама и издательское дело, военное дело, слова, связанные с исчезновением табу, слова, связанные с негативными общественными явлениями и борьбой с ними, слова, связанные с молодежью, мода, а также повседневная жизнь, питание и быт. Безусловно,

данная классификация более детальна, но нам представляется более удобным объединить некоторые из указанных групп, а другие и вообще исключить – например, группу «слова, связанные с молодым поколением, воспитанием и выражением точки зрения молодежи», поскольку слово «граффити» мы можем отнести к группе «искусство», а слова «скаут» и «скинхед» – к «общественной жизни».

Мы предлагаем следующую классификацию неологизмов с точки зрения семантики.

1. Неологизмы, связанные с политикой, общественной жизнью, религией.

Многочисленность неологизмов этой группы объясняется прежде всего коренными изменениями в государственном строе Болгарии, Польши и России после 1989 г., а также тем, что Болгария и Польша вошли в состав Европейского союза, а Россия вовлечена в отношения с ним: (болг.) *евродепутат, европарламент, европосланник*, (пол.) *eurodeputat, europarlament, europoseł*, (рус.) *евродепутат, европарламент, европосол*. Увеличилось также и число политических партий и общественных организаций, в повседневную речь вошло большое количество разговорных наименований членов партий, как правило, образованных от аббревиатур: (болг.) *депесар, атакист, атакаджия*, (пол.) *pisowiec, pereluch, perelowiec*, (рус.) *единоросс, справедливоросс*. Образуются названия членов партий и от названий цветов партийной символики: (болг.) *сини, червени*, (рус.) *красно-коричневые*. Ранее появление такого количества подобных единиц в болгарском, польском и русском языках было невозможно по объективным причинам. Особенностью болгарского языка можно считать крайне продуктивные модели образования существительных женского рода: *депесарка, атакистка*. В польском языке также встречаются подобные единицы: *pisowczynie*. Неологизмы, связанные с общественной жизнью: (болг.) *скинхедс (бръснати глави, скинове, скинари), мутризация, полицейщина*, (пол.) *skinhead*, (рус.) *скинхеды (скины, бритоголовые), ментовщина, ельцинизация, ельцинизм*.

Неологизмов, связанных с религией, не так много: (болг.) *сциентология, ѝеховист, мунити*, (пол.) *scjentologia, skinhead, mooniści, tuniści*, (рус.) *са(й)ентология, иеговист, муниты*. Чаше неологизмы появляются для названия сект и новых религиозных движений.

2. Неологизмы, связанные с экономикой, торговлей, финансами и банковским делом⁶.

Эта группа обширна, что связано как с экономическими изменениями, так и с тем, что неологизмы данной группы осознаются как

слова более высокого стиля, не имеющие отрицательной коннотации, или как профессионализмы: (болг.) *дилър, джойнтвенчър, борса, малък бизнес, е-бизнес, брокер, бартър, банкомат, концесия, сенчеста икономика, сива икономика, финансова пирамида, електронно банкиране, е-банкиране*, (пол.) *diler, mały biznes, e-biznes, broker, barter, koncesja, szara strefa, piramida finansowa, bankowość elektroniczna*, (рус.) *дилер, джойнт венчур, биржа, малый бизнес, Е-бизнес, И-бизнес, брокер, бартер, банкомат, концессия, теневая экономика, финансовая пирамида, интернет-банкинг*. Появляется достаточно большая группа слов, связанная с развитием информационных технологий. В некоторых значениях слова (болг.) *дилър* и *продавач*, (пол.) *diler* и *sprzedawca*, (рус.) *дилер* и *продавец* (или *распространитель*) являются синонимами, но, например, если речь идет об автомобилях, то употребляется только интернациональное английское «dealer»: (болг.) *автодилър*, (пол.) *autodiler*, (рус.) *автодилер*; в случае с формантом «нарко-» возможны различные варианты: (болг.) *наркодилър, драгдилър, наркотърговец, наркоразпространител*, (пол.) *narkodiler, dragdiler, drag dealer*, (рус.) *наркодилер, драгдилер, наркотрогвец*, хотя, как видно из примеров, формант «драг» сочетается только с «дилер».

3. Неологизмы, связанные с наукой и научными открытиями, медициной: (болг.) *адронен колайдер, бозон, черна дупка, тъмна енергия, теория на струните (струнна теория), метеозависимост, арттерапия, изследване с доплер, доплер*, (пол.) *zderzacz hadronów, bozon, czarna dziura, ciemna energia, teoria strun, arteterapia, USG dopplerowskie*, (рус.) *адронный коллайдер, бозон, черная дыра, темная энергия, теория струн, метеозависимость, арттерапия, доп(н) лерография, доплер*. Многие интернациональные единицы образуются от фамилий авторов научных открытий, но неологизмы могут по-разному осмысляться как самими учеными, так и СМИ и, соответственно, всеми носителями языка. Несмотря на то, что именно в сфере науки язык стремится к однозначности, некоторые понятия включаются в синонимический ряд: *бозон Хиггса, Хиггсовский бозон, хиггсон, SM Higgs, частица бога, частица-бог, проклятая частица, бозон бутылки шампанского* и пр. Некоторые неологизмы данной группы представляют собой кальки или полукальки, но в основном это интернационализмы, как и языковые единицы, относящиеся к следующей группе.

4. Неологизмы, связанные с техникой и техническими открытиями: (болг.) *CD-чейнджър, триизмерен печат, конзола, ми-*

кроватьно-печка или *микроволновая*, (пол.) *zmieniarka CD-changer, drukowanie przestrzenne, konsola, kuchenka microfalowa* или *microfalówka, microfala*, (рус.) *CD-чейнджер, консоль, микроволновка, 3D-печать*. Многие названия техники быстро входят в бытовой язык и образуют с помощью славянских суффиксов более короткие названия.

Большая часть технических неологизмов имеет отношение к компьютерам и информационным технологиям, в этой сфере наблюдается разнообразие вариантов (нейтральные термины, профессионализмы, жаргонизмы⁷): (болг.) *таблет, програмна грешка / софтуерен дефект, бъг* или *буболечка*, (пол.) *tablet, błąd oprogramowania, bug, pluskwa*, (рус.) *планшет, программная ошибка, баг, насекомое, блоха*. В ситуациях, когда необходимы термины, используется калькирование, в качестве профессионализмов заимствуются готовые знаки из английского языка, которые с течением времени адаптируются как графически, так и морфологически. Жаргонизмы образуются от нейтральных терминов-интернационализмов или калек и профессионализмов-интернационализмов. Постепенно в языках возрастает количество функциональных вариантов, которые, кроме основной своей функции, выполняют, например, функцию идентификации группы специалистов или экспрессивную функцию.

5. Неологизмы, связанные со средствами массовой информации, рекламой: (болг.) *тийзър, вирусна реклама, промоция, пласмент / продуктово позициониране*, (пол.) *teaser, reklama wirusowa, promocja, plasowanie produktu*, (рус.) *тизер, вирусная реклама, продвижение, продакт-плейсмент*.

Зачастую имеются дублиеты, отличающиеся стилевыми особенностями, как и в предыдущей группе, есть различия между профессионализмами (в основном это англицизмы – интернационализмы), и единицами, нейтрально окрашенными с точки зрения стиля речи (чаще это кальки).

6. Неологизмы, связанные с искусством, массовой культурой, в частности, с музыкой, кино и изобразительным искусством: (болг.) *евро-диско, трилър, филм ноар / черен филм, граффити*, (пол.) *eurodisco, dreszczowiec, film noir / czarny film / czarne kino, graffiti*, (рус.) *евродиско, триллер, нуар / черный фильм, граффити*. Как правило, используются интернационализмы (встречаются не только заимствования из английского, но и из других языков: в наших примерах из французского (*noir*) и итальянского (*graffiti*), хотя и часто именно через английский), встречаются и кальки.

7. Неологизмы, связанные с образованием, представляют собой немногочисленную группу, вероятно, это связано с устойчивостью системы: (болг.) *колеж*, *бакалавър*, *дистанционно обучение*, (пол.) *college*, (рус.) *колледж*, *бакалавр*.

8. Неологизмы, связанные с военным делом, составляют весьма небольшую группу и обычно представляют собой кальки: (болг.) *мръсна бомба*, *информационна война*, (пол.) *brudna bomba*, *wojna informacyjna*, (рус.) *грязная бомба*, *информационная война*.

9. Неологизмы, связанные со спортом и туризмом: (болг.) *кърлинг*, *фитнес*, *уъркаут*, *кайтсърф(инг)*, *уейкбординг*, *бънджи скокове*, *чартър*, *велотуризм*, (пол.) *curling*, *fitness*, *street workout*, *kitesurfing*, *wakeboarding*, *bungee jumping (skok na bungee)*, (рус.) *керлинг*, *фитнес*, *воркаут*, *кайтсерфинг*, *вейк(бординг)*, *банджи-джампинг*, *чартер*, *велотуризм*. Прежде всего появляются существительные – наименования видов спорта (туризма), приспособлений, используемых для занятий этими видами спорта, а также людей, занимающихся ими. Значительно реже встречаются глаголы. Например: (болг.) *кайтбордист*, *кайтсърфист*, *кайтър*, *кайт* (или *хвърчило*), (пол.) *kitesurfer*, *kite* (или *latawiec*), (рус.) *кайтсерфер*, *кайтбордист*, *кайт*, *кайтить/покайтить*. Группа достаточно большая в силу развития международного туризма и благодаря различным всемирным спортивным событиям. В основном неологизмы, связанные со спортом и туризмом, представляют собой интернационализмы, так же как и неологизмы следующей группы.

10. Неологизмы, связанные с модой, часто являются вариантом наименования для существовавших ранее объектов и воспринимаются как нежелательные: (болг.) *винтидж*, *тишърт*, *уелнес*, *спа*, *антиейджинг*, *мезотерапия*, *дермабразия*, *спирала за коса*, (пол.) *vintage*, *anti-aging*, *wellness*, *spa*, *mezoterapia*, *dermabrazja*, *samoopalacz*, *maskara do włosów*, (рус.) *винтаж*, *тишо(р)т*, *тишо(р)тка*, *велнес*, *спа*, *антиэйджинг*, *мезотерапия*, *дермабразия*, *автозагар*, *тушь для волос*. Интересной особенностью многих неологизмов, связанных с модой, является их способ образования: если они произошли из английского языка, то распространена конверсия, ср.: (болг.) *винтидж*, *антиейджинг*, (пол.) *vintage*, *anti-aging*, (рус.) *винтаж*, *антиэйдж(инг)* все эти слова могут быть и существительными, и прилагательными. В большинстве своем интернационализмы этой группы можно заменить или нейтральными словами, существующими в языках давно, или кальками: (болг.) *антиейджинг*, *противостареене*, *антистареене*, *антиостаряване*, (пол.) *anti-aging*,

przeciwstarzeniowy, (рус.) *антиэйдж(инг)*, *противовозрастной*, *мишорт*, *футболка*. Рост количества неологизмов этой группы связан с современным культом молодости и красоты, причем не только среди женщин, но и среди мужчин; об этом свидетельствует, в частности, появление неологизмов, обозначающих отношение мужчин к собственному внешнему виду, например: (болг.) *метросексуал*, *ретросексуал*, *спорносексуал*, (пол.) *metrosexualista*, *retrosexualista*, *spornosexualista*, (рус.) *метросексуал*, *ретросексуал*, *спорносексуал*. Первый неологизм – авторский, второй создан, видимо, по аналогии (формант «сексуал» является весьма продуктивным), а третий состоит из трех основ: «спорт»+«порно»+«сексуал».

11. Неологизмы, имеющие отношение к повседневной жизни⁸: (болг.) *пене*, *гранола*, *фрпане*, *капучино*, *дълго кафе*, *хамбургер*, *гаспачо*, *хамон*, *суши*, *смуги*, *кошница*, *шопинг*, *шипинг адрес*, *лайк*, *лайкна*, *туитър*, *туит*, *туитирам/туитна*, *селфи*, *хештег*, (пол.) *penne*, *granola*, *frappe*, *cappuccino*, *espresso lungo*, *hamburger*, *gazpacho*, *jamon*, *smoothie*, *shipping address*, *lajkować/lajknąć/zalajkować*, *twitter (titer)*, *twittować*, *feisbuk*, *selfie*, *hashtag*, (рус.) *пенне*, *гранола*, *фрпанне*, *капучино*, *лунго*, *гамбургер*, *гаспачо*, *хамон*, *суши*, *смуги*, *корзина*, *шоппинг*, *шиппинг адрес*, *лайк*, *лайкать/лайкнуть*, *твитер*, *твит*, *твитнуть*, *селфи (самострел, себяшка)*, *хэштег*, *хештег*. В данную группу мы относим слова, связанные с кулинарией, а также слова, связанные с социальными сетями и с интернет-торговлей, эти сферы в высокой степени глобализированы, поэтому среди неологизмов преобладают интернационализмы, однако в первом случае эти интернационализмы имеют происхождение из различных языков: итальянский, испанский, японский (посредством английского), а во втором и третьем – только из английского.

Таким образом, в болгарском, польском и русском языках протекает процесс обновления лексики. Многие из семантических групп характеризуются особенными признаками, однако все они отображают общие тенденции развития языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Благоева Д.* Неологизмите в съвременния български език. – http://litenet.bg/publish13/d_blagoeva/neologizmite.htm
- 2 В работе использовались следующие словари: *Буланин Д.* Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и ли-

- тературы 90-х годов XX века: В 2 т. СПб., 2009. Т. 1; *Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С.* Речник на новите думи в българския език. София, 2010; *Holly K., Nowakowska B., Smółkowa T. (red.), Żółtak A.* Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 2000–2005. Kraków, 2010. Część I. A–D; Część II. E–J; 2013. Część III. K–M; Część IV. N–R.
- 3 *Благоева Д.* Неологизмите в съвременния български език...
 - 4 *Waszakowa K.* Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Варшава, 2005.
 - 5 *Парзулова М.* Интернационализмите в българския език в периода на демократичните промени // *Internacionalizmy v nové slovní zásobě.* Praha, UJČ AV ČR, 2003. С. 166–173.
 - 6 Подробное см. в статье: *Колковска С.* Тенденциите към интернационализация и национализации в новата българска икономическа терминология // *Националният език в условията на чужди влияния и глобализация.* Научна конференция, посветена на 125-годишнината от рождението на acad. Стефан Младенов (София, 28–29 юни 2005). Доклади. София, 2006. С. 190–212.
 - 7 *Кирова Л.* Компютърна лексика – актуални процеси и тенденции // *Электронный журнал Liternet.* 2004. № 5 (54). <http://liternet.bg/publish3/lkirova/lex-procesi.htm>
 - 8 Две последни групи анализируются в статьях: *Колковска С., Благоева Д.* «Речник на новите думи в българския език» – източник на знания за някои актуални концепти (въз основа на областта «стил на живот») // *Сборник с доклади от V национална конференция с международно участие «Лексикографията в европейското културно пространство».* Велико Търново, 2010. С. 253–265; *Piotrowicz A., Witaszek-Samborska M.* O innowacjach uzupełniających w polszczyźnie przełomu XX i XXI w. // *Polonistyka.* 2007. № 9. С. 6–11.

Skalkina Ya.Yu.

Semantic Classification of Neologisms in the Bulgarian, Polish
and Russian Languages

The article deals with semantic groups of neologisms in the Bulgarian, Polish and Russian languages, and analyses some of their features (stylistic features, different types of derivation).

Keywords: *neologism, semantic classification, Bulgarian language, Polish language, Russian language.*

М. М. Громова
(Москва)

Особенности кластеризации клитик в современном словенском языке

Настоящая работа посвящена синхронному описанию актуальных процессов в кластеризации местоименных и глагольных клитик в современном словенском языке.

Ключевые слова: *словенский язык, клитики, словенские диалекты.*

В основе исследования лежит анкетирование, проведенное нами в апреле 2014 г. среди словенских студентов, обучающихся по специальности «педагогика и андрагогика» в Люблянском университете. Анкетированным было предложено 13 фраз и законченных высказываний на словенском языке, содержащих примеры подъема глагольных клитик будущего времени, соседства двух возвратных или двух местоименных клитик соседних рангов, различные вариации клаймбинга клитик. Все примеры были записаны в стандартной орфографии и не отражали особенностей произношения. Большая часть примеров была записана нами ранее из спонтанной речи носителей словенского языка, меньшая взята из электронного корпуса словенского языка *Gigafida*¹ и из нормативной грамматики словенского языка Й. Топоришича «*Slovenska slovnica*»².

От анкетированных требовалось указать, соответствует ли, по их мнению, пример нормам словенского литературного языка. При отрицательном ответе участник анкетирования должен был охарактеризовать его как разговорное (региолектное) явление / диалектизм / аграмматичную структуру, возможную только в речи иностранца, и записать в соответствии со своими представлениями о литературной норме, а также в том виде, в котором произнес бы его на родном идиоме*. Сопоставление «исправленного» и «диалектного» вариантов

* В соответствии с классификацией, приведенной в «Словенской грамматике», в устно-разговорной сфере словенского языка различаются следующие социальные разновидности:

– литературный стандарт (*zborni jezik*), используемый в средствах массовой информации и при официальных выступлениях; обычно подразумевает чтение заранее написанного текста; владение стандартом подразумевает его осознанное изучение в учебных заведениях;

позволило увидеть, какие диалектные и региолектные особенности порядка слов соответствуют представлениям носителей о языковой норме, а какие сознательно отбрасываются как «неправильные».

В анкетировании приняли участие 34 человека в возрасте от 19 до 27 лет, для которых словенский язык является родным.

Учитывалось происхождение как самих анкетированных, так и их родителей, а также степень владения говором населенного пункта, в котором они проживают, или региолектом соответствующей территории. Так, 7 анкетированных являются носителями приморского региолекта, 2 – ровтарского, 12 – центральнословенского (4 – гореньцы, 4 – доленьцы, 4 – жители Любляны), 8 – южноштирийского, 5 – северноштирийского; каринтийский региолект не представлен. Из 34 анкет было отобрано 28; не учитывались результаты тех участников, для родителей которых идиом населенного пункта / местности, где они проживают, или словенский язык не является родным.

Следует отметить, что носители словенского языка, не имеющие специального филологического образования, зачастую колеблются в определении принадлежности того или иного явления нелитературного синтаксиса к разговорной речи (региолекту) или конкретному диалекту. Основным критерием для атрибуции диалектной речи являются произношение и интонация, но не порядок слов. Естественно, речь, записанная без отражения фонетических особенностей, не воспринимается как диалектная; пример с не-

– разговорная форма литературного языка (*splošno-pogovorni jezik* или *knjižno-pogovorni jezik*), используемая в повседневном общении образованными людьми; основное ее отличие от литературного стандарта заключается в ее спонтанности, допускаются также отдельные редуцированные формы;

– региолекты (*pokrajinsko-pogovorni jeziki*) – центральнословенский (иногда особо выделяют региолект Любляны), южно- и северноштирийский (включающий территорию распространения паннонских диалектов), приморский, каринтийский, ровтарский; для носителей словенского языка, не владеющих конкретным диалектом, родным идиомом может являться региолект;

– территориальные диалекты (*zemljerisna narečja*), входящие в семь групп (каринтийская, приморская, ровтарская, гореньская, доленьская, штирийская, паннонская), и городские говоры (*mestne govornice*);

– социолекты (*interesne govornice*): сленг, жаргон и аргот.

Первые две разновидности составляют литературный язык, остальные являются нелитературными формами.

литературным синтаксисом словенец с большой вероятностью охарактеризует как разговорный, противопоставляя «правильному» литературному языку «неправильный» региолект. Например, носители паннонских диалектов, обладающих ярко выраженными синтаксическими особенностями, пример со специфическим паннонским синтаксисом охарактеризуют как разговорный, а не диалектный – именно из-за того, что в нем не отражена диалектная фонетика.

Термин *клитика* используется в синтаксической и фонетической традициях. На просодическом уровне он обозначает слово, которое не имеет самостоятельного ударения и на синхронном уровне образует с полноударной словоформой фонетическое слово, присоединяясь к нему спереди (проклитика) или сзади (энклитика). На синтаксическом уровне клитики определяются исходя из их позиции в предложении / клаузе, частеречной принадлежности и функции, которую они выполняют в предложении. Так, согласно «Закону клитик»³, в языках мира клитики несут грамматическую информацию и практически никогда – лексическую; чаще всего клитики включают детерминаторы, вспомогательные глаголы, предлоги, местоимения, подчинительные и сочинительные союзы; знаменательные части речи, как правило, клитиками не бывают.

В синтаксической традиции существует разделение клитик на сентенциальные и простые⁴. Простые клитики («simple clitics») обычно функционируют на уровне группы, как правило, являясь ее вершиной; к ним относят предлоги и частицы. Сентенциальные клитики («special clitics») функционируют на уровне всего предложения; в словенском литературном языке к ним относятся:

- союзы *in, kot, da, če, najko, kadar*, частицы *naj, a/ali*, относительное местоимение *ki* – всегда проклитичны;
- формы настоящего и будущего времени глагола *biti*, употребляющиеся в качестве связки и в составе аналитических глагольных форм прошедшего и будущего времени как вспомогательный глагол, показатель сослагательного наклонения *bi* (далее – глагольные клитики);
- краткие формы дательного и винительного падежей возвратно-личного местоимения *sebe*, краткие (безударные) формы косвенных падежей личных местоимений.

Глагольные и местоименные клитики в словенском языке могут функционировать и как энклитики, и как проклитики⁵. Именно они являются предметом настоящей работы.

В восточнославянских диалектах (паннонская группа и часть штирийской) клитиками являются также личные формы глаголов *imeti* и *hoteti*, частицы *še* и *že*, а глагол *biti* имеет так называемые редуцированные формы будущего времени⁶; для указанных диалектов характерно приглагольное положение местоименных и возвратных клитик и отсутствие слитных «отрицательных» глагольных форм⁷.

В славянских языках с вакернагелевскими системами клитик все имеющиеся в предложении сентенциальные клитики группируются в **кластер** (блок), который не может быть разбит полноударной словоформой; кластер располагается в предложении на том же месте и подчиняется тем же правилам, что и единичная клитика. В кластере клитики располагаются в строгом порядке, который не может быть нарушен; следуя терминологии А. А. Зализняка, в данной работе порядковые номера клитик в кластере мы называем **рангами**⁸. Ниже приведен порядок кластеризации глагольных и местоименных клитик в словенском литературном языке:

1			2	3	4	5	6	7			
глагол <i>biti</i> (Praes., кроме 3Sg)			возвр.-личн. мест.		личн. местоимения			глагол <i>biti</i> (только Praes. 3Sg)			
			Dat	Acc	Dat	Acc	Gen				
<i>sem</i>	<i>sva</i>	<i>smo</i>	<i>si</i>	<i>se</i>	<i>mi</i>	<i>me</i>	<i>me</i>				
<i>si</i>	<i>sta</i>	<i>ste</i>			<i>ti</i>	<i>te</i>	<i>te</i>				
	<i>sta</i>	<i>so</i>			<i>mu/ji</i>	<i>ga/jo</i>	<i>ga/je</i>	<i>je</i>			
показатель Conj.						<i>nama</i>	<i>naju</i>	<i>naju</i>	глагол <i>biti</i> (Fut.)		
					<i>vama</i>	<i>vaju</i>	<i>vaju</i>	<i>bom</i>	<i>bova</i>	<i>bomo</i>	
					<i>jima</i>	<i>ju</i>	<i>ju</i>	<i>boš</i>	<i>bosta</i>	<i>boste</i>	
<i>bi</i>					<i>nam</i>	<i>nas</i>	<i>nas</i>	<i>bo</i>	<i>bosta</i>	<i>bodo / bojo</i>	
			<i>vam</i>	<i>vas</i>	<i>vas</i>						
			<i>jim</i>	<i>jih</i>	<i>jih</i>						

В славянских языках с кластеризуемыми клитиками действует принцип, сформулированный А. А. Зализняком для древнерусского языка следующим образом: «две энклитики одного и того же ранга в рамках одной тактовой группы несовместимы»⁹ (под тактовой группой понимается фонетическое слово, частью которого является кластер энклитик)*. С помощью данного принципа можно описать

* Этот принцип применим и к проклитикам в тех славянских языках, где они есть.

функционирование местоименных клитик в южнославянских языках балканского языкового союза, в которых инфинитивные группы полностью или частично вытеснены *da*-конструкцией.

Словенский язык не входит в балканский языковой союз, инфинитив в нем является живой формой и весьма употребителен. Присутствие в кластере двух местоименных клитик одного ранга в словенском языке возможно при соблюдении одного из двух условий.

Первым условием является клаймбинг клитик¹⁰ (*clitic climbing*, букв. «карабкание клитик»), представленный в словенском языке двумя разновидностями:

1) извлечение местоименных и возвратных клитик из вложенных инфинитивных групп и групп супина в позицию, отведенную для клитик в вышестоящей предикации, и кластеризация к уже имеющимся там клитикам*:

(1) *Moral bi*_{Cond} *se*_{Ref1, i} [_{IP} *začeti* [_{IP} *pripravljati* *t*_i *za v ponedeljek za prakso*]].

‘Я бы должен [начать [готовиться к понедельнику к практике]].’

2) извлечение любых клитик из финитных групп в группу комплементаризера, причем левая граница придаточных предложений для клитик непроходима:

(2) *Upam*, [_{CP} *da mi*_{Dat, i} *ga*_{Acc, k} *bo*_{Aux. Fut. 3Sg, j} [_{VP} *uspelo* *t*_i *t*_j [_{IP} *napisati t_k*]]].

‘Надеюсь, [мне удастся [его написать]].’

При клаймбинге возможно соседство двух клитических форм личных местоимений винительного или дательного падежей, причем порядок следования клитик одного и того же ранга соответствует порядку вложения групп. Так, в примере (3) в группу комплементаризера вынесены две клитики дательного падежа (4 ранг), принадлежащие к последовательно вложенным финитной и инфинитивной группам:

(3) *Škoda*, [_{CP} *da se*_{Ref1, i} *mi*_{Dat} *vam*_{Dat, j} [_{VP} *ni*_{Aux. Neg} *uspelo* [_{IP} *pridružiti* *t*_i *t*_j]]].

‘Жаль, что мне не удалось к вам присоединиться.’

* В приведенных примерах нижний индекс при клитике указывает на то, что клитика перенесена в вышестоящую предикацию посредством клаймбинга; символ *t* указывает на место, которое занимала клитика до перемещения.

Пример (4) демонстрирует соседство двух клитик винительного падежа (5 ранг):

(4) *Sram nas* nas_{Acc.1Pl.} jo_{Acc.3Sg.f.} je_{Aux} [IP uporabljati t_i].
 ‘Стыдно нам eë использовать.’

Второе условие, при котором в кластере могут находиться две местоименные клитики одного ранга, – способность глагола управлять двумя дополнениями прямого объекта. Таковы, например, глаголы učiti ‘обучать’, spraševati ‘спрашивать’, reševati ‘спасать’ (примеры 5 и 6 взяты из работы Янеза Орешника):

(5) *Janez sprašuje Micki hčerko matematiko => sprašuje ji jo jo*
 ‘Янез спрашивает дочку Мицки по математике’

(6) *Janez naj bi Micki ne učil hčerke matematike => Janez naj bi je je ne učil*
 ‘Янез якобы не учил дочку Мицки математике’

В этом случае в кластере могут находиться две клитики винительного или родительного падежа, причем первая всегда обозначает одушевленный объект, вторая – неодушевленный¹¹.

В определенных случаях словенский язык избегает последовательности двух местоименных клитик соседних рангов. Так, избегается замещение обеих валентностей прямого дополнения при предикативе краткими формами винительного и родительного падежей личных местоимений (5 и 6 ранги):

(7) *sram me*_{Acc.1Sg.} *te*_{Gen.2Sg.} *je*_{Aux}
 ‘мне стыдно за тебя’

Только один информант (окрестности г. Нова Горица, приморская группа диалектов) счел такой порядок употребительным в диалектной речи и один (г. Ново Место, доленьская группа, центральнословенский региолект) – нормативным; большинство информантов, охарактеризовав пример (7) как аграмматичный и непонятный, трансформировали его следующими способами:

1) замена предикатива на личную форму глагола: *sramujem se te* ‘я стыжусь тебя’ (5 раз в «диалектных» вариантах, 11 – в «исправленных»); наиболее часто у приморцев, у доленцев не встречается);

2) замена всей конструкции на оборот *deloš mi sramoto* ‘ты меня позоришь’ (дважды в «диалектных» вариантах у носителей приморских и гореньских диалектов; в «исправленных» оба раза выбрана личная форма глагола);

3) замена клитики Gen на предложную конструкцию: *sram me je zaradi tebe* ‘мне стыдно из-за тебя’, *sram me je za tebe*, *sram me je zate*, *sram me je s tabo* ‘мне стыдно за тебя’, *sram me je pred tabo* ‘мне стыдно перед тобой’ или на личную форму глагола с предложной конструкцией: *sramujem se za tebe* (4 раза в «диалектных» вариантах, 3 – в «исправленных»); не встречается у доленцев и жителей Любляны);

4) замена клитической формы одного из личных местоимений на полноударную: *sram me je tebe*, *sram te je mene*, *mene te je sram* (6 раз в «диалектных» и 7 в «исправленных» вариантах; этот способ не встречается только у приморцев и жителей Любляны);

5) 50% опрошенных носителей штирийских диалектов изменили порядок местоименных клитик: *sram me te je* => *sram te me je*.

Краткие формы возвратно-личного местоимения *sebe* (*si* и *se*) занимают 2 и 3 ранги соответственно и могут функционировать в качестве возвратных частиц. Их соседство также избегается носителями словенского языка – как при клаймбинге, так и при возвратных глаголах, управляющих дательным падежом (несмотря на то, что формальных ограничений на замещение валентности датива формой возвратно-личного местоимения нет).

Предложение *Sem si se zasmilil* ‘мне стало себя жаль’, приведенное в «Словенской грамматике» как нормативное, только двое информантов сочли допустимым в разговорной речи; для четырех представителей разных диалектных групп оно оказалось совершенно непонятным; большинство участников охарактеризовали пример как аграмматичный. В «диалектном» и «исправленном» вариантах клитическая форма возвратно-личного местоимения была последовательно устранена (*zasmilil sem se* ‘меня стало жаль’) или заменена полноударной формой (*zasmilil sem se samemu sebi* ‘мне самому стало себя жаль’, *zasmilil sem se sebi* ‘(именно) мне стало жаль себя’).

В случаях клаймбинга возвратной клитики из вложенной группы, если в вышестоящей предикации уже присутствует клитика 2 или 3 ранга, действует тенденция к устранению из кластера одной из возвратных клитик. Так, пример (8) только один информант счел употребительным в родном идиоме (Ватовле, приморская группа) и четверо – нормативным:

(8) [_{VP} *Splačalo si se jo, je* [_{IP} *ogledati t_i t_j*]]
 ‘Ее стоило посмотреть’

Для большинства анкетированных пример (8) является аграмматичным – в нем «что-то лишнее». В одном случае изящное реше-

ние было достигнуто за счет замены инфинитивной группы на придаточное предложение:

Splačalo se je, [CP da smo si jo ogledali].

Во всех остальных случаях одна из возвратных клитик была устранена из кластера вышестоящей группы:

*Splačalo si se jo je ogledati => *Splačalo se jo je ogledati / *Splačalo si jo je ogledati.***

Носители паннонских диалектов, то есть жители самого востока Словении, в данном примере оставляют в кластере исключительно клитику вышестоящей группы *se*; штирийцы устраняют *se* и *si* с одинаковой частотой. Носители центральнословенских диалектов преимущественно оставляют клитику *si*, поднявшуюся из вложенной группы, и устраняют клитику вышестоящей группы.

Как видно из таблицы рангов, большинство глагольных клитик располагается перед местоименными. Исключение составляют формы будущего времени и форма Praes 3sg глагола *biti* – они находятся в самом конце кластера. Обусловлено это сравнительно поздним появлением глагольных клитик будущего времени. Клитики в кластере образуют такую же строгую последовательность, как морфемы в слове; новые клитики, возникающие в языке, не включаются в кластер случайным образом, а присоединяются к нему сзади, формируя последний ранг¹³. Глагольные клитики настоящего времени, появившись, первоначально также заняли позицию в самом конце кластера. В сербском языке их перемещение в начало кластера отражено в памятниках XIV–XV вв.¹⁴; некоторые болгарские диалекты вовсе не знают подъема глагольных клитик¹⁵. На прежнем месте во всех южнославянских языках осталась форма Praes 3sg (спорадически и несистемно поднимаясь по диалектам), а в македонском также Praes 3pl. Для словенского языка мы не можем завидетельствовать точную хронологию подъема глагольных клитик ввиду ограниченного количества примеров в немногочисленных дошедших до нас памятниках до второй половины XVI в.

Когда из полноударных форм будущего времени *bodem*, *bodeš*, *bode* сформировались клитики *bom*, *boš*, *bo*, им также не оставалось ничего другого, кроме как занять последний ранг. Так, только последний ранг отводит для клитик будущего времени нормативная грамматика «Slovenska slovnica», в то время как в разговорной форме литературного языка последние десятилетия наблюдается их подъем

в первый ранг. По диалектам подъем глагольных клитик будущего времени в начало кластера произошел только в диалектах паннонской группы, где из полноударных форм *bodem*, *bode* при утрате вокального элемента исторически образовался иной тип редуцированных, всегда безударных форм (*'n*, *dä*)¹².

Порядок клитик будущего времени является предметом языковой рефлексии для носителей только тех диалектов, в которых он представляет системное явление, – то есть паннонских и части штирийских (скорее всего, благодаря урокам словенского языка в школе, одной из целей которых является устранение диалектных черт в речи учеников). Но далеко не все они, используя разговорную форму литературного языка, пытаются избежать подъема клитик будущего времени – большинство носителей штирийских и паннонских диалектов считают его вполне допустимым, что подтверждает пример (9), записанный от образованного носителя прелекийского диалекта паннонской группы во время его выступления перед иностранными студентами:

(9) *Govoril bom počasneje, da bomo se razumeli.*

‘Говорить я буду помедленнее, чтобы мы друг друга поняли’.

(литературный стандарт: *Govoril bom počasneje, da se bomo razumeli.*)

Большинство анкетированных не замечают подъема клитики будущего времени в устной речи; если же специально обратить их внимание на данную особенность, они определяют ее как недопустимое разговорное явление, но не диалектизм. Так, в художественной литературе он используется как речевая характеристика малообразованного жителя Любляны и воспринимается носителями языка как явление разговорной речи, но не конкретного диалекта / региолекта:

(10) *Je reku, da bo nas ven vleku, če nas bo policija kaj jebala, ko bomo iz menze v študentu gajbe spizdeval¹⁶.*

‘Он сказал, что вытащит нас, если у нас будут проблемы с полицией, когда мы будем красть из столовой в студенческом общеджитии ящики с пивом’.

Почти все опрошенные сочли примеры с подъемом глагольной клитики будущего времени аграмматичными или разговорными. Только 25% носителей штирийских диалектов и – более последовательно – 80% носителей паннонских отметили, что использовали бы в родном идиоме такой порядок слов. Один носитель диалекта шти-

рийской группы (Брежице на Сави) и трое носителей паннонских признали следующий пример с подъемом глагола допустимым в разговорной форме литературного языка:

(11) *Ne, smo na Donavi, ko bomo se priključili Savi, bom povedala.*
 ‘Нет, мы на Дунае, когда войдем в Саву, я скажу’.

40% носителей паннонских диалектов при «переводе» примеров на родной идиом использовали диалектные редуцированные формы будущего времени: *Ne, smo na Donavi, čo se mo priključli Savi, bon povedala* (11); *Gučo bon bol pomalem ke te me razmili; Guča bon boj počasi, ka mo se razmili* (9). При построении фраз на литературном языке редуцированные формы, разумеется, использованы не были.

Можно заключить, что подъем глагольной клитики будущего времени для носителей восточнословенских диалектов представляется более допустимым в разговорной форме литературного языка, чем иные типичные черты восточнословенского синтаксиса. Так, редуцированные формы будущего времени глагола *biti*, построение отрицательных конструкций, клитизация форм глаголов *imeti* и *hoteti* практически никогда не появляются в литературной речи паннонцев и штирийцев.

Кластеризация клитик в словенском языке характеризуется возможностью присутствия в кластере двух местоименных клитик одного ранга, что нетипично для южнославянских языков. При клаймбинге клитик допускается последовательность двух клитических форм винительного или дательного падежей личных местоимений, причем порядок их расположения соответствует порядку вложения групп. При наличии глагола, управляющего двумя дополнениями прямого объекта, возможна последовательность двух клитических форм винительного или родительного падежей личных местоимений, причем первая клитика всегда обозначает одушевленный объект, вторая – неодушевленный.

Соседство двух местоименных клитик винительного и родительного падежей, формально корректное с точки зрения рангового принципа, последовательно избегается при предикативе. Последовательность двух возвратных клитик, возникающая в результате клаймбинга или же замещения валентности датива при возвратном глаголе формой возвратно-личного местоимения, также воспринимается как аграмматичная и устраняется.

Процесс перехода глагольных клитик будущего времени из последнего в первый ранг – это единственная синтаксическая особен-

ность диалектов паннонской и части штирийской группы, проявляющаяся в литературной речи носителей указанных диалектов. Порядок слов, отражающий данный переход, жители остальной территории Словении воспринимают как нарушение литературной нормы, но не определяют его как узкодиалектное явление.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 <http://gigafida.net>
- 2 *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Založba Obzorja. Maribor, 1984.
- 3 *Franks St.* Clitics in Slavic. Paper presented at the Comparative Slavic Morphosyntax Workshop. Bloomington, 1998. P. 4; *Sadock J.* Autolexical Syntax. University of Chicago Press, 1991. P. 112.
- 4 *Franks St.* Clitics in Slavic. P. 3; *Циммерлинг А. В.* Типология порядка слов в славянских языках // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов). СПб., 2013. С. 40–41.
- 5 *Orešnik J.* Slovenske breznačglasnice se vedejo predvsem kot proklitike // *Jezik in slovstvo* 29. 1984. № 4. S. 129.
- 6 *Zorko Z.* Prleško narečje v Radomerščaku, rojstnem kraju F. Miklošiča // *Miklošičev zbornik: mednarodni simpozij v Ljubljani od 26. do 28. junija 1991.* 1992. S. 472.
- 7 *Громова М. М.* Диалектные особенности функционирования клитик в ниже-прелекийских говорах // *Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, Филологический факультет, 26–28 ноября 2013 г. М., 2013. С. 85.*
- 8 *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008. С. 27.
- 9 Там же. С. 28.
- 10 *Orešnik J.* O naslonskem nizu v knjižni slovenščini // *Jezik in slovstvo* 31. 1986. № 6. S. 213–215.
- 11 Там же.
- 12 *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. С. 47; *Грицкат И.* Актуелни језички и текстолошки проблеми у старим српским ћирилским споменицима. Београд, 1972. С. 95.
- 13 *Толстая М. Н.* Система энклитик в сербских грамотах XIV – начала XV в. // Конференция «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика». К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. Тезисы докладов. М., 1991. С. 201–205.

- 14 *Стойков Ст.* Българска диалектология. София, 2002. С. 269.
- 15 *Murko M.* Enklitike v slovenščini. Oblikoslovje in skladnja // Letopis Matice Slovenske za leto 1891 / Ur. Anton Bartel. Matica Slovenska, Ljubljana, 1891. S. 42–43; *Zorko Z.* Prleško narečje v Radomerščaku... S. 472.
- 16 *Skubic A.* Fužinski bluz. Ljubljana, 2001.

Gromova M. M.
Specific Features of Clitics-Clustering
in the Modern Slovenian Language

The article is devoted to the synchronic description of actual processes of clustering of pronominal and verbal clitics in the modern Slovenian language.

Keywords: *Slovenian language, Slovenian dialects, clitics.*

И. А. Седакова
(Москва)

**Новые достижения московской этнолингвистики,
или Всё о славянском свадебном обряде¹**

Рецензируется новая монография А. В. Гуры «Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика». В книге представлен многосторонний анализ лексики, фольклора и ритуалов славянской свадьбы, выделены основные коды и символические мотивы этого обрядового комплекса. Раскрывается роль свадьбы как важного вторичного мотива и кода в других традиционных обрядах.

Ключевые слова: *славянская этнолингвистика, фольклор, этнология, свадебная обрядность.*

Монография А. В. Гуры по семантике и символике народной свадьбы² – итог его тридцатилетних этнолингвистических штудий. Один из первых учеников Никиты Ильича Толстого, основателя Московской этнолингвистической школы, А. В. Гура темой диплома, а затем и кандидатской диссертации выбрал именно свадебный обряд. Затем были и другие темы, которые нашли отражение, в частности, в его многочисленных статьях в словаре «Славянские древности»³, и монография (и докторская диссертация) о символике животных у славян⁴.

Прежде чем говорить о новой книге А. В. Гуры и ее безусловной ценности для славистов, специалистов разных областей гуманитарных и негуманитарных знаний, да и даже для неспециалистов – что может быть любопытней, чем свадебная обрядность? – надо хоть немного сказать об этнолингвистике. Это необходимо потому, что книга А. В. Гуры являет собой хрестоматийный этнолингвистический труд, именно такой, каким, как кажется, его видел Н. И. Толстой.

Этнолингвистика была для филологов в 70–80-е гг. прошлого века одной из научных отдушин, поскольку в ее рамках можно было комплексно изучать практически запретную тогда для серьезного изучения народную культуру и традиционные верования, углубляясь и в этнографию, фольклористику, историю, да еще и с регулярными выездами в экспедиции в Полесье. А сам Никита Ильич Толстой открывал своим ученикам такие гуманитарные (и человеческие) ракурсы, которые в советские времена были большой редкостью. Методика

этнолингвистики только разрабатывалась, тем более что в те годы атеизма многие важнейшие для народной традиции аспекты были закрыты для описания (народная религиозность, к примеру, хотя к занятиям народной демонологией претензий не было), а многие факты (церковные праздники, святых культ и пр.) в публикациях и докладах упоминать нужно было с оговорками. Вообще избирательность тематики на кафедре русского языка филологического факультета МГУ была показательна: так, свадебная терминология, которой занимался А. В. Гура, не вызывала возражений, спокойно исследовались символические аспекты скотоводства (А. Ф. Журавлев⁵) и земледелия (О. А. Терновская), а вот тему похоронной лексики и обрядности, которую в те годы изучала О. А. Седакова⁶, Н. И. Толстому как научно-руководителю приходилось на кафедре отстаивать.

Н. И. Толстой, создавая и развивая славянскую этнолингвистику, вряд ли мог предположить в полной мере, насколько востребованными (и в плохом, и в хорошем смысле) окажутся в XXI в. те материалы, на которых строятся исследования. Они нужны не только для восполнения и сохранения знаний о славянах, о бытовании традиций, об отдельных интересных ритуалах и поверьях, но и, как оказалось, – для активного включения обычаев и мифологии в разные сферы жизни (вплоть до появления новых «ведьм», «колдунов», «специалистов по заговорам» и проч.). Во всяком случае, коммерция и реклама во многом апеллирует именно к этнолингвистическим материалам. Возвращаясь к тематике монографии А. В. Гуры, заметим, что инсценировки свадеб давно стали привлекательным моментом для развития туристических брендов в России и других славянских странах (упомянем обряд «украшенная», «белая» невеста у болгар-мусульман, который воссоздается специально для гостей села Рибново р-на Гоце Делчев в Родопях). Практикующие неоязычники, которые внимательно следят за этнолингвистическими изданиями и публикуют их на своих сайтах, наверняка уже взяли и творчески переработали многие мифологемы, присловья и ритуальные акты, описанные в книге А. В. Гуры о славянской свадьбе.

Этнолингвистика – это всегда не только то, что скрывается в языке, в самом слове, его этимологии, семантике, морфологии, фонетике и пр., но и то, что стоит за этим. И именно этот народно-культурный срез, бытовой, художественный, сакральный и игровой, наряду с традиционными лингвистическими аспектами, читатель обнаружит в книге А. В. Гуры.

Здесь надо сказать, что в рецензируемой монографии отчетливо видно, что этнолингвистика во многом основывается на количестве эмпирических знаний, – ведь вариативность, касается ли она терминологии, обрядовых актов, поверий и их интерпретаций, дает основания для определения доминирующих кодов и мифологем, для обозначения структуры и семантических основ свадебного обрядового комплекса. Основная задача этнолингвистики – семантическая реконструкция древнейшего состояния традиции – последовательно решается в монографии, но, как представляется, важным достоинством книги является и ее просто содержательная сторона.

Действительно, книга А. В. Гуры очень познавательна – публикуется огромное количество удивительных диалектных свадебных терминов (ср. рус. *бесшамшурная*, *халюлей*, *падкосница*, *подколпашный*), фольклорных текстов и этнографических фактов из всех славянских наречий. Достоинство автора – это его невероятный перфекционизм и внимание к деталям, что проявляется во всех его работах. Не случайно во Введении сам автор пишет, что «книга по своему жанру – это не просто монография, но еще и энциклопедия, систематизированный свод фактов, относящихся к славянской свадебной традиции» (с. 10). Неподготовленный читатель может буквально утонуть в вариантах каждого ритуального акта, предмета, в перечислении терминов, в описании обрядовых предметов, кушаний и пр., в географических пометках. Однако из этих многочисленных мельчайших штрихов создается полномасштабная картина славянской свадьбы, во всем ее хронологическом развитии.

Книга А. В. Гуры, как и многие этнолингвистические публикации, поражает уникальностью некоторых фактов традиционного уклада и обрядов славян: так, у белорусов отец, благославляя сына, отправлявшегося за невестой, подпаливал ему волосы на голове с четырех сторон с пожеланием добра (с. 189), «в Курске в XVIII в. невеста венчалась в особой шубе (*шубка длинный рукав*) с правым рукавом длиной до пола» (с. 319) и мн. др. Между тем это достоверная информация, порой основывающаяся на исторических документах, но чаще – на полевых записях, воспроизводящих народную философию и патриархальную картину мира со множеством «суеверных» запретов и рекомендаций и в повседневности, и тем более в обряде.

Если перешагнуть через это многоголосие славянских языков и традиций, можно увидеть четкие логические линии, воссоздающие глобальные контуры славянской свадьбы, не только этнолингвистические, но и исторические, культурологические, социальные, юриди-

ческие, литературные и пр., потому что книга А. В. Гуры – всеохватна и многодисциплинарна. Если не обращаться к Введению, а сразу открыть Содержание и посмотреть на названия глав первой части «Брак как социальный институт» (Глава 1. «Способы заключения брака»; Глава 2. «Безбрачие»; Глава 3. «Супружеская неверность и развод»; Глава 4. «Новый, повторный брак»), то вполне можно предположить, что это исследование посвящено или юридическим, народно-правовым аспектам, или историческим, или другим нефилологическим разработкам. Однако после обстоятельного анализа института брака у славян автор переходит к семиотическому описанию свадьбы (II часть), ее структуре, синтагматике и прагматике, подробно останавливаясь на обрядовых кодах (персональном, предметном и акциональном) и терминологии, с учетом важнейших пространственно-временных параметров. В III части представлена собственно семантическая реконструкция, раскрывающаяся через основные символические мотивы, которые усматриваются в брачном соединении. Начиная с основных понятий, конструирующих свадьбу («судьба», «доля», «воля» и др.), через процессуальные (очень важные коды, многие из которых ранее в науке не обсуждались, – «переправа через воду», «охота», «завоевание», «обмен», «изготовление хлеба», «прядение и ткачество», «выковывание» и др.), абстрактные (кручение и переход) и конкретные (вкус и цвет), автор приходит к завершающей теме «Брак как мотив» (вторичное развитие свадебной символики в традиционной культуре).

Несмотря на очевидные трудности в изложении столь объемного общеславянского свадебного материала, книга четко структурирована, к тому же в конце есть предметно-тематический и лексический указатели, которые сами по себе могут сказать очень многое о браке и свадебных обычаях у славян.

Я не могу представить себе слависта, которому не будет интересна эта книга. Историки и бытописатели найдут в ней любопытнейшие факты по древнейшим и сохранившимся до наших дней обычаям; фольклористы и диалектологи – редчайшие архивные записи из всех славянских языков культурологов, искусствоведов и литературоведов наверняка заинтересуют многие свадебные мотивы, которые можно с основанием усмотреть в различных художественных произведениях.

Таким образом, монография А. В. Гуры о славянской свадьбе будет иметь и уже имеет ожидаемых и совершенно неожиданных для самого автора читателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Рецензия написана в рамках проекта РГНФ № 14-04-00546а «Лингвокультурная ситуация в России и Болгарии и трансформация русско-болгарских языковых взаимоотношений: XXI век».
- 2 *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012.
- 3 Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 1–5.
- 4 *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
- 5 См. монографию: *Журавлев А. Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994.
- 6 См. монографию: *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.

Sedakova I. A.

New Achievements of the Moscow Ethnolinguistic School,
or All about the Slavic Wedding-Ceremonial

The new monograph by Alexandr Gura «Matrimony and wedding in the Slavic folk culture: semantics and symbolism» is written in the classical traditions of the Moscow school of ethnolinguistics, founded by Nikita I. Tolstoy. The book provides a multifaceted analysis of the Slavic wedding vocabulary, folklore and customs; it characterises main codes and symbolic motifs of the ritual complex. The wedding is also depicted as an important secondary motif and code in other traditional rituals.

Keywords: *Slavic ethnolinguistics, folklore, ethnology, wedding rituals.*

В. И. Косик
(Москва)

Болгарская книга о русской литературе

Рассматривается сборник статей, посвященный теме классики и канона в русской литературе в восприятии «другого». Отдельное внимание уделено материалам, связанным с личностью и деятельностью П. М. Бицилли.

Ключевые слова: *классика, канон, русская литературная традиция, болгарское литературоведение, П. М. Бицилли, Софийский университет, гениальность, родина.*

Поднятая в сборнике «Классика и канон в русской литературе. Чуждый взгляд» («Классика и канон в русской литературе. Взгляд другого». София, 2013. 335 с.) проблема затрагивает сложнейший феномен, на который обращали внимание многие русские мыслители, например К. Н. Леонтьев. Оригинальность и подражательство, оригинал и перевод, органическое заимствование и «переплавка чужого» в русском котле культуры, тема времени и безвременья, текст и идеология, конструирование культуры и ее природность – все это лишь небольшая часть того, что можно отнести к русской литературной традиции, исследование которой всегда нелегко, что вызвано временем, политикой и «взглядом чужого». Поэтому любое обращение к такой несколько «загадочной» теме с ее «канонами» и «классикой» всегда вызывает интерес. Не стал исключением и настоящий труд.

Книга структурно состоит из двух частей. Первая включает в себя ряд текстов, представленных на международной конференции в Софийском университете им. св. Климента Охридского в начале ноября 2012 г., организованной кафедрой русской литературы при факультете славянской филологии. Вторая связана с 60-летием смерти профессора П. М. Бицилли, преподававшего четверть века, с 1924 по 1948 г., на историко-филологическом факультете Софийского университета, и содержит в себе документы, отложившиеся в его личном деле.

Конференция преследовала, как подчеркивается в предисловии к книге, «цель переосмысления соотношения между классическим и каноническим в русской литературе с учетом чужой культурной и образовательной среды».

Начну со второй части книги. Илонка Колева и Галина Петкова представили хранящееся в архиве университета личное дело П. М. Бицилли (Ф. 1. Оп. 35. Д. 82), которое насчитывает 117 документов. Основная часть (41 документ) относится к назначению П. М. Бицилли на должность профессора, продлению договора с университетом, разрешению отпуска и т. п. Наибольший интерес представляют материалы проф. В. Златарского о своем русском коллеге Петре Бицилли, а также тексты двух докладов Петра Михайловича о биографии и научной деятельности проф. В. А. Мякотина (с 1930 г. также профессора Софийского университета).

Теперь «канон и классика». В труде представлено двадцать четыре статьи. Не имея возможности писать о каждой, познакомлю с авторами и их «творениями». Итак, Стефано Алое – «Парадоксы русского канона», Илиана Чекова – «Библейска символика и владетелска святост (Княгина Олга като библейската пророчица Раав)», Христо Трендафилов – «Петербургският текст и неговата предистория», Денка Кръстева – «“Чувствителният монархизм” и канонът на руската история на литературата/културата от началото на XIX в.», Людмила Луцевич – «Александр Герцен: канонический классик», Христо Манолакев – «Романът “Кой е виновен?” на А. Херцен: клише и формирането на идеологическия канон», Николай Нейчев – «“Идиот” и “Бесы” Ф. М. Достоевского как иконографический диптих», Румяна Парашкевова – «Мълчанието в драматическата трилогия на А. К. Толстой», Ангелина Вачева – «Дълг и достоинство в записките на Анна Тютчева», Тина Георгиева – «Литература и политика: сблъсъкът “свое”–“чуждо” в оценката на руските писатели», Иван Ланджев – «Животът на Иван Илич: “хастарът” на словото», Людмил Димитров – «“Медведь”, или русский человек на rendez-vous», Лия Бушканец – «Герои А. П. Чехова в аспекте идеологии: реакция российского читателя», Валя Крумова – «“Еротичните” стратегии на Иван Бунин – преход към модерността», Галина Петкова – «Предговорът на Н. Трубецкой към книгата на Х. Уелс “Русия в мъглата”: тема и вариации», Коста Сандев – «Льо Корбюзие и Борис Пастернак за бъдещето на руския град: “Отговори на въпроси от Москва” и романът “Доктор Живаго”», Румяна Евтимова – «Поглед откъм огледалото: “Истинският живот на Себастиан Найт” от В. В. Набоков», Ренета Божанкова – «“Оригиналът на Лаура” на Владимир Набоков. Между седемте синонима и имената на нимфите», Димо Димов – «Литературното присъствие на Йосиф Бродски в България», Наталья Черняева – «Постмодернистският вариант урбанистического пространства и

времени у В. Пелевина и русский символизм (петербургский текст)), Наталья Ф. Иванова – «Литературный канон и женская литература (на примере романов Е. Вильмонт)», Куралай Уразаева – «“Русский” Абай: влияние русского литературного канона и дефиниции художественного перевода», Наталия Христова – «Коннотативная образность антропонимов в художественном тексте и проблема перевода (на материалах произведений русских и болгарских авторов)», Аглая Маврова – «“Конструирование” культуры в учебниках русского языка между стандартизованным и возможным (на материалах репрезентаций субконцептов “Сирни Заговезни” / “Масленица”».

Разнообразие названий, тем исследования, взглядов на литературные произведения представляет богатство нашей литературы, как и литературоведения. И здесь я бы «канон и классику» уподобил бытующему в живописи штампу под названием «образ и цвет», что, по-моему, позволяет более точно, а главное, наглядно, передать суть русской литературной традиции с ее многокрасочным полотном. Так, Евгений Онегин, Григорий Печорин в определенном смысле своим «прямым родственником» имели Чайльд-Гарольда. Однако «подражание» у многих проходило, и тогда наступала «война» с тем же байронизмом. Достаточно вспомнить традиционного Акакия Акакиевича с его шинелью. К чему все это я веду? Только к тому, что западный канон, многое давший нашей литературе, так и не стал нашей классикой. Спорно? Возможно. Позволю себе напомнить о чувстве смирения, проходящем красной нитью в лучших творениях русской литературы. Только одно имя, и вы его, читатель, знаете.

И в заключение немного о гениальности. Именно она позволяет творцу не быть зависимым ни от канона, ни от классики – он сам и «канон» и «классик». Достаточно назвать Ивана Сергеевича Тургенева и его «Записки охотника». Могу назвать еще имена Максима Горького и Михаила Шолохова.

К сожалению, других не знаю. Хотя и имена этих великих писателей Земли Русской наша молодежь не ведает. Классику заменило «что-то». Одна надежда на то, что в «индекс» или в «канон» попадут творения, заслуживающие названия классических, а это задача времени и литературоведов.

И последнее. Ценность любой книги в том, рождает ли она мысли, будит ли чувства. Изданная болгарскими коллегами книга «Классика и канон...» относится именно к таким. С некоторыми положениями можно не соглашаться, спорить, упрекать или в туман-

ности, или в резкости оценочных суждений, но главное – она ведет читателя к размышлениям – о литературе, о Родине...

Kosik V. I.

A Bulgarian Book about the Russian Literature

The review considers a proceedings volume dealing with the problem of classics and canon in the Russian literature as perceived by «the other». Special attention is paid to the materials dedicated to the personality and work of Petr Bitsilli.

Keywords: *classics, canon, Russian literary tradition, Bulgarian literary history, Petr Bitsilli, University of Sophia, geniality, homeland.*

Ю. А. Сопильняк
(Москва)

История и повествование в сербском постмодернистском историческом романе

В рецензии разбирается предлагаемый сербской исследовательницей А. Марчетич дискурс исследования жанра сербского исторического романа второй половины XX в. через призму постмодернистской традиции.

Ключевые слова: *сербская литература, исторический роман, постмодернизм в литературе.*

Монография А. Марчетич «История и повествование» (Adrijana Marčetić. Istorija i priča. – Beograd, 2009) посвящена детальному исследованию места и роли факта и вымысла в современном сербском постмодернистском романе, включающему анализ специфики жанра исторического романа второй половины XX в. с учетом его трансформации. На протяжении XIX–XX вв. сербские авторы разных направлений (реалисты, модернисты, постмодернисты) обращались к теме национальной истории, с течением времени исторический роман претерпел значительные жанровые трансформации. Актуальность заявленной автором проблематики обусловлена необходимостью проследить развитие этого жанра в эпоху постмодернизма.

Структурно монография состоит из четырех глав: в первой, теоретической, главе рассматриваются вопросы соотнесенности истории, повествования, вымысла и сюжета в историческом романе, в следующих представлен системный анализ трех значимых произведений второй половины XX в., которые можно отнести к жанру исторического романа.

В первой главе автор дает исчерпывающее описание современных литературоведческих подходов к роли вымышленного и реального в романе. Руководствуясь теоретическими работами Р. Барта, Д. Кон, Р. Скоулза и других современных литературоведов, Марчетич представляет господствующую в постмодернистской литературе идею об идентичности действительного и вымышленного, истории и рассказа о ней, о невозможности познания исторической истины. «Превращая историю в роман, внушая читателям, что сама история есть не что иное, как форма вымысла, постмодернистский исторический роман, в сущности, демонстрирует, что с точки зрения

истинности он абсолютно равноправен с историей. Авторы-постмодернисты утверждают, что не существует узаконенных истин, все истории о прошлом одинаково ненадежны и апокрифичны, поэтому историки ничуть не ближе к истине, чем писатели... В постмодернистском романе вымысел контаминирован с исторической истиной, тем самым граница между тем, что действительно произошло, и тем, что является плодом фантазии писателя, полностью стерта» (с. 52–53). Из этого следует, что любой постмодернистский роман – это ревизия исторических событий, в основе которой релятивизация и субъективизация исторической истины.

В качестве основного материала исследования Марчетич выбирает три известных произведения: романы «Судьба и комментарии» Р. Петковича (*Sudbina i komentari*, 1993), «Хазарский словарь» М. Павича (*Hazarški rečnik*, 1984) и «Клепсида» Д. Киша (*Peščanik*, 1972). Выбор обусловлен следующими соображениями. Во-первых, в центре внимания каждого из них находится проблема отношения исторической истины и вымысла, но при этом традиционный романский способ повествования о прошлом ставится под сомнение. Во-вторых, в каждом произведении поставленная проблема рассматривается под разными углами зрения, что дает возможность получить представление о различных, но в равной степени присущих постмодернистским романам процессах.

На основе анализа текстов трех сербских романов автор выявляет основное различие между европейским и сербским постмодернистским романом. Эта разница, по мнению исследовательницы, заключается в том, что в сербском романе отсутствует «повествование в смысле продолженного во времени изложения целостной и законченной фабулы» (с. 57). Причиной этого она считает реакцию на доминирующий на протяжении XIX и XX в. классический романский канон (господствовавший в критическом реализме, социальном и социалистическом реализме), основной чертой которого было наличие законченной фабулы. В качестве доказательного примера ниспровержения в сербском постмодернистском романе традиционных реалистических техник повествования автор книги приводит «Хазарский словарь» Павича.

Во второй, третьей и четвертой главах Марчетич скрупулезно исследует особенности анализируемых романов и соотношение в них факта и вымысла, собственно исторического и беллетристического. По ее мнению, каждый из представленных авторов, несмотря на значительное мировоззренческое сходство, имеет свою концеп-

цию истории, которая находит выражение в структурных особенностях произведения и использовании определенного набора постмодернистского инструментария.

Первый роман, «Судьба и комментарии» Радослава Петковича, с некоторой натяжкой «вписывается» в заданный в книге постмодернистский дискурс, поскольку реалистическая манера повествования и законченная фабула играют в нем важную роль. Большое значение имеют и сами исторические факты: книга основана на реальных событиях, писатель выводит на сцену реальные исторические личности, обращается к документам, мемуарам. Однако, по мнению Марчетич, главным вопросом здесь является «рассмотрение роли вымысла в истории и истории в вымысле» как «типично постмодернистской темы» (с. 61). Тщательно проанализировав аллюзии Петковича на широкий контекст сербской и мировой литературы, исследовательница заключает, что интертекстуальность в его романе является особым способом построения сюжета, находящим выражение не только на формальном, но и на семантическом уровне. Она подчеркивает, что для адекватного понимания текста произведения важно понимать, что смысл в постмодернистском романе, в том числе в «Судьбе и комментариях», конструируется через диалог с традицией, с помощью целого ряда приемов, среди которых обращение к повествовательным и тематическим штампам предшествующей литературы, введение нескольких символически связанных между собой временных пластов, размывание границ между действительным, фантастическим и историческим. Все эти приемы придают воплощению прошлого в литературе новое значение и новое художественное воплощение.

Сходным образом подходит к истории Павич, роман которого «Хазарский словарь» построен на мистификации и фикционализации исторических данных. Интерес писателя к экспериментальной форме произведения (роман-лексикон) связан с желанием деконструировать традиционную романную форму, в своей первоначальной, базовой основе реалистическую, опирающуюся на последовательное изложение фабулы и хронологический подход. По мнению Марчетич, Павич предпринимает попытку создать «реверсивный», «антилессинговский»* роман, который может быть воспринят читателем не последовательно, а одновременно. Создав барочный, нели-

* Отсылка к работе Г. Э. Лессинга «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» (1953).

нейный роман, действие которого развивается во всех направлениях одновременно, Павич ставит под вопрос традиционное аристотелевское понимание повествования как последовательного процесса. Однако, анализируя произведение, исследовательница приходит к выводу, что попытки разрушить традиционную форму ограничены самой природой романа, которому на самом жанровом уровне присущи линейность и фабула.

Третий анализируемый в монографии роман – «Клепсидра» Данила Киша. В традиционном реалистическом романе, как правило, доминирует собственно повествование о событиях, а комментарии функционально и по объему текста чаще занимают подчиненное положение. Когда в один прекрасный момент примечания «вышли из-под контроля» фабулы, в литературе образовалась новая романная форма – «роман без повествования». В сербской литературе эта модель нашла воплощение в вышеназванном произведении Киша. В нем последовательное изложение фабулы, рассказ о событиях, реальных или вымышленных, сводится к минимуму, а иногда и полностью отсутствует. Марчетич анализирует художественные приемы, задействованные в романе, и приходит к заключению, что Киш, по мере развития сюжета экспериментируя с техниками «утяжеления формы», используя прием дефабулизации, переносит фокус внимания с содержания на форму. «Другими словами, Киш экспериментирует с формой не ради самого эксперимента, а ради того, чтобы, за счет утяжеления традиционной романной формы, придать повествованию о бессмысленности истории новый и высший смысл. ... Без искусства, согласно Кишу, в бессмысленную историю невозможно было бы внести смысл» (с. 209–210).

Суммируя свои наблюдения, автор исследования делает вывод: «Постмодернистское отношение к традиции точнее всего можно описать как симбиоз. Постмодернистское искусство в целом реанимирует некую старую форму или более раннее произведение, модифицирует их и приписывает им новые значения, абсолютно иные, а часто и противоположные традиционным. Диалог с традицией с целью ее переосмысления и переоценки является доминантным признаком постмодернистской художественной структуры» (с. 104). Работу Марчетич характеризует широкий, многоаспектный подход к поставленным проблемам, знание теоретических концепций зарубежных критиков и обращение к авторитетным источникам. Авторский стиль отличается логикой и высокой культурой изложения. Круг вопросов, затронутых в монографии и рассмотренных в контексте

сербского исторического романа, чрезвычайно широк и интересен: это и проблема адаптации постмодернистского романа в национальной литературе, и трансформация жанра исторического романа в произведениях писателей-постмодернистов, их взаимодействие с предшествующей традицией, и детальное рассмотрение постмодернистского художественного инструментария. Монография Марчетич вносит существенный вклад в конституирование национального постмодернистского литературоведческого дискурса.

Sopilnyak Yu. A.

History and Narrative in Serbian Post-Modernist Historical Novel

The review considers the discourse suggested by the Serbian scholar A. Marčetić, which implies exploration of the genre of Serbian historical novel of the second half of the twentieth century through the prism of Post-modern tradition.

Keywords: *Serbian literature, historical novel, Post-modernism in literature.*

Е. В. Шатько
(Москва)

Философские основы романа М. Павича «Хазарский словарь»

В рецензии рассматривается монография «Книга-Бог», посвященная роману Милорада Павича «Хазарский словарь». В труде представлен анализ философской основы романа, большое внимание уделяется философии творчества.

Ключевые слова: *Милорад Павич, «Хазарский словарь», литературоведение, философия творчества, постмодернизм, модернизм.*

«Книга-Бог» (Олах К., *Књига-Бог, Институт за књижевност и уметност, Београд, 2012*) посвящена роману Милорада Павича «Хазарский словарь». Это первое крупное исследование творчества «самого читаемого» сербского писателя, вышедшее на его родине в XXI в., посвященное философии романа и шире – выраженной в нем философии всего творчества Павича. Автор, не привлекая в свое исследование другие произведения, рассматривает «Хазарский словарь» как квинтэссенцию творческого метода писателя.

Работа состоит из двух частей: в первую под названием «Текстуальная истина» входят разделы «Институт истины», «Перспективы изображения религий», «Истина текстуальности», «Истина истории»; вторая, озаглавленная «Метафизическая истина», содержит разделы «Введение», «О времени, разрушающем смысл», «В вашей книге все дьяволы», «Пол книги и мужское и женское начала», «Истинность ереси», «Проблема сотворения Адама», «Хазарская религия и секта ловцов снов», «Попытка реконструкции метафизической структуры романа», «Книга-Бог: оживленная и оживляющая книга», «Духовность в романе». Издание открывают «Пролог» и «Вместо введения», глава «Intermezzo» стоит особняком и является своеобразным связующим звеном между первой и второй частями книги, завершают монографию разделы «Вместо заключения» и «Эпилог», за которыми следуют обширная библиография и именной указатель.

Во «Введении» Олах объясняет принцип композиции своего исследования. В первой его части он исходит из того, что истина непознаваема, и единственный способ приблизиться к ее пониманию – эмпирический. Поэтому здесь автор рассматривает роман Павича

эмпирически. Его наблюдения касаются нескольких принципиальных для сербского писателя дискурсов: религия, истина, история. Рассматривая то, как в «Хазарском словаре» представлены мировые религии, литературовед отмечает, что «вера в “Словаре” в отношении трех религий присутствует имплицитно. Подразумевается, что каждая из трех книг (Красная, Зеленая, Желтая), то есть каждый из трех противопоставленных миров, несет в себе конечную Истину и конечный смысл... Каждый из этих миров – христианский, мусульманский или иудейский – изображен в изолированном контексте, он закрытый, моноцентрический и замкнутый на себе, наполненный смыслом и онтологически стабильный. Это значит, что противопоставление книг потенциально свидетельствует о трех равноправных, но различающихся между собой “текстуальных” “метафизических” Истинах» (с. 37).

Проблему истины в романе литературовед интерпретирует с постмодернистских позиций, он пишет: «Высказывания об “истине, которая есть обман”, и подобные – это всего лишь одна из “текстуальных” (“множественных”) “истин” в этом романе: они семантически не всеохватывающие, скорее спорадические и чаще всего четко контекстуализированы» (с. 57). В трактовке истории Олах опирается на точку зрения сербского литературоведа Линды Хачион, которая считает, что история в литературе постмодернизма (в частности сербского) – это текст, т. е. то, как «настоящее» здесь и сейчас понимает и описывает прошлое для Истории. Множественность прочтения одних и тех же событий в «Хазарском словаре», по сути, выражает именно такое понимание истории. По мнению исследователя, история для Павича – почва, позволяющая показать субъективность человеческих знаний, предложить несколько вариантов трактовок событий и тем самым выйти за рамки конкретной воссоздаваемой эпохи на более общий уровень. Реальное событие прошлого «перекодируется» в текстовое впечатление, что делает историю «текстуальной» и «аисторичной» (с. 94).

Во второй части монографии Олах подходит к произведению Павича диалектически, опираясь на метод постижения противоречий. Разнообразие мира рождает множественность его пониманий, ни одно из них нельзя считать истинным или ложным, можно лишь остановить свой выбор на том, которое представляется правильным в данный момент. «“Истина” постмодернизма всегда нестабильна, временна и человекоцентрична, так как постоянно колеблется между верой в человеческий разум, сомнением в нем, стремлением его

преодолеть и невозможностью это сделать» (с. 115). При этом само рассматриваемое произведение не совсем укладывается в эту концепцию. На протяжении всей второй главы исследователь постоянно сталкивается с тем, что в романе Павича нет вопросов без ответов, ответ заключается в одновременном существовании разных интерпретаций.

Олах анализирует следующие оппозиции мировоззренческих систем, представленные в романе: мужское и женское, бого- и человекоцентрическое, религиозное и еретическое восприятие мира. Особого внимания заслуживает оппозиция «мужское–женское начало»: «Хазарский словарь» издан в двух версиях («мужской» и «женской»). Сравнивая обе версии, Олах приходит к выводу, что, согласно Павичу, «мужчина воспринимает мир с рациональной и даже трагической точки зрения, а женщина – с интуитивной, лирико-эмоциональной и радостной точки зрения, и объективная картина мира возможна только в сравнении этих двух версий, так как каждая сама по себе субъективна» (с. 161–162). Анализ других «мировоззренческих» оппозиций приводит исследователя к аналогичным заключениям.

Специальный раздел работы посвящен проблеме демонического в «Хазарском словаре», тому демонизму, присутствие которого в тексте делает само его чтение «сродни ереси» (с. 303). Автор книги анализирует демоническую составляющую образов романа, связанных с созданием «Словаря». Особое значение имеет указание на дуализм книги (мужская и женская версии романа, противопоставление «мировых» религий еретическим учениям), двоякое видение мира, выраженное в важности цифры «два» (помимо «тройственности», лежащей в основе композиции произведения, – деления романа на три книги). Олах считает, что «основной парадокс “Хазарского словаря” выражается в том, что “официальные” религии представляют в нем институционально “правильный”, но метафизически “обходной путь”, в то время как еретические учения указывают метафизически “правильный”, но институционально “обходной путь”» (с. 173).

Во второй части работы (главы «Истинность ереси», «Проблемы сотворения Адама» и «Хазарская религия и секта ловцов снов») разбираются также еретические учения и их роль в произведении. Исследователь замечает, что каждая из основных религий в романе стремится занять главенствующую позицию, тогда как ни одна из трех «ересей» не соревнуется с другой. Анализируя образы героев-двойников, Олах находит в романе одновременно черты литературы эпохи барокко и постмодернистской прозы. Сам тип героя-двойника

свойствен литературе барокко, как и восприятие собственной жизни как чьего-то сна (здесь автор монографии ссылается на работы сербского литературоведа М. Пантича). Такой тип героя встречается в романе У. Эко «Остров накануне», который часто называют «барочным» постмодернистским романом, что может служить еще одним доказательством постмодернистской природы «Хазарского словаря».

В главе «Intermezzo», расположенной между основными частями работы, разбирается внешняя, энциклопедическая (словарная) форма романа. Эта глава намеренно находится между двумя основными частями, так как отсылает и к началу исследования, которое безоговорочно относит роман к литературе постмодернизма, и ко второй части монографии, посвященной смысловым пластам романа, очевидно выходящим за рамки постмодернистской концепции. В этой главе автор обращает внимание на то, что композиционная фрагментарность текста автоматически не указывает на отсутствие «скрытой» целостности произведения. Фрагментарность романа выражена только на уровне формы. Целостная картина мира, от которой отказывается постмодернизм, в романе частично все же представлена, что ставит под сомнение общепринятое восприятие «Хазарского словаря» только как постмодернистского произведения (с. 109).

Если первая часть монографии доказывает, что «Хазарский словарь» несет в себе черты постмодернистского текста, то во второй части, анализируя его смысловые уровни, Олах приходит к выводу, что духовные начала романа ближе модернизму. При этом мировоззренческую систему, предлагаемую писателем, трудно назвать всеобъемлющей: «с одной стороны, так как отсутствует единая “метафизическая истина”, “Хазарский словарь” можно считать постмодернистским романом... с другой – каждая из трех “истин” оправдывает вымышленный мир “Словаря” и метафизически его обосновывает. Так как ни одна из “истин” не является полностью достаточной или совершенной, самим фактом существования они отдаляют роман Павича от поэтики постмодернизма» (с. 298). То есть, по мнению исследователя, в рассматриваемом произведении помимо признаков постмодернистского дискурса присутствуют и отдельные элементы философии и эстетики модернизма.

Особое внимание автор монографии уделяет «триединству» мира «Хазарского словаря», каждая из представленных в произведении религий (или уже – ересей, сект) предлагает свое частное понимание мира, тогда как собранные вместе они несут в себе большую объективность; «другими словами, единственная такая [правильная]

инстанция в “Хазарском словаре”... – Божья инстанция. Роман об этом не говорит, потому что, как сказал Павич в одном из своих интервью, сам его роман – Бог» (с. 299).

Монография «Книга-Бог» – последнее крупное исследование романа Милорада Павича «Хазарский словарь», посвященное проблемам философии истории, философии религии и философии познания в этом литературном произведении. Оно соединяет в себе два подхода: литературоведческий анализ постмодернистского романа и философское эссе, в центре которого – попытка определить особенности мировоззрения сербского писателя.

Shat'ko E. V.

Philosophic Foundation of Milorad Pavić' Novel
«Dictionary of the Khazars»

The review considers the monograph «Book-God», devoted to the novel of Milorad Pavić «Dictionary of the Khazars». The work suggests an analysis of the philosophical foundations of the novel, pays great attention to the philosophy of creative work.

Keywords: *Milorad Pavić, «Dictionary of the Khazars», literature studies, philosophy of creative work, Post-modernism, Modernism.*

М. Ю. Дронов
(Москва)

**Пятое заседание Комиссии историков России и Словакии.
Международная научная конференция
«Россия (Советский Союз) и Словакия
на общих перекрестках истории»**

По решению участников четвертого заседания Комиссии историков России и Словакии, состоявшегося в Москве 16–18 октября 2012 г., очередное заседание двусторонней Комиссии должно было пройти в 2014 г. в Словацкой Республике¹. В итоге местом проведения мероприятия стал Музей Словацкого национального восстания (СНВ) в г. Банска-Бистрица в центральной Словакии. По сложившейся традиции заседание было организовано в форме международной научной конференции. Учитывая то, что российско-словацкая встреча историков стала одним из мероприятий в рамках общегосударственного празднования 70-летней годовщины СНВ, конференция получила название «Россия (Советский Союз) и Словакия на общих перекрестках истории».

Торжественное открытие конференции состоялось утром 27 августа. Свои напутствия участникам мероприятия поочередно высказали директор музея *д-р Станислав Мичев*, его заместитель *Вера Ковачова*, а также секретарь словацкой части Комиссии *д-р Даниела Кодаева* (Институт истории САН).

С первым научным докладом выступила заместитель председателя российской части Комиссии *д.и.н. Э. Г. Задорожнюк* (ИСл РАН), которая осветила тему «Т. Г. Шевченко в Словакии: история и специфика неполной рецепции. К 200-летию со дня рождения поэта». Не меньшее внимание участников конференции вызвал доклад *д.и.н. Г. В. Рокиной* (Марийский гос. университет, Йошкар-Ола), посвященный личному врачу Л. Н. Толстого словаку Душану Маковицкому. Однако магистральной тематикой первого конференционного дня, несомненно, стало пребывание словаков и чехов в России в период Первой мировой и Гражданской войн. Так, *д.и.н. Е. П. Серапионова* (ИСл РАН) осветила вопрос о роли словаков в Чешско-словацком корпусе. Словацкий исследователь *д-р Фердинанд Врabel* (Фонд М.-Р. Штефаника, Институт политических наук САН) познакомил присутствующих с анализом изменений в оценках чехословацких легионеров в 1914–1915 гг. в российской историографии. Присутствующие оценили качественно подготовленную видеопрезентацию Ф. Врabelа. Молодые историки *Юрай Бабьяк* и *д-р Михал Кишнян*

(Институт истории САН) выступили с совместным докладом «М.-Р. Штефаник – харизматический вождь или диктатор? Деятельность М.-Р. Штефаника в Сибири в 1918–1919 гг. и ее отражение в литературе». Заместитель председателя словацкой части Комиссии, директор Института истории Философского факультета Прешовского университета *доц., к.н. Любица Гарбулева*, автор монографии о сибирском автономизме, осветила тему «Чехословацкие легионы и внутривнутриполитическое развитие в Сибири в 1918–1919 гг.». В свою очередь, исследователь из Чехии *проф. Ярослав Вацулик* (Университет им. Т. Г. Масарика, Брно) рассказал об основателях Чешской дружины в России Вацлаве Вондраке и Венцеславе Швиговском.

По окончании рассмотрения легионерской тематики участники конференции обратились к принципиально иным сюжетам. Так, *д-р Юрай Бенко* (Ин-т истории САН) выступил с докладом «Советская Россия как образец. Отображение официальной политики России в словацкой периодике левого блока в первой половине XX века». *Д-р Петер Сараз* представил хорошо аргументированный источниками взгляд на советско-чехословацкое сотрудничество в годы гражданской войны в Испании (1936–1939). Ученый секретарь российской части Комиссии русинист *к.и.н. М. Ю. Дронов* (Ин-т славяноведения РАН) поделился собственными размышлениями о русско-русинских контактах в XX столетии, представив их в качестве катализатора национального самосознания южнокарпатских русинов. Заключительным научным докладом первого конференционного дня стало выступление Д. Кодаевой «Тонкая грань между политическими идеалами и политическим преследованием. Великая война в семейной памяти (пример семьи Драгомиры Кардошовой-Крижковой)».

После окончания очередной дискуссии по прозвучавшим докладам состоялось рабочее обсуждение актуальных задач Комиссии историков России и Словакии. В результате был подготовлен протокол заседания Комиссии в двух языковых версиях. В частности, российские и словацкие историки наметили издание сборника статей по материалам конференции, которое должен осуществить Музей СНВ совместно со словацкой частью Комиссии в 2015 г. Следующее заседание Комиссии запланировано в 2016 г. в Москве или Йошкар-Оле. Оно должно пройти в форме международной научной конференции «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память». Также было одобрено предложение *проф., к.н. Мирослава Даниша* (Философский факультет Универси-

тета Я.-А. Коменского) об издании документов по истории русско-словацких связей. В ближайшие три года члены Комиссии должны будут провести необходимую для этого подготовительную работу. Обсуждались и более поздние перспективы. Так, присутствующие приняли предварительное предложение провести седьмое заседание Комиссии в 2018 г. в восточнословацком г. Прешове. При этом вспоминали положительный опыт советско-чехословацкой комиссии историков, мероприятия которой проводились в самых разных уголках СССР и Чехословакии².

Утром 28 августа состоялось подписание официального протокола об актуальных задачах комиссии. После этого конференция продолжила свою обычную работу. Первым прозвучал доклад *Карола Фремала* (Университет им. Матая Бела, Банска-Бистрица) «Участие граждан бывшего Советского Союза в Соппротивлении и Словацком национальном восстании». *Вера Ковачова* постаралась осветить советско-чехословацкие дипломатические отношения в 1939–1941 гг. Повышенный интерес вызвал доклад «Словацкие солдаты в войне против Советского Союза (1941–1944 гг.)», сделанный *д-ром Павлом Мичьяником* из Университета им. Матая Бела. Кроме прочего П. Мичьяник продемонстрировал присутствующим целый ряд редких фотодокументов о пребывании словаков на территории СССР. Сотрудница Центрального музея Великой Отечественной войны *С. И. Горбунова* сделала доклад «Освободительная миссия Красной Армии и особенности освобождения Словакии», подготовленный ею в соавторстве с директором музея *В. И. Заборовским*. Сообщение *д-ра Станислава Мичева* касалось освещения в повстанческой периодике продвижения советских войск. *Н. В. Волостнова* (Исторический факультет МГУ) рассказала об устных свидетельствах о СНВ. В докладе *полковника д-ра Йозефа Бистрицкого* была затронута проблематика взаимоотношения советско-германского фронта и СНВ в словацкой историографии после 1990 г.

В рамках послеобеденной сессии прозвучало три разноплановых научных выступления. Так, председатель российской части Комиссии *чл.-корр., д.и.н. Л. П. Репина* выступила с теоретическим докладом «Историческое событие: от факта к символу». Аспирантка *Милада Якубецова* осветила историю международного космического проекта «Интеркосмос», представив его как «точку пересечения русской и словацкой (чехословацкой) истории». В заключение литературовед *к.ф.н. Л. Ф. Широкова* (ИСл РАН) сравнила образы человека XX столетия в современной словацкой и русской прозе.

После завершающей дискуссии Л. П. Репина кратко подвела итоги конференции, подчеркнув значимость обсуждавшихся проблем и удачность места ее проведения. Последним пунктом научной программы стала презентация сборника статей «Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память» (М.; СПб., 2014. 340 с.), которую провели его ответственный редактор Е. П. Серапионова вместе с членами редколлегии М. Ю. Дроновым и Э. Г. Задорожнюк.

Вечером и на следующий день, 29 августа, оставшиеся в Банска-Бистрице члены Комиссии приняли участие в целом ряде праздничных мероприятий по случаю 70-летней годовщины СНВ.

Думается, что благодаря профессиональной организации Музея СНВ банска-бистрицкое заседание Комиссии историков России и Словакии получилось интересным научным мероприятием, которое надолго запомнится его участникам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробнее о заседании 2012 г. см.: *Дронов М. Ю.* Четвертое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память» // Словакия. 2012. № 1. С. 12–17; Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 2. С. 126–129; Славянский альманах. 2012. М., 2013. С. 492–495.
- 2 Подробнее о деятельности данной Комиссии см.: *Марьина В. В.* Советско-чехословацкая комиссия историков. Деятельность на фоне общественно-политических перемен в СССР и ЧССР (конец 60-х – 80-е годы XX века). М., 2014.

М. Ю. Дронов
(Москва)

**Международная научная конференция
«Российская политика на евразийском континенте
в современной истории»**

2–3 сентября 2014 г. в селе Мошовце Жилинского края Словацкой Республики состоялась международная научная конференция, посвященная русской, советской и российской политике в Евразии. Место и время были избраны не случайно. Мошовце – родина словацкого и чешского идеолога славянской взаимности Яна Коллара. А дата проведения конференции позволила присутствовать на ней участникам Пятого заседания Комиссии историков России и Словакии, прошедшего несколькими днями ранее в г. Банска-Бистрица¹. В качестве организатора мошовецкой конференции выступила кафедра всеобщей истории Философского факультета Университета им. Я.-А. Коменского (Братислава) во главе с ее заведующим – известным специалистом по словацко-русским связям *проф., к.н. Мирославом Данишем*.

Конференцию открыл М. Даниш, который тепло поприветствовал всех собравшихся, особо поблагодарив Посольство Российской Федерации в Словацкой Республике, проявившее интерес к инициативе братиславских историков. С приветственным словом также выступил почетный гость конференции – Временный поверенный в делах России в Словакии *А. В. Шабанов*, подчеркнувший важность укрепления подобных контактов.

Все научные доклады были разделены на три панели, каждую из которых завершала дискуссия.

В рамках первой панели прозвучало 5 выступлений. Первым на правах ведущего выступил *М. Даниш*. В своем докладе он обстоятельно осветил взгляды русского священника и дипломата М. Ф. Раевского на роль славянства в контексте политики Российской империи. В рамках выступления Даниш представил свою новую публикацию – издание переписки Раевского со словаками². Экземпляр этой крайне ценной книги получил каждый участник конференции. Отечественная словакистка *проф., д.и.н. Г. В. Рокина* (Исторический факультет Марийского гос. университета) выступила с докладом «Словацкий вопрос в политике России второй половины XIX в.», в котором представила новые результаты своих многолетних архивных поисков. *Д-р Даниела Кодаева* (Институт истории САН) представила доклад

«Восприятие русской политики в Словакии в период дуализма». Другой братиславский исследователь, *д-р Петер Подолан* (Университет им. Я.-А. Коменского), выступил с темой «Роль русских и России в средневропейском панславизме». Последним прозвучал доклад *д-ра Лукаша Рибара* (Университет им. Я.-А. Коменского). В отличие от других выступавших, молодой исследователь отошел от славянских сюжетов, уделив внимание евразийскому вектору российской политики. Свое выступление, сопровождавшееся видеопрезентацией, он озаглавил: «Туркменчайский и Гулустанский договоры как исходная точка русско-персидского соперничества на Кавказе». В ходе интереснейшей дискуссии по прозвучавшим докладам развернулась аргументированная полемика о природе словацкого русофильства и интересов России в славянских странах.

Вторая конференционная панель была проведена в тот же день под модераторством *доц., к.н. Александра Рандина* (Университет им. Я.-А. Коменского). Первый прозвучавший доклад принадлежал коллеге А. Рандина по университету *доц., к.н. Ярмиле Бобоковой*, которая озаглавила свою тему как «Правительственный конституционализм в период Александра I». *К.и.н. М. Ю. Дронов* (Институт славяноведения РАН) посвятил свое выступление судьбам проекта «большой русской нации» в XX столетии. *Доц., д.и.н. Е. П. Серапионова* из того же института сделала доклад «Союз Чешско-словацких обществ и политика России в начале Первой мировой войны». Директор Института истории Прешовского университета *доц., к.н. Любица Гарбулева* подробно осветила тему «Основание и деятельность дипломатической миссии Белой России в Чехословакии». Последнее выступление, *д-ра Евы Шкорванковой* (Университет им. Я.-А. Коменского), касалось чехословацко-советских отношений в 1930-е гг. и их восприятия в среде словаков в Югославии.

На следующий день, 3 сентября, конференция продолжила свою работу. Модератором третьего, заключительного, рабочего блока выступила Л. Гарбулева. Всеобщее внимание привлекло сообщение *А. Рандина* «Советская политика и Словацкое государство в 1939–1945 гг.». Молодой историк *Матей Иванчик* (Университет им. Я.-А. Коменского) сделал доклад о так называемой «большой игре» и британских стереотипах российской политики на Балканах. Познавательным как для словацких, так и для российских участников конференции стало выступление *Доминики Фификовой* из того же университета «Советизация азербайджанской культуры в XX столетии». Последний научный доклад принадлежал российско-бело-

русскому исследователю «этно-инженерии» в Центральной и Восточной Европе *проф., д.и.н. К. В. Шевченко* (Филиал Российского гос. социального университета в г. Минске). Ученый на многочисленных примерах проанализировал политизацию этнологии в нашей стране в годы перестройки и в постсоветский период. Панель завершила длительная конструктивная дискуссия, плавно перетекая в итоговую дискуссию по всем докладам конференции.

С заключительным словом выступил М. Даниш, который поблагодарил участников и спонсоров конференции «Российская политика на евразийском континенте в современной истории», выразив надежду, что это далеко не последнее подобное мероприятие в Мошовце. Так, в 2015 г. здесь должна будет пройти конференция под рабочим названием «Славянский мир: прошлое, настоящее, будущее».

По материалам прошедшей конференции кафедра всеобщей истории Философского факультета Университета им. Я.-А. Коменского планирует выпустить научный сборник, в котором на языке оригинала будут опубликованы все присланные тексты прозвучавших докладов.

От лица российских участников конференции хочется искренне поблагодарить хозяев за прекрасную организацию описанного мероприятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Информацию о пятом заседании Комиссии историков России и Словакии см. в данном томе.
- 2 *Daniš M.; Matula V. M. F. Rajevskij a Slováci v 19. storočí / Acta historica Posoniensia XXIII. Bratislava, 2014. 304 s.* Соавтором М. Даниша явился один из авторитетнейших исследователей словацкого национального возрождения и русско-словацких связей д.н. Владимир Матула (1928–2011).

Сведения об авторах

Агапкина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. indric@mail.ru

Аксенова Елена Петровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. e.p.aksenova@mail.ru

Борисенок Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, зав. отделом восточного славянства Института славяноведения РАН. vostslav@yandex.ru

Валенцова Марина Михайловна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. mvalent@mail.ru

Волокитина Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению общественных процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны Института славяноведения РАН. tanyaaslav@rambler.ru

Галчева Тая Неделчева – филолог, независимый исследователь (Болгария). info@savedarchives.net

Гладышева Анна Сергеевна – младший научный сотрудник Центра по изучению общественных процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны Института славяноведения РАН. aneta_08.09@mail.ru

Громова Мария Михайловна – аспирантка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. marija.gromova@list.ru

Гусев Никита Сергеевич – младший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. gusevns@gmail.com

Данилец Юрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета, директор Богословско-исторического научно-исследовательского центра им. архимандрита Василия (Пронина). jurijdanilec@rambler.ru

Дмитриев Дмитрий Геннадьевич – аспирант Института славяноведения РАН. dm.dmitriew@yandex.ru

Дронов Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mikhaildronov@rambler.ru

Кимура Каори – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Япония). kaoritokagetora@gmail.com

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, зам. декана факультета экологии и сервиса Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина. kovalevmv@yandex.ru

Коваль-Фучило Ирина Мирославовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклористики Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Т. Рыльского НАН Украины. kovalfuchulo@rambler.ru

Косик Виктор Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. kosikvictor@mail.ru

Лескинен Мария Войттовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. marles70@mail.ru

Машкова Алла Германовна – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. allamashkova@yandex.ru

Мельников Георгий Павлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. geramel@mail.ru

Мельчакова Ксения Валерьевна – аспирантка исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. kmelchakova@mail.ru

Плотникова Анна Аркадьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. annaplotn@mail.ru

Поздняков Егор Ильич – аспирант Института славяноведения РАН. egpozdneyakov@gmail.com

Седакова Ирина Александровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. irina.a.sedakova@gmail.com

Сергеенко Екатерина Сергеевна – преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области зарубежного регионоведения Московского государственного лингвистического университета, аспирантка Института славяноведения РАН. ekaterina7_91@mail.ru

Скалкина Яна Юрьевна – аспирантка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. yana.skalkina@gmail.com

Смирнова Ирина Николаевна – младший научный сотрудник отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. kmmvk@yandex.ru

Созина Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. juliasozina@gmail.com

Сопильняк Юлия Александровна – аспирантка Института славяноведения РАН. soll170@mail.ru

Старикова Надежда Николаевна – доктор филологических наук, зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. zhurslav@mail.ru

Субаев Рашид Рашиатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. rrsubaev@yandex.ru

Федорова Марина Сергеевна – соискатель Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. feodorovamarina@gmail.com

Фролова Марина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. marinafrolova59@mail.ru

Шатько Евгения Викторовна – младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. eshatko@gmail.com

List of Contributors

Agapkina Tatiana Alekseevna – Dr. habil., philologist, chief research associate at the Department of Ethnolinguistics and Folklore of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. indric@mail.ru

Aksenova Elena Petrovna – PhD, historian, senior research associate at the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. e.p.aksenova@mail.ru

Borisenok Elena Yurievna – PhD, historian, Head of the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. vostslav@yandex.ru

Danilets Yuri Vasilievich – PhD, historian, associate professor at the Chair of History of Ukraine of the Uzhgorod National University, Director of the Theological-Historical Research Centre named after Archimandrite Vasily (Pronin) (Ukraine). jurijdanilec@rambler.ru

Dmitriev Dmitry Gennadievich – post-graduate student at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. dm.dmitriew@yandex.ru

Dronov Mikhail Yurievich – PhD, historian, research associate at the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. mikhaildronov@rambler.ru

Fedorova Marina Sergeevna – associated researcher at the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. feodorovamarina@gmail.com

Frolova Marina Mikhailovna – PhD, historian, senior research associate at the Department of Modern History of Slavic Peoples in South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. marinafrolova59@mail.ru

Galcheva Tania Nedelcheva – philologist, independent researcher (Bulgaria). info@savedarchives.net

Gladysheva Anna Sergeevna – junior research associate at the Research Centre for Social Processes in Eastern Europe after World War Two of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. aneta_08.09@mail.ru

Gromova Maria Mikhailovna – post-graduate student at the Philological Faculty of the Lomonosov Moscow State University. marija.gromova@list.ru

Gusev Nikita Sergeevich – junior research associate at the Department of History of Slavic Peoples in the Age of World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. gusevns@gmail.com

Kimura Kaori – PhD, historian, independent researcher (Japan/Hungary). kaoritokagetora@gmail.com

Kosik Viktor Ivanovich – Dr. habil., historian, chief research associate at the Department of Modern History of Slavic Peoples in South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. kosikviktor@mail.ru

Kovalev Mikhail Vladimirovich – PhD, historian, Deputy Dean of the Faculty of Ecology and Service at the Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. kovalevmv@yandex.ru

Koval-Fuchylo Iryna Miroslovovna – Ph.D., philologist, research associate at the Department of Folkloristics of the Maxim Rylsky Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology of the National Academy of Sciences of Ukraine kovalfuchulo@rambler.ru

Leskinen Maria Voittovna – Dr. habil, historian, chief research associate at the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. marles70@mail.ru

Mashkova Alla Germanovna – Dr. habil., philologist, Professor at the Chair of Slavic Philology of the Philological Faculty of the Lomonosov Moscow State University. allamashkova@yandex.ru

Melchakova Ksenia Valerievna – post-graduate student at the Department of Southern and Western Slavic History of the History Faculty of the Lomonosov Moscow State University. kmelchakova@mail.ru

Melnikov Georgy Pavlovich – PhD, historian, senior research associate at the Department of Medieval History of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. geramel@mail.ru

Plotnikova Anna Arkadijevna – Dr. habil., philologist, senior research associate at the Department of Ethnolinguistics and Folklore of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. annaplotn@mail.ru

Pozdniakov Egor Ilyich – post-graduate student at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. egpozdneyakov@gmail.com

Sedakova Irina Aleksandrovna – PhD, philologist, chief research associate at the Department of Typology and Comparative Linguistics at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. irina.a.sedakova@gmail.com

Sergeenko Ekaterina Sergeevna – teacher at the Chair of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Foreign Region Studies of the Moscow State Linguistic University, post-graduate student at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. ekaterina7_91@mail.ru

Shat'ko Evgenia Viktorovna – junior research associate the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. eshatko@gmail.com

Skalkina Yana Yurievna – post-graduate student at the Philological Faculty of the Lomonosov Moscow State University. yana.skalkina@gmail.com

Smirnova Irina Nikolaevna – junior research associate at the Department of History of Slavic Literatures of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. kmmvk@yandex.ru

Sopil'niak Yulia Aleksandrovna – post-graduate student at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. sol170@mail.ru

Sozina Yulia Anatolievna – PhD, philologist, research associate at the Department of History of Slavic Literatures of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. juliasozina@gmail.com

Starikova Nadezhda Nikolaevna – Dr. habil., philologist, Head of the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru

Stykalin Aleksandr Sergeevich – PhD, historian, chief research associate at the Department of History of Slavic Peoples in the Age of World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. zhurslav@mail.ru

Subaev Rashid Rashatovich – PhD, historian, senior research associate at the Department of History of Slavic Peoples in the Age of World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. rrsubaev@yandex.ru

Valentsova Marina Mikhailovna – PhD, philologist, research associate at the Department of Ethnolinguistics and Folklore of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. mvalent@mail.ru

Volokitina Tatiana Viktorovna – Dr. habil., historian, Head of the Centre for the Study of Stalinism in Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. tanyaslav@rambler.ru

Правила публикации статей в «Славянском альманахе»

Редколлегия «Славянского альманаха» принимает к рассмотрению только оригинальные статьи, присланные файлом в формате Word, прикрепленным к электронному письму. В письме необходимо сообщить сведения о себе: фамилия, имя и отчество полностью, ученые степень и звание, место работы (учебы) и должность, телефон и электронный адрес.

E-mail редакции: slav-almanakh@yandex.ru

Статьи и публикации не должны превышать 1 п.л. (40 000 знаков с пробелами и с учетом сносок), рецензии – 0,5 п.л. (20 000 знаков), хроника – 0,25 п.л. (10 000 знаков).

Члены редколлегии знакомятся с материалами и принимают коллективное решение о публикации. Отзывы членов редколлегии и рецензентов автору не сообщаются, но направляются вопросы, замечания и предложения по тексту. В случае отрицательного решения о публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ.

Формат текста

Выравнивание основного текста – по ширине страницы

Фамилия автора, город (в скобках) – по правому краю (курсив)

Название статьи – по центру (полужирный)

Абзац – отступ 1,27 см

Междустрочный интервал – 1,5 (сверху и снизу – 0)

Шрифт – Times New Roman, размер 14

Без переносов

Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова или фразы; во всех остальных случаях – только е.

Сокращения

При первом упоминании фамилии обязательно указываются инициалы, которые разделяются пробелом и отделяются пробелом от фамилии.

Годы, обозначающие определенный период, указываются только в цифрах: 1960-е годы, 60-е годы XX в.

Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1861 г., 1870–1875 гг.

Век или века обозначаются римскими цифрами с сокращением в. или вв.: XVIII в., IX–XI вв.

NB: между цифрами ставится короткое тире (не дефис).

Допускаются сокращения: т. д., т. п., др., проч., см.

Писать полностью: так как, так называемый, то есть, например.

Цифры: тысячи от сотен и миллионы от тысяч отделяются точками: 1.350; 5.780.462; 2.900.000.000. Нули (000) могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд

Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст. и др.

Кавычки

Кавычки только «». Если закавыченное слово (слова) находятся внутри цитаты, употребляются кавычки в кавычках: «“раз”, два, три “четыре, пять”, шесть, семь, “восемь”».

Примечания

Сноски – концевые, автоматические, нумеруются арабскими цифрами

В конце предложения цифра сноски ставится перед точкой

Шрифт сносок: Times New Roman, размер 10

Междустрочный интервал в сносках – 1,5 (выравнивание – по ширине)

Возможны текстовые (пояснительные) сноски внизу страницы, которые обозначаются звездочкой (*)

Ф.И.О. авторов в концевых сносках – курсивом. Если в сноске несколько работ одного автора, вместо Ф.И.О. – *Он же (Она же)*.

Выходные данные: город, год (издательство не указывается, кроме случаев, когда это имеет смысловое значение). Сокращенно даются названия городов Москва, Ленинград, Петроград, Санкт-Петербург – М., Л., Пг., СПб. (остальные полностью).

Номер тома, выпуска, книги, части ставятся после выходных данных, перед указанием страниц: М., 2001. Т. 1. С. 25 (каждая позиция отделяется пробелом).

Если сноски на одну и ту же работу идут подряд, пишется: Там же (или Ibid. – для иностранных работ). При повторных упоминаниях работы указывается автор и название – полное или краткое с многоточием (без повторения выходных данных) – но не Указ. соч. или Op. cit.

Архивные сноски содержат указание на название архива (полное или краткое), номера фонда, описи, дела и листа

Несоблюдение авторами данных правил может послужить отказом в публикации статьи в альманахе.

Все материалы публикуются в альманахе бесплатно.

Научное издание

Славянский альманах

1-2 2014

Издательство «Индрик»

Корректор *М. Н. Толстая*
Оригинал-макет *Ю. Е. Рычаловская*

Условия публикации и правила оформления статей помещены на сайте Института славноведения РАН (рубрика «Славянский альманах»):
www.inslav.ru/component/content/article/1626-slavianskij-almanah-pravila-publikacii

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик» обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции (ОКП) – 95 3800 5

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Тираж 500
24,0 п. л.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87